СВОБОДА УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Специализированный информационно-аналитический доклад

Московская Хельсинкская Группа

Москва • 2007

УДК 342.72/.73(470+571)(042.3)
ББК 67.400.32(2Рос)
С25

Доклад подготовлен и отпечатан при финансовом содействии Фонда Джексона в рамках программы «Противодействие религиозной ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в российских регионах», осуществляемой Московской Хельсинкской группой совместно с UCSJ

Авторский коллектив:
Бабушкин Андрей Владимирович, правозащитник, комитет «За гражданские права»
Бурьянов Сергей Анатольевич, юрист, Институт свободы совести
Луховицкий Всеволод Владимирович, правозащитник, научно-методический центр «Гуманист»
Мозговой Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Институт свободы совести
Ситников Михаил Николаевич, журналист, Институт свободы совести

Рецензенты:
Бабушкин Владимир Ульянович, доктор философских наук, профессор
Кувакин Валерий Александрович, доктор философских наук, профессор МГУ
Рудинский Феликс Михайлович, заслуженный юрист РСФСР, координатор секции по просвещению в области прав человека Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Составление и общая редакция: С. А. Бурьянов, Н. В. Костенко

С25 **Свобода убеждений, совести и религии в современной России : специализир. информ.-аналит. докл.** : [монография] / [Бабушкин А. В. и др] ; [сост. и общ. ред. С. А. Бурьянов, Н. В. Костенко]. — М. : Московская Хельсинкская группа, 2007. — 272 с. — Авт. указаны на обороте тит. л. — ISBN 5-98440-035-9.

I. Бабушкин, Андрей Владимирович.
II. Бурьянов, Сергей Анатольевич, сост.
Агентство CIP РГБ

Монография посвящена исследованию состояния свободы убеждений, совести и религии в современной России. В книге рассмотрены конституционные гарантии, законодательство, законотворчество, судебная практика, концептуальные тенденции на уровне науки и образования в сфере свободы совести. Детальному анализу подвергнута проблема реализации свободы совести в государственной и муниципальной школе, в Вооруженных силах, других силовых структурах, в местах заключения. Исследование содержит факты дискриминации по мотивам религии, ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве в 2005 — начале 2006 годов, а также состояние правозащиты в данной области. Представлена позиция по вопросам свободы убеждений, совести и религии государства, политических лидеров, партий и движений, религиозных организаций, средств массовой информации. По результатам исследования выявлены причины кризиса свободы совести в России, определены стратегические подходы и выработаны рекомендации по изменению ситуации к лучшему.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, государственных служащих, правозащитников, всех, интересующихся проблемой реализации свободы совести в современной России.

ISBN 5-98440-035-9 © Оформление. Московская Хельсинкская группа, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
5
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ
6
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРАВА НА СВОБОДУ УБЕЖДЕНИЙ,СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ
38
СВОБОДА УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ
60
СВОБОДА УБЕЖДЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ШКОЛЕ
60
СВОБОДА СОВЕСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ, ДРУГИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ
83
РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
101
НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ: РЕЛИГИОЗНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ, КСЕНОФОБИЯ, НЕТЕРПИМОСТЬ, И НАСИЛИЕ НА ИХ ПОЧВЕ (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ 2005 — НАЧАЛА 2006)
107
ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОБЛАСТИ СВОБОДЫ УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ (НА УРОВНЕ НАУКИ И В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ)
130
ПОЗИЦИЯ ПО ВОПРОСАМ СВОБОДЫ УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ
163
ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВА
163
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ, ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ (В ТОМ ЧИСЛЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА)
187
РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ
200
РОССИЙСКИЕ СМИ И СВОБОДА СОВЕСТИ: ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ
212
СВОБОДА СОВЕСТИ И ЕЕ ЗАЩИТА
228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ
245

ВВЕДЕНИЕ

С. А. Бурьянов, Институт свободы совести

Центральной проблемой построения гражданского общества в России являются взаимоотношения государства и общества. Все остальные возникающие проблемы, в том числе и экономические, — следствие разрыва между властью и обществом. Его преодоление невозможно без полной реализации конституционных принципов в области свободы совести, призванных быть средством защиты человека и общества от идеологического господства любых доктрин и структур и являющихся непременным условием правовой демократии.

Анализируя демократические реформы, многие эксперты пришли к неутешительному выводу: бюрократы, распоряжавшиеся ресурсами, стали их собственниками, реальной демократической смены власти не произошло. Не может быть свободных и честных выборов без свободы мировоззренческого выбора, юридическим измерением которой является свобода совести каждого.

А вот свободы совести в современной России как раз и нет, так как она подминается религиозной политикой и поглощается системной коррупцией государственных структур, взаимодействующих с религиозными объединениями. Соответственно работающий на выборах «фактор отношений государства и религиозных объединений» — важнейший аспект и продукт коррупции.

Под предлогом утверждения системы «традиционных» для России ценностей и «возрождения духовности» современная российская власть фактически продолжает средневековые традиции использования религии (а точнее конфессий) для удержания власти.

Практика использования религии в политических целях, сакрализация власти и клерикализация государства формируют некое поле единомыслия, на котором произрастает неограниченная власть. В современной России принцип разделения властей, идеологическое многообразие, свобода совести и светскость государства, призванные ограничить власть в правовом поле, фактически брошены на алтарь сакрализации власти.

Указанные тенденции неизбежно ведут к ограничению и контролю над мировоззренческой сферой, а значит, к нарушениям в области прав человека.

Кризисное состояние со свободой совести связано с накладывающей отпечаток на отношения государства и религиозных объединений системной коррупцией, так как реализация свободы совести зависит от этих отношений. Состояние же демократии в целом в значительной мере зависит от реализации свободы совести. Сначала нарушаются права верующих, как правило, не принадлежащих к крупным религиозным организациям, а затем — каждого, вне зависимости от мировоззренческой идентификации.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

С. А. Бурьянов, Институт свободы совести

Большинство отечественных и зарубежных правоведов относят провозглашение свободы совести к важнейшим завоеваниям человечества. Они признают, что свобода совести является неотъемлемым компонентом общечеловеческих ценностей, основных демократических прав и свобод человека, по достоинству оценивая, таким образом, вклад гуманистов эпохи Возрождения и Реформации, деятелей Просвещения, создателей первых либеральных конституций XVIII—XIX веков, международных организаций в XX веке (в первую очередь — ООН) в дело теоретической разработки и правового оформления принципов свободы совести.

Эти принципы формировались в драматических коллизиях и противоборствах, зачастую жестоких и даже кровавых. Постепенно, начиная с античности, вырабатывались принципы гуманных взаимоотношений с инаковерующими, инакомыслящими, и по мере исторического развития в общественном сознании утвердилось понимание необходимости религиозной терпимости, свободомыслия, правовой защиты людей, придерживающихся различного мировоззрения.

В середине XX века европейские ученые считали, что следует различать три вида свобод, современные ученые склоняются к мнению, что свобода вероисповедания неразрывно связана со свободой совести. Нельзя сказать, что вопрос о содержании понятия «свобода совести» и ее соотношении с другими ключевыми категориями решен окончательно и определенно.

Представляется, что свобода совести является юридическим измерением свободы мировоззренческого выбора и служит важнейшим средством защиты человека и общества от идеологического господства любых доктрин и структур.

Это системообразующее право в системе прав человека — основополагающее неотъемлемое право каждого человека на свободный мировоззренческий выбор, не влекущий за собой «специальных» ограничений в других гражданских правах и свободах или их утрату.

Осуществляя право на свободу совести, человек самоидентифицируется, обретает смысл и определяет свое место в жизни. От осуществления этого права зависят: способность индивида реализоваться как личность; возможность сгладить противоречия между цивилизацией и природой человека; способность государства к устойчивому развитию без социальных взрывов и потрясений; умение мирового сообщества найти пути к решению глобальных проблем, стоящих перед человечеством[1]. В современных условиях наличие свободы совести является весомым фактором национальной и глобальной безопасности[2].

---

[1] *Бурьянов С. А.* Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести // Государство и право. 2001. № 2; *Бурьянов С. А.* Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы реализации права на свободу совести в контексте глобализации // Государство и право. 2002. № 10.

[2] *Бурьянов С. А.* Свобода совести как фактор обеспечения национальной и глобальной безопасности // Политика и общество. 2004. № 1.

Соответственно свобода вероисповедания (религии) — один из элементов свободы совести, включающий в себя: право исповедовать любую религию; право совершать религиозные обряды; право пропаганды религии; право менять религию; право на благотворительную деятельность; право на религиозное образование; культурно-просветительскую религиозную деятельность; равенство перед законом всех граждан независимо от их отношения к религии и др.

Следует особо отметить, что светскость государства большинство правоведов причисляют к важнейшим гарантиям свободы совести, но современная ситуация в России показывает, что светскость сама нуждается в гарантиях.

Одной из главных проблем, связанных с нарушением принципа светскости государства является то, что светскость понимается исключительно как секуляризм. При этом единственная юридически корректная трактовка светскости государства как мировоззренческого нейтралитета, подразумевающая индифферентное отношение государства к религии, исключается в угоду политическим компромиссам и сотрудничеству государства с полезными для власти религиозными организациями. В результате Россия лишь декларируется как светское государство, в реальности же она неравнодушна к мировоззрениям и проводит их селекцию.

Правовой институт свободы совести в Российской Федерации как совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения в связи с реализацией соответствующего права, не ограничивается нормами национального законодательства (федеральными, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления). Он также включает в себя общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в области свободы совести, поскольку ч. 1 ст. 17 Конституции России гласит: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Правовые основания свободы совести и ее границы содержит ряд международных правовых документов, среди которых следует выделить такие, как Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981).

В декабре 1948 года резолюцией 217А(III) Генеральной ассамблеи ООН принята Всеобщая декларация прав человека, послужившая моделью при определении стандартов прав человека для новейших конституций, принятых во многих странах мира и в Российской Федерации в том числе. В соответствии со ст. 18 Всеобщей декларации прав человека «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков»[3].

Международный пакт о гражданских и политических правах принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года.

[3] См.: Религия и закон. М., 1996. С. 5.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод — основополагающий документ Совета Европы — подписана 4 ноября 1950 года представителями государств — членов Совета Европы, ратифицирована Россией 20 февраля 1998 года Ст. 9 Конвенции закрепляет право каждого человека «на свободу мысли, совести и религии»[4].

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений принята резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года Декларация в ст. 1 повторяет вышеупомянутые формулировки, касающиеся свободы мысли, совести и религии.

О приверженности России общепризнанным принципам и нормам международного права свидетельствует ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В иных случаях наряду с международным договором следует применять и соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый для осуществления положений международного договора[5].

Кроме того, следует учитывать заявление, содержащееся в ноте МИД РФ главам дипломатических представительств от 13 января 1992 года, согласно которому «РФ продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров, заключенных СССР»[6].

Анализ международно-правовых документов позволяет сделать вывод о том, что критерии границ свободы совести в этих документах зачастую определены в самом общем виде. Дальнейшая их конкретизация предусматривается на уровне национального законодательства с учетом природы конкретных прав.

Конституция РФ подтвердила в качестве правовой основы такие цивилизованные нормы, как светскость государства, равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии и равенство религиозных организаций. В соответствии со ст. 28 Конституции РФ «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания…» В ч. 2 ст. 29 Конституции РФ подчеркнуто: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие… религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда… религиозного… превосходства». Кроме того, в ч. 3 ст. 59 Конституции РФ установлено: «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой».

Заслуживает внимания ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, в которой закреплено следующее: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Реальное применение этой нормы напрямую зависит от развитости принципов соответствующих прав и свобод. Тем не менее следует констатировать, что применительно к праву на свободу совести в РФ она не работает. Законы, в той или иной мере ущемляющие права и свободы личности, издаются как на федеральном, так и на региональном уровнях.

---

[4] См.: Религия и закон. М., 1996. С. 18.

[5] Там же. С. 5.

[6] Там же.

К сожалению, приходится констатировать: конституционные формулировки носят в значительной мере расплывчатый характер, еще более абстрактный, чем соответствующие нормы международного права, не полностью учитывают сущность права на свободу совести, и, как следствие, ставят его реализацию в зависимость от политики в области религии и государственно-конфессиональных отношений.

В условиях России из-за нарушения принципа светскости в форме конфессиональных предпочтений власти вышеупомянутые конституционные формулировки изначально обречены на произвольное толкование со стороны госструктур, формируют правовое пространство под не всегда оправданное «специальное» ограничительное законотворчество.

В законодательных актах различного уровня субъектов Российской Федерации право на свободу совести также находит свое нормативное закрепление. Преимущественно это практически дословное дублирование положений ст. 28 Конституции России[7]. Вместе с тем, в ряде основополагающих документов субъектов Российской Федерации гарантирование свободы совести дополняется условием соблюдения закона[8].

История российского законотворчества, имеющего отношение к свободе совести, берет свое начало 17 апреля 1905 года с царского указа «Об укреплении начал веротерпимости», принятом не без влияния революционной ситуации.

Соответствующие законодательные акты советского периода решали политические и идеологические задачи, не были направлены на реализацию свободы совести граждан. Более того, замена господствующей религии на атеистическую идеологию, переход не к светскому государству, а к атеистическому, показали, что даже отделение церкви от государства имело мало общего с мировоззренческой свободой[9].

Как составляющая комплекса прав человека свобода совести и вероисповедания начинает рассматриваться только с середины 1970-х годов в связи с подписанием СССР ряда международных документов.

В 1975 году принимается Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о внесении изменений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», несколько расширивший возможности религиозных организаций.

В 1975—1977 годах в союзных республиках (в т. ч. в РСФСР) принимаются акты «О религиозных объединениях». В Конституции СССР 1977 года, принцип свободы совести получил следующую формулировку (ст. 52): «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, т.е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви».

[7] В этом отношении показательны: ст. 25 Конституции Карачаево-Черкесской Республики; ст. 27 Конституции Республики Мордовии; ст. 28 Конституции Республики Мэрий Эл; ст. 25 Конституции Республики Хакасии; ст. 28 Конституции Удмуртской Республики; ст. 28 Конституции Республики Северная Осетия — Алания; ст. 26 Конституции Республики Бурятии; ст. 39 Конституции Кабардино-Балкарской Республики и ст. 34 Устава Курганской области.

[8] В частности, это характерно для Конституции Республики Алтай (ст. 34), Конституции Республики Дагестан (ст. 30), Конституции Республики Ингушетии (ст. 37), Конституции Республики Коми (ст. 29), Конституции Республики Башкортостан (ст. 34), Конституции Чеченской Республики (ст. 43), Конституции Республики Карелии (ст. 26).

[9] Более подробно на эту тему см.: Бурьянов С. А. Свобода совести и светскость государства в России. Историко-правовой аспект // Юридический мир. № 1. 2003.

Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 года ознаменовал поражение воинствующего атеизма как государственной идеологии и был направлен на реализацию прав верующих. Законопроект разрабатывался Комитетом Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности, созданным Постановлением Верховного Совета РСФСР 3 июля 1990 года.[10] В состав Комитета в том числе вошли народные депутаты — священнослужители: четыре православных священника и один буддийский лама.

По словам председателя Комитета В. С. Полосина, «принятие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» положило конец «легитимному» ущемлению прав верующих, вернуло верующим их естественные и гражданские права, дало верующим определенные льготы там, где это связано с деликатнейшей сферой человеческих чувств и благородной социальной деятельностью, дало юридические и практические гарантии невмешательства государства в дела церкви… Эпоха гонений и ущемлений верующих кончилась»[11].

Однако уже начиная с лета 1993 года в Верховном Совете РФ готовятся поправки к закону, ограничивающие деятельность «иностранных миссионеров», миссий и религиозных организаций, «упорядочивающие» деятельность «нетрадиционных» религий и предоставляющие преимущества «традиционным» и т. д. Осеннее обострение политического противостояния между исполнительной и законодательной ветвями власти лишь ненадолго приостановило ограничительное законотворчество. С 1995 года в Государственной думе готовились законопроекты, в которых кроме «западных миссионеров» предлагалось ограничить деятельность «тоталитарных сект» и «деструктивных культов»[12].

Принятие в 1993 году Конституции РФ явилось важным шагом на пути к гражданскому обществу и правовому государству. В то же время 1994—1997 годы характеризует всплеск регионального законотворчества в сфере свободы вероисповеданий. К началу 1997 года в трети субъектов Федерации уже действовали свои законы, причем существенно нарушающие Конституцию РФ и ущемляющие права граждан. Одним из первых был закон Тульской области «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Тульской области», принятый в ноябре 1994 года. Он подвергал существенным ограничениям деятельность религиозных организаций, предписывал взимание сборов за выдачу разрешений на религиозную деятельность, требовал от миссионеров заранее согласовывать свою программу проповеднической деятельности с местной властью. Вслед за Тулой аналогичные нормативные акты были приняты в Твери, Тюмени, Костроме, Калуге, Татарстане и других регионах. В некоторых регионах подобными законодательными актами прямо определены привилегированные конфессии (например, в Республике Тыва — шаманизм, буддизм и православие).

В 1997 году кампания, инициированная представителями «традиционных» конфессий против «нетрадиционных» и активно поддержанная заинтересованными политическими группами, завершилась внесением в обсуждаемый новый проект закона о свободе совести существенных ограничительных норм. 19 сентября Федеральный

---

[10] Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 5.

[11] *Полосин В. С.* На пути к свободе совести (Российское законодательство о религии в конце 80-х — начале 90-х гг.) // Свобода совести в духовном возрождении Отечества. М. 1994.

[12] Более подробно на эту тему см.: *Бурьянов С. А.* Свобода совести в российской науке, законотворчестве и правоприменении // Право и политика. 2001. № 7.

Закон (ФЗ) РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» был принят Государственной думой, а 1 октября вступил в силу.

19 сентября 1997 года, на заседании Государственной думы, посвященном принятию закона, председатель Комитета по делам общественных и религиозных организаций (и один из авторов законопроекта) В. И. Зоркальцев выступил со следующим заявлением: «И все же я напомню суть этого закона. Она состоит в том, что закон создает барьер на пути религиозной экспансии в Россию, препятствует развитию тоталитарных сект, ограничивает действие иностранных миссионеров и при всем этом создает условия для деятельности наших традиционных религий и конфессий… Уверен, что практика применения этого закона поможет решить проблемы, которые стоят сейчас и перед обществом, и перед государством, и перед церковью… Я хотел бы сослаться и на то, что примечательно, что все конфессии, представители которых возражали против отдельных положений закона, имеют свои руководящие центры за рубежом. Я это говорю для тех, кто сегодня считает наш закон неприемлемым и собирается голосовать против него. И я хочу поставить вопрос: с кем вы, дорогие коллеги?»

Новый закон в отличие от ранее действовавшего Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» закрепил конфессиональные предпочтения государства (преамбула), существенным образом ужесточил порядок создания религиозных организаций (ст. 9—12), ограничил деятельность «неосновных» и особенно иностранных религиозных организаций (ст. 13). Значительно расширены основания для принятия судебного решения о ликвидации религиозного объединения (ст. 14). Репрессивной новеллой ФЗ является введение положения о запрещении деятельности религиозной организации (ст. 14). В отличие от ликвидации института гражданско-правового «запрещение же касается как зарегистрированных, так и незарегистрированных объединений. При этом после запрещения религиозной организации деятельность ее бывших членов, если она будет лежать в русле того, чем занималась данная организация, может подвергаться уголовному преследованию»[13].

Еще в июне 1997 года, после принятия закона в первом чтении, юристами Христианского юридического центра было обнародовано экспертное заключение на Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»[14]. Данное заключение состоит из пятнадцати пунктов, содержащих противоречия закона Конституции РФ и федеральному законодательству.

27 июня 1997 года в пресс-центре Государственной думы РФ была проведена пресс-конференция «Новый Закон о свободе совести — ни свободы ни совести». В пресс-релизе говорится, что «доработка законопроекта происходила без привлечения представителей религиозных объединений, официально даже не ознакомленных с текстом, утвержденным ко второму чтению… Принятый закон грубо нарушает Конституцию РФ и не соответствует международно-правовым актам по правам человека. Нарушения выражаются: в попрании принципа равенства религиозных объединений перед законом; в установлении 15-летнего испытательного срока для государственной регистрации религиозного объединения; в ограничении территории деятельнос-

[13] *Кудрявцев А. И.* О деятельности органов юстиции по применению Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российское законодательство о свободе совести в 80—90-х гг. XX в.: теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов. М., 1999. С. 61.

[14] Экспертное заключение на Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религия и право. № 1, июнь 1997 г. С. 21—23.

ти религиозных объединений; в запрещении иностранным гражданам и лицам без гражданства, проживающих на территории РФ создавать религиозные объединения и в ограничении этого права для российских граждан; в установлении зависимости иностранных религиозных организаций (представительств) от воли российских религиозных объединений и т. д.»[15]

7 октября 1997 года Совет христианских организаций, Институт религии и права и Христианский юридический центр организовали в Москве митинг в защиту свободы совести, участники которого выступили за отмену Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В обращении участников митинга к президенту, правительству и Федеральному Собранию РФ подчеркнуто, что «подписанный Президентом России закон нанес тяжелый удар по демократическому развитию нашей страны, а также «в процессе выработки окончательного варианта закона в Администрации Президента РФ грубо нарушены элементарные нормы профессиональной этики»[16].

Позиция вышеназванных организаций по отношению к закону вскоре значительно изменилась. Институт религии и права и Христианский юридический центр (впоследствии переименованный в Славянский правовой центр) вместо критики закона как такового перешел к критике отдельных его положений, которые якобы можно исправить в результате судебной защиты вообще и конституционного судопроизводства в частности. «В аппарате правительства прошли консультативные встречи с руководством ряда централизованных религиозных организаций… В 1998 году состоялись съезды Союза христиан веры евангельской — пятидесятников, Союза евангельских христиан — баптистов, участники которых высказали благожелательное отношение к Закону «О свободе совести и о религиозных объединениях»[17].

Заместитель руководителя департамента по делам общественных и религиозных объединений Министерства юстиции РФ В. И. Королев признал, что «отдельные положения действующего Закона не лишены неточности, двусмысленности, возможности их широкого толкования»[18]. По его мнению, неправильное толкование и нарушение отдельных положений Закона сводится, как правило, к следующему:

— распространение на все религиозные организации требования о 15-летнем сроке существования на территории субъекта, в то время как по смыслу Закона эта норма распространяется только на местные религиозные организации, не представившие соответствующего подтверждения от централизованной религиозной организации;

— не основанные на Законе ограничения не прошедших перерегистрацию религиозных организаций в правоспособности, в том числе той, которой они были наделены ранее действовавшим Законом;

— отказ в регистрации местных религиозных организаций на том основании, что не прошла перерегистрацию централизованная религиозная организация, давшая ей подтверждение о вхождении в свой состав;

---

[15] Экспертное заключение на Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религия и право. 1997. № 1. С. 21—23.

[16] Митинг в защиту свободы совести // Религия и право. 1997. № 2—3. С. 24.

[17] *Михайлов Г. А.* Об особенностях религиозной ситуации в Российской Федерации в период после принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российское законодательство о свободе совести в 80—90-х гг. XX в.: Теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов. М., 1999. С. 48.

[18] *Королев В. И.* О ходе регистрации и перерегистрации религиозных организаций // Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия. М., 2001. С. 17.

— требование о незамедлительной перерегистрации религиозных организаций до истечения установленного Законом срока[19].

По мнению автора, значительные противоречия и репрессивный потенциал ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» кроются в п. 1 ст. 6, дающей определение и признаки религиозного объединения и ст. 12, определяющей непризнание создаваемой организации в качестве религиозной как основание для отказа в государственной регистрации. В соответствии с п. 1 ст. 6 ФЗ религиозным объединением «признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающего соответствующими этой цели признаками: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей».

Неясно, почему именно эти признаки определены в качестве правовых. Очевидно, что не все из существующих и изученных религий в полной мере смогут соответствовать вышеперечисленным признакам, не говоря уже о новых и могущих возникнуть в будущем.

Для определения религиозного характера объединений был создан экспертный совет для проведения государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте России, Положение о деятельности которого утверждено министерским приказом от 8 октября 1998 года № 140. Парадокс заключается в том, что единого религиоведческого определения религии не существует (их насчитывается более 200), а значит, эксперты фактически определяют внешние проявления религиозности объединений на предмет соответствия собственным представлениям о религии.

Проблемы возникают и у религиозных объединений, которые пытаются зарегистрировать свои уставы и получить статус юридического лица в форме общественных организаций. Например, после того как администрация Приморского края провела 13 заседаний экспертно-консультативного совета, на которых были рассмотрены уставы и деятельность 15 религиозных организаций, десять из них не были рекомендованы для регистрации уставов в краевом управлении юстиции. Некоторые попытались зарегистрироваться как общественные организации, но им было отказано, более того, была «намечена религиоведческая экспертиза с целью определения общественного или религиозного характера данных организаций»[20].

В целом сложилась ситуация, в результате которой законодательство, по логике направленное на реализацию прав и свобод человека в сфере свободы совести превратилось в «специальное» религиозное, регламентирующее не столько деятельность религиозных институтов как юридических лиц (этому посвящено гражданское законодательство) и не столько пресекающее злоупотребления в этой сфере (этому посвящено уголовное законодательство), сколько фактически позволяющее контролировать и ограничивать свободу мировоззренческого выбора, использовать религию в политических целях. При этом законодателей не смущает, что права неверующей части общества находятся вне правового поля.

---

[19] Там же. С. 16.

[20] *Фадеев П. Г.* О реализации Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в Приморском крае // Российское законодательство о свободе совести в 80—90-х гг. XX в. М., 1999. С. 143.

Современный характер развития отношений государства и религиозных объединений выявил наличие новых противоречащих Конституции РФ попыток трансформации законодательства о свободе совести посредством введения в него понятия «традиционные религиозные организации», подразумевающего их «специальное» выделение и наделение «специальными» льготами[21].

Законопроект «О традиционных религиозных организациях» был внесен в Государственную думу депутатами В. У. Корниенко, В. А. Лисичкиным, В. И. Шандыбиным 12 мая 1999 года. Предметом регулирования законопроекта являются общественные отношения, связанные с признанием религиозной организации «традиционной», а также с установлением статуса «традиционной религиозной организации».

Согласно законопроекту, «традиционной религиозной организацией России признается религиозная организация, отвечающая следующим признакам:

1) ее последователи открыто действуют на территории Российской Федерации не менее ста лет;

2) ее учение и практика традиционны для России или нескольких ее регионов и не противоречат действующему законодательству Российской Федерации;

3) ее нравственное учение и социальная деятельность направлены на цели, признаваемые обществом гуманными, укрепляющими личную и общественную мораль и содействующими укреплению российской государственности».

Соответственно, «традиционными для России признаются учения и практика религиозных организаций, исповедующих православное христианство и ислам».

Процедура признания «традиционной религиозной организацией» России предполагает: «ее ходатайства в орган, осуществивший ее регистрацию, свидетельства о ее регистрации, заключения государственной религиоведческой экспертизы, заключения федерального органа юстиции».

Предполагалось, что решение о признании религиозной организации «традиционной» в каждом случае должно приниматься в форме федерального закона, в котором «могут быть отражены также положения соглашения о социальном партнерстве государства и данной традиционной религиозной организации России».

В случае принятия законопроекта органы государственной власти в рамках своей компетенции должны были бы оказывать содействие «традиционным религиозным организациям» России в их социальной деятельности в Российской Федерации и за рубежом.

В пояснительной записке говорится, что кроме возрождения духовности, закон позволит «разграничить и вывести за рамки отношений государства с традиционными религиозными организациями так называемых раскольников и сектантов всех мастей и иностранных миссионеров, создающих «альтернативные» церкви, духовные управления, миссии, культурные центры и т. п., подрывающих авторитет традиционных религиозных институтов».

6 июля 2001 года в Госдуме прошли парламентские слушания «Проблема законодательного обеспечения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции Русской Православной Церкви», на которых были выработаны рекомендации в адрес думского Комитета по делам общественных объединений и религиозных

[21] Более подробно на эту тему см.: *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. 2001. № 12.

организаций, правительства РФ, субъектов РФ. Как следует из текста рекомендаций, идеи по совершенствованию государственно-церковных отношений, содержащиеся в «Основах социальной концепции РПЦ», получили широкий отклик в обществе и поддержку представителей «традиционных» отечественных конфессий — мусульман, иудеев, буддистов.

Основной идеей парламентских слушаний стала необходимость изменения законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях в сторону закрепления государственных вероисповедных предпочтений в лице «традиционных» конфессий. В частности, в проекте рекомендаций в адрес Государственной думы говорится о необходимости «обобщить и проанализировать правоприменительную практику Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и сформулировать предложения по его совершенствованию с учетом концептуальных положений «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» и мнений представителей российских традиционных конфессий, выраженных в их программных документах о взаимоотношениях государства и религиозных объединений»[22]. А в рекомендациях в адрес правительства и субъектов Федерации предлагается принять меры «по поддержке усилий российских традиционных конфессий в деле подготовки отечественных богословских кадров для работы в сфере религиозного просвещения и образования». Кроме того, по мнению представителей РПЦ и ряда депутатов, конституционный принцип светскости государства «не должен трактоваться радикально», а отделение религиозных объединений от государства «не означает их отделения от общества», что должно найти свое закрепление в законодательстве.

5 февраля 2002 года в Государственной думе депутатом А. В. Чуевым был презентован проект ФЗ «О традиционных религиозных организациях в Российский Федерации», в основу которого легла идея о необходимости введения в право понятия «традиционные религиозные организации».

Чуев предлагал различать религиозные объединения (равные по Конституции РФ) по времени существования, числу последователей, государственно-территориальному признаку на: традиционные религиозные организации Российский Федерации; традиционные религиозные организации отдельных народов РФ; исторические традиционные религиозные организации, иностранные традиционные религиозные организации. Присваивать религиозным организациям соответствующий статус, по мысли депутата, должна постоянно действующая федеральная комиссия.

Любопытно, что для получения статуса «иностранной традиционности» к пакету прочих документов предлагалось приложить справку из посольства, «удостоверяющую, что данная религиозная организация является традиционной для указанного государства».

В соответствии с законопроектом предполагалось закрепить де-юре целый пакет государственных вероисповедных предпочтений, многие из которых активно внедряются де-факто: практически полностью освободить от налогов не только «традиционные религиозные организации» и их структурные подразделения, но также принадлежащие им предприятия, для них предполагаются также значительные льготы, если не прямое финансирование.

---

[22] Проект «Рекомендации участников парламентских слушаний на тему: «Проблема законодательного обеспечения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции Русской Православной Церкви».

Заслуживает особого внимания идея автора законопроекта о том, что «традиционные религиозные организации» имеют право на освещение своей деятельности, в том числе демонстрации богослужений, религиозных церемоний, обрядов и других значительных событий религиозной жизни, в государственных и муниципальных средствах массовой информации на безвозмездной основе: «традиционные религиозные организации имеют право использовать средства массовой информации, в том числе государственные и муниципальные в целях распространения своего вероучения, религиозного образования и воспитания, миссионерской и благотворительной деятельности». Более того, «государство оказывает поддержку созданию традиционными религиозными организациями собственных СМИ и способствует их развитию путем предоставления финансовой помощи, а также размещением государственных заказов».

21 марта 2002 года в Государственной думе состоялся круглый стол, посвященный обсуждению нового вариант законопроекта «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» (автор законопроекта — А. В. Чуев). В его основе опять же лежит тезис о необходимости введения «традиционности» в правовое поле РФ. По сравнению с предыдущим, новый вариант претерпел весьма незначительные изменения, сохранив свою антиконституционную направленность.

На круглом столе с докладом об антиконституционных тенденциях в изменении законодательства о свободе совести выступил сопредседатель Института свободы совести (ИСС) С. А. Бурьянов. В частности, было высказано мнение, что введение понятия «традиционная религиозная организация» послужит катализатором нарушений основных прав и свобод человека в РФ, усилит этноконфессиональную напряженность, углубит расслоение людей по отношению к мировоззренческим ценностям.

От имени ИСС Бурьянов заявил, что введение в правовое поле термина «традиционная религиозная организация», который противоречит Конституции РФ и нормам международного права, недопустимо, так как это угрожает конституционному строю России.

14 мая 2002 года Чуев подготовил очередной проект закона, на этот раз с новым названием «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации». По сравнению с двумя предыдущими, вариант претерпел некоторые изменения, но антиконституционная направленность осталась.

Чуев по-прежнему настойчиво предлагал законодательно закрепить разделение религиозных объединений на:

— традиционные религиозные организации России — зарегистрированные централизованные религиозные организации, действующие на территории Российской Федерации не менее 85 лет, состоящие из местных организаций, действующих на территории более десяти субъектов Российской Федерации и признанные в соответствии с настоящим Федеральным законом неотъемлемой частью исторического, духовного и культурного наследия народов России;

— региональные традиционные религиозные организации — зарегистрированные централизованные или местные религиозные организации, действующие на территории отдельных субъектов Российской Федерации не менее 85 лет и признанные неотъемлемой частью исторического, духовного и культурного наследия народа, проживающего ни территории субъекта Российской Федерации.

В качестве отношений социального партнерства между государством и традиционными религиозными организациями Чуев определяет весь комплекс взаимодейст-

вия между органами государственной власти и традиционными религиозными организациями, направленный на социальное, духовное, культурное и нравственное оздоровление общества и находящийся в сфере регулирования ФЗ «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации».

Предметом регулирования закона в случае его принятия должны были стать правоотношения, возникающие в связи с приобретением и реализацией статуса традиционной религиозной организации, а также правовое регулирование отношений социального партнерства государства и традиционных религиозных организаций.

Порядок приобретения статуса «традиционной религиозной организации» России и региональных «традиционных религиозных организаций» осуществляется в соответствии с особым перечнем, в который включаются религиозные организации, соответствующие указанным выше критериям.

Для содействия реализации социального партнерства между государством и традиционными религиозными организациями России при Президенте РФ предполагалось создать Совет по поддержке традиционных вероисповеданий. Создание таких же советы подразумевалось и на региональном уровне.

Далее Чуев предлагал узаконить договоры о сотрудничестве, которые начиная с 1994 года вопреки Конституции РФ заключены государственными органами в основном с РПЦ.

По тексту законопроекта органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Федерации и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий могут заключать с «традиционными религиозными организациями» договоры об установлении отношений социального партнерства, включающие конкретные формы и методы взаимодействия и сотрудничества, в том числе на бессрочной основе.

В целом проект Федерального закона «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации» сохранил главный изъян, не позволяющий ему соответствовать Конституции РФ и нормам международного права. Дело в том, что правовых критериев «традиционности» в принципе не существует, и создать их невозможно.

30 декабря 2002 года депутат С. Ю. Глазьев внес законопроект «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций в целях сохранения национальных духовных традиций и обеспечения социальной защиты населения России». Данный законопроект кроме идеи социального партнерства с «традиционными религиозными организациями» содержит положения, регламентирующие передачу государством культового имущества религиозным организациям на основе принципа религиозного правопреемства «потерпевших организаций и объединений, имевших статус юридического лица на 7 ноября 1917 года».

23 января 2003 года в Госдуме прошло заседание парламентского клуба «Российский парламентарий» на тему «Социальное партнерство Русской Православной Церкви и государства: перспективы взаимодействия». Главным мотивом заседания стало обсуждение законопроекта «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций в целях сохранения национальных духовных традиций и обеспечения социальной защиты населения России».

Глазьев сказал, что его законопроект призван заполнить «правовой вакуум в отношении деятельности религиозных организаций на благо общества, в первую очередь

это касается традиционных конфессий — они вызывают у россиян большие ожидания, так как являются хранителями культурно-духовных ценностей общества». По мнению депутата, «в законе должен быть постулат договорно-правовых отношений государства и церкви, которые должны быть партнерами, а сейчас церковь выступает в роли просителя, власти могут ей вернуть церковное имущество, а могут и не возвращать или назад отобрать, так как законом ситуация не урегулирована». «Слава богу, у нас сейчас президент православный, а если завтра придет президент-богоборец, тогда у Церкви могут все отнять или обложить ее такими налогами, что она не сможет содержать себя», — пояснил Глазьев свою позицию[23].

Заместитель председателя группы «Народный депутат» А. Н. Белоусов заявил, что закон о социальном партнерстве церкви и государства «это малюсенький шажочек на пути восстановления нравственности государства». Кроме того, Белоусов высказался за введение цензуры на телевидении и изучение религии в школе, а также поставил под сомнение принцип отделения церкви от государства.

В марте 2003 года Глазьевым и Белоусовым был внесен другой законопроект «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций».

В соответствии со ст. 4 «субъектами договоров о социальном партнерстве являются традиционные религиозные организации и органы государственной власти». Статус «традиционных» предоставляется религиозным организациям, составляющим «неотъемлемую часть исторического наследия народов России. К «традиционным религиозным организациям» относятся «Русская православная церковь, а также уполномоченные в установленном порядке мусульманские, буддистские и иудаистские религиозные организации в местах традиционного компактного расселения верующих соответствующих конфессий».

В соответствии со ст. 5 законопроекта органы власти и государственные организации вправе заключать договоры с традиционными религиозными организациями, предусмотренные гражданским законодательством и способствующие:

а) совместному использованию, охране и восстановлению культовых объектов, являющихся памятниками истории и культуры Российской Федерации;

б) сохранению и развитию духовных традиций и обычаев народов Российской Федерации, их национальной и культурной самобытности;

в) повышению уровня социального и материального обеспечения малоимущих граждан;

г) развитию благотворительной деятельности;

д) созданию религиозными организациями собственных учреждений социального обеспечения, здравоохранения, бытового обслуживания, культуры, образования;

е) улучшению работы похоронных служб и содержания кладбищ;

ж) трансляции религиозно-просветительских программ на телевидении и радио;

з) сотрудничеству частей и подразделений Вооруженных сил и правоохранительных органов с религиозными организациями;

и) участию религиозных организаций в воспитательном процессе в местах лишения свободы, в том числе несовершеннолетних граждан;

к) защите зарубежной собственности религиозных организаций и совместному проведению международных инициатив духовной и миротворческой направленности;

л) развитию институтов гражданского общества;

[23] Портал-Кредо.Ру. 23 января. 2003.

м) иным формам сотрудничества, разрешенного законодательством и соответствующим общественному благу.

Ст. 7 посвящена регламентации передачи государством культового имущества религиозной организации на основе религиозного правопреемства, которое определяется на основе:

а) преемственности вероучения, зафиксированного в используемых верующими книгах и других источниках;

б) преемственности дисциплинарных норм, определяющих религиозную деятельность;

в) преемственности структуры управления объединения верующих;

г) свидетельств иных юридических лиц, входящих в общую с данным объединением вероучительную структуру и имеющих подтвержденное государством правопреемство.

Основанием для признания имущественных прав религиозных организаций на отчужденное имущество признается, если указанное имущество перешло к стороннему собственнику (владельцу) вследствие:

а) национализации;

б) отчуждения без выплаты возмещения;

в) отчуждения с возмещением по заниженной стоимости;

г) обстоятельств, исключающих возможность свободного принятия решения объединением верующих относительно используемого им имущества в соответствии с принятыми им собственными установлениями и правилами (ст. 8).

Законопроект содержит также чрезвычайно широкий перечень форм государственной поддержки «традиционных религиозных организаций» в различных областях, включая образование, СМИ, национальную безопасность и правопорядок, международную сферу.

Данный законопроект, как и его предшественники, направлен на законодательное закрепление государственных вероисповедных предпочтений, полным ходом внедряемых де-факто. В нем также используется юридически некорректный термин «традиционная религиозная организация». Таким образом, законопроект «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций» противоречит Конституции РФ и нормам международного права.

Выделение «традиционных религиозных организаций» нарушает не только конституционную норму об отделении религиозных объединений от государства и их равенства перед законом (ч. 2 ст. 14 Конституции РФ), но и ряд взаимосвязанных конституционных норм, которые каждому гарантируют свободу совести (ст. 28), равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ч. 2 ст. 19).

Несмотря на многочисленные протесты ученых и общественности, заинтересованные стороны продолжали искать способы введения термина «традиционная религиозная организация» в правовое поле России[24].

[24] 27 января 2003 года председатель Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций В. И. Зоркальцев, отвечая на вопросы корреспондента портала «Религия и СМИ» о критериях «традиционности — нетрадиционнсти», сказал следующее: «На наш взгляд, традиционная для России религия — это та религия, которая существует за счет российской паствы, российских ресурсов, имеет российские канонические структуры, российских священников, находится в системе российских законов. И, безусловно, она должна иметь традиции, оставить след в истории государства».

Очевидно, для продвижения пакета противоречащих Конституции РФ изменений законодательства о свободе совести, 24 декабря 2002 года было объявлено о создании общественно-депутатской комиссии (ОДК) «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей». 18 марта следующего года в Госдуме состоялось учредительное заседание ОДК.

В пресс-релизе, посвященном заседанию в качестве главных целей деятельности комиссии обозначены: «возрождение традиций российской духовности, сохранение самобытности народов России, содействие миссии традиционных религий в стране». Далее говорится, что «комиссия сформирована из представителей традиционных религий (президиум Межрелигиозного совета России) и представителей традиционных религиозных общественных объединений, чья деятельность укрепляет российскую духовность».

А в проекте итогового документа учредительного заседания от имени представителей православных христиан, мусульман, иудеев, буддистов высказывается «обеспокоенность бесконтрольностью электронных и печатных СМИ, открыто проповедующих безнравственность, культ насилия и жестокости».

Каким образом предполагается бороться за духовность говорится в Положении об общественно-депутатской комиссии «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей»:

— организация парламентских слушаний по вопросам, относящихся к сфере деятельности ОДК;

— экспертиза и разработка законопроектов, ориентированных на поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей, духовных устоев общества и государства;

— содействие прохождению в ГД соответствующих законопроектов, в том числе путем организации общественной поддержки законопроектов;

— продвижение проблематики традиционных духовно-нравственных ценностей, духовных устоев общества и государства в общественном сознании, инициация и организация публичных обсуждений относящихся к соответствующей проблематике вопросов, взаимодействие в этих целях с СМИ;

— лоббирование (!) в органах исполнительной власти проблематики традиционных духовно-нравственных ценностей, духовных устоев общества и государства;

— вовлечение творческой интеллигенции в обсуждение проблематики традиционных духовно-нравственных ценностей, духовных устоев общества и государства;

— оказание консультативной методологической и методической помощи депутатам Государственной думы и депутатам законодательных органов власти субъектов РФ по вопросам, относящихся к деятельности ОДК.

Очевидно, что ОДК является ни чем иным как «традиционно-религиозным» лобби, призванным продвигать, с одной стороны, законодательное закрепление государственных вероисповедных предпочтений для «традиционных» религий, а с другой стороны, способствовать ужесточению действующего законодательства по отношению к «нетрадиционным» религиям.

6 июня 2003 года в Думе прошло расширенное заседание межфракционного депутатского объединения (МДО) «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей в России», на котором был избран совет. В рамках совета образован костяк лобби — межрелигиозная согласительная комиссия, в которую вошли депутаты,

представляющие четыре «традиционные» религии России. РПЦ МП представляет депутат С. Ю. Глазьев (КПРФ), мусульман — Г. Н. Махачев («Народный депутат»), иудеев — Г. Б. Мирзоев («Единство»), буддистов — Б. Ц. Семенов (ОВР).

Отвечая на вопрос корреспондента «Независимой газеты», Глазьев сказал: «Основная цель создания МДО и межрелигиозной комиссии заключается в том, чтобы встать на защиту морально-нравственных устоев нашего общества. Я убежден в том, что если мы эту задачу не решим, то все наши предложения по экономической программе, направленные на стимулирование роста производства и подъем благосостояния населения, упрутся в неразрешимые проблемы деморализации населения, деградации общества. Общество, у которого нет принципов, в котором идет война всех против всех, обречено на саморазложение и мучительную смерть. Для того чтобы Россия успешно развивалась, помимо чисто экономических факторов, необходимо сохранение наших традиционных нравственных устоев. И здесь наш главный союзник — традиционные религии, с которыми государство, по моему мнению, должно выстраивать отношения социального партнерства. Государство и традиционные религии имеют не только общее поле деятельности, но и несут в какой-то степени общую ответственность за нравственный климат в обществе»[25].

Ключевую роль в законодательном оформлении антиконституционных процессов в Думе третьего созыва играл возглавляемый В. И. Зоркальцевым Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций — давний партнер РПЦ МП. Например, при протаскивании Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», серии законопроектов, так и не ставших законами и предполагающих законодательное закрепление льгот для «традиционных религиозных организаций». В 2003 году Комитет сосредоточил усилия на формировании и продвижении через ГД базы ограничений для «нетрадиционных» религий под лозунгом обеспечения «духовной безопасности».

18 июня 2003 года на семинаре-совещании председателей законодательных органов и руководителей подразделений исполнительных органов власти субъектов РФ «Проблемы развития законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях» Зоркальцев признал, что «законотворческой деятельностью в основном занимается Русская православная церковь…», и лукаво призвал «к активному участию все конфессии в этом чрезвычайно важном деле — создании правовой базы деятельности религиозных организаций». Очевидно, что в качестве экспертов совета допускались только представители определенных конфессий, в основном МП РПЦ. Представители «нетрадиционных» религий, неверующей части общества, независимые эксперты не имели шансов быть услышанными на заседаниях Комитета. Все «дискуссии» проходили по заранее утвержденному сценарию, что вполне соответствует правилам сложившейся системы.

В Госдуму четвертого созыва Зоркальцев не прошел. Комитет хоть и обновился, но сохранил преемственность курса в области отношений государства с религиозными объединениями. В частности, автор законопроектов о «традиционных» религиях А. В. Чуев остался на посту зампреда, возглавил же Комитет представитель «Единой России» Сергей Попов.

---

[25] *Недумов О.* Дума не даст Церковь в обиду. Государство и традиционные религии несут общую ответственность за духовно-нравственный климат в обществе, считает депутат Сергей Глазьев // «НГ-религии». 18 июня 2003 г.

Как сообщает «Благовест-инфо», лидер Российской традиционалистской партии (РТП), член фракции «Родина» Александр Чуев будет продолжать работу в качестве заместителя председателя думского Комитета по связям с общественными объединениями и религиозными организациями. Отвечая на вопрос о новом председателе Комитета Сергее Попове, Чуев заметил, что этот человек «всегда был аппаратчиком, чиновником» и с религиозными организациями никогда не был связан, поэтому работу по этой тематике в основном придется вести ему, Чуеву.

10 февраля 2004 года, по информации «Благовест-инфо», на заседании круглого стола «Социальное партнерство государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации», организованного Всероссийским общественно-политическим объединением православных избирателей[26] в Москве, Чуев заявил, что вновь избранному составу Госдумы предстоит рассмотреть проект нового закона о свободе совести и религиозных объединениях. По его мнению, действующий закон уже «не отвечает требованиям дня», особенно в свете принятых в 2000 году «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви».

По мнению депутата, сфера духовного воспитания остается вне рамок школы, зависит от инициативы на местах, при этом отсутствует финансовая поддержка. Не отрегулированы отношения религиозных организаций со средствами массовой информации, в частности с телевидением, где «религиозных программ мало, а имеющиеся — нерелигиозные или антирелигиозные». Требуется также регулирование налоговых отношений. Депутат выразил сожаление, что религиозные организации, ранее не облагавшиеся налогами, теперь должны их платить. Принятие Земельного кодекса также усложнило жизнь этих организаций: надо платить налог на собственность или за аренду земли. «Отношения социального партнерства государства и религиозных объединений также должны регулироваться законом», — заявил Чуев.

20 февраля Чуев провел пресс-конференцию в Госдуме, на которой объявил о создании нового межфракционного объединения депутатов под названием «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей России», сообщает «NEWSru.com» со ссылкой на «МК-Новости». По словам Чуева, в настоящее время в это объединение уже записались более 30 депутатов Госдумы, включая Иосифа Кобзона и Александра Розенбаума. В объединении не будет председателя и сопредседателей; в качестве технических руководителей предполагается избрать одного или нескольких координаторов.

Первым значимым мероприятием обновленного Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций стали парламентские слушания «Совершенствование законодательства о свободе совести и о религиозных организациях: практика применения, проблемы и пути решения», которые состоялись 27 мая 2004 года.

В итоговом документе парламентских слушаний[27] положительно оценен действующий ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Отмечено, что он «не

[26] Включает в себя ряд общественных организаций: Союз православных граждан, Союз православных педагогов, православный медико-просветительский центр «Жизнь», Фонд защиты семьи, материнства и детства, Центр демографических исследований, Центр православных предпринимателей, Центр христианского согласия, Международный славянский клуб соотечественников, общественный комитет «За нравственное возрождение Отечества».

[27] Материалы к парламентским слушаниям «Совершенствование законодательства о свободе совести и о религиозных организациях: практика применения, проблемы и пути решения» 27 мая 2004 года.

лишен недостатков, но в тех условиях он был единственно возможным компромиссом, достигнутым в результате кропотливого труда представителей различных слоев многоконфессионального российского общества».

В целом же рекомендации носят весьма абстрактный характер. Комитету ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций вообще ничего конкретного не предлагается — «обобщить высказанные в ходе обсуждения предложения и замечания, проанализировать их для учета в дальнейшей деятельности по совершенствованию законодательства о свободе совести и о религиозных организациях». Комитету ГД по аграрным вопросам и бюджетному Комитету наказано рассмотреть предложения религиозных организаций по законодательному обеспечению переоформления прав на земельные участки и по совершенствованию законодательства о налогообложении религиозных организаций соответственно.

В таком же духе выдержаны рекомендации в адрес правительства и субъектов Российской Федерации. Они должны изучать, совершенствовать, рассматривать, готовить предложения, оказывать поддержку, принимать меры… И ничего не делать, пока не скажут свыше.

Выступления основных участников дискуссии также неясны. Первый заместитель председателя Госдумы Любовь Слиска лишь обозначила основные направления, среди которых оказались вопросы духовно-нравственного просвещения и борьбы с религиозным экстремизмом.

Заместитель министра юстиции Евгений Сидоренко озаботился проблемой придания государственного статуса и финансирования религиоведческим экспертизам. Любопытны его высказывания касательно необходимости расширения полномочий регистрирующих органов и экспертиз общественных объединений.

Заместитель председателя Комиссии при правительстве РФ по вопросам свободы совести и религиозных организаций Андрей Себенцов рассказал об основных предложениях по доработке законодательства. Рекомендации коснулись некоторых положений ФЗ «О свободе совести…», среди которых наибольший резонанс вызвала идея упразднения 15-летнего срока, введенного как своеобразное испытание перед регистрацией местных религиозных организаций.

Председатель отдела внешних церковных связей Московского патриархата (ОВЦС) митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) не скрывал своего раздражения от деятельности комиссии Себенцова. В частности, прозвучали упреки в том, что она превысила свои полномочия и разработала концептуальные поправки, хотя ей было поручено совсем другое.

Наиболее категорично митрополит Кирилл высказался в адрес пресловутого 15-летнего срока. По мнению архиерея, его упразднение нарушит межконфессиональный баланс и спровоцирует новый виток напряженности в обществе. «Никто не запрещает группе из десяти человек собраться и молиться антарктическому пингвину, но регистрация даст им права, привилегии, налоговые льготы, доступ в образовательные учреждения и армию», — резюмировал председатель ОВЦС.

Требования владыки Кирилла пересмотреть налоговое и земельное законодательства, разработать действенный механизм передачи культовых зданий Церкви были восприняты законодателями как давно ожидаемые.

Депутат А. В. Чуев утверждал, что закон хороший, но еще лучше будет, заметил он, если государство юридически закрепит сотрудничество с «традиционными» ре-

лигиями: «Сегодня президент благосклонно относится к государственно-церковным отношениям. А вдруг завтра придет другой? Нужно заложить правовые основы».

Эти и другие выступления, в основном частного характера, дали весьма смутные представления о том, как далеко пойдет «совершенствование» законодательства о свободе совести и о религиозных организациях в ближайшее время. Хотя некоторое представление о возможных конкретных направлениях «совершенствования» дает ознакомление с раздаточными материалами, полученными участниками слушаний.

Так, «Аналитический вестник»[28], специально подготовленный к слушаниям аналитическим управлением аппарата Госдумы, целиком посвящен законодательному регулированию противодействия «религиозному экстремизму». Авторы хоть и говорят о серьезных теоретических затруднениях в определении понятия «экстремизм», но все же нашли слова для идентификации его производного в религиозной сфере. Их совсем не смутила не только безграничность трактовки «экстремизма», но и принципиальное отсутствие юридического определения религии. Это означает, что на практике любая организация по произвольным основаниям может быть причислена к экстремистской и подвергнута преследованиям. Более того, думские «аналитики» связали «религиозный экстремизм» с терроризмом и сепаратизмом, что, вероятно, должно усилить санкцию и обеспечить ее неотвратимость.

Еще одна распространявшаяся на слушаниях книга — «Религия в светской школе: зарубежный опыт»[29] — вышла под «шапкой» экспертного совета Комитета ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций. Нелишне отметить, что не всякий зарубежный опыт является положительным, а значит, достойным подражания. Кроме того, предлагаемые в качестве образца страны не сопоставимы с многонациональной и поликонфессиональной Россией. Скорее всего, моделей государственно-конфессиональных отношений, достойных слепого подражания, вообще нет. Все они далеки от идеала, поскольку ставят интересы субъектов упомянутых отношений выше прав человека.

С первых строк намерения автора не вызывают сомнений. Он пытается перепрыгнуть через конституционные принципы свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и др. и обосновать антиконституционную идею государственного финансирования конфессионального образования в государственной школе. Для этого автор предлагает винегрет из многих определений и признаков. Лукавство в том, что ключевых определений автор не дает, начиная с юридически не определенного термина «религия». А, как известно, одна только двойственность толкования ключевых понятий означает взяткоемкость нормативного акта.

Автор избегает определения «светскости государства». Очевидно, что ее юридически корректное определение как мировоззренческого нейтралитета государства его не устраивает. Понимание нейтралитета как равнодушия государства вообще к любому мировоззрению (без конкретизации и разделения на религиозное и нерелигиозное, религию и идеологию) не позволяет осуществить искомое обоснование.

3 июня 2004 года на научно-практической конференции «Российская цивилизация в XXI веке: политико-правовые основы социального партнерства государства и традиционных конфессий» (Санкт-Петербург) неутомимый законотворец А. В. Чуев

[28] См.: Законодательное регулирование противодействия религиозному экстремизму: российский и зарубежный опыт // Аналитический вестник. 2004. Выпуск 15.

[29] См.: Религия в светской школе: Зарубежный опыт. М., 2004.

презентовал очередной проект федерального закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций».

Проект сохранил большинство антиконституционных положений, содержащихся в предыдущих проектах, лишь понятие «традиционной религиозной организации» исчезло. Предполагается, что социальное партнерство религиозных организаций с государством, государственными и муниципальными организациями должно осуществляться в следующих формах:

— «заключение договоров о социальном партнерстве, внесение в них изменений;

— осуществление совместной деятельности в соответствии с договорами о социальном партнерстве;

— передача религиозным организациям имущества или (и) денежных средств (субсидий) для поддержки осуществления религиозными организациями деятельности в соответствии с договорами о социальном партнерстве».

Согласно проекту «религиозные организации, образованные в целях совместного исповедания религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России, в соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» имеют право обращаться к государственным и муниципальным организациям с предложениями о заключении договоров о социальном партнерстве. При этом в заключении договора не может быть отказано в том случае, если с обратившейся религиозной организацией заключен договор о социальном партнерстве на соответствующей территории и сферах деятельности с Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или (и) исполнительным органом государственной власти Российской Федерации… Деятельности религиозной организации, с которой государственной и муниципальной организацией заключен договор о социальном партнерстве… оказывается поддержка в соответствии с договором о социальном партнерстве. При этом для достижения целей договора по обращениям партнерской религиозной организации партнерская государственная или муниципальная организация принимают соответствующие решения, правовые акты, заключают с партнерской религиозной организацией дополнительные соглашения (договора, сделки)».

Глава 4 проекта («Имущественное обеспечение социального партнерства государства и религиозных организаций») фактически содержит нормы о реституции.

«Статья 21. Основания дли признания имущественных прав религиозных организаций на ранее отчужденное имущество.

Права религиозных организаций на имущество, бывшее в их собственности или владении или признанное таковым на основе религиозного правопреемства, признаются а том случае, если указанное имущество перешло к стороннему собственнику (владельцу) вследствие национализации или иной формы отчуждения без выплаты возмещения;

— отчуждения с возмещением по заниженной стоимости;

— обстоятельств, исключая их возможность свободного принятия решения объединением верующих относительно используемого им имущества в соответствии с принятыми им собственными установлениями и правилами.

Признание имущественных прав на отчужденное имущество осуществляется по ходатайству религиозных организаций в судебном или административном порядке на основе действующего гражданского законодательства и настоящего Закона».

Осенью 2004 года на пресс-конференции в Госдуме Чуев на вопрос о прохождении законопроекта «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций» ответил, что, несмотря на его усилия, проект не был внесен на рассмотрение. «В администрации Президента мы получили положительное заключение, а в правительстве — отрицательное, что удивительно», — отметил Чуев и пообещал, что будет энергично продолжать продвижение законопроекта («Благовест-инфо»).

Если судить по высказываниям президента В. В. Путина, то законодательное закрепление привилегированного положения «традиционных» религий — уже решенный вопрос. 22 апреля 2005 года в интервью израильскому телевидению Путин сказал: «Иудаизм наравне с исламом, с православием относится к так называемым традиционным российским религиям, которые отнесены законом к традиционным российским религиям, и в этом качестве защищены законом»[30].

В июне 2004 года Госдума РФ отклонила еще один законопроект Чуева «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации с целью введения уголовной ответственности за нарушение свободы совести и вероисповедания, оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии».

В соответствии с проектом предлагалось дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954; 1998, № 26, ст. 3012; 1999, № 28, ст. 3489) статьей 282.3 следующего содержания: «Статья 282.3 Нарушение свободы совести и вероисповедания, оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии.

1. Воспрепятствование законному осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, в том числе совершению религиозных обрядов, сопряженное с насилием или угрозой насилия над личностью, а равно с уничтожением и повреждением имущества граждан, религиозных и общественных объединений или с угрозой совершения такого деяния, оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии с использованием в этих целях средств массовой информации или в иной публичной форме, а равно путем разрушения или повреждения культовых зданий, сооружений, иных предметов мировоззренческой символики, памятников, захоронений, нанесения на них оскорбительных надписей и изображений — наказываются штрафом в размере от пятисот до восьмисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до восьми месяцев, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок от двух до четырех лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) с применением насилия или с угрозой его применения;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) организованной группой,

— наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет».

В октябре 2004 года большинством голосов (373 при необходимом минимуме в 226) были внесены поправки в Земельный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» и Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Согласно поправкам религиозные организации, являющиеся собственниками зданий и соору-

[30] В. Путин сослался на несуществующее в законе «О свободе совести» разделение религий на «традиционные» и «нетрадиционные» // Религия в светском обществе. 25 апреля 2005.

жений религиозного и благотворительного назначения, получают земельные участки, государственные и муниципальные, в собственность бесплатно. Если же религиозные организации не являются собственниками тех зданий, которые они занимают, то эти земельные участки предоставляются на праве безвозмездного срочного пользования на срок пользования этими зданиями, строениями, сооружениями. В Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» внесено следующее дополнение: «Земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, предоставленные религиозным организациям на праве постоянного (бессрочного) пользования, в соответствии со статьей 28 Земельного кодекса Российской Федерации могут предоставляться религиозным организациям в собственность бесплатно в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации».

Инициатива по внесению поправок исходила от бывшего председателя Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике И. В. Старикова, а соответствующий законопроект готовил Комитет Госдумы по собственности. У законопроекта было мощное лобби, ведь в результате его принятия РПЦ становится крупнейшим земельным собственником, каким она не была даже в царской России.

В конце октября 2004 года Госдума РФ приняла законопроект «О внесении изменений в часть 2 Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты РФ, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов РФ», в котором религиозные организации наряду с организациями инвалидов и общинами коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока освобождаются от налога на землю.

Кроме того, во многих регионах России религиозные организации были освобождены от налога на имущество. Такие поправки к законодательству были введены в Московской, Воронежской, Архангельской, Курской, Саратовской областях, Республике Мордовии, обсуждается принятие поправок в Красноярском крае[31].

В 2005 году законотворческий процесс в области свободы совести проходил довольно вяло. Наиболее значимым событием стал проект закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который был предложен руководителем Комитета по делам общественных организаций и религиозных объединений С. А. Поповым и обсуждался 26 мая 2005 года на заседании экспертного совета при комитете.

Проект содержит четыре поправки, предполагающие изменение: ст. 6 п. 1, ст. 11 п. 8, ст. 16 п. 5 и ст. 20 п. 2.

Первая поправка предполагает введение понятия «миссионерская деятельность» в качестве уточнения термина «распространение веры», используемого в законе.

Вторая поправка касается оснований деятельности государственной религиоведческой экспертизы: «Государственная религиоведческая экспертиза назначается в случае необходимости дополнительных исследований для:

— подтверждения религиозного характера организации и определения или отсутствия установленных настоящим законодательством оснований отказа в ее регистрации в качестве религиозной организации с соответствующим наименованием;

— выявления в особенностях вероучения и практики религиозного объединения наличия или отсутствия связи с действиями, совершенными участниками религиоз-

[31] Права человека в регионах Российской Федерации: Доклад о событиях 2004 года. М.: МХГ, 2005. С. 119.

ного объединения, признанными в установленном порядке противоправными, для обращения в суд с иском о запрете деятельности религиозного объединения и ликвидации религиозной организации, а также выявления необходимости приостановления деятельности религиозного объединения, в том числе в связи с проведением экстремистской деятельности».

Из пояснительной записки следует, что перечень задач расширен с учетом потребностей практики в государственном регулировании миссионерской деятельности, ограничения деятельности организаций, проводящих религиозную деятельность, но зарегистрированных в качестве общественных (Брахма Кумарис, Фалуньгун, Шри Чинмой и др.) и в контексте противодействия «экстремистской» деятельности.

Парадокс в том, что не только правового, но даже единого религиоведческого определения религии не существует, а значит, эксперты фактически определяют внешние проявления религиозности объединений на предмет соответствия собственным представлениям о религии.

Проблемы у религиозных объединений, которые пытаются обойти репрессивное законодательство, возникают уже давно. Например, после того как администрация Приморского края провела 13 заседаний экспертно-консультативного совета, на которых были рассмотрены уставы и деятельность 15 религиозных организаций, из них десять не были рекомендованы для регистрации уставов в краевом управлении юстиции, некоторые из них попытались зарегистрироваться как общественные. Им было отказано, «намечена религиоведческая экспертиза с целью определения общественного или религиозного характера данных организаций»[32].

Похоже, что данную практику решили закрепить законодательно, а заодно расширить и углубить. Соответственно, Государственной религиоведческой экспертизе отводится роль светского аналога «святой инквизиции», если не рассадника коррупции.

Третья поправка касается порядка проведения массовых публичных богослужений или религиозных обрядов. Под предлогом устранения конфликта между нормами, возникшего после принятия Федерального закона № 54 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» устанавливается ограничение на то, что массовые публичные богослужения могут проводиться только религиозными организациями, но не религиозными группами: «В случаях, не предусмотренных пунктами 1—4 настоящей статьи, массовые публичные богослужения и другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в соответствии с внутренними установлениями религиозной организации после письменного уведомления органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления о проведении публичного мероприятия в срок не позднее семи дней до дня проведения соответствующего мероприятия…»

Четвертая поправка гласит: «Централизованные религиозные организации имеют исключительное право приглашать иностранных граждан в целях занятия профессиональной, в том числе проповеднической, религиозной деятельностью в данных организациях и религиозных организациях, входящих в их структуру в соответствии с федеральным законодательством». Иными словами, не только религиозные группы, но

[32] *Фадеев П. Г.* О реализации Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в Приморском крае // Российское законодательство о свободе совести в 80—90-х гг. XX в.: Теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов. М., 1999. С. 143.

и нецентрализованные религиозные организации предлагается лишить этого права. Записка поясняет, что поправка призвана упорядочить нынешнюю практику приглашений, обеспечить усиление контроля и поставить заслон на пути бесконтрольно приглашенных «религиозных деятелей, порой проповедующих экстремистские идеи, представляющие угрозу безопасности российского общества (например, «ваххабитских»).

Что касается концептуальных основ проекта закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», то они базируются на следующих тезисах из пояснительной записки: «Одной из отличительных черт современной религиозной ситуации в Российской Федерации является деятельность зарубежных религиозных миссионеров, которая привела к значительному росту новых религиозных движений. Количество зарегистрированных в Российской Федерации конфессий возросло с 20 до 69. Интенсивный рост религиозных объединений нарушает сложившийся в стране конфессиональный баланс, создает основу для проникновения экстремистских идей, вызывает обоснованную тревогу и обеспокоенность в обществе и среди последователей традиционных конфессий России».

Концепция законопроекта не вызвала принципиальных возражений со стороны Государственно-правового управления Президента РФ, о чем говорится в заключении от 14 мая 2005 года, подписанным начальником управления Л. Брычевой.

В ноябре 2005 года в СМИ появились сообщения, что в Госдуме готовится законопроект, который должен упорядочить миссионерскую деятельность на территории России. Как сообщили «Интерфаксу» источники в Федеральном Собрании, одновременно планируется ввести как административную, так и уголовную ответственность за «незаконное миссионерство, сопряженное с разжиганием экстремизма». Источник отметил, что, по данным экспертов Минюста РФ, «тенденция нарастания экстремизма на религиозной основе прежде всего обусловлена ростом иностранной религиозной экспансии»[33].

Однако, по словам главы думского Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций С. Попова в Государственную думу пока не поступало никаких предложений по усилению контроля за деятельностью иностранных миссионеров. Попов сообщил, что ему стало известно из СМИ «о том, что Минюст якобы готовит свои предложения по более жесткому контролю за деятельностью иностранных миссионеров в России». Тем не менее Попов высказал мнение, что «проблема существует, и с ней надо серьезно разобраться». «Зачастую не совсем понятно, каким образом проникают в нашу страну иностранные миссионеры. По одной информации, они приезжают на основании рабочих виз, по другой — по туристическим визам, по третьей — на основании приглашений физических лиц», — сказал Попов. Вместе с тем он подчеркнул, что осуществлять миссионерскую деятельность вправе только те иностранцы, которые официально приглашены в нашу страну руководством соответствующих конфессий[34].

Заместитель Попова депутат Чуев высказался более определенно: «В отношении незаконной миссионерской деятельности нужно внести изменения в Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», поскольку сегодня такая деятельность

---

[33] Незаконные миссионеры-экстремисты будут нести уголовную ответственность // Интерфакс. 14 ноября 2005 года.

[34] В Госдуму не поступало предложений по усилению контроля за деятельностью иностранных миссионеров // Интерфакс. 14 ноября 2005 г.

часто не регулируется. Самое страшное заключается в том, что этой деятельностью занимаются представители не традиционных религий, а весьма и весьма специфических духовных учений». «Нужно совершенствовать религиозное законодательство. Необходимо внести поправки, которые, например, предусматривали бы при регистрации в стране подобных организаций экспертизу, так как сегодня существуют «псевдорелигиозные» объединения, которые регистрируются не для благоприятных целей, а часто действуют как «секты». В итоге в России появляются новые «спасители», «пророки», которые объявляют себя центром и смыслом существования всех мировых религий», — сказал Чуев. Кроме того, по его мнению, «противостоять зарубежной экспансии мы можем и должны путем усиления роли традиционных для России вероисповеданий, закрепляя их в законе, давая им налоговые преференции и возможность социального партнерства с государством»[35].

Очевидно, что ведущая роль в формировании тенденций трансформации законодательства о свободе совести отводится федеральной религиозной политике, но попытки депутатских фракций и отдельных депутатов заручиться поддержкой «главной церкви главного народа» способны оказать некоторое влияние.

Таким образом, несмотря на внешнюю сдержанность, дистанцирование и даже охлаждение отношений старых партнеров, каковыми являются Комитет ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций и РПЦ МП, конституционные принципы в области свободы совести находятся под угрозой. Эта угроза связана с сохранением тенденций трансформации законодательства, предполагающими, с одной стороны, привилегии РПЦ МП (и, возможно, другим «традиционным» религиям), а с другой, — ограничения остальным под предлогом борьбы с «религиозным экстремизмом».

Скорее всего, Комитет больше не является самостоятельным партнером, что связано прежде всего с полным фактическим контролем законодательной ветви со стороны президентской исполнительной «вертикали власти». Таким образом, никакой законотворческой самодеятельности не предвидится. Неясны направления трансформации законодательства о свободе совести и о религиозных организациях, что оставляет больше возможностей для маневра в случае изменения тактики в религиозной политике Кремля. Но нет сомнений, что стратегия осталась прежней, как и приоритет религиозной политики относительно прав и свобод человека.

Еще одной структурой, представленной на уровне законотворчества, является Комиссия по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ, действующая в соответствии с Положением, утвержденным Постановлением правительства РФ от 9 июля 1994 года № 820 (с последующими изменениями и дополнениями).

Деятельность комиссии на ниве законотворчества на первый взгляд является прогрессивной. Вместе с тем уже много лет ее разработки не доходят до Госдумы РФ.

Говоря о работе Комиссии, ее ответственный секретарь А. Е. Себенцов структурировал предложения об изменениях в законе, которые связаны: «во-первых, с теми пробелами в законе, которые раньше не бросались в глаза, а позднее были выявлены правоприменением; во-вторых, с противоречиями, которые были следствием компромиссов, оказавшихся неудачными».

В частности предполагаемые изменения касаются следующих вопросов:

[35] Депутат Госдумы РФ Александр Чуев: «Мы можем и должны противостоять экспансии в РФ ряда зарубежных религиозных организаций» // Портал-Кредо.Ру. 15 ноября 2005 г.

— *понятия законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях* — «предлагается установить, что права и свободы в этой области регулируются исключительно федеральным законом, а субъекты Федерации и органы местного самоуправления могут принимать акты, касающиеся порядка реализации права»;

— *привлечения малолетних к деятельности религиозного объединения* — предлагается новая редакция: «привлечение малолетних детей к участию в богослужениях, религиозных обрядах, церемониях и иной деятельности религиозных объединений, а также обучение малолетних религии допускается при отсутствии возражений родителей или лиц, их заменяющих»;

— *религиозных праздников* — «предлагается уточнить, что нерабочими днями могут быть объявлены лишь важнейшие религиозные праздники»;

— *определения религиозного объединения как добровольного объединения граждан* — «новые определения понятий религиозного объединения и религиозной организации предлагаются не по схеме рода и видового отличия, а путем указания перечня видов и отличительных особенностей: объединение — группа или организация, имеющая три признака (вероисповедание, обрядность, обучение); организация (местная или централизованная) — духовное учебное заведение; иной вид, предусмотренный уставом централизованной религиозной организации»;

— *религиозных групп* — «родилась идея снять ограничения на регистрацию для религиозной группы, желающей оформиться как законопослушная местная религиозная организация, если ее организаторы могут предоставить все, что полагается по закону… но одновременно, сохраняя ранее достигнутые компромиссы, — ограничить на срок до 15 лет после регистрации необходимость минимума местных религиозных организаций и их право образовать самостоятельную централизованную организацию»;

— *условий создания религиозных организаций* — «можно повысить количество местных религиозных организаций, при котором возникает право на создание централизованной, до десяти, сохранив для уже существующих централизованных религиозных организаций ранее установленный минимум. Но оснований для увеличения минимального состава группы для создания местной религиозной общины обсуждение не выявило»;

— *наименования религиозной организации* — «предлагается внести в закон поправку, дающую право отказа в регистрации религиозной организации, если ее наименование вводит в заблуждение относительно вероисповедной принадлежности организации»;

— *религиоведческой экспертизы* — подготовлена целая статья изменений и дополнений, расширяющих ее полномочия и круг решаемых вопросов;

— контроля за деятельностью религиозных объединений — проработаны «пределы полномочий контролеров и прав самой религиозной организации при проведении контрольных мероприятий»;

— *налоговых льгот, положенных благотворительным организациям* — «решение найдено на пути ведения раздельного учета средств и имущества, используемых в благотворительных и иных целях»;

— *земельного законодательства* — требуются уточнения, касающиеся «и закона о свободе совести, и Земельного кодекса… и части объектов (в действующем законе, например, не учтены монастырские комплексы), и в части обеспечения прав религиоз-

ных организаций на безвозмездное пользование земельными участками, относящимся к зданиям и сооружениям, переданным им в безвозмездное пользование»;

— *трудовых отношений* — статья о трудовых отношениях в религиозных организациях не соответствует «Трудовому кодексу, законодательству о социальном страховании и пенсионном обеспечении».

Завершая тему о противоречиях в законодательстве, Себенцов говорит об их неизбежности, попутно затрагивая проблему допустимости их уровня, решение которой находится в сфере политики, «которая выходит за рамки настоящей статьи»[36].

Возникает впечатление, что Комиссия по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ является параллельной отвлекающей структурой, а ее деятельность в области законотворчества носит имитационный характер. Годами работают эксперты, проводятся консультации с религиозными объединениями, обсуждения, заседания и т. п., а результат — нулевой.

Впрочем, сам Себенцов признает, что хотя либеральный подход и записан в Конституции РФ, проводить его в жизнь затруднительно, а поиск компромиссов приводит к очередным противоречиям.

В начале 2006 года крайне актуальным стал вопрос введения в российской армии института военного духовенства. 14 февраля в Москве состоялась пресс-конференция, на которой был презентован законопроект «О военных священниках», подготовленный Главной военной прокуратурой. При этом сам законопроект общественности показали издалека[37].

Перед российскими и зарубежными журналистами выступили заместитель начальника Главного управления воспитательной работы Вооруженных сил Российской Федерации (ГУВР) контр-адмирал Юрий Нуждин, старший помощник главного военного прокурора, генерал-майор юстиции Валерий Кондратов и председатель Синодального отдела РПЦ МП по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Димитрий Смирнов[38].

Кондратов, сознательно избегая каких-либо подробностей о законопроекте, сослался на своего начальника — главного военного прокурора Александра Савенкова, который, выступая 6 февраля на заседании Совета Федерации, заявил, что ГВП «будут подготовлены предложения по созданию института военного духовенства». «10 февраля эти предложения были подготовлены, — отметил Кондратов, — и направлены в Министерство обороны РФ, Генеральный штаб ВС РФ, Государственную думу и Совет Федерации».

По заявлению Кондратова, «подготовка законопроекта вызвана необходимостью повышения нравственного климата, укрепления воинской дисциплины и борьбы с так называемой «дедовщиной». «Мы исходили из имеющегося опыта деятельности РПЦ и других «традиционных» конфессий. В настоящее время наши предложения прорабатываются в соответствующих заинтересованных ведомствах», — подытожил прокурор.

---

[36] *Себенцов А. Е.* Противоречия в законодательстве о свободе совести // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения. Н. Новгород., 2003. С. 88.

[37] Текст законопроекта появился в Интернете несколько позже. См.: Проект Федерального закона РФ «О военных священниках», подготовленный Главной военной прокуратурой // Портал-Кредо.Ру. 21 февраля 2006.

[38] *Твинидзе А.* Армейские раскольники. Растерянные генералы и протоиерей Димитрий Смирнов в роли суфлера. Куда они ведут армию и страну? // Портал-Кредо.Ру. 16 февраля 2006.

Представители РПЦ поддержали идею введения института военного духовенства[39]. В частности, в заявлении Священного синода РПЦ МП от 11 апреля 2006 года говорится: «Положительный отечественный и мировой опыт свидетельствуют о том, что возрождение института военного духовенства способно принести пользу государству и обществу. Сегодня в российской армии священнослужители традиционных для России религий могли бы участвовать в духовном, нравственном и патриотическом воспитании военнослужащих. В то же время армейские коллективы не должны становиться полем для прозелитизма. В ее рядах должны работать только те религиозные организации, члены которых несут службу в Вооруженных Силах. Мы верим, что деятельная работа духовенства в армии поможет сократить количество случаев самоубийств, унижения достоинства человеческой личности и других противоправных действий. Священный Синод Русской Православной Церкви призывает государство, общество и все традиционные религии России совместными усилиями воссоздать институт военного духовенства».

Совет муфтиев России выступил с научно аргументированной критикой законопроекта «О военных священниках», при этом поддержав саму идею законодательного регулирования участия представителей всех официально зарегистрированных религиозных объединений России в духовно-нравственном воспитании военнослужащих.

«Попытка грубого продавливания введения института священников в армии чревата тяжелейшими последствиями для судеб поликонфессиональной по своему составу российской армии, общества в целом. Такой шаг может свестись к противопоставлению верующих разных религиозных традиций, к дискриминации военнослужащих по признаку национальной или религиозной принадлежности». Говорится в официальной позиции Совета муфтиев России от 11 марта 2006 года.

В экспертном заключении Совет муфтиев России дал оценку конкретным статьям проекта федерального закона «О военных священниках», подготовленного в Главной военной прокуратуре, установив их противоречие Конституции России, а также отметив ряд спорных и явно деструктивных норм[40].

Сопредседатель Института свободы совести С. А. Мозговой еще до появления законопроекта «О военных священниках» разъяснил причины, по которым он не может стать законом.

«Во-первых, институт военного духовенства является историческим атавизмом. Он зарождался в эпоху, когда принципы светскости еще не были широко и по-настоящему востребованы обществом и государством. Подавляющее число граждан были конфессионально ориентированными, а в идеологии (и в частности, в мотивации военной службы) доминировали религиозные мотивы.

Во-вторых, большинство стран, где государство финансирует службу капелланов, не являются светскими, в конституциях многих из них мы не обнаружим принципа отделения Церкви от государства. В одних — при формальном отделении — существуют конкордаты, а в других — отдельные религии провозглашены официально признанными.

[39] Заявление Священного синода РПЦ МП о восстановлении института военного духовенства в Российской армии // Портал-Кредо.Ру. 12 апреля 2006; Заявление службы коммуникации ОВЦС МП в связи с дискуссией по поводу возможного введения института военного духовенства // Портал-Кредо.Ру. 16 марта 2006.

[40] О провокациях в отдельных СМИ, направленных на возбуждение межрелигиозного противостояния. Заявление Совета муфтиев России // Ислам-Инфо. 20 марта 2006.

В-третьих, с каждым годом все меньшее число военнослужащих нуждается в услугах капелланов. Эта тенденция повсеместно беспокоит руководителей главных офисов военных капелланов и, соответственно, Церкви. Об этом идут дебаты на ежегодной европейско-североамериканской конференции военных капелланов, участником которой был автор этих строк. На это же сетовал на встрече с руководством Главного управления воспитательной работы ВС РФ в 2004 году представитель Бундесвера, в котором религиозность военнослужащих снизилась за последние четверть века с 98 % до 70 %, а в некоторых частях и до 50 %.

В-четвертых, это проблема эффективности института военных капелланов, которая также в последнее время становится предметом широкого обсуждения. Наглядно о наличии такой проблемы свидетельствует низкий моральный дух военнослужащих международной коалиции в Ираке…

И в-пятых, даже в странах, где институт военного духовенства уже давно является традиционным, начинаются дебаты относительно его конституционности.

И последнее. Институт военного духовенства зарождался в особых условиях «сожительства» государства и Церкви, когда последняя была его идеологическим «придатком». Сегодня эта практика противоречит не только Конституции, но и христианскому преданию. Так, 83-е правило святых апостолов гласит: «Епископ или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся, и хотящий удержать обое, то есть, Римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священного чина»[41].

17 марта 2006 года в Москве состоялся экспертный круглый стол «Спасти рядового Сычева. Поможет ли введение института военного духовенства укреплению дисциплины и боеспособности российской армии?», организованный Институтом свободы совести, редакцией портала Credo.Ru и общественным фондом «Гласность»[42].

В обсуждении приняли участие ведущие эксперты, по мнению которых законопроект «О военных священниках» противоречит Конституции России, характеризуется низким уровнем юридической техники, основан на неадекватных принципах и понятийном аппарате. Особо было отмечено наличие в тексте законопроекта негативного социального ярлыка «секта», использование которого в публично-правовой сфере разжигает религиозную ксенофобию и нетерпимость.

Очевидно, что за благовидным социальным партнерством РПЦ МП с силовыми структурами государства скрываются «специальные» (помимо действующего законодательства) контроль и ограничения по отношению к «неосновным» религиозным объединениям.

Несмотря на то, что сотрудничество силовиков и РПЦ МП на ниве «духовной безопасности» ведется давно, возникает впечатление, что российская власть, нуждаясь в политической поддержке, готова пойти на очередные значительные уступки для давнего идеологического партнера. В данном контексте инициативы силового блока в области религиозной политики представляется не случайным.

5 апреля 2006 года Госдумой была принята поправка в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП).

---

[41] Мозговой С. А. Комиссары в рясах // Портал-Кредо.Ру. 29 ноября, 1 декабря 2005.

[42] Круглый стол «Спасти рядового Сычева. Поможет ли введение института военного духовенства укреплению дисциплины и боеспособности российской армии?» // Портал-Кредо.Ру. 4, 12, 19 апреля, 4 мая 2006 года.

В частности, глава 20 КоАП была дополнена отдельной ст. 20.28 «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности»:

«Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу решение о приостановлении его деятельности, а также участие в такой деятельности влечет наложение административного штрафа на организаторов в размере от десяти до двадцати минимальных размеров оплаты труда; на участников — от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда».

Само понятие «приостановление деятельности общественной или религиозной организации» было впервые прописано в Законе «О противодействии экстремистской деятельности». В ст. 10 этого закона отмечается, что деятельность общественного или религиозного объединения может быть приостановлена в случае, осуществления «экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству. Решение о приостановлении деятельности религиозного объединения могут принять как органы прокуратуры, так и те органы, которые зарегистрировали религиозную организацию и осуществляют надзор за соблюдением ею устава»[43].

Представляет некоторый интерес анализ предложений субъектов Российской Федерации по внесению изменений и дополнений в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Например, в 2004 году поправки были представлены из 33 регионов России (Кабардино-Балкария, Удмуртия, Вологодская, Курганская, Ростовская, Ярославская области и др.)[44].

Значительное количество поправок касалось терминологии, применяемой в законе и его юридической технике: определение понятия «традиционная конфессия», уточнение понятия «местная религиозная организация» и признаков религиозного объединения, введение понятия «собственно религиозной деятельности» и «субрелигиозной деятельности».

Представители Вологодской области предложили определить в Законе понятия «религиозной литературы», «предметов религиозного назначения», а представители Республики Бурятии предложили внести определения шаманизма, язычества, сакральных (священных) мест буддистов и шаманистов, которые характерны для коренных народов Сибири и Крайнего Севера.

В области религиозного образования представители Республики Мордовии предложили закрепить в Законе обязательность преподавания «Основ православной культуры» в светских учебных заведениях, а представители Оренбургской области предложили законодательно закрепить обязательное лицензирование профессионального религиозного образования.

От Кабардино-Балкарии, Чувашии, Курганской области поступали предложения о невозможности создания на территории одного субъекта РФ более одной центра-

[43] В Кодекс РФ об административных правонарушениях внесены поправки, касающиеся деятельности религиозных объединений // Портал-Кредо.Ру. 13 мая 2006.

[44] Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году. Т. II. М., 2005. С. 37—41.

лизованной религиозной организации и даже о введении единого централизованного управления мусульманскими объединениями России.

Значительное число предложений касается усиления контроля за деятельностью религиозных объединений.

От пяти регионов поступили предложения об усилении роли и расширении возможностей религиоведческой экспертизы в целях противодействия «экстремистской деятельности» религиозных организаций, а также по усилению механизмов контроля за нарушениями со стороны «некоторых» религиозных организаций действующего законодательства России.

Кабардино-Балкария и Чувашия предлагали законодательное установление ответственности централизованных религиозных объединений за противоправную деятельность входящих в них местных религиозных организаций.

Алтайский край предлагает установить в качестве причины отказа в государственной регистрации религиозной организации ее участие в противоправной, антисоциальной или экстремистской деятельности на территории других государств, а в качестве основания ликвидации по суду — участие в экстремистской и террористической деятельности.

Тюменская область считает, что необходимо наделить органы юстиции полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью религиозных групп.

Курская область предложила ввести ответственность руководителей религиозного объединения за противоправные действия его членов, а также противоправные действия, явившиеся следствием религиозного воспитания и обучения. Кроме того, одним из оснований запрета деятельности религиозного объединения предлагалось считать сообщение заведомо ложных сведений о своей принадлежности к зарегистрированной религиозной организации, а равно сокрытие религиозного характера деятельности при привлечении к участию в объединении.

Большинство регионов выражают обеспокоенность активностью иностранных миссионеров и требуют: введения экспертизы и выдачи разрешений на религиозную пропаганду зарубежным миссионерам (Бурятия, Волгоградская область), запретить иностранцам руководить религиозными организациями в России (Новосибирская область), запретить финансирование российских религиозных организаций из зарубежных источников (Камчатская область).

Тема законодательной борьбы с так называемым исламским экстремизмом, «ваххабизмом» и т. п. заслуживает особого внимания. Например, в 1999 году Народным собранием Дагестана был принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности в Республике Дагестан».

Таким образом, в Дагестане фактически узаконены преследования по признаку принадлежности к религии. Соответственно, правоохранительные органы республики зачастую вместо пресечения конкретных преступных проявлений стали задерживать и подвергать репрессиям приверженцев «ваххабизма» только по внешним признакам (наличие бороды и коротких «пакистанских» штанов), в том числе тех, кто не совершал никаких правонарушений.

В целом же государственные органы фактически поддерживают «правильный» ислам якобы в качестве единственной альтернативы «неправильному» «ваххабизму». На самом деле подобная антиконституционная политика привела к противоположному результату — усилению позиций радикалов, дестабилизации региона.

В Кабардино-Балкарии депутаты местного парламента обратились к руководству республики с просьбой закрыть все «ваххабитские» джамааты, отнеся к ним все, которые не входят в состав Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарии. Кроме того, на сессиях местных советов предлагалось запретить посещение мечетей несовершеннолетними, ношение ими одежды, указывающей на религиозную принадлежность[45]. Кровавые события 13—14 октября 2005 года в Нальчике стали развязкой назревавших противоречий между властью и мусульманами, обусловленных системными нарушениями принципов свободы совести и светскости государства. Однако адекватных выводов властью, в том числе ее законодательной ветвью, не делается, антиконституционную политику никто менять не собирается. Ставка делается на ужесточение и без того репрессивного законодательства в отношении религиозной деятельности.

24 января 2006 года парламентом Кабардино-Балкарской Республики в Госдуму РФ были внесены очередные ограничительно-запретительные законопроекты «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», «О внесении изменений в статьи 100 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Даже если поправки будут отклонены, они отражают крайне опасные тенденции.

Представляется, что меры по противодействию преступным проявлениям на Северном Кавказе и других регионах должны разрабатываться на основе соблюдения конституционных принципов свободы совести и светскости государства и вне зависимости от того, какой ширмой эти проявления прикрываются.

Анализ законотворческого процесса выявил антиконституционные тенденции, предполагающие законодательное закрепление, с одной стороны, системы «специальных» государственных льгот и привилегий (в том числе прямое государственное финансирование в целом ряде областей) для «основных» религиозных организаций, а с другой, — неправомерных ограничений в отношении «неосновных» (под предлогом борьбы за «духовную безопасность», против «религиозного экстремизма» и т. п.).

Иными словами, наряду с превращением неких «традиционных» конфессий в административный ресурс власти, позволяющий манипулировать электоральным сознанием, предполагается устранение любой альтернативы очередной государственной идеологии, на сей раз бесстыдно прячущейся в религиозные одежды.

---

[45] Депутаты требуют закрыть ваххабитские джамааты // Кавказский узел. 3 ноября 2004.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРАВА НА СВОБОДУ УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ

С. Бурьянов, Институт свободы совести

В соответствии со ст. 118 Конституции России «1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. 2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

Ст. 125—127 Конституции России определяют место, занимаемое высшими судами в судебной системе, а также место подчиненных им судов.

Ст. 125 определяет особый статус Конституционного суда Российской Федерации как судебного органа призванного толковать Конституцию РФ, контролировать конституционность законов и иных правовых актов. Несмотря на то, что Конституционному суду не подчиняются напрямую никакие суды, его решения имеют значение для всех судебных органов и влияют на судебную практику в целом.

Ст. 126 Конституции России гласит, что «Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным делам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики».

Конституционный суд Российской Федерации неоднократно рассматривал вопросы, так или иначе связанные со свободой мысли, совести и религии, и среди них особое место занимает рассмотрение Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

23 ноября 1999 года в Конституционном суде РФ слушалось дело о соответствии Конституции РФ абзацев третьего и четвертого п. 3 ст. 27 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы Ярославля и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» (город Абакан, Республика Хакасия) и было вынесено постановление[1].

Дело в том, что согласно п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации, не имеющие документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет, пользуются правами юридического лица при условии их ежегодной перерегистрации до наступления указанного пятнадцатилетнего срока (абзац третий); в течение этого срока религиозные организации не пользуются правами, предусмотренными п. 4 ст. 3, п. 3 и 4 ст. 5, п. 5 ст. 13, п. 3 ст. 16, п. 1 и 2 ст. 17, п. 2 ст. 8

[1] Постановление Конституционного суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» // сайт Конституционного суда РФ www.ksrf.ru.

(применительно к образовательным учреждениям и средствам массовой информации), ст. 19 и п. 2 ст. 20 данного Федерального закона (абзац четвертый). В частности, они не вправе обратиться к Президенту Российской Федерации с просьбой о предоставлении священнослужителям отсрочки от призыва на военную службу; создавать образовательные учреждения; иметь при себе представительство иностранной религиозной организации и приглашать иностранных граждан в целях занятия проповеднической, религиозной деятельностью; проводить религиозные обряды в больничных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы; производить, приобретать, экспортировать, импортировать и распространять религиозную литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы и иные предметы религиозного назначения, а также учреждать средства массовой информации.

В своих жалобах в Конституционный суд РФ религиозное объединение «Христианская церковь Прославления» и религиозное общество Свидетелей Иеговы Ярославля утверждают, что названные положения ограничивают права граждан по признакам принадлежности к религиозной организации, не имеющей документа, подтверждающего ее существование на соответствующей территории не менее пятнадцати лет, и тем самым нарушают положения Конституции Российской Федерации о равенстве религиозных организаций перед законом (ст. 14 ч. 2), равенстве всех перед законом (ст. 19 ч. 1), свободе вероисповедания (ст. 28), гарантированности свободы слова (ст. 29 ч. 1), праве на объединение (ст. 30 ч. 1), праве на образование (ст. 43 ч. 1), недопустимости издания законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (ст. 55 ч. 2), признании и гарантированности прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17 ч. 1).

Как следует из материалов дела, 24 февраля 1998 года прокурором Абакана в адрес религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» было направлено представление об устранении нарушений требований п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В представлении указывалось, что данное религиозное объединение, не имея документов, подтверждающих его существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет, неоднократно проводило религиозные собрания в клубе пансионата ветеранов Республики Хакасии с участием проживающих в пансионате лиц, распространяло религиозную литературу, обучало граждан в созданной при объединении библейской школе, приглашало иностранных граждан для участия в богослужении, проводило религиозные собрания в воспитательной колонии для несовершеннолетних, а также провело международную конференцию с участием иностранных граждан.

Аналогичное представление 20 ноября 1998 года было направлено прокурором Дзержинского района г. Ярославля в адрес религиозного общества Свидетелей Иеговы Ярославля после того, как 26 января 1998 года прокуратура Ярославской области вынесла предупреждение о необходимости соблюдения данным религиозным обществом законодательства о религиозных объединениях. Прокуратура усмотрела нарушения законодательства в том, что общество продает верующим книги и брошюры религиозного содержания, распространяет религиозные журналы, издаваемые за рубежом; кроме того, в Ярославле и других городах Ярославской области иностранный гражданин, приглашенный обществом, осуществляет проповедническую деятельность.

Таким образом, органы прокуратуры полагают, что религиозное объединение «Христианская церковь Прославления» и религиозное общество Свидетелей Иеговы Ярославля как не имеющие подтверждения о своем существовании на соответствующих территориях на протяжении не менее пятнадцати лет в силу п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» до наступления указанного срока обязаны ежегодно перерегистрироваться и в этот период не вправе осуществлять названную деятельность.

Кроме того, в жалобе религиозного общества Свидетелей Иеговы Ярославля указывается, что решением Кировского районного суда г. Ярославля от 18 мая 1999 года члену этого общества И. М. Щурову было отказано в удовлетворении жалобы на действия призывной комиссии, которая не предоставила ему возможность замены военной службы альтернативной гражданской службой.

Суд пришел к выводу, что члены религиозной организации, не имеющей документа, подтверждающего ее существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет, в силу абзацев третьего и четвертого п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» не пользуются правом, предусмотренным положением п. 4 ст. 3 названного Федерального закона, согласно которому гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой. 17 июня 1999 года судебная коллегия по гражданским делам Ярославского областного суда оставила решение суда первой инстанции без изменения, а жалобу Щурова без удовлетворения. 3 августа председатель Ярославского областного суда отказал в принесении протеста на данные судебные решения.

Положения абзацев третьего и четвертого п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» были применены к религиозным организациям, учрежденным (созданным) до вступления в силу Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и являющимся составными частями централизованных религиозных организаций.

Постановлением Конституционного суда РФ от 23 ноября 1999 года № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого п. 3 ст. 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в г. Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» обжалуемые положения признаны не противоречащими Конституции РФ, поскольку они в нормативном единстве с положениями п. 1 ст. 9 и п. 5 ст. 11 данного Федерального закона применительно к их действию в отношении религиозных организаций, учрежденных до вступления данного Федерального закона в силу, а также местных религиозных организаций, входящих в структуру централизованной религиозной организации, означают, что такие организации пользуются правами юридического лица в полном объеме без подтверждения 15-летнего минимального срока существования на соответствующей территории, без ежегодной перерегистрации и без ограничений, предусмотренных абзацем четвертым п. 3 ст. 27 названного Федерального закона.

В силу требований ст. 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» конституционность содержащихся в абзацах третьем и четвертом п. 3 ст. 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» положений в нормативном единс-

тве с положениями п. 1 ст. 9 и п. 5 ст. 11 названного Федерального закона применительно к их действию в отношении других религиозных организаций в данном деле не проверялась.

Конституционно-правовой смысл положений абзацев третьего и четвертого п. 3 ст. 27 в их нормативном единстве с положениями п. 1 ст. 9 и п. 5 ст. 11 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях», выявленный Конституционным судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

13 апреля 2000 года Конституционным судом РФ заслушано в пленарном заседании заключение судьи В. Д. Зорькина по жалобе религиозного объединения «Независимый российский регион Общества Иисуса» (НРРОИ) на нарушение конституционных права и свобод п. 3, 4 и 5 ст. 8, ст. 9 и 13, п. 3 и 4 ст. 27 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и вынесено определение[2].

Религиозное объединение «Независимый российский регион Общества Иисуса» (Москва), зарегистрированное 30 сентября 1992 года Минюстом РФ на основании Закона РСФСР от 25 октября 1990 года «О свободе вероисповедания», является структурным подразделением входящего в состав Римско-католической церкви всемирного Общества Иисуса (ордена иезуитов), центральное управление которого находится в Риме. В соответствии со своим уставом НРРОИ обладает правами юридического лица и действует на территории Российской Федерации.

Как религиозная организация, созданная до вступления в силу ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», НРРОИ в соответствии с п. 4 ст. 27 этого Закона должен был пройти государственную перерегистрацию, однако Минюст РФ отказал ему в этом, ссылаясь на п. 3, 4 и 5 ст. 8, ст. 9 и 13, п. 3 и 4 ст. 27 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Определение Конституционного суда РФ от 13 апреля 2000 года № 46-О «По жалобе религиозного объединения «Независимый российский регион Общества Иисуса» на нарушение конституционных прав и свобод п. 3, 4 и 5 ст. 8, ст. 9 и 13, п. 3 и 4 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» гласит:

1. Положениями пунктов 3, 4 и 5 статьи 8, статей 9 и 13, пунктами 3 и 4 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» применительно к их действию в отношении религиозных организаций, учрежденных до вступления данного Федерального закона в силу, конституционные права и свободы религиозного объединения «Независимый Российский Регион Общества Иисуса» не нарушаются, поскольку такие организации, как следует из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 1999 года и пункта 2 мотивировочной части настоящего Определения, пользуются правами юридического лица в полном объеме без подтверждения 15-летнего минимального срока существования на соответствующей территории, без ежегодной перерегистрации и без ограничений, предусмотренных абзацем четвертым пункта 3 статьи 27 названного Федерального закона; при перерегистрации они могут в учредительных документах

[2] Определение Конституционного суда РФ от 13 апреля 2000 года № 46-О «По жалобе религиозного объединения «Независимый российский регион Общества Иисуса» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 3, 4 и 5 статьи 8, статьями 9 и 13, пунктами 3 и 4 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // сайт Конституционного суда РФ www.ksrf.ru.

указывать в качестве своей организационно-правовой формы какой-либо вид религиозной организации, предусмотренный статьей 8 названного Федерального закона, не создавая новых подразделений, в том числе территориальных, в соответствии с требованиями данного Федерального закона, предъявляемыми к такой организационно-правовой форме (виду) с точки зрения ее структуры; такие организации также вправе использовать в своих наименованиях слова «Россия», «российский» и производные от них, если до вступления названного Федерального закона в силу они уже использовали их в своих наименованиях и если на момент подачи заявления о государственной перерегистрации они действовали на территории Российской Федерации на законных основаниях; при этом не должно приниматься во внимание приостановление деятельности религиозной организации, если она была лишена возможности действовать по причинам, зависящим не от нее, а от неправомерных решений и действий государственных органов и их должностных лиц.

Конституционно-правовой смысл положений пунктов 3, 4 и 5 статьи 8, статей 9 и 13, пунктов 3 и 4 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях», выявленный Конституционным судом Российской Федерации в постановлении от 23 ноября 1999 года и настоящем Определении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2. Поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» не требуется вынесения предусмотренного его статьей 71 итогового решения в виде постановления Конституционного Суда Российской Федерации, признать жалобу религиозного объединения «Независимый российский регион Общества Иисуса» не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

3. Настоящее Определение окончательно, не подлежит обжалованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами».

7 февраля 2002 года на пленарном заседании Конституционного суда РФ заслушано заключение судьи В. Д. Зорькина по жалобе религиозного объединения «Московское отделение Армии Спасения» (МОАС) на нарушение конституционных прав и свобод содержанием п. 4 ст. 27 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и вынесено определение[3].

В жалобе МОАС оспаривается конституционность п. 4 ст. 27 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в редакции от 26 марта 2000 года), согласно которому государственная перерегистрация религиозных организаций, созданных до вступления в силу данного Федерального закона, должна быть проведена не позднее 31 декабря 2000 года в соответствии с требованиями данного Федерального закона; по истечении указанного срока религиозные организации, не прошедшие перерегистрацию, подлежат ликвидации в судебном порядке по требованию органа, осуществляющего государственную регистрацию религиозных организаций.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2002 г. № 7-О «По жалобе религиозного объединения «Московское отделение Армии Спасения» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 4 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // сайт Конституционного суда РФ www.ksrf.ru.

Как следует из жалобы, МОАС образовано решением учредительного собрания граждан 8 марта 1992 года, а его устав зарегистрирован в органах юстиции 6 мая 1992 года и, в связи с внесенными изменениями и дополнениями, 12 сентября 1997 года. В соответствии с уставом МОАС является частью международной религиозной организации «Армия Спасения» (христианско-евангелическая церковь) и на правах юридического лица действует в административно-территориальных границах Москвы. В России деятельность «Армии Спасения» как религиозной организации осуществлялась с 1913 по 1923 год и была возобновлена в 1991 году. 20 февраля 2001 года Минюстом РФ произведена государственная регистрация централизованной христианской религиозной организации «Армия Спасения в России».

Главное управление Минюста РФ по г. Москве, куда 18 февраля 1999 года МОАС представил документы для проведения государственной перерегистрации, письмом от 16 августа 1999 года уведомило МОАС об отказе в перерегистрации в связи с тем, что его учредительные документы не соответствуют требованиям законодательства. На том же основании Пресненский межмуниципальный суд Москвы 5 июля 2000 года отказал в удовлетворении жалобы МОАС на это решение. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда определением от 28 ноября 2000 года оставила кассационную жалобу МОАС без удовлетворения, сославшись на то, что устав МОАС в части, относящейся к условиям и порядку его создания и учреждения, не соответствует требованиям законодательства.

Решением Таганского межмуниципального суда города Москвы от 12 сентября 2001 года был удовлетворен иск Главного управления Минюста РФ по г. Москве о признании МОАС прекратившим свою деятельность (поскольку данное религиозное объединение не информировало зарегистрировавший его орган, как того требует п. 9 ст. 8 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», о продолжении своей деятельности) и о ликвидации его как юридического лица с исключением из Единого государственного реестра юридических лиц (поскольку оно не прошло государственную перерегистрацию в срок до 31 декабря 2000 года, как того требует п. 4 ст. 27 ФЗ). Определением Московского городского суда от 6 декабря 2001 года решение первой инстанции оставлено без изменения, а кассационная жалоба — без удовлетворения.

В своей жалобе в Конституционный суд РФ МОАС утверждает, что ликвидация как мера ответственности, возлагаемая на религиозную организацию, не прошедшую перерегистрацию в установленный срок, на основании п. 4 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» возможна по сугубо формальным основаниям при отсутствии нарушающих Конституцию Российской Федерации и федеральное законодательство действий этой организации, что не согласуется с общими принципами ответственности в Российской Федерации как правовом государстве и противоречит гарантиям конституционных прав и свобод, закрепленным ст. 28, 30 и 55 (часть 3) Конституции России.

В соответствии с определением Конституционного суда РФ от 7 февраля 2002 года № 7-О «По жалобе религиозного объединения «Московское отделение Армии Спасения» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 4 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»:

«1. В силу правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23 ноября 1999 года по делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от

26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также в Определении от 13 апреля 2000 года № 46-О по жалобе религиозного объединения «Независимый российский регион Общества Иисуса» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 3, 4 и 5 статьи 8, статьями 9 и 13, пунктами 3 и 4 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и основанных на положениях статей 13 (часть 4), 14, 19 (части 1 и 2), 28, 30 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, положения пункта 4 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», связанные с изменением порядка создания и учреждения религиозных организаций как юридических лиц, в их конституционно-правовом смысле и во взаимосвязи с пунктом 3 статьи 27, пунктом 9 статьи 8, статьями 11, 12, 15 и 25 того же Федерального закона не могут служить препятствием для перерегистрации религиозных объединений, созданных и учрежденных до его вступления в силу и имеющих статус юридического лица, обладающих полной правоспособностью и действующих на законных основаниях. Перерегистрация таких организаций не может обуславливаться дополнительными требованиями к порядку создания и учреждения религиозной организации, которые ранее действовавшим законом не предъявлялись, поскольку речь идет об организациях, уже созданных и учрежденных в качестве юридических лиц, обладающих полной правоспособностью и действующих на законных основаниях; ликвидация такой организации как не прошедшей перерегистрацию в указанный срок (т. е., по сути, не внесшей необходимых изменений и дополнений в учредительные документы) возможна по решению суда — в соответствии с предписаниями статей 13 (часть 5), 28, 30 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их положений пункта 9 статьи 8 и статьи 14 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» — лишь в случае, если надлежащим образом будет доказано, что она прекратила свою деятельность или осуществляет не совместимую с вытекающими из Конституции Российской Федерации обязанностями религиозной организации как юридического лица неправомерную деятельность. При этом суд, решая вопрос о ликвидации религиозной организации как не прошедшей перерегистрацию в указанный срок, в том числе по причине прекращения ею своей деятельности, не может ограничиваться установлением формальных условий применения положений пункта 4 статьи 27 (непрохождение перерегистрации в указанный срок) и пункта 9 статьи 8 (непредставление необходимых сведений) названного Федерального закона.

2. Конституционно-правовой смысл положений пункта 4 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», выявленный в настоящем Определении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу религиозного объединения «Московское отделение Армии Спасения», основанные на применении положений пункта 4 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Определении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» не требуется вынесения предусмотренного его статьей 71 итогового решения в виде постановления, жалоба религиозного объединения «Московское отделение

Армии Спасения» не подлежит дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации».

9 апреля 2002 года Конституционным судом РФ заслушано в пленарном заседании заключение судьи В. Д. Зорькина по жалобе граждан И. А. Зайковой, Н. Х. Иванцовой, В. А. Илюхина, С. В. Кадеева, И. А. Никитина, А. Г. Прозорова, В. Г. Работнева, Н. П. Сергеевой, Н. Р. Халиковой и Ф. Ф. Халикова на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 9 и пунктом 5 статьи 11 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и вынесено определение[4].

«Согласно Федеральному закону от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в редакции от 26 марта 2000 года) учредителями местной религиозной организации могут быть не менее десяти граждан Российской Федерации, объединенных в религиозную группу, у которой имеется подтверждение ее существования на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет, выданное органами местного самоуправления, или подтверждение о вхождении в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданное указанной организацией (пункт 1 статьи 9); для государственной регистрации местной религиозной организации учредители представляют в соответствующий орган юстиции документ, подтверждающий существование религиозной группы на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет, выданный органом местного самоуправления, или подтверждающий ее вхождение в централизованную религиозную организацию, выданный ее руководящим центром (абзац шестой пункта 5 статьи 11).

Как следует из представленных материалов, управление Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике со ссылкой на названные положения отказало в регистрации местной религиозной организации «Сайентологическая церковь города Ижевска», поскольку ее учредители — граждане И. А. Зайкова, Н. Х. Иванцова, В. А. Илюхин, С. В. Кадеев, И. А. Никитин, А. Г. Прозоров, В. Г. Работнев, Н. П. Сергеева, Н. Р. Халикова и Ф. Ф. Халиков требуемый документ не представили (уведомление о создании ими религиозной группы «Сайентологическая церковь» было принято к сведению Администрацией города Ижевска 19 июня 2000 года).

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации заявители утверждают, что отказ органа юстиции зарегистрировать в качестве религиозной организации на правах юридического лица созданное ими объединение нарушает конституционные гарантии свободы совести, свободы вероисповедания и права на объединения, и просят признать названные положения пункта 1 статьи 9 и пункта 5 статьи 11 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» противоречащими статьям 13 (части 4 и 5), 19 (части 1 и 2), 28, 30 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 2 статьи 12 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» отказ регистрирующего органа в государственной регистрации религиозной организации в случае несогласия ее учредителей обжалуется в суд. Заявители, не согласившись с решением управления Министерства юстиции

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2002 года № 113-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан И. А. Зайковой, Н. Х. Иванцовой, В. А. Илюхина, С. В. Кадеева, И. А. Никитина, А. Г. Прозорова, В. Г. Работнева, Н. П.Сергеевой, Н. Р. Халиковой и Ф. Ф. Халикова на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 9 и пунктом 5 статьи 11 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // сайт Конституционного суда РФ www.ksrf.ru.

Российской Федерации по Удмуртской Республике, обратились за защитой своих прав не в суд общей юрисдикции, который, по смыслу статьи 126 Конституции Российской Федерации и основанного на нем действующего законодательства, наделен компетенцией разрешать такого рода дела, а непосредственно в Конституционный Суд Российской Федерации».

Определением Конституционного суда РФ заявителям отказано в принятии к рассмотрению жалобы, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба может быть признана допустимой.

Таким образом, в своих определениях и постановлении Конституционный суд РФ избежал признания неконституционными норм Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Фактически они не препятствует религиозной дискриминации, но формально удовлетворяют конкретных заявителей. Выявленный Конституционным судом «конституционно-правовой смысл» заменяет буквальное толкование ФЗ, не изменяя его антиконституционной сути.

Некоторые из вышеупомянутых решений Конституционного суда РФ, положительно воспринятые общественностью, на самом деле сводят на нет либеральные завоевания в сфере свободы совести, связанные с ее правовым регулированием. В частности Постановлением от 23 ноября 1999 года созданы предпосылки введения в российское правовое пространство ряда неправовых понятий, таких как «секта», «миссионерская деятельность», «прозелитизм», «вербовка».

В соответствии с этим постановлением «государство вправе предусмотреть определенные преграды, с тем чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния, а также воспрепятствовать миссионерской деятельности (в том числе в связи с проблемой прозелитизма), если она несовместима с уважением к свободе мысли, совести и религии других и к иным конституционным правам и свободам, а именно сопровождается предложением материальных или социальных выгод с целью вербовки новых членов в церковь, неправомерным воздействием на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении, психологическим давлением или угрозой применения насилия и т. п.»[5].

В данном контексте высказывания адвоката А. В. Пчелинцева, который утверждает, что «Конституционный суд РФ, пусть с некоторой осторожностью и дипломатичностью, уделил достаточно серьезное внимание вопросам реализации гражданами права на свободу совести и вероисповедания»[6], не имеют под собой устойчивых оснований.

Своими решениями КС РФ фактически подтвердил принципы лежащие в основе ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», позволяющие властным группам контролировать религиозную сферу, на предмет соответствия собственным о ней представлениям. Как говорится, и власть сыта, и конфессии пока целы.

---

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в г. Ярославль и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» // сайт Конституционного суда РФ www.ksrf.ru.

[6] *Пчелинцев А. В.* Вопросы свободы совести и вероисповедания в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений. М. 2002. с. 180.

Совершенно очевидно, что улучшение ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» путем обжалования и отмены его отдельных положений Конституционным судом РФ, носит ограниченный характер. В результате решения КС РФ несколько смягчили репрессивный характер ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», но состояние свободы совести и свободы вероисповедания за последние годы все равно значительно ухудшилось.

По мнению экспертов Института свободы совести, Конституции РФ противоречит само существование специального «религиозного» закона. Опыт применения ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» показал, что превращение законодательства о свободе совести в отраслевое религиозно-конфессиональное — с особыми правами для верующих и специальным статусом для их объединений — обернулось серьезным поражением в борьбе за религиозную свободу и наступлением на права человека. Создавая правовую базу реализации прав только верующих (части общества), государство фактически подвергает дискриминации всех остальных. Подавление свободы мировоззренческого выбора и разделение религий на сорта начинается именно с разделения на верующих и неверующих с подменой свободы совести каждого свободой вероисповеданий для верующих.

Кроме Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» Конституционный суд РФ рассматривал и другие вопросы, связанные со свободой мысли, совести и религии.

22 мая 1996 года Конституционный суд РФ, рассмотрев в пленарном заседании вопрос о соответствии запроса Беловского городского суда Кемеровской области требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», определил отказать в принятии запроса к рассмотрению как не соответствующего требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» ввиду его неподведомственности Конституционному Суду Российской Федерации[7].

«Беловский городской народный суд Кемеровской области, рассматривая уголовное дело по обвинению Д. С. Маслова в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 80 УК РСФСР (уклонению от очередного призыва на действительную военную службу), приостановил его производство и обратился в КС РФ с запросом о проверке конституционности названной нормы, а также статьи 6 Закона РФ от 11 февраля 1993 года «О воинской обязанности и военной службе».

Как следует из представленных в Конституционный суд РФ материалов, Д. С. Маслов, член религиозной организации «Свидетели Иеговы», несколько раз по религиозным мотивам отказывавшийся от призыва на действительную военную службу и выражавший желание о ее замене альтернативной гражданской службой, приговором Беловского городского народного суда от 4 мая 1994 года был осужден по ч. 1 ст. 80 УК РСФСР к двум годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора. 24 октября 1995 года после отказа от очередного призыва на военную службу он вновь был привлечен к уголовной ответственности. Несмотря на то, что 2 февраля 1996 года постановлением президиума Кемеровского областного суда со ссылкой на ст. 59 (ч. 3)

[7] Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению запроса Беловского городского народного суда Кемеровской области, как не соответствующего требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // сайт Конституционного суда РФ www.ksrf.ru.

Конституции РФ обвинительный приговор, постановленный по первому уголовному делу, был отменен в виду отсутствия в действиях Маслова состава преступления, уголовное дело, возбужденное против него по факту повторного отказа от призыва на военную службу, было направлено в суд с обвинительным заключением.

По мнению суда, ст. 80 УК РСФСР, подлежащая применению в данном деле, нарушает конституционное право гражданина на альтернативную гражданскую службу, и в силу этого должна быть признана неконституционной».

10 июля 2003 года Конституционный суд РФ заслушал заключение судьи М. И. Клеандрова, проводившего на основании ст. 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина И. Ф. Можнева и коллективной жалобы граждан Т. С. Гирдюк, Л. Н. Маркеловой, Г. В. Ращинской и др. на нарушение их конституционных прав абзацем первым п. 7 ст. 84 Налогового кодекса РФ, и вынес определение[8].

«В своей жалобе граждане И. Ф. Можнев, а также Т. С. Гирдюк, Л. Н. Маркелова, Г. В. Ращинская и другие (всего 97 заявителей) оспаривают конституционность абзаца первого пункта 7 статьи 84 Налогового кодекса Российской Федерации, согласно которому каждому налогоплательщику присваивается единый по всем видам налогов и сборов, в том числе подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Российской Федерации, и на всей территории Российской Федерации идентификационный номер налогоплательщика. Гражданин И. Ф. Можнев оспаривает, кроме того, конституционность пунктов 3.1 и 3.4 Порядка и условий присвоения, применения, а также изменения идентификационного номера налогоплательщика и форм документов, используемых при учете в налоговом органе юридических и физических лиц (утверждены приказом Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 27 ноября 1998 года № ГБ-3-12/309, с изменениями и дополнениями, внесенными приказом от 24 декабря 1999 года), касающихся присвоения идентификационного номера налогоплательщика физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями.

Заявители утверждали, что идентификационный номер налогоплательщика содержит антирелигиозную символику, служит заменой имени человека и используется для сбора, хранения и использования информации о частной жизни лица без его на то согласия, также заявители просили признать оспариваемые положения, как допускающие присвоение данного номера без согласия налогоплательщика, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (части 1 и 2), 24 (часть 1) и 28.

Конституционный Суд Российской Федерации определил отказать в принятии к рассмотрению жалоб граждан Можнева Ивана Федоровича, Гирдюк Татьяны Сергеевны, Маркеловой Людмилы Николаевны, Ращинской Галины Владимировны и других, поскольку они не отвечают требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба может быть признана допустимой, а также поскольку разрешение поставленного вопроса Конституционному Суду Российской Федерации неподведомственно».

---

[8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 года об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Можнева Ивана Федоровича и коллективной жалобы граждан Гирдюк Татьяны Сергеевны, Маркеловой Людмилы Николаевны, Ращинской Галины Владимировны и других на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 7 статьи 84 Налогового кодекса Российской Федерации // сайт Конституционного суда РФ www.ksrf.ru.

15 декабря 2004 года Конституционный суд РФ рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности п. 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях» и вынес постановление[9].

«Поводом к рассмотрению дела явились запрос Коптевского районного суда города Москвы, жалобы общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И. В. Артемова и Д. А. Савина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями положения пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях».

Поскольку запрос и жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим обращениям в одном производстве.

Согласно пункту 3 статьи 9 Федерального закона от 11 июля 2001 года «О политических партиях» не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности; под признаками профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности в данном Федеральном законе понимается указание в уставе и программе политической партии целей защиты профессиональных, расовых, национальных или религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии.

В своих обращениях в Конституционный Суд Российской Федерации заявители утверждают, что названные законоположения противоречат статьям 19 (часть 2) и 30 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку нарушают свободу объединений и принцип равноправия в ее реализации, и не согласуются со статьей 13 (часть 5) Конституции Российской Федерации, закрепляющей основания, по которым в Российской Федерации запрещается создание и деятельность общественных объединений.

После вступления Федерального закона «О политических партиях» в силу, съезд общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» принял решение о преобразовании в политическую партию «Православной партии России». Гражданка Н. Е. Илюхина, член данной организации, полагая, что решение съезда в части сохранения наименования «Православная партия России» противоречит предписаниям пункта 3 статьи 9 названного Федерального закона и тем самым препятствует регистрации этой организации в качестве политической партии, обратилась в Коптевский районный суд города Москвы с жалобой, в которой просила отменить указанное решение.

Придя к выводу о том, что в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации положений пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» имеется неопределенность, Коптевский районный суд города Москвы определением от 11 июля 2002 года производство по делу приостановил и направил в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке их конституционности. Одновременно в Конституционный Суд Российской Федерации обратилась общероссийская общественная политическая организация «Православная партия России» с жалобой

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях» // Официальный сайт Конституционного суда РФ www.ksrf.ru.

на нарушение теми же законоположениями, подлежащими к применению в деле по жалобе Н. Е. Илюхиной, конституционного права граждан на объединение.

Конституционность пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» оспаривается также гражданином Д. А. Савиным, членом политической партии «Российская христианско-демократическая партия» и гражданином И. В. Артемовым, членом политической партии «Русский Общенациональный Союз». Со ссылкой на оспариваемые законоположения Министерство юстиции Российской Федерации отказало в государственной регистрации «Российской христианско-демократической партии», посчитав, что первая часть слова «христианско-демократическая» в ее наименовании является базовой и указывает на создание партии по признаку религиозной принадлежности, а политической партии «Русский Общенациональный Союз» — на том основании, что использование в ее наименовании слова «русский» указывает на создание партии по национальному признаку. Заявление И. В. Артемова об отмене соответствующего решения Министерства юстиции Российской Федерации Таганским районным судом города Москвы оставлено без удовлетворения».

Таким образом, в соответствии с постановлением Конституционного суда п. 3 ст. 9 ФЗ «О политических партиях» в части, не допускающей создание политических партий по признакам национальной или религиозной принадлежности.

Кроме рассмотрения Конституционным судом, судами общей юрисдикции были рассмотрены десятки гражданских дел, связанных с применением отдельных положений ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», которые, по классификации адвоката В. В. Ряховского, можно подразделить на две основные категории:

1. дела, производство по которым возникает по инициативе религиозных организаций и граждан;

2. дела, производство по которым возникает по инициативе органов юстиции, органов прокуратуры и органов местного самоуправления[10].

Наиболее острый характер носят дела, относящиеся именно ко второй категории и касающиеся принудительной ликвидации религиозных объединений.

Например, 21 мая 1999 года Магаданский городской суд рассмотрел в открытом судебном заседании дело по заявлению прокурора Магаданской области о признании деятельности церкви «Слово жизни» противоречащей действующему законодательству и ликвидации ее. Прокурор пояснил, что во время проведения в церкви богослужения на верующих оказывается психотерапевтическое и гипнотическое воздействие, в результате которого подавляется воля и сознательное мышление граждан. В качестве оснований для признания деятельности религиозной организации противоречащей действующему законодательству и ликвидации были названы: принуждение к разрушению семьи, посягательство на личность, права и свободы граждан, нанесение ущерба нравственности, здоровью граждан, принуждение к отчуждению имущества в пользу религиозной организации, побуждение к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей.

Суд решил отказать прокурору Магаданской области в удовлетворении иска. При рассмотрении дела были установлены факты систематического нарушения ст. 28, 29, 21, 23, 24 Конституции РФ ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединени-

[10] *Ряховский В. В.* Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»: Правоприменительная практика // Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия. М., 2001. С. 175.

ях», ст. 11 ФЗ «Об оперативной розыскной деятельности», Закона РФ «О прокуратуре» со стороны прокуратуры Магаданской области, в связи с чем вынесено частное определение в адрес прокуратуры Магаданской области и Генеральной прокуратуры РФ[11].

В период до окончания срока перерегистрации в соответствии с п. 4 ст. 27 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» именно отказы в перерегистрации доминировали в судебной практике.

1 февраля 2000 года Октябрьский районный суд Кировской области рассмотрел в открытом судебном заседании дело по иску Управления юстиции Кировской области к церкви «Кировский христианский центр» христианской ассоциации «Глобальная стратегия» о ликвидации юридического лица.

Церковь «Кировский христианский центр» была зарегистрирована управлением юстиции 18 сентября 1995 года в качестве местной религиозной организации. 24 августа 1999 года Кировский христианский центр представил документы на перерегистрацию. 20 сентября и 4 октября 1999 года в перерегистрации было отказано.

Как и в предыдущем деле в удовлетворении иска было отказано, а в частном определении говорится, что истцом в основу доказательств положена видеокассета, добытая незаконным путем и неизвестным лицом, т. е. с нарушением ст. 11 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», без оформления в установленном законом порядке. Только на основании этой видеокассеты было сделано заключение психиатров, которое они же и опровергли в судебном заседании[12].

Еще один пример, характеризующий правоприменительную практику, касается процесса по делу московской религиозной общины «Свидетели Иеговы». Процесс начался в сентябре 1998 года. Организация обвинялась в разжигании религиозной розни, разрушении семей, принуждении к отказу от медицинской помощи.

В 2001 году Головинский суд г. Москвы отказал в удовлетворении иска прокуратуры Северного административного округа столицы о ликвидации общины. Тогда прокуратура обратилась с кассационной жалобой в Мосгорсуд, и дело было направлено на новое рассмотрение.

Весной 2002 года начался второй процесс. 26 марта Головинский районный суд вынес решение о запрете деятельности общины «Свидетели Иеговы» г. Москвы и ликвидации данного юридического лица.

16 июня 2004 года Московский городской суд оставил решение в силе. В удовлетворении надзорной жалобы, поданной представителями общины «Свидетели Иеговы» со ссылкой на негативные последствия данного решения, Мосгорсуд также отказал. Жалоба общины по данному делу в настоящее время находится на рассмотрении Европейского суда по правам человека.

По словам адвоката Г. А. Крыловой, имеющей большой опыт судебной защиты прав религиозных объединений, «применение ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» грубо нарушает конституционные права и свободы граждан и противоречит Конституции Российской Федерации»[13]. По ее мнению, характерным

[11] Решение и частное определение Магаданского городского суда от 21 мая 1999 г. по делу о ликвидации религиозной организации «Церковь «Слово жизни» // Судебная практика по делам, связанным с реализацией права на свободу совести и деятельностью религиозных организаций. М., 2000. С. 52—63.

[12] Решение и частное определение Октябрьского районного суда г. Кирова от 1 февраля 2000 г. по делу о ликвидации религиозной организации «Кировский христианский центр» // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. М., 2000. С. 334—337.

[13] *Крылова Г. А.* Свобода совести на весах правосудия. М., 1998. С. 227.

является, то что «государственный протекционизм используется как решающий аргумент в публичных доктринальных спорах»[14].

Трудно не согласиться с адвокатом В. В. Ряховским, который сказал: «Как показывает анализ судебных дел о ликвидации религиозных организаций, возникающих по инициативе органов юстиции или прокуратуры, общим их недостатком является неподготовленность и полная необоснованность заявленных требований»[15].

Правовые основания для возбуждения судебных дел, производство по которым возникает по инициативе религиозных организаций и граждан, приводятся в п. 2 ст. 12 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В соответствии с указанным положением граждане и религиозные организации вправе обжаловать в суд отказ регистрирующего органа в государственной регистрации религиозной организации, а также его уклонение от такой регистрации.

Поскольку государственная перерегистрация религиозных организаций предполагает приведение их устава и иных учредительных документов в соответствие с требованиями ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», то отказ в перерегистрации, и следовательно, уклонение регистрирующего органа от таковой, также могут быть обжалованы в суде.

К уклонению от государственной регистрации (перерегистрации) религиозной организации относится прежде всего нарушение регистрирующим органом установленного законом срока рассмотрения заявления о государственной регистрации. Как уклонение от государственной регистрации следует рассматривать и необоснованное назначение в отношении религиозной организации государственной религиоведческой экспертизы.

Следует отметить, что в соответствии с п. 8 ст. 11 Закона заявление о государственной регистрации религиозной организации, создаваемой централизованной религиозной организацией или на основании подтверждения, выданного централизованной религиозной организацией, рассматривается в месячный срок со дня представления всех предусмотренных настоящей статьей документов. И только в иных случаях регистрирующих орган вправе продлить указанный срок рассмотрения документов до шести месяцев для проведения государственной религиоведческой экспертизы. Необоснованным уклонением от государственной регистрации следует также рассматривать решение регистрирующего органа о приостановлении процесса государственной регистрации (перерегистрации) религиозной организации, так как подобная процедура не предусмотрена законом.

К судебной защите нарушенного права на свободу совести и свободу вероисповедания граждане и объединения граждан могут также прибегнуть в порядке, предусмотренном Законом «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»»[16].

В качестве примера обжалования отказа регистрирующего органа в государственной регистрации религиозной организации можно привести жалобу С. В. Демина на действия Главного управления Минюста РФ по Краснодарскому краю от 30 октября 2000 года.

---

[14] *Крылова Г. А.* Указ. соч. С. 16.

[15] *Ряховский В. В.* Указ. соч. С. 177—178.

[16] Судебная практика по делам, связанным с реализацией права на свободу совести и деятельностью религиозных организаций. М., 2000. С. 9 — 10.

В своей жалобе заявитель просит признать незаконным отказ в регистрации религиозной организации «Буддийский центр Алмазного Пути школы Карма Катью г. Краснодара». 7 августа 2000 года ответчиком было отказано в государственной регистрации религиозной организации на основании заключения экспертного совета по проведению религиоведческих экспертиз, признавшего конфессию «нетрадиционной» для России и существующей на ее территории менее 15 лет.

Суд признал незаконными религиоведческую экспертизу и отказ в регистрации и обязал зарегистрировать религиозную организацию «Буддийский центр Алмазного Пути школы Карма Катью г. Краснодара», внеся ее в единый государственный реестр юридических лиц[17].

К делам, возбуждаемым по инициативе религиозных организаций и граждан, можно отнести судебные дела о защите чести, достоинства и деловой репутации. В соответствии с ч. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Согласно ч. 7 ст. 152 Гражданского кодекса РФ правила о защите деловой репутации гражданина применяются к защите деловой репутации юридических лиц, в т. ч. религиозных организаций.

15 марта 1999 года Московский районный суд г. Казани в открытом судебном заседании рассмотрел гражданское дело по иску казанской Церкви христиан-адвентистов Седьмого дня к редакции газеты «Вечерняя Казань», к корреспондентам И. Доронину, Л. Колесниковой, к редакции газеты «Казанские ведомости», корреспонденту А. Мубаракшиной о защите чести и достоинства, взыскании компенсации морального вреда в размере 15 000 рублей. В обоснование своих исковых требований истец указал, что в газете «Вечерняя Казань» от 18 ноября 1997 года опубликована статья «Голоса приказали: убей ближнего», от 21 ноября опубликована статья «Убить себя и детей — именно та жертва, к которой призывает Господь». В газете «Казанские ведомости» от 9 ноября 1997 года опубликована статья «Маме показалось, что ее сын дьявол». По мнению истца сведения, содержащиеся в данных публикациях не соответствуют действительности, порочат его честь и достоинство, в связи с чем он просит суд обязать ответчиков опубликовать опровержение и взыскать компенсацию.

Суд решил обязать редакции газет «Вечерняя Казань» и «Казанские ведомости» опубликовать опровержение сведений, изложенных в упомянутых статьях[18].

21 февраля 2005 года Центральный районный суд г. Тулы в лице судьи И. В. Кургановой вынес решение, в котором:

— признал неправомерным отказ редакции газеты «Засечный рубеж» в опубликовании ответа общественной организации «Тульское городское Рериховское общество» «Наступление на культуру» (автор — Н. Ф. Аверин) на статью Н. Полтановой «Наступление на юные души», напечатанную в выпуске № 44 за ноябрь 2001 года и содержащую сведения, не соответствующие действительности и порочащие репутацию общественной организации.

---

[17] Решение Октябрьского районого суда г. Краснодара от 30 октября 2000 г. по жалобе С. В. Демина на действия Главного управления Министерства юстиции РФ по Краснодарскому краю // Религиозные объединения… С. 344—346.

[18] Решение Московского районного суда г. Казани от 15 марта 1999 г. по иску Казанской Церкви христиан-адвентистов Седьмого дня о защите чести и достоинства // Религиозные объединения… С. 367—368.

— обязал редакцию газеты «Засечный рубеж» в месячный срок по вступлении решения суда в законную силу опубликовать ответ общественной организации «Тульское городское Рериховское общество», а также полные тексты итогового заявления и обращения участников пятых Рериховских чтений, состоявшихся 2 августа 2001 года в г. Веневе Тульской области, аналогичным печатным шрифтом, аналогичной величиной печатного шрифта, что и статья Н. Полтановой «Наступление на юные души».

5 мая 2005 года Советский районный суд г. Тулы в лице судьи Т. Д. Артамоновой вынес решение, в котором:

— признал не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию общественной организации «Тульское городское Рериховское общество» изложенные в статье Н. Н. Мельниковой «Бедный «Филиппок», или Нелегалы в детском центре», опубликованной 24 октября 2001 года в газете «Тульские известия» следующие сведения: «Рериховское движение — нелегальная религиозная секта оккультно-антихристианского характера»; «не один наш современный смельчак, обманутый российскими рериховцами, сломал себе шею в поисках истины» и т. д.

— взыскал с государственного предприятия Тульской области «Редакция газеты «Тульские известия» в пользу общественной организации «Тульское городское Рериховское общество» в возмещение судебных расходов 1000 рублей.

— отказал в публикации в газете «Тульские известия» ответа общественной организации.

Тульский областной суд оставил решение районного суда без изменения.

Однако справедливость восторжествовала не в полной мере. По первому случаю государственная газета отказывается публиковать ответ, а по второму — в этом отказал суд[19].

15 июня 2004 года в Таганском межмуниципальном суде Москвы начался судебный процесс в отношении организаторов выставки «Осторожно, религия!» — директора Музея и общественного центра им. А. Д. Сахарова Ю. В. Самодурова, сотрудницы музея Л. В. Василовской и художницы А. А. Михальчук. Против них было выдвинуто обвинение по ст. 282 Уголовного кодекса РФ п. «б» ч. 2 (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды).

Выставка «Осторожно, религия!» открылась в музее им. Сахарова 14 января 2003 года. На ней были представлены работы 39 художников, посвященные месту Русской православной церкви в нынешнем обществе. 18 января в здание ворвались шесть человек, которые резали полотна, обливали краской инсталляции и т. п. Задержали двоих — членов общественного комитета «За нравственное возрождение Отечества», которым руководит протоиерей А. Шаргунов. В отношении погромщиков было возбуждено уголовное дело.

В это же время РПЦ крайне резко выступила против выставки, заявив, что выставочные экспонаты оскорбили чувства верующих. Протоиерей Шаргунов написал письмо в Комитет Госдумы по безопасности, заявив следующее: «В течение нескольких лет в Москве действует Общественный центр и музей им. А. Д. Сахарова. Данное учреждение пропагандировало антиобщественные идеи, защищая бандитов и преступников, прежде всего чеченских. Вершиной антиобщественной деятельности Центра и Музея стала кощунственная выставка «Осторожно, религия!», проводивша-

[19] Будет ли привлечен к уголовной ответственности первый заместитель председателя Тульской областной думы? // Центр общественной информации. 26 октября 2005 года.

яся в январе 2003 года. Эта политическая провокация под видом выставки имела своей целью возбудить неприязнь, чувство ненависти к христианству, русской культуре, традициям, религиозным обрядам, оскорбить национальное достоинство основной массы населения нашей страны»[20].

Через некоторое время уголовное дело против погромщиков было закрыто и возбуждено дело против устроителей выставки[21].

В мае 2003 года была проведена комплексная судебная экспертиза экспонатов выставки с участием шести экспертов — искусствоведов, этнографов, филологов. Комментируя заключение экспертизы, Г. Целмс в «Русском курьере» отмечает: «Надо признать, что некоторые участники выставки слишком вольно обошлись со святымы для христиан символами. Но здесь уместно моральное осуждение, но никак не уголовное. Ведь никаких призывов к насилию не увидели даже абонированные обвинением эксперты. Они лишь дружно твердили в своих заключениях, что имеет место «дехристианизация» и «соединение бытовизма и сакрального»[22].

В обвинительном заключении говорится, что Ю. В. Самодуров «вступил в предварительный сговор со своей подчиненной — руководителем группы организации выставок музея Л. В. Василовской, а также А. Г. Зулумяном, Н. Золян и А. А. Михальчук для совместной подготовки и проведения в Москве выставки, четкая концептуальная направленность которой состояла в публичном выражении в наглядно-демонстрационной форме унизительного и оскорбительного отношения к христианской религии в целом, а к православному христианству и Русской православной церкви в особенности, а также к религиозным символам православных верующих, путем публичной демонстрации в помещении музея специально отобранных экспонатов, возбуждающих ненависть и вражду, а также унижающих достоинство лиц по признаку их отношения к христианской религии в целом, а православному христианству и Русской православной церкви в особенности»[23].

Судебный процесс завершился обвинительным приговором. 28 марта 2005 года федеральный судья В. Д. Прощенко приговорил Самодурова и Василовскую к штрафу в размере 100 000 рублей каждому.

Процесс против организаторов выставки «Осторожно, религия!» является показателем клерикальной идеологизации государства. Фактически суд установил наличие государственной религиозной идеологии, даже художественная критика которой преследуется по закону[24]. Существенной деталью процесса является тот факт, что в качестве обвинителя выступила прокуратура.

Среди решений Верховного суда РФ, затрагивающих вопросы свободы совести, пожалуй, самым громким было дело о хиджабе — мусульманском платке.

15 мая 2003 года Кассационная коллегия Верховного суда РФ рассмотрела гражданское дело по заявлению Ф. К. Габидуллиной, Г. Ф. Юнусовой, Ф. М. Кабировой,

---

[20] *Евдокимова М.* Сотрудников Музея Сахарова привлекли к уголовной ответственности // Версия 12 января. 2005.

[21] *Соколов А. В.* Свобода убеждений, совести и религии // Права человека в регионах Российской Федерации: Доклад о событиях 2004 года. М.: МХГ, 2005. С. 125—126.

[22] *Целмс Г.* Поход «крестоносцев» // Русский курьер. 16 февраля. 2005.

[23] Процесс против организаторов выставки «Осторожно, религия!» // religion.sova-center.ru.

[24] *Ойвин В., Де Рико П.* Пиррова победа над художниками. О заключительном заседании Таганского районного суда по делу устроителей выставки «Осторожно, религия!», приговоре по этому делу и некоторых его последствиях // Портал-Кредо.Ру. 30 марта 2005.

Г. Ш. Муратовой, Г. Г. Гамировой, Р. Г. Латыповой, М. З. Камаловой, Г. Г. Шафигуллиной, Г. А. Хайруллиной, Г. М. Хатбиллиной об оспаривании п. 14.3 Инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 сентября 1997 года № 605, в части слов «без головного убора» по кассационной жалобе заявителей на решение Верховного суда РФ от 5 марта 2003 года, которым в удовлетворении заявления отказано[25].

Заявители обратились в суд, указывая на то, что п. 14.3 Инструкции, в силу которого для получения паспорта гражданин должен предоставить две фотографии в черно-белом изображении размером 35 на 45 мм с четким изображением лица строго в анфас без головного убора, не соответствует ст. 28 Конституции РФ и нарушает их права как верующих мусульманок, так как исповедуемая ими религия запрещает показывать посторонним лицам все части тела, кроме овала лица и кистей рук.

Решением Верховного суда РФ от 5 марта 2003 года в удовлетворении заявленного требования отказано.

15 марта Кассационная коллегия Верховного суда РФ отменила это решение. Был признан недействующим и не подлежащим применению пункт 14.3 Инструкции в части, исключающей право граждан, религиозные убеждения которых не позволяют показываться перед посторонними лицами без головных уборов, представлять для получения паспорта гражданина Российской Федерации личные фотографии с изображением лица строго в анфас в головном уборе.

14 февраля 2003 года Верховный суд РФ рассмотрел в закрытом судебном заседании гражданское дело по заявлению Генерального прокурора РФ о признании ряда организаций террористическими и запрещении их деятельности на территории Российской Федерации[26].

В суде представитель Генеральной прокуратуры РФ Е. И. Коробков пояснил, что на территории Российской Федерации в последние годы все более активно функционируют организации, созданные в целях осуществления террористической деятельности, либо признающие возможность использования террора как формы политической борьбы. Центры этих организаций расположены за пределами России, а пребывающие эмиссары глубоко законспирированы и находятся на нелегальном положении.

Представители ФСБ России И. И. Ковалевский и А. Д. Шагако поддержали заявление о признании 15 организаций террористическими и пояснили, что в соответствии с ФЗ «О борьбе с терроризмом» Федеральная служба безопасности является одним из субъектов, осуществляющих борьбу с терроризмом.

Представители Минюста России С. И. Никулин и А. Г. Жафаров пояснили суду, что указанные в заявлении Генерального прокурора РФ организации, государственную регистрацию не проходили. В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя эти организации подлежат признанию их террористическими.

Верховный суд РФ удовлетворил заявление Генерального прокурора РФ и признал террористическими организации: «Высший военный маджлисуль шура объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «База»

---

[25] Определение Дело № КАСО 3—16 // Сайт Славянского правового центра http://www.rlinfo.ru/practice/sv030515.html.

[26] Решение Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 года о признании террористическими ряда иностранных организаций // Сайт Славянского правового центра http://www.rlinfo.ru/practice/sv030214.html.

(«Аль-Каида»), «Асбат аль-Ансар», «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»), «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Лашкар-И-Тайба», «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»), «Движение Талибан», «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»), «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»), «Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»), «Дом двух святых» («Аль-Харамейн») и запретил их деятельность на территории Российской Федерации.

Решение Верховного суда РФ является беспрецедентным и, по мнению многих экспертов, вызывает вопросы правового характера. Опираясь на него, в течение последних полутора лет в Центральной России, Поволжье и Сибири развернута кампания фабрикации уголовных дел об «исламском экстремизме» против представителей различных течений в исламе, для которых изобретен даже специальный термин — «нетрадиционный ислам».

В перечень запрещенных организаций вошли и ненасильственные, например «Хизб ут-Тахрир». Хранение печатных изданий, в которых излагается идеология этой организации, и посещение ее сайта могут послужить основанием для обвинения в причастности к указанной партии, а обсуждение и распространение среди верующих литературы «Хизб ут-Тахрир» приравнивается к тяжким и особо тяжким преступлениям, к вовлечению в террористическую деятельность и созданию преступного сообщества… По нашим данным, на сегодняшний день по обвинениям в причастности к «Хизб ут-Тахрир» в России уже осуждены 46 человек, из которых 29 — к реальному лишению свободы, в т. ч. на большие сроки (до 8,5 лет строгого режима)[27].

В контексте проблемы религиозной ксенофобии и нетерпимости особое значение имеет Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ № 4 (138) от 12 февраля 1998 года в связи с публикацией в газете «Комсомольская правда» материала «Сект-Петербург: здесь будет город-храм»[28].

В Судебную палату обратился координатор руководящего комитета Управленческого центра региональной религиозной организации «Свидетели Иеговы» В. М. Калин по поводу публикации в газете «Комсомольская правда» (сменная страница «КП» в Санкт-Петербурге») материала «Сект-Петербург: здесь будет город-храм» (от 1 августа 1997 года). Калин считает, что в данной публикации распространены необъективные и недостоверные сообщения, основанные на слухах, непроверенных данных и ложной информации, касающейся религиозной организации «Свидетели Иеговы». Заявитель полагает, что подобные публикации «способствуют формированию социального фантома «сектанта-вредителя» в отношении «Свидетелей Иеговы», возбуждают религиозную ненависть к тем, кто исповедует данную религию, затрагивают чувства верующих. В частности, по мнению заявителя, в материале используется уничижительная терминология («американская секта», «в сектантском городке», «сектанты оккупировали»), порочащая верующих людей исключительно по признакам их отношения к религии.

---

[27] Фабрикации уголовных дел об «исламском экстремизме». Доклад в Вене 2 марта 2006 г. — «Мемориал» // http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/954920.html.

[28] Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 12 февраля 1998 года в связи с публикацией в газете «Комсомольская правда» материала «Сект-Петербург: здесь будет город-храм» // Религиозные объединения… С. 402—404.

Судебная палата считает, что, распространив недостоверную и порочащую информацию о религиозной организации «Свидетели Иеговы», журналист О. Засорин и редакция газеты «Комсомольская правда» допустили злоупотребление свободой массовой информации, поскольку приведенные автором сведения могут способствовать разжиганию религиозной нетерпимости, что противоречит требованиям ст. 4 Закона «О средствах массовой информации».

Судебная палата также отмечает, что в законодательстве России не существует такого понятия как «секта». В то же время данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет безусловно негативную коннотацию и, употребляя его, журналисты могут оскорбить чувства верующих.

Судебная палата считает, что любые публикации, касающиеся деятельности религиозных организаций, должны быть основаны на проверенной, достоверной информации, выдержаны в деликатной форме, осторожны в выражениях и характеристиках верующих людей. Журналисты не вправе игнорировать Конституцию России и Закон «О свободе совести и религиозных объединениях», которые гарантируют человеку право исповедовать любую религию и действовать в соответствии с ней.

Судебная палата признала публикацию материала «Сект-Петербург: здесь будет город-храм» нарушающей требования ст.4, 49, 51 Закона «О средствах массовой информации» и предложила Государственному комитету РФ по печати рассмотреть вопрос о вынесении редакции газеты «Комсомольская правда» официального предупреждения. Кроме того, журналисту О. Засорину было объявлено замечание, а редакции газеты было рекомендовано принести извинения религиозной организации «Свидетелей Иеговы».

К сожалению, на практике при освещении в СМИ вопросов свободы мысли, совести и религии принципы, изложенные в этом решении, соблюдаются крайне редко.

Низкая эффективность судебной системы России привела к тому, что ряд дел, касающихся реализации свободы совести, был признан приемлемым для рассмотрения Европейским судом по правам человека.

Например, 20 октября 2005 года была признана приемлемой жалоба № 10519/03, поданная П. И. Баранкевичем[29]. Заявитель — гражданин России, 1960 г. р., проживающий в г. Чехове Московской области, пастор Церкви евангельских христиан «Благодать Христова». 9 сентября 2002 года он от имени своей церкви обратился в Чеховскую городскую администрацию за разрешением на проведение 29 сентября публичного богослужения с 11 утра до 13 часов.

20 сентября зам. главы администрации в разрешении отказал. Заявителю было рекомендовано проводить службы и другие религиозные обряды по юридическому адресу церкви или в других помещениях, находящихся в собственности или пользовании членов церкви.

26 сентября заявитель обжаловал отказ в суде.

11 октября городской суд отклонил жалобу. Суд постановил, что согласно национальному законодательству на проведение публичных богослужений и других религиозных обрядов требуется разрешение муниципального органа власти.

4 ноября Московский областной суд оставил в силе решение суда первой инстанции, после чего заявитель подал жалобу в Европейский суд по правам человека.

[29] Решение о приемлемости жалобы № 10519/03, поданной Петром Баранкевичем против России // http://www.rlinfo.ru/practice/se-barankevich.html

24 июня 2004 года Европейский суд признал приемлемой жалобу, поданную Московским отделением Армии Спасения, на отказ национальных властей в удовлетворении ее заявления на перерегистрацию в качестве юридического лица[30].

9 сентября 2004 года Европейский суд признал приемлемой жалобу № 184/02 Константина Кузнецова и других, поданную 17 декабря 2001 года, касательно срыва религиозной встречи «Свидетелей Иеговы» и несправедливого судебного разбирательства по их делу[31].

28 октября 2004 года Европейский суд признал приемлемыми жалобы: №№ 76836/01 и 32782/03 Евгения Кимли, Айдара Султанова и Сайентологической церкви г. Нижнекамска на отказ национальных властей в удовлетворении заявления на перерегистрацию в качестве юридического лица[32]; № 67578/01 Церкви Сайентологии Москвы на отказ национальных властей в удовлетворении заявления на перерегистрацию в качестве юридического лица[33].

9 июня 2005 года Европейский суд, рассмотрев жалобы №№ 76836/01 и 32782/03 «Евгений Кимля, Айдар Султанов и Сайентологическая церковь г. Нижнекамска против России», в части, касающейся отказа национальных властей в перерегистрации в качестве юридического лица, признал их приемлемыми[34].

Анализ материалов судебной практики по делам связанным с реализацией права на свободу совести во многом подтверждает гипотезу о том, что кардинальное решение проблемы реализации прав в данной сфере лежит, скорее всего, вне области правоприменения, а в глубоком научном осмыслении проблемы с целью совершенствования правовой базы законодательства.

Доминирующие тенденции религиозной политики, и в частности возможность произвольного толкования, неправовой характер принципов и неоднозначность многих формулировок ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», его региональных аналогов, а также их подзаконной базы, во многом предопределили нарушения прав и свобод человека в сфере его правоприменения.

В то же время не вызывает сомнений, что совершенствование правоприменительной практики способно оказать некоторое положительное влияние на состояние религиозной свободы.

Что касается Европейского суда по правам человека, то обращает на себя внимание тот факт, что с момента нарушения до признания жалобы приемлемой проходит около пяти лет.

---

[30] Московское отделение Армии Спасения против России. Решение о приемлемости жалобы от 24 июня 2004 г. // Религия и право. № 2. 2004.

[31] Решение о приемлемости жалобы № 184/02 «Константин Кузнецов и другие против России» // http://www.rlinfo.ru/practice/kuznetsov-prieml.html.

[32] Евгений Кимля, Айдар Султанов и Сайентологическая церковь г. Нижнекамска против России Решение о приемлемости жалоб № № 76836/01 и 32782/03 // http://www.rlinfo.ru/practice/se-nizhnekamsk.html.

[33] Европейский суд: Церковь Сайентологии Москвы против России. Решение от 28 октября 2004 г. о приемлемости жалобы // Религия и право. № 4. 2004.

[34] Евгений Кимля, Айдар Султанов и Саентологическая церковь г. Нижнекамска против России Решение о приемлемости жалоб № № 76836/01 и 32782/03 // http://www.rlinfo.ru/practice/se-nizhnekamsk.html.

СВОБОДА УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ

СВОБОДА УБЕЖДЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В. В. Луховицкий, научно-методический центр «Гуманист»

Прежде всего необходимо определиться с основными понятиями

Свобода убеждений является важнейшим аспектом свободы совести (юридического измерения свободы мировоззренческого выбора). Мы говорим о свободе мировоззрения, том самом *мировоззренческом плюрализме*, который гарантирован нам и международным, и российским законодательством.

Говоря о понимании *свободы убеждений* в современном российском законодательстве, мы имеем в виду три аспекта:

— право иметь любые убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой (последнее следует особенно подчеркнуть, потому что в сфере образования в 1998—2006 годах. массово нарушаются права атеистов, агностиков или людей, не желающих четко определяться в рамках существующих конфессий);

— запрет дискриминации по религиозным основаниям (в т. ч. и запрет для государства навязывать кому-либо определенные убеждения);

— светский характер государства, предполагающий невмешательство государства в религиозную жизнь граждан, полный нейтралитет по отношению ко всем религиозным организациям.

Если конкретизировать эти положения применительно к проблеме реализации свободы совести в государственной и муниципальной школе, то мы получим несколько четких требований.

Никакие органы государственной власти и органы местного самоуправления не имеют права разрабатывать, одобрять, рекомендовать для обязательного изучения учебные курсы, программы, учебные пособия, в которых прямо или косвенно поддерживаются или осуждаются религиозные или иные убеждения. Сказанное относится и к государственным служащим, принимающим участие в каких-либо религиозных мероприятиях или высказывающим публично свое мнение о религии.

Учителя не имеют права использовать свой предмет для пропаганды какой-либо религии или идеологии. Учитель имеет право познакомить учеников со своей точкой зрения, но личные убеждения учителя не должны влиять на оценку качества знаний учащихся.

Родителям учащихся должно быть предоставлено право выбора образования, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям (с учетом убеждений их детей). При этом любое давление на родителей должно быть исключено, а их желание, чтобы дети получали религиозное образование, — ясно выраженным.

Главная задача органов управления образования — следить за соблюдением прав и свобод учащихся при организации факультативных курсов религиозного и религиоведческого характера.

Все вышесказанное относится не только к обучению на уроках, но и внеклассным и внешкольным воспитательным мероприятиям.

Таким образом, ключевым в этом вопросе является *запрет принуждения* и *дискриминации*.

Наиболее распространенные нарушения свободы убеждений в школе

1. Введение курса основ одной из религий как обязательного для всех учащихся, независимо от их убеждений.

Бывает три варианта такого принудительного религиозного образования. Во-первых, этот курс может существовать в рамках так называемого регионального образовательного компонента. Например, в Башкирии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечне все школьники в обязательном порядке изучают основы ислама. Ниже, в обзоре ситуации в регионах, мы расскажем об обязательном изучении предмета «Основы православной культуры» в ряде областей РФ. Во-вторых, это может быть принуждение на уровне школы, в рамках так называемого школьного компонента. Самый простой способ, который использует школьная администрация, — это назначить «факультатив» вторым или третьим уроком в расписании занятий. Такие случаи зафиксированы нашими региональными партнерами в Калужской, Калининградской, Московской, Рязанской, Псковской областях. Наконец, принуждать учеников посещать «факультативные занятия» может учитель, особенно если он классный руководитель.

2. Навязывание Министерством образования или органами управления образования учебных пособий, некорректных с точки зрения принципа светскости образования.

Заставить школу или учителя выбрать определенный учебник можно несколькими способами. Во-первых, запретить преподавать по учебникам, не имеющим так называемого грифа Министерства образования или аналогичных «грифов» региональных органов управления образования. Такой запрет начал действовать с 2002 года. Формально он был вызван скандалом с учебником истории И. Далуцкого и учебником «Граждановедение» Я. Соколова. Во-вторых, можно поддерживать издательства, публикующие определенных авторов. Наконец, можно прямо рекомендовать учителям использовать определенные учебники. Все эти способы успешно применяются чиновниками для поддержки РПЦ МП. Правда, следует подчеркнуть, что до сих пор большинство учебных пособий по курсу «Основы православной культуры» грифа Министерства образования не имеет. Нам известны только два примера. Во-первых, гриф «допущено» есть у учебного пособия И. В. Кошминой «Основы русской православной культуры. Учебное пособие для учащихся среднего и старшего школьного возраста»[1]. Во-вторых, такой же гриф есть у учебного пособия «Уроки добротолюбия»[2]. Если книга Кошминой не вызывает серьезных возражений, то поддержка Министерством

[1] М., Владос, 2001.

[2] *Священник А. Мороз и педагог Т. А. Берсенева.* Уроки добротолюбия. СПб.: Держава, 2005.

образования пособия А. Мороза и Т. Берсеневой дает основания для подачи заявления в прокуратуру. Авторы рассказывают исключительно о «православном образе жизни и нравственной культуре Православия», предлагают православный взгляд на мир и человека как единственно возможный. Но, помимо различных специальных курсов «православной культуры», рекомендованных региональными министерствами и департаментами, во многих учебных и методических пособиях по истории, краеведению (москвоведению) и обществознанию, литературе и даже основам безопасности жизнедеятельности[3] появляются отдельные высказывания и даже целые главы, которые иначе как религиозной пропагандой не назовешь. Так, например, А. Кравченко в учебнике «Обществознание» для 5 класса сообщает читателям о том, что он человек верующий, православный, и постоянно подчеркивает исключительную роль религии. По мнению Кравченко, воспитание нравственности хорошо видно из следующей цитаты: «Человечество придумало жестокие наказания для тех, кто посягает на всеобщие ценности. Предателей Родины во все времена либо изгоняли, либо убивали. Осуждают тех, кто не уважает своих предков, родителей, друзей, кто предает фронтовое братство или любимый класс. В религии нетерпимо относятся к вероотступникам, сектантам и еретикам». Поразительно, что даже религиозную нетерпимость автор преподносит как образец высоконравственного поведения. Еще ярче откровенная религиозная пропаганда проявляется в учебниках истории. Один из авторов популярного учебника, по которому абитуриенты готовятся к экзаменам в вузы, пишет о летчике Покрышкине: «…но выиграл войну все-таки Покрышкин! Потому что, будучи русским, боролся за русскую землю, за свою Родину и веру». И победила в войне именно «русская психология, сформированная православной верой, истребить которую не способны никакие комиссарские установки, никакие большевистские догматы»[4]. В учебнике Новицкой (для начальной школы!) читаем: «В христианстве главная книга — Библия, куда, кроме Ветхого Завета, входит еще и Новый Завет, в котором главное — четыре повествования о жизни Сына Божия Иисуса Христа… Мусульмане считают Иисуса Христа пророком — вестником Бога и почитают свою заветную книгу Коран». Дети легко сделают вывод, что правы именно христиане. Вероятно, не все авторы этих учебников считают себя православными, но чрезвычайно характерно именно для нашего времени то, что многие авторы воспринимают православие как рекомендованную и поддержанную государством «традиционную» религию.

Хотим подчеркнуть, что мы не стали бы расценивать подобные высказывания авторов учебников как нарушающие свободу убеждений, если бы на всех выше названных учебниках не стоял гриф Министерства образования.

Нам известен только один случай, когда родители пытались подавать в суд на московский департамент образования за то, что департамент рекомендовал учебник «Москвоведение», в котором, по мнению родителей — старообрядцев, необъективно изображены протопоп Аввакум и его единоверцы[5].

---

[3] Наиболее яркий пример — глава 6 «Терроризм — наиболее опасная угроза современности» в учебнике В. Я. Сюнькова «Основы безопасности жизнедеятельности» для 10—11 классов (М., 2002). Сюньков среди организаций, «потенциально способствующих формированию террористических и экстремистских убеждений», называет Церковь объединения, религиозную организацию «Свидетели Иеговы», «Армию спасения» и другие «деструктивные псевдорелигиозные культы».

[4] «Новейшая история отечества» под редакцией Киселева и Щагина.

[5] См. на сайте http://www.teachers.net.ru статью Павла де Рико «Старообрядцы в учебнике москвоведения».

3. Использование учителем-предметником урока для религиозной пропаганды.

Использование учителем-предметником своего урока для религиозной пропаганды очень распространено. Например, преподаватель литературы творчество всех русских писателей трактует с православной точки зрения. Или биолог рассказывает детям о креационизме как о научной теории[6]. Они не делают этого официально, и тем труднее бывает доказать нарушение свободы убеждений учащихся. С другой стороны, такое нарушение и ликвидировать легче: достаточно родителям нескольких учеников обратиться к классному руководителю, завучу или выступить на родительском собрании[7].

4. Дискриминация ребенка по религиозному признаку.

В чистом виде это случается очень редко, чаще совмещается с этнической дискриминацией «кавказцев».

5. Совершение религиозных обрядов в школе и принуждение к участию во внеклассных и внешкольных мероприятиях религиозной направленности.

Во многих регионах (в т. ч. и там, где региональные власти занимают взвешенную позицию по отношению к религиозному образованию, например в Москве и Санкт-Петербурге) можно отметить обязательное участие детей и учителей в религиозных обрядах (чаще всего — освящении школы), добровольно-обязательные экскурсии «по святым местам», участие учителей и школьников в церковных мероприятиях (чтениях, конкурсах, праздничных встречах и т. д.).

Так, например, 1 августа 2004 года в ходе торжеств в честь 250-летия со дня рождения преподобного Серафима Саровского в Дивееве состоялось освящение нового здания школы. Ранее дивеевские школьники учились в здании, находившемся непосредственно на территории монастыря. Строительство новой школы началось в 2000 году в рамках программы выведения с территории Дивеевской обители светских учреждений.

На торжественной церемонии, помимо членов официальной делегации Русской православной церкви, присутствовали полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе С. В. Кириенко, губернатор Нижегородской области Г. М. Ходырев, председатель Законодательного собрания области Е. Б. Люлин, представители местной власти. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, в частности, отметил: «Уверен, что освящение этой школы в день празднования 250-летия Серафима Саровского — действие замечательное во многих отношениях. В нем сокрыт символ огромной важности, знак того, что мы начинаем правильно жить. Очень важно, что сегодня и государственная власть стала с пониманием относиться к необходимости устроения общественной жизни в новых условиях. Отрадно, что церковная и светская власти работают вместе, рука об руку, без конфликтов и недоразумений, совместно преодолевают трудности. Сегодня мы с вами созидаем нечто важное: мы освящаем здание школы в поселке Дивеево, расположенной недалеко от стен монастыря, и тем мы сопрягаем духовную и интеллектуальную основы нашей жизни, сопрягаем веру и знание, и я верю, что благодаря этому процветет наше Отечество!»[8]

---

[6] Кстати, уже появился учебник С. Ю. Вертьянова «Общая биология: учебник для 10—11 классов общеобразовательных учреждений с преподаванием биологии на православной основе» (Свято-Троицкая Свергиева лавра, 2005).

[7] Более подробно о способах защиты можно прочитать в брошюре «Как защитить свободу убеждений школьника? Рекомендации для родителей» (М.: Права человека, 2005), подготовленной научно-методическим центром «Гуманист».

[8] «В рамках юбилейных торжеств в Дивееве митрополит Кирилл освятил здание новой средней школы» (http://www.mospat.ru).

Маловероятно, что все учащиеся этой школы и их родители — православные, скорее всего, они отнеслись к этому мероприятию как к неизбежной формальности. Люди привыкают к тому, что без церкви не обходится ни одно событие, а собственные убеждения людей при этом никак не учитываются.

Особенно много за последние пять лет появилось конкурсов детских работ с религиозной, «духовно-нравственной» и патриотической направленностью. Например, в школах Московской области учителя литературы и истории настойчиво предлагали ученикам написать творческие работы на конкурс «Россия — Родина, Отечество мое». Победители конкурса выступили на XVI общественно-практической конференции «Слово и Образ — основа отечественной культуры» в рамках праздника Славянской письменности и культуры, среди организаторов которой — Общественная палата, патриархия, Славянский фонд, Комитет общественных связей Москвы, фонд «Православная Россия», Совет директоров кадетских корпусов России, Администрация Президента, Минобороны, Минобразования, Минкультуры, Московский областной военный комиссариат. Судя по программе конференции, «Слово и Образ» понимаются участниками не в искусствоведческом, а в православном значении.

Педагоги и школьная администрация в добровольно-принудительном порядке участвуют во всевозможных чтениях и конференциях, организованных местными епархиями и управлениями образования. Так, например, в Псковской области регулярно проходят Метелягинские и Глинские педагогические чтения.

«Церковь, школа, семья сегодня объединились в благородном стремлении обратить юное поколение к исконным духовным ценностям… Открытие третьих Метелягинских чтений состоялось в Псковском духовном училище… Завершились чтения паломнической поездкой в Крыпецкой мужской монастырь — это уже стало традицией»[9].

С 2001 года на базе Печорской гимназии ежегодно организуются и проводятся Корнильевские чтения (в память о деятельности преподобного Корнилия), посвященные проблемам образования, духовности.

Отношение ко всем этим мероприятиям значительной части школьников и их родителей — нейтральное или даже благожелательное, поскольку они воспринимаются как формальные, ритуальные, не имеющие отношения к мировоззрению детей. Доказать факт принуждения к участию в таких внеклассных воспитательных мероприятиях очень сложно, поскольку, как правило, нет никаких письменных распоряжений. С другой стороны, поскольку участие в каких-либо воспитательных мероприятиях может быть только добровольным[10], достаточно кому-либо из родителей возмутиться навязыванием их детям религиозного мировоззрения, и детей оставят в покое.

Анализ международного и российского законодательства

Поскольку анализ международного и российского законодательства в области свободы совести дан в других разделах доклада, мы остановимся только на тех документах, которые относятся непосредственно к образованию.

Во Всеобщей декларации прав человека (ст. 26), Пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 13), Конвенции о правах ребенка (ст. 12, 13 и 14), Протоколе № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 2), Конвенции

[9] «Метелягинские чтения». Вече — Псковская правда. 11 ноября 2004 г.

[10] См. Закон «Об образовании» и приказ Минобразования РФ «О базисном учебном плане».

о борьбе с дискриминацией в области образования (ст. 5), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (ст. 5) гарантированы свобода убеждений детей и право родителей на воспитание детей в соответствии с их убеждениями.

Для нас наиболее важна ст. 2 Протокола № 1 к Европейской конвенции, поэтому далее излагается краткое содержание решения Европейского суда по правам человека по делу «Кьедсен, Буск, Мадсен и Петерсен против Дании» (Series A, No. 23, 07.12.1976), в котором трактуется право родителей «на воспитание детей в соответствии с их религиозными и философскими воззрениями».

Законом от 27 мая 1970 года в Дании было введено обязательное образование в области половых отношений. Четверо родителей, возмущенных тем, что их детей заставляют изучать этот предмет, подали заявления в Европейский суд на основании ст. 2 Протокола № 1 к Европейской конвенции, гарантирующей права родителей при выборе образования для детей. В своем решении суд подчеркнул, что «государству воспрещается следовать доктринам, которые могли бы рассматриваться как не уважающие религиозные и философские убеждения родителей». Однако в датском законодательстве Суд не обнаружил попыток индоктринации, то есть таких, которые имели бы целью навязывание определенного стереотипа полового поведения, и нарушения прав родителей преподаванием основ полового поведения не было установлено[11].

Что касается федерального российского законодательства, то можно говорить о том, что свобода убеждений учащихся и светский характер государственного и муниципального образования прописаны достаточно четко. С одной стороны, провозглашены идеологический плюрализм[12] и светскость школы[13] и запрещена деятельность политических и религиозных организаций в школах[14], то есть возведены преграды для дискриминации и навязывания какой-либо религии или идеологии. С другой стороны, у родителей есть все возможности воспитывать детей в соответствии с их убеждениями[15].

В законах «Об образовании», «О свободе совести», в приказе Министерства образования от 1 июля 2003 года четко прописаны возможные действия верующих, желающих обучать детей основам их вероучения.

«В целях обеспечения соблюдения норм международных актов <…> о необходимости содействия государства религиозным объединениям в реализации ими общественно значимых культурно-просветительских программ и мероприятий, основываясь на принципах светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, учитывая, что никакая религия или идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной и никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем <…>, что запрещается вовлечение детей <…> в религиозные объединения и обучение их религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих

[11] Это решение следует иметь в виду при оценке готовящегося сейчас в Санкт-Петербурге судебного процесса по иску отца школьницы Марии Шрайбер к Министерству образования. Отец считает, что изучение теории Дарвина в обязательном для всех курсе биологии нарушает свободу совести дочери и его право на воспитание. Вероятно, спор будет вестись именно о том, можно ли считать строго научное изложение теории Дарвина навязыванием атеистических убеждений.

[12] Конституция РФ, ст. 13, Закон «Об образовании», ст. 2 п. 5.

[13] Конституция РФ, ст. 14, Закон «Об образовании», ст. 2 п. 4.

[14] Закон «Об образовании», ст. 1 п. 5.

[15] Конституция РФ, ст. 43, Семейный кодекс, ст. 63 и 64, закон «Об образовании», ст. 52.

<…>, а также в целях создания благоприятных условий для реализации прав граждан на свободу совести, в соответствии с принципами государственной политики в области образования <…>, приказываю:

1. Администрациям государственных и муниципальных образовательных учреждений при предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ учитывать следующее:

1.1. Обучение религиозными организациями детей религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях может осуществляться только с согласия детей, обучающихся в образовательных учреждениях, и по просьбе их родителей (законных представителей). Просьбу рекомендуется оформлять в виде письменного заявления на имя администрации образовательного учреждения.

1.2. Предоставление религиозным организациям возможности обучать детей религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях осуществляется по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления.

1.3. Используемая в процессе обучения религии литература и учебно-методические пособия, включая аудио- и видеоматериалы, должны иметь маркировку с официальным полным наименованием данной религиозной организации»[16].

Никто не возражает ни против воскресных (негосударственных!) школ при религиозных организациях, ни против факультативных занятий в государственных школах во внеурочное время. Но во всех документах подчеркивается добровольный характер обучения и точно определена обязанность государства: вмешиваться в религиозное воспитание только в той мере, в какой это необходимо для защиты прав детей.

Казалось бы, на законодательном уровне созданы идеальные условия для реализации свободы убеждений в школе, в том числе для желающих, и религиозного образования. Но начиная с 1999 года стали появляться подзаконные акты (договор «О сотрудничестве Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской Православной Церкви», информационное письмо № 14-52-87ин/16 о преподавании «Основ православной культуры», подписанное министром образования В. Филипповым), некоторые положения которых привели к массовым нарушениям свободы убеждений школьников.

В 1999 году был заключен договор «О сотрудничестве Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской Православной Церкви» и создан Координационный комитет по взаимодействию Министерства с РПЦ МП. К сожалению, некоторые эксперты считают, что Договор носит декларативный характер, и не придают ему должного значения[17]. Между тем большая часть того, о чем договорились министерство и МП, уже реализовано на федеральном уровне и во многих регионах:

«3.1. Стороны осуществляют сотрудничество в следующих направлениях:

3.1.4. Осуществление экспертизы духовно-просветительских программ, проектов, учебной литературы[18];

[16] Приказ Минобразования РФ от 1 июля 2003 г. № 2833 “О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ”

[17] См., например, *Митрохин Н.* Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ. М., 2004.

[18] В одном из интервью В. Филиппов сказал: «Будут созданы совместные комиссии по религиозному образованию (при участии патриархии и Минобразования), и они уже будут смотреть, не вредна ли такая

3.1.5. Создание совместных телевизионных и радиовещательных образовательных программ;

3.1.6. Совместное издание учебной литературы, учебно-методических рекомендаций;

3.1.7. Проведение совместных научных исследований, конференций, «круглых столов», семинаров по научным, педагогическим и другим проблемам духовно-нравственного воспитания и просвещения учащихся и студентов[19];

3.1.8. Противодействие осуществляемой в образовательных учреждениях и в средствах массовой информации деятельности представителей тоталитарных и деструктивных сект и культов, способствующих разрушению духовного и физического здоровья учащихся и студентов[20] ;

3.1.9. Содействие организации преподавания основ православной культуры в составе вариативной компоненты содержания образования;

3.1.10. Содействие совершенствованию подготовки, переподготовки педагогических кадров в области духовного просвещения, преподавания религиоведения, истории христианства и православия, основ православной культуры;

3.1.11. Содействие обновлению государственных образовательных стандартов по направлениям «Теология», «Религиоведение» и специальности «Религиоведение»;

<…>

4.1. Стороны обязуются представлять друг другу всю информацию, необходимую для реализации договора.

4.2. Стороны обязуются соблюдать конфиденциальность в отношении полученной от другой стороны информации»[21].

Особенно интересен последний пункт. Получается, что орган государственной власти обязуется предоставлять негосударственной (религиозной) организации «всю информацию» и соблюдать конфиденциальность в отношении полученной информации! Перед кем несет ответственность министр образования? Перед патриархом или все-таки перед премьер-министром?

В октябре 2002 года появилось информационное письмо Министерства образования, подписанное В. Филипповым, о преподавании «Основ православной культуры» и методическая записка к программе курса. В этом документе министр образования ссылается на опыт регионов РФ и международную практику: «Приобщение школь-

литература для подрастающего поколения, для его здоровья, для его нравственного воспитания. Вот с этих позиций и будет подвергнута тщательному рассмотрению такая литература» (НГ-Религии, 2000, № 8).

[19] Достаточно посмотреть список участников ежегодных Рождественских или Глинских чтений, чтобы убедиться: госслужащих там больше, чем представителей РПЦ, хотя сами мероприятия подаются как внутрицерковные.

[20] «Какие секты вы относите к деструктивным? — Я не готов сейчас ответить на этот вопрос. Если нужно, составлю список. На этот вопрос вам довольно подробно может ответить Патриарх» (из интервью с В. Филипповым).

Во многих учебниках по обществознанию и правоведению и даже в учебнике «Основы безопасности жизнедеятельности» в ярких красках описана деятельность «деструктивных», «тоталитарных» сект (среди них — кришнаиты и «Свидетели Иеговы»). А Л. Курнешова, первый заместитель руководителя Департамента образования Москвы, в письме № 2-33-20 от 25 февраля 2003 года пишет: «Руководителям образовательных учреждений не следует допускать проведения в учебных заведениях «Хэллоуина» в какой бы то ни было форме. Необходимо создавать новые формы совместных (дети — педагоги — родители) школьных праздников в соответствии с базовыми ценностями русской культуры».

[21] Договор «О сотрудничестве Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской Православной Церкви», 2 августа 1999 г.

ников к духовным и культурным ценностям традиционных религиозных конфессий осуществляется в образовательной практике всех цивилизованных государств, эта образовательная область традиционно была представлена и в российской школе».

На самом деле речь шла об очень серьезном, подробном изучении именно православия, а не православной культуры. Достаточно перечислить разделы программы: «Православная христианская картина мира», «История православной религии и культуры», «Православная культура и религии мира», «Письменная культура Православия», «Православный образ жизни», «Нравственная культура Православия», «Художественная культура Православия» и «Православие — традиционная религия русского народа».

Что касается «иных конфессий», то в программе они характеризуются исключительно как «ересь, раскол, секта», «инославие, иноверие», «деструктивные религиозные секты». О католичестве сказано так: «Папство (латинство)», «Папоцезаризм, государство Ватикан. Клерикализм. Прозелитизм. Религиозный экстремизм».

Авторы методической записки и примерной программы курса «Основы православной культуры» уверены, что курс не противоречит принципу светскости образования:

«Реализация принципа светского характера образования при изучении православной культуры в государственных и муниципальных учреждениях в соответствии с настоящим примерным содержанием обеспечивается:

1) культурологическим, неиндоктринальным содержанием предъявляемых знаний и соответствующей методикой изучения православной культуры[22];

2) правом свободного выбора изучения курсов православной культуры учащимися или их родителями, образовательными учреждениями, местными и региональными органами управления образованием в соответствии с конкретными параметрами социального заказа на православное культурологическое образование[23];

3) организационно-правовой независимостью государственных и муниципальных образовательных учреждений от организаций религиозных конфессий[24];

4) методическим контролем служб учредителя государственных и муниципальных образовательных учреждений за практикой организации и преподавания православной культуры[25].

Изучение православной культуры в государственных и муниципальных образовательных учреждениях не сопровождается совершением религиозных обрядов, отправлением религиозного культа, не требует от учащихся или их родителей православной религиозной самоидентификации в любой форме и не препятствует их свободному мировоззренческому или конфессиональному самоопределению, не предусматривает обязательного участия обучаемых в религиозных службах, не преследует в качестве

---

[22] Но, судя по программе и учебнику А. Бородиной, детям прежде всего излагается именно мировоззрение, четко выраженный православный взгляд на мир — см. ниже.

[23] Но ни у родителей, ни у образовательных учреждений нет такого же права свободного выбора, например, курса «Основы протестантской этики».

[24] Но поскольку подготовленных преподавателей в школах нет и они не скоро появятся, курс будут вести священники либо просто верующие учителя, а значит, реальная зависимость от местной церковной власти будет очень большой.

[25] Но какой контроль смогут осуществить методисты, сами мало понимающие в изучаемом предмете и зачастую весьма интолерантно настроенные по отношению ко всем «инославным», «приезжим» и проч.?

образовательной цели вовлечение учащихся или их родителей в религиозную организацию»[26].

Согласно методической записке к программе курса, «изучение православной культуры может проводиться за счет часов, выделяемых в учебном плане на образовательные области «Обществознание», «Филология», «Искусство», часов регионального (национально-регионального) компонента образования, часов компонента образовательного учреждения.

Учитывая специфику знаний о православной культуре и сложившийся опыт ее изучения в общеобразовательной школе, целесообразно выделять на изучение курсов православной культуры на всех образовательных ступенях не менее 340 часов (374 часов при 12-летке).

Оптимальным с точки зрения полноты и качества освоения учащимися содержания образовательной области является выделение на ее изучение в учебном плане средней школы 544 часов (612 часов при 12-летке), в том числе на пропедевтический учебный курс в начальной школе 102 часа; на основной учебный курс в основной школе 340 часов (408 часов при 12-летке); на изучение православной культуры в старшей школе в виде интегрированного повторительного курса или модульных спецкурсов 102 часа[27]».

О том, как появилось это письмо, рассказал на Рождественских образовательных чтениях 1 февраля 2006 года Л. С. Гребнев (замминистра образования при Филиппове, профессор МГУ). По его словам, письмо сознательно было названо информационным, поскольку «приказ министра можно отменить, а информацию отменить нельзя», так что «на это письмо, все еще висящее на сайте Министерства образования, можно спокойно ссылаться в разговорах с местными управлениями образования».

Расчет оказался правильным. Когда общественность и СМИ заинтересовались проблемой внедрения «Основ православной культуры» и начались суды по иску Движения «За права человека», такой неопределенный статус письма позволил Министерству образования сделать в декабре 2002 года официальное заявление, открестившись от «некорректных» высказываний министра.

«Заявление пресс-службы министерства образования РФ о преподавании «Основ православной культуры» в школах России.

1. Преподавание «Основ православной культуры» не будет включаться в федеральный компонент общего среднего образования, то есть в обязательное содержание для всех школ страны.

2. Преподавание основ православной культуры может реализовываться только в рамках регионального или школьного компонентов по решению субъекта РФ (по региональному компоненту) или образовательного учреждения (по школьному компоненту).

3. Учитывая многоконфессиональный характер РФ и многонациональный состав детей во многих школах России, изучение «Основ православной культуры» может реализовываться только в рамках факультатива или предметов по выбору и, таким образом, только с согласия учащегося и его родителей».

---

[26] Однако в СМИ и в правозащитные организации обращаются десятки родителей, чьих детей вынуждают посещать эти занятия.

[27] Для сравнения: в основной средней школе (5—9 кл.) на изучение математики отводится 875 ч., русского языка — 490 ч., ин. яз. — 525 ч., литературы — 385 ч. Остальные предметы изучаются меньше 300 часов каждый.

Следует отметить, что даже в этом заявлении осталось одно противоречие, на которое редко обращают внимание. Дело в том, что региональный компонент вводится решением региональной власти: соответствующий законодательной орган принимает специальный закон. Входящие в этот компонент курсы являются обязательными для всех школ данного региона. Ни о какой добровольности изучения здесь речь идти не может.

Поскольку сторонникам обязательного религиозного образования до сих пор не удалось добиться изменений в федеральном законодательстве (законах «Об образовании» и «О свободе совести»), они усилили работу в регионах. Именно на региональном и на местном уровнях в 2004—2006 годах идет основная борьба за свободу убеждений школьников, против клерикализации школьного образования.

Анализ регионального законодательства

В 2000—2005 годах во многих регионах губернаторы или руководители региональных управлений образования (министерств, департаментов образования) заключили договоры с местными епархиями РПЦ[28]. Эти договоры (соглашения) однотипны. В них, как правило, сначала провозглашаются общие принципы:

«Стороны, возвращаясь к православным традициям Отечества, Кубани, основываясь на принципах:

— конституционного права каждого на свободу совести;

— признания особой роли православия и истории России в становлении и развитии ее духовности и культуры; обеспечения национальной и духовной безопасности народов России;

— сотрудничества органов государственной власти и органов местного самоуправления с Русской Православной Церковью, а также с православными гражданами и организациями в сферах образования, культурно-просветительской деятельности, социального служения и благотворительности;

— *обеспечения духовной безопасности детей, подростков и молодежи от проникновения в молодежную среду различных сектантских течений;*

— наиболее полного использования возможностей, предусмотренных федеральным, региональным законодательством в области свободы совести и в области прав граждан Российской Федерации на изучение дисциплин религиоведческого характера, православия и др.; на углубленное изучение русского языка, русской словесности, русской истории, русской культуры, а также родных (титульных) языков, родной литературы и культуры в целях сохранения национального мира и согласия в нашем многонациональном регионе;

— воспитания молодежи в духе толерантности, знания и уважения традиций и культуры других народов, населяющих наш многонациональный и многоконфессиональный регион, в рамках поликультурного образования; знакомства с основополагающими историческими и культурными принципами ведущих мировых религий;

[28] По имеющимся в научно-методическом центре «Гуманист» данным, на начало 2006 года такие договоры заключили около 30 регионов: Архангельская, Белгородская, Владимирская, Волгоградская. Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Калининградская, Курская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ульяновская, Ярославская области; республики Марий-Эл и Карелия; Краснодарский, Приморский и Ставропольский края.

— почитания памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость…»[29]

Выделенные нами пункты ведут к нарушению свободы убеждений школьников, поскольку предполагают заведомое неравенство религиозных организаций: проводить экспертизу, оценивать учебные пособия, обеспечивать «духовную безопасность» будут именно представители РПЦ МП.

Далее высокие договаривающиеся стороны определяют конкретные направления деятельности:

«3.1. Содействуют реализации в региональной сфере образования межведомственных краевых целевых программ, направленных на развитие духовности и гражданственности.

3.2. Содействуют реализации желания обучающихся, воспитанников и их родителей изучать исторические и культурные ценности ведущих мировых религий, в том числе курс «Основы православной культуры».

3.4. Прилагают все предусмотренные действующим законодательством усилия по недопущению деятельности нетрадиционных религиозных организаций, в том числе различного рода сектантских течений.

3.6. Организуют экспертизу региональных духовно-просветительских учебных программ, проектов, учебной литературы.

3.7. Создают совместные образовательные и культурно-просветительские телевизионные и радиовещательные программы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи.

3.8. Разрабатывают Положения о совместных конкурсах творческих работ обучающихся, воспитанников и педагогов в данном направлении деятельности.

3.9. Организуют и обеспечивают курсовую переподготовку кадров по направлению «Преподавание основ православной культуры в сфере общего и профессионального образования» на базе учреждений высшего и дополнительного профессионального педагогического образования Краснодарского края.

3.10. Содействуют преподаванию в образовательных учреждениях Краснодарского края (по желанию обучающихся и их родителей) основ православной культуры и других дисциплин религиоведческого характера по выбору обучающихся».

Интересно, что об «Основах православной культуры» здесь говорится дважды. В п. 3.2 на первом плане — желание родителей (и тогда получается, что ОПК — религиозный предмет, изучение которого без письменного согласия родителей запрещено). В п. 3.10 речь уже идет о «дисциплинах религиоведческого характера», для изучения которых согласия родителей не требуется. Непонятно также, как будут эксперты — православные священники — оценивать буддийскую или католическую учебную литературу.

Кроме договоров, в ряде мест приняты, как мы уже писали, законы о региональном компоненте или региональные целевые программы, в которых православное религиозное образование и воспитание занимает одно из центральных мест. В Курске это «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи Курской области на 2006—2010 годы», в Архангельске — программа Т. Зайцевой «Родник» («Основы православной культуры Русского Севера»).

[29] Соглашение о сотрудничестве департамента образования и науки Краснодарского края с Екатеринодарской и Кубанской епархией Русской православной церкви, г. Краснодар 11 марта 2005 года.

В «Концепции регионального компонента стандарта содержания дошкольного, общего образования Калининградской области» рекомендовано проводить занятия по православной культуре начиная с детского сада: «Приобщение к русским духовным и культурным традициям (проведение утренников, праздничных мероприятий, посвященных Покрову, Рождеству, Святкам, Масленице, Благовещению, Пасхе, Троице и др. Изучение в курсах «Россиеведение для дошкольников», «Православная культура» особо значимых событий в русской истории, культуре, знакомство с героями Отечества, святыми, почитаемыми на Руси)». Для средних и старших классов рекомендован курс «Основы нравственности» (вероятно, автор — О. Л. Янушкявичене[30]), о котором сказано так: «Школы, ранее осуществлявшие изучение предмета «Православная культура», имеют право продолжить его изучение за счет часов, отводимых на изучение курса «Основы нравственности». Понятно, в каком ключе изучается нравственность, если этот курс легко заменяется православной культурой.

В ряде школ Московской области с сентября 2006 года «в экспериментальном порядке» будет изучаться новый предмет — «Духовное краеведение Подмосковья»[31]. Учебное пособие по нему представила 11 января 2006 года министр образования Московской области Л. Антонова[32]. Автор — Л. Л. Шевченко, она же автор одного из учебных пособий «Православная культура: экспериментальное учебное пособие для начальных классов общеобразовательных школ, лицеев и гимназий» (М., 2004). Учитывая, что в некоторых районах Московской области православное образование и воспитание ведется с 1998 года, можно предположить, каким будет это «Краеведение».

Завершая краткий обзор регионального законодательства, отметим еще раз, что сторонники клерикализации школы основное внимание уделяют в последние годы именно работе с местными властями. Об этом, как об одном из главных направлений, говорили практически все докладчики на конференции «Православная культура в общеобразовательной школе: пути и методы преподавания» 1 февраля 2006 года, прошедшей в рамках XIV Рождественских чтений.

Анализ высказываний представителей федеральных и региональных органов власти

Одним из самых важных факторов, способствующих клерикализации школы, является отношение к религии государственных служащих высшего ранга: президента, министров, губернаторов и т. д. У большинства граждан России сформировалась привычка ориентироваться не на законы, а на мнение начальства. Именно поэтому высказывания и действия (например, посещение православных храмов) чиновников, если они освещены в СМИ, тоже можно считать провоцирующими нарушения свободы убеждений граждан. Многие педагоги, даже не получая прямых указаний от своего непосредственного начальства, уверены, что приобщение учащихся к основам православия — их прямая обязанность. Более того, не только учителя — многие ме-

[30] См. *Янушкявичюс Р., Янушкявичене О.* Основы нравственности. М., 2005; *прот. В. Дорофеев, Янушкявичене О. Л.* Программа курса «Основы православной культуры». М., 2006.

[31] Это учебное пособие до сих пор не издано, наши многочисленные попытки получить его пока что не увенчались успехом. Впрочем, это относится и ко многим другим региональным изданиям: наши коллеги в Псковской, Калининградской, Калужской областях сообщают, что любая информация об этих курсах является полусекретной.

[32] Парламентская газета, 2006, 21 янв.

тодисты и инспекторы управлений образования убеждены, что православие — государственная религия в РФ.

Рассмотрим более подробно высказывания представителей федеральных и региональных органов власти о религиозном образовании и воспитании в школе.

Прежде всего мы видим, что православие хотят сделать важнейшей частью новой национальной идеологии, которая должна прийти на смену мировоззренческому плюрализму 90-х годов. В православии подчеркиваются не общие со всеми христианскими конфессиями черты, а его «государствообразующая» роль, национальная специфика: «быть русским — значит быть православным», «православие — национальная религия русского народа»[33].

«Православие — это религия, которая определяет нашу национальную идентичность, наше национальное самосознание», — утверждает митрополит Кирилл.

«Быть русским — значит быть жителем не только великой России, но и Святой Руси. А для этого необходимы особые качества, а точнее — добродетели, которые присущи православной традиции. Не отказываясь от своих национальных корней, человек обретает особые достоинства, которые отличают его и выделяют как русского», — вторит ему о. Евгений Шестун.

Вероятно, с ними был согласен и министр образования А. Фурсенко, сказавший в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы», что «православие лежало в основе создания России, и это надо понимать».

Следует заметить, что идеологические основы деятельности Церкви, закрепленные в «Основах социальной концепции РПЦ» и обнародованные ее священниками и активистами, находятся в противоречии со всей концепцией российского образования. Если согласно закону РФ «Об образовании» государственная политика в области образования основывается на принципах «гуманистического характера образования, приоритета общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности», а содержание образования должно быть ориентировано на «обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации», то «Церковь не может положительно воспринимать такое устроение миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность».

К сожалению, подобная идеология, судя по заявлениям ряда высших государственных служащих, становится сейчас все более востребованной. На проходившей в октябре 2002 года научно-практической конференции «Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования» присутствовали полпреды президента в Южном, Центральном и Приволжском федеральных округах. Они поддержали идею введения религиозного образования в школе. Так, Сергей Кириенко заметил, что раньше руководители страны «индифферентно относились к мировоззрению граждан, теперь же государству не все равно, на каких мировоззрениях формируется общество». По мнению его коллеги из Южного округа Виктора Казанцева, «без религиозного воспитания властям не удастся привить россиянам утраченное во времена перестройки чувство патриотизма».

Особенно ярко единство государственной власти и РПЦ проявилось на последнем архиерейском соборе (октябрь 2004). «Не устану повторять, что перед лицом грозной

[33] Все ниже приведенные цитаты взяты из двух статей: Луховицкий В. «Религиозное образование в светской школе», (http://beliefs.narod.ru/cleric/relig_obr.htm) и Эйсман А. «Иерархи РПЦ и государственные служащие об изучении православия в школе» (http://beliefs.narod.ru/cleric/pravosl_obr.htm).

опасности мы должны быть едины как никогда. Святой апостол Павел говорит христианам: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою» (Рим. 12. 15—16). Церковь пребывает со своим народом и в радостях, и в испытаниях. Она простирает руку помощи и соработничества государству и обществу», — сказал в своем докладе патриарх.

Президент России В. В. Путин, принявший 6 октября участие в работе собора, так откликнулся на предложение патриарха:

«<…> Сразу же скажу, что считаю такой прямой и постоянный диалог высших руководителей государства и Церкви исключительно полезным.

<…> Духовное и нравственное просвещение являлись всегда важнейшей задачей любой религии. И это сегодня является надежным заслоном злу и ненависти.

<…> Сегодня государству крайне необходимы авторитетные и влиятельные партнеры».

Надо сказать, что большинство чиновников — хорошие дипломаты. Они стараются говорить обтекаемо, неопределенно, чтобы в случае чего можно было сделать вид, будто ничего и не говорили.

Вот как высказывался в течение трех последних лет министр образования Владимир Филиппов. В январе 2002 года, выступая на X Рождественских чтениях, Филиппов сказал:

«И Церковь, и государство осознают сегодня, что задачи просвещения и духовно-нравственного воспитания должны пронизывать и подчинять себе всю нашу образовательную систему. Мы не должны и не будем слепо копировать какие-то западные модели образования. Мы должны сохранить основы, принципы фундаментальности и духовности нашего образования. Нельзя разрушить многовековых, благотворных традиций отечественной школы, сложившейся в том числе и даже во многом под благотворным влиянием Русской православной церкви…»

Удивительно, как точно министр образования воспроизводит ту же картину мира, которую мы видели у многих священников:

«Мы на горьком опыте убедились, что без духовно-нравственной составляющей образования и всей общественной жизни разрушается государство, останавливается экономика, гибнет культура, вырождается наука. Как оказалось, без духовности прекращается прогресс, становятся бесполезными самые глубокие научные знания, самые новейшие технологии… Мы обязаны сделать все необходимое, чтобы в нашей школе был обеспечен приоритет воспитания, чтобы образование молодежи всегда опиралось на развитие ее добродетелей и созидательных качеств. Неоценимое значение в этом играет тесное взаимодействие с Русской православной церковью, которое мы намерены и впредь всемерно укреплять».

Вскоре появился учебник А. Бородиной «Основы православной культуры». Православная церковь (в лице Московского патриархата) официально его одобрила и рекомендовала в качестве главного учебного пособия для изучения на одноименном курсе. Было очевидно, что этот учебник и есть плод совместных усилий государства и церкви, о которых говорил Филиппов.

Впрочем, министр вел себя очень осторожно: то поддерживал учебник Бородиной, то отступал в сторону, показывая свою непредвзятость.

В январе 2004 года Филиппов снова пришел на Рождественские чтения и вновь заявил, что государство должно сотрудничать с церковью в области образования:

«Мы должны продолжать линию на практическую реализацию доступности предмета «Основы православной культуры» для российских школьников… Более того, мы должны теперь уже совместно продумывать, как в школе опираться на основы православной культуры не только с познавательной стороны, но и с позиций доведения до учителей и учащихся истинных православных ценностей…»

А 10 февраля, выступая в прямом эфире «Эхо Москвы», министр сказал: «Предмет «Основы православной культуры» может вводиться в школах только факультативно, только советом школы, только с согласия родителей… Регион не имеет права приказать вводить для всех школ страны основы православной культуры. Школа сама решает. Более того, решив это, школа дает право каждому ребенку посещать или не посещать, по его выбору, этот факультатив, и непременно с согласия родителей».

Вряд ли министр Филиппов так часто меняет свое мнение. И с формальной точки зрения он действительно ни разу не сказал напрямую, что в школах надо в обязательном порядке вводить «Основы православной культуры». Просто он хорошо знает, что для чиновников устные намеки начальства значат гораздо больше, чем официальные приказы, которые издаются только для того, чтобы успокоить общественное мнение. Владимир Михайлович знал, что подчиненные поймут его правильно, и он не ошибся: его действительно поняли правильно.

Такое же символическое значение имеют и постоянные визиты президента, депутатов Думы, губернаторов или мэров на всяческие церковные мероприятия. В последнее время ни одно такое событие не обходится без их участия. Вот что сообщают об этом газеты и информационные агентства: «10 октября 2004 года в селе Конецдворье Приморского района Архангельской области состоялось освящение восстановленного деревянного храма во имя святителя Николая Чудотворца. В событии принимали участие епископ Архангельский и Холмогорский Тихон, духовенство епархии, губернатор Архангельской области Николай Киселев, глава Центризбиркома Александр Вешняков (уроженец села Конецдворье), депутат Государственной думы Валерий Мальчихин, члены Совета Федерации от Архангельской области Юрий Сивков и Александр Тищенко, аудитор Счетной палаты Александр Пискунов (экс-депутат Госдумы), председатель фонда «Дети Севера» Алексей Баринов, президент фонда архитектурного наследия имени преподобного Андрея Рублева Вячеслав Киселев, ректор ПГУ Владимир Булатов. Для участия в торжествах в село прибыли многочисленные паломники из близлежащих населенных пунктов, Архангельска и Северодвинска. Губернатор Архангельской области Николай Киселев сказал: «Я уверен, что усилиями многих из нас будут возрождаться храмы…» Губернатор отметил, что Архангельску давно нужен кафедральный собор, и в ближайшее время будет сформирован попечительский совет по созданию главного храма епархии».

Или другой пример: «22 января 2003 г. в московском Гостином дворе состоялась торжественная церемония открытия выставок «Православная Русь» и «Санкт-Петербург. 300 лет духовной истории». Выставки проводятся по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, являющегося также председателем попечительского совета выставки «Православная Русь». Оргкомитет возглавляет председатель отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

В торжественной церемонии участвовали заместитель председателя Правительства Российской Федерации В. И. Матвиенко, секретарь Совета безопасности Россий-

ской Федерации В. Б. Рушайло, министр промышленности, науки и технологий Российской Федерации И. И. Клебанов, губернатор Санкт-Петербурга В. А. Яковлев, другие представители федеральной законодательной и исполнительной властей России, органов власти Москвы и Санкт-Петербурга, видные общественные деятели. <…>

Руководитель Администрации Президента РФ А. С. Волошин направил устроителям и организаторам выставок <…> приветственное послание.

Святейший Патриарх Алексий, заместитель председателя Правительства России В. И. Матвиенко и губернатор Санкт-Петербурга В. А. Яковлев торжественно перерезали красную ленточку».

На первый взгляд, может показаться, что позиция нынешнего министра образования А. Фурсенко значительно отличается от позиции его предшественника. Недаром же «православная общественность» обвиняет его во всех смертных грехах, а на последних Рождественских чтениях (январь 2006) участники фактически сорвали его выступление. Вероятно, это связано с поддержкой министром готовящегося сейчас учебника «Основы мировых религий»[34]. Но говорить о том, что Фурсенко абсолютно объективен и не поддерживает РПЦ, преждевременно хотя бы потому, что министр не сделал ничего для того, чтобы определенно разъяснить работникам образования позицию министерства. Достаточно было бы инструктивного (или даже информационного) письма, разосланного во все органы управления образования. Вместо этого, отвечая на вопросы журналистов, министр дает двусмысленные ответы:

— Русская школа всегда была не столько экономической, сколько духовной. Скажите, верно ли то, что вы поддерживаете введение религии как предмета, а не факультативного курса в школьную программу?

— Я говорил и говорю, что мы ведем речь о преподавании истории религий, а не о преподавании православия. Но в России в преподавании истории религий православие, конечно, будет играть особую роль в соответствии с тем вкладом, который оно внесло и в создание государства, и в создание культуры. Основные конфессии будут также представлены, и вообще человек должен понимать, что религия в огромной степени — культурологическая и историческая база для создания и развития государства. В этом плане речь должна идти не о факультативе, а именно об обязательных занятиях[35].

Из этих слов можно сделать совершенно разные практические выводы: что детей нужно знакомить со всеми религиями и что православие следует выделять, обращать на него особое внимание.

Основы православной культуры: религиозное образование или религиоведческий и культурологический предмет?

Основной вопрос, который приходится решать, оценивая с точки зрения принципа светскости тот или иной вариант курса «Основы православной культуры», состоит в следующем: в основе курса лежит культурологический (религиоведческий) или религиозный подход?

---

[34] К сожалению, подготовка учебника осуществляется в обстановке полной секретности. Авторы консультируются только с представителями так называемых традиционных конфессий, что не может не вызвать определенных опасений. Планировалось, что учебник появится уже в сентябре 2005 года, но, скорее всего, не будет издан и к началу 2006 учебного года.

[35] Из интервью в «Учительской газете».

Сторонники повсеместного внедрения этих курсов утверждают, что детям будет предлагаться не религиозный, а религиоведческий или культурологический подход к изучению религии. Против религиоведения и культурологии возразить нечего, и сейчас существует несколько подобных курсов[36], их преподают во многих школах, но почему-то они не устраивают ни светское, ни церковное начальство. Более того, после того как проф. Н. Шабуров написал экспертное заключение на учебное пособие А. Бородиной «Основы православной культуры», департамент образования Москвы заказал рецензию на его учебное пособие «Религии мира» известным защитникам «Основ православной культуры».

Впрочем, иерархи РПЦ не особенно скрывают, что религиоведение — только прикрытие для настоящего религиозного воспитания. Касаясь преподавания религиоведения в средних школах, митрополит Кирилл поясняет для своих: «Религиоведение предполагает совсем другой подход, агностическое отношение к феномену религии, то есть то, что у нас преподавалось в советское время и называлось научным атеизмом. Отсутствие альтернативы атеистическому подходу в системе образования как раз и вызывает у нас беспокойство».

Но в официальных заявлениях мы читаем только о «православной культуре», «объективном освещении роли православия в российской истории». В предисловии к сборнику методических материалов «Я иду на урок в начальную школу» (подзаголовок — «Основы православной культуры». — *Авт.*)[37] приведены советы юриста, какие именно аргументы должен использовать верующий преподаватель «Основ православной культуры», если его будут упрекать в преподавании «Закона Божьего». А из приведенного там же интервью патриарха Алексия видно, что под самыми разными названиями РПЦ хочет вести именно религиозное образование и воспитание. Эти рекомендации были правильно восприняты на местах. В ряде регионов в 2001—2003 годах в муниципальные школы активно внедрялись курсы: «Основы православной культуры», «Православная традиция», «Основы православия», «Традиционная русская культура», «Православная этика», «Православное искусство» и др. Мы можем смело утверждать, что во всех этих случаях речь шла именно о религиозном образовании и воспитании.

Анализ учебных пособий по ОПК и аналогичным курсам

Сейчас имеется уже довольно много учебных пособий по «Основам православной культуры», разработано и внедряется в регионах несколько учебных программ. На наш взгляд, единственным учебником, в котором говорится именно о православной *культуре*, является учебное пособие И. В. Кошминой «Основы русской православной культуры»[38], но, может быть, именно поэтому оно не пользуется популярностью среди преподавателей этого предмета.

[36] Назовем, например, учебное пособие «Религии мира. 10—11-й класс» под ред. Н. В. Шабурова и учебное пособие «Религии мира. 10—11-й класс» под ред. А. Е. Кулакова. Оба пособия выдержали несколько изданий, достаточно широко распространены. Кулаков в 2005 году вел в газете «Первое сентября» заочный курс лекций для дистанционного обучения учителей по учебному пособию «Религии мира».

[37] «Я иду на урок в начальную школу»: Основы православной культуры: Книга для учителя. М.: Первое сентября, 2001.

[38] М.: Владос, 2003 г.

Самым первым и самым известным стал учебник Бородиной[39], именно вокруг него в 2002—2003 годах развернулась борьба сторонников и противников внедрения православного образования в школе[40]. Учебник был рекомендован весьма странной, с правовой точки зрения, организацией — Координационным советом по взаимодействию Министерства образования РФ и Московской патриархии РПЦ — и одобрен Московским институтом повышения квалификации работников образования (кстати, учебник подготовлен под руководством первого проректора МИПКРО МКО С. Б. Романова): «Учебник для основной и старшей ступеней общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. Рекомендовано Координационным советом по взаимодействию Министерства образования России и Московской патриархии Русской православной церкви». На наш взгляд, эта формулировка нужна была для того, чтобы ввести в заблуждение учителей и школьную администрацию. Дело в том, что словом «рекомендовано», как правило, начинается рекомендация Федерального экспертного совета Министерства образования. Получилось, что и Министерство образования ни при чем (оно официально даже не принимало учебник на экспертизу), и поддержка данного курса обозначена.

Чтобы в дальнейшем избегать путаницы, приведем ответ руководителя Департамента экспертизы учебных изданий, председателя Федерального экспертного совета Н. И. Габрусевой[41]:

«— Скажите, пожалуйста, какой статус имеет гриф Координационного совета по взаимодействию Министерства образования и РПЦ? Чем он отличается от грифа Министерства образования РФ «Допущено…», которым должны обладать все школьные учебники?

— Координационный совет по взаимодействию Министерства образования и Русской православной церкви — общественный орган, имеющий право высказывать свое мнение, в том числе и об учебных изданиях. Одобрение учебного издания Координационным советом носит рекомендательный характер. Гриф Министерства образования «Допущено» или «Рекомендовано» является официальным утверждением учебного издания. Присвоение учебному изданию грифа Министерства образования Российской Федерации осуществляется на основании результатов экспертизы, проводимой Федеральным экспертным советом Министерства образования Российской Федерации».

Интересно, что, несмотря на резкую критику со стороны и педагогической общественности, и экспертов-религиоведов, в 2003 году вышло второе издание учебника, и оно опять получило рекомендацию Координационного совета. В настоящее время, по нашим сведениям, в большинстве школ страны «факультативное» изучение «Основ православной культуры» ведется именно по учебнику Бородиной.

Среди православных педагогов пользуются популярностью также программы и пособия О. Л. Янушкявичене[42]. Это тоже откровенно религиозная учебная литература, и тем не менее по ней преподают в светских школах, явно нарушая Приказ Минобразования РФ от 1 июля 2003 года № 2833.

---

[39] *Бородина А. В.* История религиозной культуры: Основы православной культуры: Учебник для средней и старшей ступеней общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. М.: Издательский дом «Покров», 2002.

[40] См. подробный обзор этих событий на сайте центра СОВА.

[41] По материалам журнала «Школьное обозрение».

[42] См., например, *прот. В. Дорофеев, О. Янушкявичене.* Программа курса «Основы православной культуры» для православных гимназий и воскресных школ. М., 2006.

Общий обзор ситуации в регионах

Начиная обзор ситуации в регионах, обратим внимание на то, что борьба за свободу убеждений в школе прошла несколько этапов.

Характерными особенностями периода 1992—1997 годов являются: многочисленные попытки различных религиозных организаций работать со школьниками; равенство конфессий; отсутствие господдержки какой-либо одной конфессии; интерес общества (и, значит, школы) к религии. Сейчас сторонники православного образования называют эти годы самыми опасными и разрушительными для нашей культуры и духовности, поскольку в школах между конфессиями была реальная конкуренция. В результате через несколько лет выяснилось, что без государственной поддержки массовое внедрение религиозного образования невозможно: нет базы (учебников, преподавателей) и нет желания школьников и их родителей. Священники тоже не были готовы работать с детьми. «Священники и православные активисты пришли в средние школы еще в начале 1990-х годов. Там, где им удалось договориться с директорами, они по еще дореволюционным учебникам стали преподавать Закон Божий. В 1994 году Министерство образования РФ, обнаружив эту практику, издало приказ о запрете любых уроков религии, мотивируя его нарушением Конституции. Священники без особых протестов покинули школы, поскольку было очевидно, что опыт получился неудачным. Дети отказывались слушать скучные проповеди и читать по-церковнославянски, родители и часть учителей протестовали против самой идеи, а представители других конфессий работали в школах куда эффективнее. Кроме того, сеть воскресных школ (то есть групповых занятий для детей, проводившихся, как правило, в прихрамовом помещении после службы) в то время росла, и была надежда в будущем охватить ими большую часть молодежи»[43].

Ситуация кардинально изменилась после принятия в 1997 году Закона «О свободе совести».

В 1999 году Минобразования заключает договор с РПЦ МП. Подобные договоры в 2000—2005 годах заключают власти во многих регионах. Педагоги-энтузиасты вместе с поддерживающими их методистами и священниками готовят первые варианты учебных курсов, пособий, проводят в ряде регионов апробацию. Так, например, в 1997 году был разработан курс «Основы православной культуры» (авторы — В. А. Гребеньков и В. М Меньшиков)[44], который активно внедрялся в школах Курской области при прямой поддержке губернатора.

Похожая ситуация была в Ногинском районе Московской области. Весной 1998 года глава района В. Н. Лаптев обратился к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию с письмом, в котором выразил озабоченность духовно-нравственным состоянием современного общества и одним из шагов к решению этой проблемы предложил ввести в школах Ногинского района преподавание основ православной культуры. Митрополит поддержал эту инициативу, и в результате через три года появился такой отчет о проделанной работе:

«По состоянию на 2000—2001 уч. год: предмет ОПК преподавался в 43 муниципальных образовательных учреждениях из 48 (в остальных пяти школах организова-

[43] *Митрохин Н.* Указ. соч.

[44] Рекомендован экспертной комиссией по экспертизе образовательных программ религиоведческой ориентации при департаменте по образованию Курской области (протокол № 1 от 10 июня 1997 года).

ны циклы бесед со школьниками, которые проводят священнослужители Ногинского благочиния), а также в 5 дошкольных ОУ. Охвачено 277 классов. Преподают предмет 67 учителей и 7 священников. В 2002 году предмет преподается в 47 школах, т. е. практически во всех. ОПК изучают около 7000 детей, что составляет более четверти от общего числа школьников Ногинского района.

При Богоявленском соборе г. Ногинска организованы долгосрочные курсы для преподавателей ОПК, по мере необходимости проведено три кратковременных курса. Всего через курсы прошло более 100 человек.

На средства администрации закуплена литература православного содержания: в 1999 году на сумму 87 139 руб., в 2000 году на сумму 88 647 руб. и сделана подписка на газету «Воскресная школа» на сумму 13 802 руб. Эта литература была направлена в библиотеки всех школ города и района.

Разработана программа курса ОПК для дошкольников и начальных классов общеобразовательной школы, дорабатывается программа для старшеклассников».

Как воспринимали этот предмет родители и дети, мы не знаем — тогда этот вопрос никем не изучался.

2002—2003 годы — период активного внедрения ОПК при поддержке Минобразования. Письмо министра Филиппова о программе ОПК, массовое внедрение ОПК в регионах, процесс Бородиной. Свобода совести нарушается федеральной властью на законодательном уровне (подзаконные акты Минобразования). Благодаря активной позиции правозащитных организаций, например Движения «За права человека», растет интерес общества и СМИ к проблеме обучения религии в школе. Этот период завершается временным отступлением Минобразования и сторонников православной культуры: летом 2003 года Филиппову пришлось издать приказ, четко определяющий порядок обучения религии в школе, одновременно появляется приказ о подготовке учебника по истории мировых религий.

Наконец, если характеризовать современную (2004—2006) ситуацию в регионах, можно отметить такие особенности.

Во-первых, отмечается рост активности различных православных общественных организаций (в т. ч. родительских[45]). Именно «православная общественность» требует повсеместного введения курса «Основы православной культуры», активно защищает А. Бородину от «нападок» правозащитников. Недавно в Екатеринбурге Ассоциация родительских комитетов выступила против образовательных программ муниципального Центра медико-психологический и социальной помощи населению «Холис»[46]. Само по себе это нормальное явление, но, к сожалению, эти организации сразу же получают мощную поддержку со стороны местной власти. Более того, часто религиозные и светские власти сами инициируют подобные «общественные движения».

Так, в апреле 2004 года информагентство Екатеринбургской епархии сообщило, что нижнетагильские школьники требуют увеличения часов на курс православной культуры[47]. Стоит сравнить текст этого сообщения с мнением ведущего сотрудника

[45] Наиболее известные в Москве родительские организации православной направленности — «Родительская забота» и «Родительский комитет». Кроме родителей, в них входят опытные учителя и даже директора школ. Они хорошо знают законодательство и школьную практику, умело применяют эти знания для, как они говорят, защиты права их детей на изучение православия. К сожалению, родительских правозащитных организаций нет.

[46] Новый Регион — Екатеринбург. 2005. 14 дек.

[47] http://orthodox.etel.ru/2004/15/13pupils.shtml.

Института развития образования Свердловской области Погорелова, который в своем выступлении на Рождественских чтениях 1 февраля 2006 года с грустью признал, что большая часть родителей и учителей не хочет усиления роли церкви в образовании. Погорелов указал на «советские стереотипы в сознании большинства учителей среднего и пожилого возраста». «У учительства совершенно ложные представления о человеке, о мире… У многих учителей и родителей прагматические требования к обучению».

Во-вторых, растет число регионов, в которых православие активно внедряется в процесс школьного обучения. При этом наблюдается характерное явление. В какой-либо области курс «Основы православной культуры» распоряжением регионального управления образования вводится как обязательный. Начинается подготовка учителей (как правило, учителей учат не методисты, а священники), в школах проводится соответствующая «разъяснительная работа» с родителями и детьми, чтобы им не пришло в голову жаловаться в вышестоящие инстанции. Но достаточно этой информации появиться в каком-либо СМИ — сразу же делается ход назад. Так, по сообщениям ряда газет, в Калуге с сентября 2006 года должно начаться повсеместное изучение «Основ православной культуры». Но как только руководитель калужской региональной общественной организации «Исток» обратилась в областное министерство образования, ей сказали, что никакого приказа нет и не будет, все пройдет в строгом соответствии с законом. Скорее всего, это просто тактический ход, но, значит, чиновники все-таки еще боятся откровенного нарушения свободы убеждений.

Многие сторонники обязательного религиозного образования предлагают сейчас работать не с детьми, а с учителями. Семинары, научно-практические конференции, курсы повышения квалификации и переподготовки преподавателей «Основ православной культуры» есть в большинстве регионов. Если бы этим занималась РПЦ (на свои средства, без использования административного ресурса), против этого нечего было бы возразить. Но, как правило, курсы проводятся в местных институтах повышения квалификации или педуниверситетах, в них принимают участие руководители департаментов образования. Так, по сообщениям «Благовест-инфо», философский факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского начал в феврале 2005 года обучение школьных преподавателей предмету «Основы православной культуры». В 2004 году в Ярославской области при департаменте образования создан координационный совет по преподаванию основ православной культуры. Члены координационного совета проводят районные методические семинары по преподаванию «Основ православной культуры», организуют педагогическую практику студентов в гимназиях, летних православных лагерях. «Для осуществления преемственности в изучении «Основ православной культуры» от детсада до вуза епархия с помощью совета будет проводить областные курсы для воспитателей дошколят»[48].

В-третьих, все большее внимание стали уделять собственно воспитательной работе, начиная с дошкольников[49]. Организуются православные подростковые клубы,

[48] По сообщению «Интерфакса».

[49] Это отдельная, очень сложная проблема — навязывание религиозного воспитания в детском саду. Здесь гораздо сложнее отследить нарушения, хотя бы потому, что малыши часто не могут объяснить, о чем именно им говорили воспитатели. Все подается в виде игр, праздников и разговоров о добре и зле. Родители практически никогда не протестуют, поскольку хороших детских садов мало, попасть в них нелегко. Однако в Москве нам известно уже несколько случаев, когда возмущенные родители добивались от воспитателей извинений.

летние лагеря, получающие организационно-финансовую поддержку от местных властей.

В-четвертых, многие православные педагоги, а за ними и госслужащие стали все чаще говорить о православной педагогике как особом направлении педагогической мысли. В некоторых педагогических вузах созданы кафедры православной педагогики. Сторонники этой идеи убеждены, что все предметы, вся школьная жизнь должны быть организованы в соответствии с православием.

Как устроить такую школу, рассказал на последних Рождественских чтениях директор школы из Нижнего Тагила. Он сыграл на желании родителей и учителей маленькой, гибнущей школы как-то выделиться, сделать особую школу с особым финансированием. Городское руководство его поддержало, и появилась школа «с русским этнокультурным компонентом» (это означает и дополнительное госфинансирование). Родителям при поступлении в 1 класс предлагают подписать договор о согласии на изучение ребенком «Основ православной культуры», а реально ведется не только ОПК как предмет, но и внеклассная работа, особенно в группе продленного дня, и празднование церковных праздников, и постепенная подготовка детей к воцерковлению. Выступавший сказал, что он знает школы, где директорам удалось записать в устав школы пункт о «духовном образовании», что позволяет защищать школы от обвинений в религиозной пропаганде.

Наконец, следует отметить такое направление, как борьба с «тоталитарными сектами». В Рязанском университете создана лаборатория духовной безопасности, действует межвузовский совет по духовной безопасности. В Москве с 2003 года специальным письмом департамента образования «не рекомендовано» празднование в школах Хеллоуина[50].

Особенности мониторинга нарушений свободы совести школьников

Несколько слов необходимо сказать об организации мониторинга нарушений прав человека в школах.

Во-первых, нельзя надеяться на то, что родители (а тем более дети), чьи права нарушены, обратятся за помощью в правозащитные организации или в СМИ. Большинство родителей не осознают этих нарушений или же вполне резонно считают, что огласка в любом случае повредит и детям, и школе. Даже если принципиальные люди находятся, они хотят только одного — решения их конкретной проблемы, поэтому публичности избегают. Например, в Козельском и Боровском районах родители нескольких учеников сельских школ выступили против обязательного изучения ОПК. Вопрос был решен на уровне областного министерства образования. Наши коллеги их КРОО «Исток» беседовали с ними, предлагали дать хотя бы краткую информацию в местные СМИ, чтобы об их победе узнали другие родители, но получили категорический отказ.

Во-вторых, следует иметь в виду, что российские школы — учреждения закрытые, постороннему человеку проникнуть в них и получить какую-то информацию очень

[50] Департамент образования Москвы. 25 февраля 2003 года № 2-33-20. Впрочем, можно отметить, что это письмо — единственный случай, когда департамент явно пошел на поводу у «православной общественности», во всем остальном свобода убеждений школьников в Москве соблюдается лучше, чем в других регионах.

сложно. Можно, конечно, искать знакомых активных педагогов, но, как правило, такие люди работают в хороших школах, где не бывает грубых нарушений прав учащихся. Поэтому необходимо специально продумывать в каждом регионе свою «легенду», чтобы проводящих опрос людей не приняли за комиссию, проверяющую работу школы, а с другой стороны, не испугались разговоров на «идеологически опасные» темы.

В-третьих, проблемой является такая организация опроса, при которой взрослые не смогут повлиять на ответы детей, а школьная администрация — на ответы учителей и родителей.

Наконец, в-четвертых, проводящим любые исследования образования необходимо осторожно относиться к любым официально заявленным цифрам и отчетам. Российская школа до сих пор настолько зависима от любого начальства, что администрация, как правило, в отчетах ориентируется исключительно на ожидания вышестоящих лиц. Например, в докладе митрополита Ювеналия сказано: «В восьми вузах, 253 школах, в ряде различных техникумов, колледжей и профессиональных училищ читается факультативный курс «Основы православной культуры». А общее число образовательных учреждений (кроме воскресных школ), где преподают православные предметы, — 463. В них обучаются 39 462 человека. Всего в Московской епархии религиозное образование получают 54 834 человека в 1164 образовательных и иных учреждениях». Что стоит за этими цифрами? Если курс действительно факультативный, то его посещает в лучшем случае треть класса. Факультативный курс не может проводиться для всех классов школы — ведь он организуется после уроков, во второй половине дня. Скорее всего, здесь ситуация, похожая на ту, что наблюдал в Твери Н. Митрохин[51]. С другой стороны, если исследователь выяснит, что все цифры в докладе митрополита Ювеналия соответствуют действительности, то они смогут уверенно говорить о нарушениях свободы убеждений школьников: что это за «православные предметы» (не факультативы!), которым добровольно обучаются почти 40 000 школьников?

Несмотря на то, что проведение мониторинга нарушений свободы убеждений в школе связано с вышеперечисленными трудностями, мы считаем, что его необходимо проводить не в трех-пяти регионах[52], а по всей стране. Только тогда мы сможем точно определить, нарушения какого типа выходят сейчас на первый план, и наметить способы защиты школьников.

СВОБОДА СОВЕСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ, ДРУГИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ

С. Мозговой, Институт свободы совести

Свобода совести в Вооруженных силах, других воинских формированиях должна осуществляться в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами «О сво-

[51] Там же.

[52] В 2005—2006 годах НМЦ «Гуманист» проводит пилотный проект в Московской, Калужской, Калининградской, Псковской областях и республике Марий-Эл. Наши партнеры — АНО Республики Марий-Эл «Школа прав человека», КРОО «Просвещение. Культура. Право», ИСТОК, ПРОО «Псковская глубинка», сотрудники аппарата уполномоченного по правам человека в Калининградской области.

боде совести и о религиозных объединениях» и «О статусе военнослужащих». Непосредственно она регулируется несколькими статьями федеральных законов «О статусе военнослужащих» (ст. 8), «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 6), а также Уставом внутренней службы ВС РФ и приказами министра обороны РФ от 11 марта 2004 года № 70 «Об органах воспитательной работы Вооруженных сил Российской Федерации» и от 25 февраля 2005 года № 79 «Основы организации воспитания в Вооруженных силах» (ранее действовали приказы МО РФ от 3 июля 1995 года № 235 «О совершенствовании системы воспитательной работы в Вооруженных силах Российской Федерации» и от 6 июля 1995 года № 226 «Об органах воспитательной работы Вооруженных сил Российской Федерации»).

Проблема реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания военнослужащими непосредственно связана с вопросами взаимодействия институтов военно-силового блока государства с религиозными объединениями (военно-религиозные отношения), которое началось в начале 1990-х годов, вскоре после департизации и деполитизации Вооруженных сил, других воинских формирований. Смена общественно-политического строя, образовавшийся идеологический вакуум отразились непосредственно и на армии. Ущемленность военных, их нищенское существование, сокращение армии, неспособность эффективно решать задачи, адекватные военным угрозам, вызвали в офицерском корпусе стремление к самоидентификации и привели к поиску национальной идеи. В этой ситуации возврат к традициям (в первую очередь к «государственно-патриотической идеологии») военные руководители и некоторые ученые стали связывать с православием, а именно с Русской православной церковью.

В этот период стала заметна заинтересованность различных конфессий к проблемам Вооруженных сил. Это проявилось в участившихся контактах религиозных деятелей с командованием частей, оказании гуманитарной помощи военнослужащим, восстановлении совместными усилиями исторических памятников.

Тогда же стали создаваться новые общественные организации и клубы военнослужащих: ассоциация христиан-военнослужащих «Вера и мужество» (Москва), Офицерский христианский союз при Чесменской церкви (Санкт-Петербург), Движение за духовное возрождение армии (Москва) и др. Они провозгласили своими целями возрождение религиозных традиций среди военнослужащих. Так Движение за духовное возрождение армии предложило вести пропаганду религиозного мировоззрения среди военнослужащих за счет государства и с этой целью сократить на 50 % число офицеров воспитательных структур, создать воинские органы духовного (религиозного) управления, возродить институт военного духовенства и т. д.

Рост влияния религии на сознание и поведение военнослужащих, ее связь с проблемами межнациональных отношений вызвали необходимость изучения мировоззренческих ориентаций военнослужащих. В ходе исследований, проведенных Центром военно-социологических, психологических и правовых исследований Министерства обороны (ЦВСППИ) в июле 1992 года выяснилось, что к числу верующих себя относят 25 % военнослужащих. Причем примерно пятую часть из них можно характеризовать как «актив», стремящийся к соблюдению обрядности. Треть опрошенных (35 %) — колебались между верой и неверием, 40 % были неверующими, из них 10 % — позиционировали себя как активные атеисты.

Вместе с тем относительно практических шагов сближения армии и церкви мнения высказывались самые противоречивые. Большинство военнослужащих подде-

рживали нормализацию отношений между армией и религиозными организациями. 59 % считали, что между ними должны быть установлены самые доброжелательные отношения и что религия может положительно влиять на уровень культуры и нравственность военнослужащих. 46 % заявляли о необходимости открытия в крупных гарнизонах культовых учреждений, подтверждали необходимость введения альтернативной гражданской службы (45 %). По мнению некоторых экспертов, эти данные свидетельствовали не столько о росте религиозности, сколько о стремлении военнослужащих к гуманизации внутриармейских отношений, уважению нелегкой воинской службы, которые они в условиях недостаточной социальной защищенности и смены ценностных ориентаций ожидают получить от религии и церкви.

Наряду с этим изучение выявило ряд проблем. Так, 64 % респондентов прямо указали на отсутствие или явную недостаточность условий для реализации в армии принципа свободы совести, 52 % выступили за расширение возможностей для свободного отправления религиозного культа верующими военнослужащими[53].

Свобода совести ошибочно понималась и ныне понимается не как свобода мировоззренческого выбора, а как свобода вероисповедания. Она реализуется посредством организации взаимодействия с религиозными организациями. А так как это взаимодействие в основном строится на сотрудничестве с Русской православной церковью Московского патриархата, то и реализация свободы совести в войсках понимается как установление тесного сотрудничества с РПЦ. Кроме того, свободу совести военное руководство понимает и трактует не только как удовлетворение религиозных потребностей военнослужащих, но прежде всего как осуществление духовно-нравственного, патриотического воспитания, и делегирует его так называемым традиционным религиозным организациям, в первую очередь РПЦ. Неслучайно такая установка на воспитание сопровождается коллективными богослужениями и строительством на территории воинских частей только православных храмов Московского патриархата. Это санкционировано и официально организуется командованием воинских частей и соединений, несмотря на то, что подобная практика противоречит российскому законодательству.

Однако в целом начальный этап военно-религиозных отношений характеризовался переходом от жесткого ограничения государством деятельности религиозных организаций к свободе вероисповедания, что сопровождалось возрастанием интереса к религии, ее роли в истории, религиозным традициям, праздникам, обрядам. На смену отношению к религии и церкви как к явлению анахроничному, тормозящему общественное развитие пришло восприятие ее как важного общественного института. Этот процесс, естественно, охватил и армейскую среду. Возникла необходимость учета потребностей верующих военнослужащих со стороны командования. Это обстоятельство подтолкнуло военное руководство к установлению контактов с религиозными организациями, в первую очередь с Русской православной церковью, которые были зафиксированы в официальных документах: соглашениях между силовыми министерствами (ведомствами) и религиозными конфессиями, директивах, публичных выступлениях военачальников, материалах СМИ и т. д.

В то же время именно на начальном этапе взаимодействия Вооруженных сил и религиозных объединений были заложены основные проблемы и негативные тенденции.

[53] Подробнее см.: Отчет о научно-исследовательской работе «Особенности влияния религии на ценностные ориентации военнослужащих». М.: ЦВСППИ ВС РФ, 1993.

Корни этих проблем лежат в сфере политики и методологии государственно-религиозных отношений, которые кардинально противоречат принципам свободы совести и светскости государства.

Находясь в непосредственной зависимости от политического истеблишмента, высший генералитет силовых министерств и ведомств увидел, что руководство страны остановило выбор на Русской православной церкви. Ориентация на религиозное мировоззрение должна, по замыслу власти, обеспечить лучшую управляемость общественных и государственных институтов, включая армию. А создание национал-патриотического имиджа — обеспечить власти и военной бюрократии авторитет в виде духовной легитимации.

В целях «патриотического воспитания» и под прикрытием лозунга о «свободе совести», руководство Вооруженных сил создало систему сотрудничества с Русской православной церковью.

Официальными актами, закрепляющими военно-церковное сотрудничество стали совместные заявления и соглашения между силовыми ведомствами и их подразделениями, с одной стороны, и некоторыми конфессиями, с другой.

Первым таким документом было Совместное заявление о сотрудничестве, подписанное 2 марта 1994 года министром обороны РФ Павлом Грачевым и патриархом Алексием II. 4 апреля 1997 года министр обороны РФ Игорь Родионов и патриарх заключили Соглашение о сотрудничестве, которое несколько расширило сферу взаимодействия и формы сотрудничества.

Целями данного сотрудничества были провозглашены:

— содействие возрождению государственно-патриотической идеи как основополагающей нравственной ценности военнослужащих, как духовной основы воспитательной работы;

— укрепление морально-психологического состояния личного состава;

— возрождение традиций верного служения Отечеству, упрочение духовно-нравственных начал в жизни воинских коллективов;

— совершенствование воспитательной работы с военнослужащими и членами их семей;

— содействие созданию и совершенствованию системы военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки;

— расширение возможностей для реализации прав верующих военнослужащих, содействие процессу гуманизации внутриармейских отношений и т. п.

Аналогичные соглашения с церковью заключили другие силовые ведомства — Федеральная пограничная служба (ФПС), Министерство внутренних дел (МВД), Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС), Федеральное агентство правительственной связи и информации (ФАПСИ) и другие, где предусмотрена военная служба: Министерство атомной промышленности (Минатом), Главспецстрой, Главное управление казачьих войск при Президенте РФ и др.

В соответствии с Совместным заявлением главнокомандующим, командующим, командирам (начальникам) директивно было предложено спланировать, организовать и поддержать взаимодействие с религиозными объединениями. В результате в ряде регионов были подписаны соглашения между командованием военных округов (флотов) и епархиями РПЦ (Ленинградский военный округ, Уральский военный округ, Сибирский военный округ, Дальневосточный военный округ, Северный флот, Тихооке-

анский флот, Черноморский флот и др.). Подобные соглашения о совместной деятельности по духовному просвещению и воспитанию личного состава были подписаны во всех округах внутренних войск МВД России с епархиями Русской православной церкви, всеми региональными пограничными управлениями, включая пограничное управление в Таджикистане[54].

На основании подписанных соглашений на федеральном уровне в 1994 году был создан Координационный комитет по взаимодействию между Русской православной церковью и Вооруженными силами Российской Федерации, а на региональном (окружном, епархиальном) уровне созданы координационные советы в ряде военных округов (флотов), а также установлены контакты между воинскими частями и приходами. Таким образом, взаимодействие ВС РФ и РПЦ организовано на трех уровнях — федеральном, региональном и местном.

Постановлением коллегии Министерства обороны РФ от 8 апреля 1994 года «О мерах по усилению военно-патриотического воспитания военнослужащих и молодежи в интересах Вооруженных сил Российской Федерации», в Управлении воспитательной работы МО РФ была сформирована группа по связям с религиозными объединениями. 10 июня 1994 года издана директива начальника Генштаба ВС РФ в соответствии с которой в управлениях, отделах, отделениях воспитательной работы видов Вооруженных сил, округов, флотов, родов войск, армий, флотилий, военных академий введены должности офицеров по связям с религиозными объединениями (более 100).

Решения на федеральном уровне послужили сигналом к дальнейшей клерикализации Вооруженных сил. Церковные институты и околоцерковные общественные организации стали явочным порядком активно внедряться в структуру военной организации государства. Это проявилось в массовой практике освящения военных объектов, строительстве храмов и создании религиозных объединений в воинских частях, комплектовании православных воинских подразделений, что явно вступало в противоречие с законодательством, однако происходило при содействии командования частей и органов военного управления на основе директив Генштаба ВС РФ, командующих военных округов, начальников штабов и при попустительстве военной прокуратуры.

Подписание совместных заявлений вызвало множество нареканий в адрес Министерства обороны РФ и других силовых ведомств. В этих актах очевидными были неравноправное положение других конфессий и попытка клерикализации армии. Углубляющийся дискомфорт стали испытывать верующие иных конфессий (мусульмане, католики, протестанты, православные старообрядцы и др.), а также нерелигиозная часть армии. Так, на Всероссийской научно-практической конференции «Ислам в России: традиции и перспективы», состоявшейся 4—5 декабря 1997 года в Москве, обращалось внимание на «дисбаланс, который наблюдается в Вооруженных силах РФ, в возможностях для мусульман и православных отправлять свои обряды»[55]. Офицер Военно-морского флота капитан второго ранга Кашиф Тухтаметов, помощник на общественных началах председателя Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России по связям с МО РФ и МВД РФ в своих критических выступлениях на заседании Комиссии по вопросам религиозных объединений при

[54] Указом Президента РФ от 11 марта 2003 года ФПС России и ФАПСИ вошли в состав ФСБ России.

[55] См.: Ислам в России: традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Министерство Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям, 1998. С. 16.

Правительстве РФ в ноябре 1996 года и на международном семинаре в июле 1997 года в Международном независимом эколого-политологическом университете (МНЭПУ — HUERS) отмечал, что «с момента установления официальных отношений Вооруженных сил РФ с Русской православной церковью до сих пор оттягивается установление подобных отношений с представителями ислама». «Такой избирательный подход, — по его мнению, — в дальнейшем будет вредить делу»[56]. Офицер Генерального штаба ВС РФ, помощник на общественных началах митрополита Русской православной старообрядческой церкви по связям с МО РФ капитан 2-го ранга Алексей Рябцев (ныне капитан 1-го ранга) отмечал, что «по многим причинам (историческим, политическим, экономическим) сейчас в армии активно действует только одна конфессия — Московская патриархия. Она участвует во всех торжественных мероприятиях, проводит освящение знамен и командных пунктов, кораблей и летательных аппаратов. Тем самым верующие других конфессий ставятся в неравноправное положение. Кроме того, надо понимать, что многие конфессии считают друг друга безблагодатными и еретическими. Соответственно обряды, считающиеся освящающими представителями одной веры, представителями другой воспринимаются как оскверняющие. Почему человек должен служить под оскверненными (как ему кажется) знаменами?»[57]

Как видим, речь идет о неравноправии даже тех конфессий, которые принято называть «традиционными религиями России». Неслучайно председатель Совета муфтиев России (СМР) и Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) муфтий Равиль Гайнутдин в докладе на этой конференции подверг серьезной критике Минобороны, МВД и другие ведомства[58].

Лишь через девять лет после подписания соглашения с РПЦ, в мае 2003 года, был подписан протокол о намерениях сотрудничества между Советом муфтиев России и Управлением воспитательной работы Сухопутных войск (УВР СВ). С другими родами Вооруженных сил у мусульман соглашений нет. Но и с Сухопутными войсками сотрудничество слабо развито и поэтому носит локальный характер.

В руководстве Вооруженных сил, других воинских формирований, среди командования частей и руководителей органов воспитательной работы сложился устойчивый стереотип, что допускать в казармы и на военные объекты можно только представителей РПЦ МП. Поэтому только священнослужители этой конфессии могут проводить миссионерскую работу со всеми без исключения военнослужащими, с целыми подразделениями и войсковыми частями. Представители других конфессий в подобной деятельности ограничены. Так, духовные лидеры мусульман (муфтии, имамы) в исключительных случаях могут посещать части для встречи с военнослужащими, исповедующими ислам, и только с ними. Как правило, это происходит, когда надо погасить назревающий или случившийся конфликт на культурно-религиозной почве. В основе таких конфликтов лежат противоречия между необходимостью строгого соблюдения

---

[56] См.: *Тухтаметов К. А.* О проблемах церковно-государственных отношений // Религиозно-этические аспекты воспитания военнослужащих: Материалы международного семинара, состоявшегося в МНЭПУ в июле 1997 г. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 71—72.

[57] См.: *Рябцев А. Ю.* О причинах возможных конфликтов на религиозной почве // Религиозно-этические аспекты воспитания военнослужащих: Материалы международного семинара, состоявшегося в МНЭПУ в июле 1997 г. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 69—70.

[58] См.: *Гайнутдин Равиль.* Духовно-нравственный потенциал Ислама // Ислам в России: традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Министерство Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям, 1998. С. 61—72.

уставов армии светского государства и желанием воинов-мусульман следовать религиозным (культурным) традициям, реанимированным в последние 15 лет в регионах широкого распространения ислама.

Сотрудничество силовиков с представителями других конфессий, в т. ч. со старообрядческими церквями (Русской православной старообрядческой церковью и др.), другими православными церквями, не входящими в РПЦ МП, которые иногда называют «альтернативным православием», практически исключено. И конечно, запрещается взаимодействие с новыми религиозными движениями (НРД), именуемыми иногда с подачи православных «сектоведов» как «нетрадиционные религии», «тоталитарные секты» и/или «деструктивные культы». Подобные антиправовые запреты на взаимодействие воинских частей и подразделений с так называемыми нетрадиционными религиозными объединениями носят официальный характер. Указания на этот счет — устного, как правило, характера, но иногда отражены и в официальных документах и справочниках (Информационное письмо в войска Главного управления воспитательной работы ВС РФ «Об активизации деятельности нетрадиционных религиозных движений и культов в районах дислокации (базирования) соединений и частей Вооруженных сил Российской Федерации» (М.: ГУВР ВС РФ, 1998); Религии и секты в современной России. Краткий справочник штаба Сибирского военного округа (Новосибирск, 1997); Религия, свобода совести и пограничная служба. Справочное пособие Федеральной пограничной службы РФ (М.: Граница, 2000) и др.).

Большие проблемы в реализации права на свободу вероисповедания отмечаются у военнослужащих, исповедующих различные направления протестантизма. Неоднократные попытки протестантских союзов подписать с Министерством обороны РФ соглашение о сотрудничеств не увенчались успехом, несмотря на встречи и переговоры лидеров протестантских организаций с руководством органов военного управления и воспитательной работы. Протестанты хотели создать межконфессиональный координационный комитет по взаимодействию между религиозными объединениями и Вооруженными силами, но эта инициатива также не была принята министерством.

Таким образом, значительные трудности в обеспечении равных условий для удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих различных вероисповеданий связаны не столько с конфессиональным многообразием верующих, сколько с вероисповедными предпочтениями федерального центра и военного начальства. Взаимодействие Вооруженных сил, других воинских формирований с Русской православной церковью характеризуется как отношения тесного и всестороннего сотрудничества (партнерства с элементами протекционизма). Тысячелетний исторический опыт сакрализации власти используется посредством ее конфессиональных предпочтений через модель государственно-церковных отношений, подразумевающей «партнерство особого рода» властных групп и церковной бюрократии избранной конфессии в делах, представляющих взаимный интерес. В России такое «партнерство» и «особые дела» формируют не терпящую конкуренции клерикальную идеологию[59]. Она внедряется под прикрытием лозунга «возрождения российской духовности и традиций самоотверженного служения Отечеству».

В то же время плодотворное сотрудничество с другими религиозными объединениями проблематично. Оно развивается с трудом, на него влияют распространенная в

[59] См.: *Бурьянов С. А.* Сакрализация власти, нарушая права и свободы человека, угрожает конституционному строю Российской Федерации // Право и политика, 2000, № 9. с. 139.

обществе ксенофобия, в русле которой следуют органы военного управления. Сказывается и субъективный фактор симпатий и антипатий командиров.

В результате непродуманных действий в области сотрудничества Вооруженных сил РФ с религиозными объединениями сложилась абсурдная ситуация. Поскольку в армию, в казармы допущены только представители РПЦ, некоторые призывники (верующие иных конфессий и неверующие) заявляют: «Ваша армия православная, так пусть православные в ней и служат»[60]. Это звучит особенно актуально на фоне случаев отказа призывников от несения военной службы и просьб заменить ее альтернативной гражданской в соответствии с Конституцией РФ (ст. 59 ч. 3) и Федеральным законом «Об альтернативной гражданской службе».

В соответствии с Конституцией РФ (ст. 14) «1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Тем не менее командование воинских частей допускает нарушение законодательства, не задумываясь при этом о последствиях. По всей видимости, это стало возможным в связи с общей тенденцией к сакрализации власти. Вооруженные силы РФ, являясь институтом государства, естественным образом следуют в русле официальной политики Кремля, делая ставку на РПЦ МП как традиционный идеологический институт Российской империи, атрибутику которой частично восстановила Российская Федерация (герб и флаг).

Быстрыми темпами идет строительство храмов на территории воинских частей и военно-учебных заведений, освящение военных объектов и оружия, кораблей и летательных аппаратов. По данным Синодального отдела МП РПЦ, в воинских гарнизонах насчитывается более 117 храмов, включая храмы при военно-учебных заведениях, в соединениях погранвойск — семь, у МЧС — 20[61].

Эта практика противоречит федеральному законодательству, в соответствии с которым «создание религиозных объединений в воинской части не допускается…»[62]. Храм, как известно, без общины существовать не может, а община есть ни что иное, как религиозное объединение.

Тесное сотрудничество армии и церкви, режим наибольшего благоприятствования во всех церковных начинаниях, свободный доступ священнослужителей РПЦ в казармы не принес ожидаемых плодов. Воинская дисциплина падает, количество самоубийств, неуставных отношений и преступлений растет.

Существующая в войсках практика совершения коллективных религиозных обрядов также не укладывается в законодательную норму, согласно которой «…религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально»[63]. Причем коллективные мероприятия, сопровождающиеся религиозными обрядами, осуществляются при непосредственном участии командования и под его руководством, чем грубо нарушается закон, который гласит: «воен-

---

[60] См.: *Подберезский И. В.* Где кому молиться? // Религия и право. 2000. № 6. С. 19. http://www.strana-oz.ru/?numid=10&article=16 - _ftn14#_ftn14.

[61] Доклад епископа Саввы, председателя Отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви. Москва, 13—16 августа 2000 года. С. 2. (Архив автора).

[62] Федеральный закон «О статусе военнослужащих», ст. 8; а также Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», ст. 6.

[63] Федеральный закон «О статусе военнослужащих», ст. 8 п. 3.

нослужащие не вправе… использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии»[64].

Практика освящения оружия, включая ядерное, и его носителей, а также военных объектов и командных пунктов приняла массовый характер. К примеру, в РВСН в 1996 году были освящены все командные пункты объединений и соединений, включая Центральный командный пункт, а в его главном зале установлена икона Небесной покровительницы РВСН — святой великомученицы Варвары. Командные пункты, естественно, во время освящения из боевого дежурства не выводились. Эти действия грубо нарушают ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих», согласно которой «военнослужащие вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица» и «в свободное от военной службы время»[65]. Из этой нормы вытекает, что совещание, занятие или другой вид служебной деятельности не может сопровождаться публичной молитвой. Также неуместны обряды освящения служебных зданий и сооружений, казарм, кораблей, боевой техники и оружия. Например, с точки зрения некоторых конфессий обряд освящения какой-либо одной конфессией воспринимается как осквернение. Не случайно в ст. 3 п. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится, что «проведение публичных мероприятий… оскорбляющих религиозные чувства граждан» запрещается[66]. А умышленное оскорбление чувств граждан в связи с их отношением к религии, пропаганда религиозного превосходства и т. п. преследуется в соответствии с федеральным законом[67]. Об этом, кстати, официально неоднократно заявляли представители старообрядческих и мусульманских общин, а также атеисты. Критические замечания в адрес органов военного управления были сделаны на заседании Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве России 11 ноября 1996 года, на котором было заслушано Министерство обороны РФ по вопросу о состоянии соблюдения законодательства о свободе вероисповеданий в системе Минобороны России.

Наряду с критикой министерству был дан ряд рекомендаций. Их суть сводилась к осуществлению мероприятий, связанных с реализацией свободы совести, необходимости строгого следования федеральному законодательству, обучению офицеров по взаимодействию с религиозными объединениями и т. д. Однако рекомендации правительственной комиссии были «забыты». Они не вписывались в политическую конъюнктуру, ведомственные интересы и само понимание принципа свободы совести как патриотического, духовно-нравственного воспитания и удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих православного вероисповедания исключительно через сотрудничество с РПЦ.

16 февраля 2001 года Правительством РФ была принята государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы»[68]. Программа обязала Министерство обороны совместно с РПЦ МП провести всероссийскую научно-практическую конференцию «Отечество. Армия. Церковь», науч-

[64] Там же, п. 2.

[65] Там же, п. 1.

[66] Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», ст. 3 п. 6.

[67] Там же.

[68] Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы». М., 2001. Программа разработана Российским государственным военным историко-культурным центром при Правительстве РФ совместно с Минобороны России, другими министерствами и ведомствами (Прим. авт.).

но-исторические конференции «Военное духовенство в истории России», «Русская православная церковь в Великой Отечественной войне», разработать и издать учебно-методические пособия по духовно-нравственному воспитанию военнослужащих и молодежи призывного возраста — «Духовно-нравственные основы воинского служения» и «Основы пастырского служения в войсках (традиции и современность)». Эти книги были изданы за счет средств военного бюджета.

Религиозные организации и прежде всего Русская православная церковь прикладывают большие усилия для того, чтобы распространить свое влияние на Вооруженные силы, другие воинские формирования, особенно правоохранительные органы и спецслужбы. Это делается для решения своих сугубо прагматических задач.

И хотя Россия является светским государством, тем не менее сегодня РПЦ выполняет не только идеологическую функцию, но стремится влиять на вопрос исключительно государственной компетенции — комплектования войск и кадрового назначения. В определенной степени ей удается продвигать по служебной лестнице старших офицеров и генералов, которые, будучи неофитами, лоббируют в армии церковные интересы. Например, под нажимом Церкви в Вооруженных силах были созданы «православные» воинские части и подразделения. Сегодня существует несколько воинских частей, куда для прохождения срочной службы директивно направляются юноши исповедующие православие. К ним относится инженерная часть Московского военного округа, расположенная в пос. Арсаки Владимирской области, гвардейское соединение Ракетных войск стратегического назначения в Козельске и др.

Как известно, армия должна комплектоваться по экстерриториальному, а не по национальному и тем более религиозному, принципу. Комплектование и воспитание военнослужащих преимущественно на основе того или иного вероучения несет в себе потенциальную угрозу единству Вооруженных сил и как следствие — снижает их боеспособность.

Комплектование некоторых частей по ходатайству РПЦ вызвали негативную реакцию многочисленной исламской уммы России. Стали звучать требования создания мусульманских частей. Так, на уже упоминавшейся всероссийской научно-практической конференции «Ислам в России: традиции и перспективы» было заявлено о направлении официальных писем Духовного управления мусульман и Госсовета Республики Татарстан министру обороны РФ о намерениях создания национальных мусульманских воинских частей в республике. Вот что писал в связи с этим муфтий Равиль Гайнутдин, глава Совета муфтиев России: «Нельзя в многонациональном, многоконфессиональном государстве делить армию на полки по вероисповеданиям. Если сегодня где-то создаются христианские полки, значит, необходимо будет создавать в дальнейшем и мусульманские, и буддийские, и иудейские… Если у нас одно Отечество, мы должны его защищать все сообща»[69].

Другой большой проблемой является вопрос о военном духовенстве. Сегодня государство не имеет такого института. Тем не менее идея возрождения института военного духовенства, существовавшего в Российской империи до 1917 года постоянно поднимается церковными и околоцерковными структурами с начала 1990-х годов.

Инициативы по введению капелланов в Российской армии исходили не только от религиозных деятелей, но и политических партий и общественных движений. Лидер Христианско-демократического союза России А. И. Огородников обратился к прези-

[69] Церковно-общественный вестник, 13.02.1997. с. 2.

денту России и министру обороны с предложением «христианизации» Вооруженных сил. Движение за духовное возрождение армии предложило проводить пропаганду религиозного мировоззрения среди военнослужащих за счет государства и с этой целью сократить на 50 % число офицеров воспитательных структур, создать органы духовного (религиозного) управления в войсках, ввести институт военного духовенства и т. д. На Первой всероссийской конференции «Православие и Российская армия» (Москва, 25—27 октября 1994 года) также ставился вопрос о введении института военного духовенства.

Представителями различных религиозных и общественных организаций неоднократно направлялись письма руководству страны и в Минобороны с требованиями о введении капелланов. К примеру, заместитель председателя «военного» отдела РПЦ протоиерей Алексий Зотов обратился к руководителю Администрации Президента РФ с предложением о воссоздании института военного духовенства. В последнее время такие заявления все чаще стали делать и некоторые силовики. На заседании секции «Армия и Церковь: соработничество во имя жизни», проходившей в рамках XIII Рождественских чтений (январь 2005), заместитель начальника Военной академии Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник В. М. Барынькин в своем докладе подчеркнул, что «пришло время всерьез поставить вопрос о введении в ВС института военных капелланов». Главный военный прокурор Александр Савенков, выступая перед журналистами 24 мая 2005 года, отметил: «Поскольку именно православие является преобладающей религией, Русская православная церковь должна стать основным партнером военной организации государства»[70]. Своим заявлением, он, безусловно, оказал давление на военное руководство, хотя, как известно, понятие «преобладающая религия» является неправовым, особенно в светском государстве.

Отсутствие военных священников в штате военного ведомства не означает их отсутствия в войсках. Как отмечает в своем докладе председатель синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Димитрий Смирнов, сделанном в апреле 2005 года на сборах начальников кафедр гуманитарных и социально-экономических дисциплин военно-учебных заведений «практически во всех соединениях созданы условия для духовного окормления военнослужащих силами епархиального духовенства. Сегодня российских военнослужащих и членов их семей окормляют около 2000 епархиальных священников (такое же количество священников, но из числа военного духовенства, окормляли армию и флот России до октябрьской революции 1917 года)»[71]. Причем помощь им оказывают выпускники факультетов православной культуры военных вузов и выпускники курсов военных катехизаторов Свято-Тихоновского богословского университета. Кроме того, в ряде военных вузов созданы центры дистанционного обучения Свято-Тихоновского богословского университета, а в Академии Федеральной службы охраны создан миссионерский факультет. Многие выпускники этих факультетов исполняют обязанности внештатных помощников командиров соединений и частей по связям с Русской православной церковью и религиозной работе с военнослужащими, участвуют в организации богослужений и проведении занятий с учащимися воскресных школ. В целом, по оценке Смирнова, «современное состояние

[70] Независимое военное обозрение, май 2005.

[71] *Смирнов Д.* Опыт взаимодействия военной академии РВСН им. Петра Великого с Русской православной церковью в интересах духовно-нравственного воспитания слушателей и курсантов (архив автора).

епархиального духовенства в Вооруженных силах по уровню охвата военнослужащих сравнимо со служением Церкви в Русской армии в 1717—1800 годах, когда духовное окормление военнослужащих осуществлялось еще епархиальным, а не военным духовенством»[72].

Социологические исследования, проведенные в тот период показали, что к идее введения в Вооруженных силах должностей военных священников положительно относится 34 % опрошенных военнослужащих, почти столько же — против. В большей степени эту идею поддержали военнослужащие младших возрастных групп различного служебного положения (военнослужащие срочной службы и младшие офицеры), в меньшей — старшие офицеры, 39 % которых заявили о своем отрицательном отношении к данной идее[73].

Однако подобное положение духовенства в армии Церковь уже не устраивает. В последние годы в прессе опять публиковались материалы о необходимости скорейшего введения института военного духовенства. В июне 2003 года в Рязанском институте Воздушно-десантных войск на сборах священнослужителей, окормляющих православных воинов, Смирнов говорил о необходимости учреждения службы военных священников в Вооруженных силах[74]. А 16 мая 2006 года в интервью «Интерфаксу» заявил, что в российской армии должно быть православное военное духовенство уже в ближайшие десять лет[75]. Причем об этой идее говорят не только представители православного духовенства, но и военные функционеры, паразитирующие на ниве армейско-церковного сотрудничества[76].

Введение института военного духовенства лоббируется лишь РПЦ, абсолютное большинство других конфессий — против. Категорическими противниками являются духовные управления мусульман, буддистов, а также самостоятельные православные церкви, не входящие в юрисдикцию РПЦ, в т. ч. старообрядческие общины. Так, офицер Генштаба ВС РФ капитан первого ранга Алексей Рябцев, будучи верующим христианином — православным старообрядцем, неоднократно выступал и писал о недопустимости столь тесного сотрудничества армии и РПЦ, которое приняло политический характер[77]. Протестанты[78] также не приемлют эту идею в России потому, что Русская православная церковь в опоре на военную администрацию препятствует их контактам с военнослужащими.

Минобороны России слабо сопротивляется церковным инициативам, лишь формально ссылаясь на светский характер государства, отделение церкви от государства и отсутствие социальной базы верующих для создания института военных священников. В то же время уже сегодня в некоторых частях на военно-учетных должностях военных специалистов стоят священники, которые выполняют свои пастырские функции. Например, в 201 мотострелковой дивизии (МСД), дислоцирующейся в Таджи-

---

[72] *Смирнов Д.* Указ. соч.

73 Отчет о научно-исследовательской работе «Особенности влияния религии на ценностные ориентации военнослужащих». М.: ЦВСППИ ВС РФ, 1993.

[74] См.: Победа, победившая мир // газета синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. 2003. № 11.

[75] *Смирнов Д.* В российской армии должно быть духовенство // Интерфакс. 2005. 16 мая.

[76] *Суровцев А. И.* Военное духовенство на марше // Независимая газета. 2005. 2 марта.

[77] *Рябцев А. Ю.* Политруки в рясах // Там же.

[78] Речь идет о тех протестантских вероисповеданиях и организациях, которые допускают возможность верующим брать в руки оружие и выполнять воинский долг.

кистане, священник был поставлен на должность механика-водителя боевого танка Т-72. Естественно, он не управлял боевой машиной, не занимался боевой подготовкой и не участвовал в боевых действиях. Денежное довольствие он получал за церковную работу в клубе части.

Пока это практика нетипична. Однако в настоящее время в МО РФ рассматривается возможность проведения эксперимента по назначению православных священников на должности по военно-учетным специальностям. И хотя такой эксперимент незаконен, тем не менее высока вероятность, что он состоится. Министерство обороны поражено правовым нигилизмом, субъективизмом и некомпетентностью. Уже четыре раза при поддержке руководства министерства на базе военно-учебных заведений проводились многодневные учебно-методические сборы «военного духовенства», в которых участвовали священники из разных епархий РПЦ. В июне 2003 года — на базе Рязанского института Воздушно-десантных войск, в январе 2005 года — в Военной академии Генерального штаба ВС РФ (ВАГШ) и в военном гарнизоне Ракетных войск стратегического назначения во Власихе (Московская обл.), в июне 2005 года — в г. Улан-Уде, в июне 2006 года — в Балтийском военно-морском институте (г. Калининград). Один только факт проведения этих мероприятий на военных объектах свидетельствует о грубом попрании законодательства Российской Федерации.

В качестве основных аргументов, которыми радетели института военного духовенства мотивируют его воссоздание (по примеру ранее существовавшего института в царской России), являются следующие: 1) Россия — православная страна; 2) большинство военнослужащих являются православными; 3) армейско-церковное сотрудничество и религиозное воспитание военнослужащих способствует возрождению Вооруженных сил, укреплению воинской дисциплины; 4) необходимо духовно-нравственное воспитание военнослужащих; 5) военные психологи не справляются со своими обязанностями.

С помощью этих недостаточно обоснованных аргументов ведомственно-корпоративные интересы силовиков и РПЦ противопоставляются Конституции России. Ожидать от психологов (как и от священников) исправления пороков общества, к тому же в условиях нарастающего системного кризиса, по меньшей мере несерьезно. Преступления и происшествия часто обусловлены социально-экономическими причинами. Борьба со следствиями без устранения причин обречена на неудачу.

Об ошибочности мнения, будто религиозная вера или принадлежность к Церкви способны вылечить нравственные пороки общества и болезни воинских коллективов, свидетельствует вся история государственно-церковных отношений в России, даже в те годы, когда Церкви была предоставлена возможность влиять на умы и судьбы людей. К началу первой мировой войны институт военного и морского духовенства в русской армии достиг пика своего организационного и материального развития, но все равно не смог поддерживать высокий моральный дух в войсках. За всю военную историю Россия не знала такого массового дезертирства с фронта, как в первую мировую войну. Об этом ярко написал в мемуарах «Пятьдесят лет в строю» русский военный атташе во Франции граф А. А.Игнатьев[79].

Как показывает мой опыт службы в Главном управлении воспитательной работы ВС РФ, наличие священника не обязательно влияет на сокращение числа правонарушений и самоубийств. Например, в январе 2004 года повесился матрос крейсера «Ва-

[79] См.: *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1998.

ряг». Флагман Тихоокеанского флота совершал визит в республику Корею, посвященный 100-летней годовщине гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», и на борту находилась делегация РПЦ во главе с епископом Владивостокским и Приморским Вениамином. Однако матрос не стал обращаться за помощью к священникам. Можно привести и другие примеры[80].

Сравнительный анализ социологических опросов, проведенных в разные годы, показывает, что с 1992 года общая доля верующих военнослужащих (согласно их самоидентификации) сначала возрастала, а затем несколько стабилизировалась и стала изменяться незначительно, допуская отдельные всплески (см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика отношения военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации к религии (%).

	1992	1993	1996	1997	1998	1999	2000	2003	2004
верующие	25	27	37	48	37	32	36	43	41,5
неверующие	40	29	34	39	31	39	30	40	43,5
колеблющиеся	35	44	29	13	32	29	34	17	15

Как видно, доля верующих военнослужащих во все годы составляла менее половины опрошенных. В то же время, по данным многих социологических опросов, верующие и неверующие составляют в современной России, в т. ч. в ВС РФ, приблизительно равные группы населения.

Согласно исследованиям, проведенным в ВС РФ в июле 2004 года, верующими считают себя 41,5 % респондентов, православными же — 42,5 %, т. е. православных больше, чем верующих. Впервые этот феномен был обнаружен исследовательским центром «Религия в современном обществе» Независимого института социальных и национальных проблем[81]. На мой взгляд, это связано с тем, что религия стала восприниматься как идеология (чтобы числиться патриотом необходимо позиционировать себя верующим православного вероисповедания в лоне РПЦ). Неслучайно всплеск «религиозности» наблюдается в периоды активных информационно-пропагандистских кампаний: выборов (1996, 2000, 2003) и обсуждения религиозной проблематики в СМИ. Повышенное внимание к религиозным вопросам было вызвано и развернувшейся в обществе острой дискуссией в связи с принятием Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997), что сказалось на религиозной самоидентификации военнослужащих, так как многие политики религиозность отождествляли с высокой духовностью и патриотизмом. В немалой степени этому способствовало усиление пропаганды органов воспитательной работы, подписание 4 апреля 1997 года Соглашения о сотрудничестве между ВС РФ и РПЦ МП и направление в войска соответствующих указаний и рекомендаций по организации взаимодействия с религиозными объединениями, сиречь с РПЦ[82].

Тем не менее анализ степени религиозности опрошенных военнослужащих позволяет сделать вывод о том, что доля практикующих свою религиозную веру составляет

[80] См.: *Мозговой С. А.* Комиссары в рясах // Портал Кредо.Ру.

[81] В настоящее время этот Центр стал научным подразделением Института комплексных социальных исследований РАН.

[82] Подробнее см.: *Мозговой С. А.* Анализ религиозной ситуации в Вооруженных силах Российской Федерации // Ракурс. 2004. № 3. С. 49—59.

3—4 %. Так, только 2,3 % молятся по несколько раз в день, 3,6 % — не чаще одного раза в день, 4 % — когда придет священник; 3,2 % верят в загробную жизнь, 2,5 % — в пророков и святых; в причастии нуждаются 3 %, во встрече с духовными наставниками (священником, пастором, муллой и др.) — 3,5 %. Показательно, что из предпочтений в сфере духовной жизни молитву и чтение религиозной литературы выбрали 4 % и 5,9 % респондентов соответственно[83].

Таким образом, несмотря на относительно высокий уровень военнослужащих, идентифицирующих себя как верующих, число практикующих верующих в армии остается незначительным, как и в обществе в целом, а значит, социальная база института военного духовенства отсутствует. Это понимают многие военные руководители, но тем не менее, оглядываясь на руководство страны, продолжают делать вид, что не замечают явно антиконституционного характера многих решений и дел в области взаимоотношений Вооруженных сил РФ с РПЦ МП.

Так, в ходе предвыборной президентской кампании Б. Н. Ельцин подписал распоряжение Президента РФ от 15 апреля 1996 года № 758 «О разработке статуса полковых священников», Правительство РФ дало поручение о проработке вопроса о строительстве в Белгороде военно-духовного учебного заведения[84]. А летом 2003 года в соответствии с поручением президента В. В. Путина Военно-морской флот обеспечивал пребывание в России стопы святого апостола Андрея Первозванного, которая была привезена с горы Афон (Греция). Частицу тела (стопу) христианского святого, распятого по преданию в 62 году, транспортировали на самолете морской авиации ВМФ по всей стране за счет бюджетных средств.

Оказывая организационную, материально-техническую и финансовую помощь РПЦ и пропагандируя церковные мифы, государство стремится найти в ней опору для своей внутренней политики и сакрализации власти. Поэтому следует ожидать более тесного сотрудничества армии и Церкви, что, безусловно, принесет немало проблем. Вопрос о военном духовенстве не является наивным и отдаленным, как считают некоторые военные эксперты из Минобороны.

В начале 2006 года с инициативой введения института военного духовенства выступила Главная военная прокуратура (ГВП). Ею был подготовлен и направлен в Минобороны и Федеральное собрание РФ законопроект «О военных священниках»[85]. Экспертиза законопроекта, которую провели ряд независимых организаций и экспертов, в том числе ИСС, Совет муфтиев России, капитаны первого ранга С. А. Мозговой и А. Ю. Рябцев, полковники С. А. Мельков и Л. Г. Рыжов, свидетельствует о несоответствии этого документа российскому законодательству и интересам войск, грубо попирает конституционные принципы свободы совести и светскости государства[86].

---

[83] Там же.

[84] Эти распоряжения и поручения удалось с большими трудностями «спустить на тормозах»: автор этих строк, будучи ответственным в Министерстве обороны за связи с религиозными объединениями, подготовил ответы начальника Генерального штаба ВС РФ соответственно в Администрацию Президента РФ и Правительство РФ, в которых была обоснована невозможность осуществления этих инициатив ввиду их несоответствия Конституции России, светского характера государства и отсутствия достаточного числа верующих военнослужащих.

[85] См.: *Твинидзе А. В.* Армейские раскольники. Растерянные генералы и протоиерей Димитрий Смирнов в роли суфлера. Куда они ведут армию и страну? // Портал-Кредо.Ру; См.также: Здравый смысл, 2006, Весна № 2 (39). С. 4—7.

[86] Подробнее см.: Круглый стол «Спасти рядового Сычева» на портале Credo.ru; Экспертное заключение Института свободы совести и экспертное заключение совета муфтиев России (www.muslim.ru).

Учреждению института военного духовенства в Российской армии и правоохранительных органах если и могут помешать, то не столько препятствия правового характера, сколько банальная нехватка выделяемых на военную реформу финансовых средств. Как известно, политические решения в России принимаются не на основе права, а исходя из сиюминутных прагматических интересов. В связи с этим приходится лишь уповать на изменение политической конъюнктуры, создание сильного гражданского общества и правового государства, чего невозможно ожидать при нынешнем режиме.

Необходимо отметить, что нарушение принципов свободы совести, светского государства и, как следствие, религиозная ксенофобия в военной среде стали явлением заурядным. Уже через несколько дней после подписания совместного заявления между МО РФ и РПЦ на состоявшейся 10—11 марта 1994 года «по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II» в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил участники конференции «Духовно-нравственные и православные традиции Русской армии» в итоговом документе заявили «протест против возведения на Поклонной горе в Москве иноверческих и инославных храмов»[87], присвоив тем самым победу (а заодно и патриотизм) советского народа в Великой Отечественной войне. В материалах конференции отмечалось, что «проект возведения на Поклонной горе храмов чуть ли не всех религий: синагоги, мечети, костела и т. д. — означает очередное попрание исторического прошлого русского народа и Русской Православной Церкви…»[88]. В обращении «К воинам Российских Вооруженных сил» люди иного мировоззрения впервые публично были обвинены в «ложных идеалах», «лжехристианстве», «сектантстве» и т. п. «Нам не нужно выдумывать, как строить сегодня воспитательную работу в армии, — говорилось в обращении. — У нас есть свое православное духовенство, свой отечественный опыт духовного окормления воинов… [который] поможет решить многие насущные проблемы, стоящие перед Вооруженными силами и обществом в целом»[89]. В армейской среде началось методичное формирование общественного мнения «православный — значит свой, патриот, инославный — значит чужой, агент вражеского влияния».

Прошло более 12 лет. В воинских частях и военно-учебных заведениях построены сотни храмов, освящены тысячи военных объектов, во многих вузах читается курс «православной культуры», за возрождение Вооруженных сил и традиций христолюбивого воинства многие военачальники награждены высокими церковными наградами, а атеисты и инославные оказались как бы в гетто. Однако свобода совести и нормы права в Вооруженных силах так и не утвердились.

Системный кризис углубляется, военная реформа буксует, социальное положение военнослужащих сохраняется на низком уровне, дисциплина в армии падает, преступность растет. «Количество правонарушений, связанных с неуставными отношениями, растет в пределах 25 % последние два года. И это в условиях, когда общая численность Вооруженных сил и личного состава сокращается, но наблюдается рост числа самоубийств.

Стремление командования решать воспитательные задачи, прежде всего касающиеся морально-психологического обеспечения войск, в опоре на одну конфессию, ведет к разделению людей по мировоззренческому признаку. Религию стали использовать

[87] Православная Москва. 1994. № 5 (11).

[88] Там же.

[89] Там же. Документы конференции были направлены президенту Б. Н. Ельцину.

как партийность в качестве некого теста на благонадежность и патриотизм по шкале «православный — инославный» («свой — чужой»). Это способствует созданию и закреплению в сознании военнослужащих образа врага, чем грубо нарушается приказ министра обороны от 11 марта 2004 года № 70, который требует от воспитательных органов организовывать «работу по недопущению попыток раскола воинских коллективов по религиозным, национальным и иным мотивам»[90].

Военно-социологические исследования, проведенные в Вооруженных силах РФ в июле 2004 года, по всеармейской выборке показали неприязненное отношение военнослужащих к представителям иных религий и мировоззрений, этносов и национальностей. Так, неприязненное отношение к мусульманам высказали 22 % респондентов, к атеистам — 9,6 %, а к «сектантам» — около половины всех опрошенных (48,3 %). Согласно социологическим данным наиболее высокая степень неприязни отмечается в отношении чеченцев (38,4 %), дагестанцев (32,3 %), азербайджанцев (22,5 %), армян (19 %), грузин (18,2 %), «кавказцев» в целом — 26,4 %[91].

Анализируя причины нарушения права на свободу совести и вероисповедания в Вооруженных силах, других воинских формированиях, можно выделить следующие основные проблемы: корпоративные интересы военно-религиозной бюрократии и тенденции клерикализации силовых институтов государства, противоречащих конституционным принципам светского государства; проблема межконфессиональных противоречий, нетерпимости и этнорелигиозной ксенофобии; проблема правового регулирования военно-религиозных отношений и крайне слабой научной разработанности проблематики свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями; использование религии в военно-политических целях и стимулирование сепаратизма; противоречие между провозглашенными идеальными целями сотрудничества и последствиями реальной практики; проблема компетентности кадров в области военно-религиозных отношений и др.

К современным тенденциям можно также отнести отчуждение неверующих, атеистов и представителей других конфессий от активного и сознательного участия в защите страны, военного строительства («ваша армия православная, так пусть православные в ней и служат»); игнорирование глобализации, ставящей перед армиями новые задачи, ориентирующей на новое оружие, новые способы ведения войн и новое качество личного состава, что соответственно предъявляет новые требования к военным кадрам. Вместо нацеленности на подготовку высококлассных военных специалистов века информации, она все еще продолжает строиться на старых принципах господства единственной моноидеологии, рассчитанной на управление безликой «массовой армией» военнослужащих, лишенных мировоззренческой свободы. Роль такой идеологии отведена православию. В этих условиях происходит апелляция к старым мифам типа «самодержавие, православие, народность», к церкви как якобы государствообразующей силе, забыв при этом, что история уже отвергла монополию любой религиозной или партийно-идеологической доктрины.

Главным противоречием в военно-религиозных отношениях является противоречие между корпоративными, зачастую эгоистическими, интересами силовых струк-

---

[90] См.: *Соловьев В.* Верхушке Минобороны плевать на правосудие // Независимое военное обозрение. 2005. № 19.

[91] Материалы социологических исследований «Религия — 2004», готовятся к изданию в сборнике «Военно-социологические исследования».

тур и РПЦ, с одной стороны, и конституционным принципом светскости государства, — с другой. Все это сказывается на науке, правоприменении и практике военно-религиозного взаимодействия, что на деле оборачивается «охотой на ведьм», борьбой с «сектантством», а попросту — с инакомыслием. Русская православная церковь Московского патриархата презентуется как единственная структура, исповедующая и формирующая у населения и воинов государственно-патриотическую идеологию. Инославие и иноверие представляются как угроза национальной безопасности и называются идеологическим оружием противника. Отсюда делается вывод, что с теми, кто не разделяет православную веру, надо бороться. Такова примитивная схема патриотического и духовно-нравственного воспитания, проводимого с помощью РПЦ. Именно на этих средневековых взглядах и противопоставлениях, формируемых у воинов Вооруженных сил и других силовых ведомств, командование надеется сплотить воинские коллективы. Однако ксенофобия может «работать» лишь короткое время и только в тоталитарных обществах. Это прописные истины. Опыт учит, что отсутствие свободы совести и толерантности негативно влияет на нравственный климат воинских коллективов. А в современных условиях (этнических войн, межнациональных и межрелигиозных военных конфликтов) это будет негативно сказываться на боеспособности войск. К сожалению, этого не понимают военные управленцы. Эта проблематика находится и вне поля зрения и компетенции ученых высшей военной школы.

Таким образом, свобода совести в силовых институтах государства подменяется партнерством особого рода — своеобразным «конкордатом», роль которого выполняют соглашения о сотрудничестве между Русской православной церковью и силовыми министерствами (ведомствами). Попытки решить проблемы совершенствования воинского воспитания путем возврата к исторической симфонии государства и церкви положительных результатов не дают. Кроме того, воспитание военнослужащих преимущественно на основе того или иного вероучения несет в себе потенциальную угрозу единству Вооруженных сил и, как следствие, их боеспособности. Ползучая клерикализация российской армии, наблюдавшаяся в 1990-е годы, сегодня перешла в фазу цинизма. Если тенденция сохранится, то угроза диктатуры станет вполне реальной.

Борьба с конкретными бандформированиями подменяется борьбой с так называемым исламским фундаментализмом, что уже вызвало в России волну исламофобии. С большой долей вероятности можно предположить, что на повестку дня в свете расширяющейся кампании по борьбе с экстремизмом скоро встанет вопрос об ограничении гражданских свобод. В страхе перед возможными массовыми волнениями власть будет пытаться возложить на армию полицейские функции, что уже происходило в октябре 1993 года (расстрел Верховного Совета России) и в период проведения контртеррористической операции в Чеченской республике.

Отношение Церкви к этому известно. В обращении патриарха Алексия II «К православным юношам — призывникам 1995 года» четко прозвучал тезис о необходимости борьбы не только с внешними врагами, но и с внутренними[92]. Многочисленные факты благословения российских войск православными священнослужителями на «чеченскую войну», с одной стороны, и объявление «боевиков» в средствах массовой информации «исламскими фундаменталистами», с другой, придает этому конфликту религиозный смысл (христианско-мусульманский конфликт).

[92] См.: Красная звезда. 1995. 24 окт.

Правовой нигилизм в сфере свободы совести и в военно-религиозных отношениях, систематические нарушения принципа светскости государства и его силовых институтов могут привести к тяжелым последствиям как для армии и церкви, так и для всей страны. Причем церковь сама предлагает использовать себя в политических целях, несовместимых с демократизацией общественной жизни. Здесь все сильнее слышны антидемократические голоса, ее представители вступают в союз с националистически и шовинистически настроенными силами. Это создает реальную угрозу для узурпации власти правящей политической и экономической элитой и создания диктаторского военного режима с опорой на правое крыло церковной организации, придерживающееся феодально-монархических взглядов. Если это произойдет, то дальнейший ход событий будет сопровождаться пиар-кампанией в виде опоры на «гражданское общество», роль которого будут выполнять так называемые традиционные конфессии[93], прежде всего РПЦ, и подконтрольные власти общественные объединения, получающие от нее значительные льготы и привилегии.

РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А. Бабушкин, комитет «За гражданские права»

После того как в 1989—1990 годах двери колоний и СИЗО распахнулись для священнослужителей различных конфессий, сложилось мнение, что религиозное воспитание и просвещение приведет к резкому снижению преступности, позволит добиться качественно новых результатов в исправлении преступников. К середине 1990-х годов взгляд на роль религиозной деятельности в местах лишения свободы стал более реалистичным. Стало ясно, что развитие религиозности осужденных не является панацеей от всех проблем, связанных с влиянием на них криминальной среды, что работа по реализации свободы совести заключенных должна носить системный характер, что самоидентификация лица как верующего вполне может уживаться с асоциальным образом жизни и преступным поведением.

Так, в середине 1990-х годов был осужден за разбой Тверским судом г. Москвы внук протоиерея о. Глеба Каледы, приобретшего широкую известность благодаря своему подвижническому служению среди заключенных СИЗО № 2 г. Москвы («Бутырка») и оказавшего существенное влияние на духовное возрождение огромного числа людей. Известны случаи, когда люди, приобщившиеся к религии в колонии, после выхода из нее, выдавая себя за монахов, совершали хищения икон. Еще в советский период сформировалась традиция использования религиозных символов и сцен для нанесения татуировок, свидетельствующих о принадлежности лица к криминальному миру.

Вместе с тем воздействие религиозного мировоззрения, вероисповедальной практики, духовенства и верующих на ситуацию в местах лишения свободы действитель-

[93] К «традиционным» конфессиям российские чиновники и политики относят православное христианство, ислам, иудаизм и буддизм. Причем не все их конфессии или организациии, а лишь те, что находятся в близких отношениях с властью.

но оказалось очень велико. Христианская идеология, основанная на идее духовного возрождения грешника через покаяние, смогла оказать воздействие на значительную часть осужденных, изменить их поведение не только в местах заключения, но и после освобождения. «Мы понимаем очень важное значение религии в жизни нашего общества. Приобщение осужденных к вере, духовной культуре самым благоприятным образом сказывается на их состоянии и душах, позволяя им покаяться, оценить пройденный путь», — заявил начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН В. Л. Полозюк на пресс-конференции в мае 2006 года. «Верующие осужденные лучше соблюдают режим, более терпимы к людям, а самое главное, как показывает практика, после своего освобождения не возвращаются в тюрьмы», — считают в пресс-службе ФСИН[94].

На сегодняшний день можно выделить следующие позитивные функции, которые религиозные организации выполняют в учреждениях уголовно-исполнительной системы:

— культурное просвещение;

— нравственное развитие;

— организация досуга заключенных под стражу и осужденных;

— восстановление, оптимизация и развитие социальных связей; социализация заключенных;

— общественный контроль за учреждениями УИС;

— организация занятости осужденных на строительстве культовых сооружений;

— смягчение оперативной обстановки, снижение уровня агрессивности и конфликтности как в среде осужденных, так и между спецконтингентом и сотрудниками;

— материальная поддержка нуждающихся;

— обеспечение преемственности между воздействием в учреждении УИС и воздействием после освобождения;

— содействие осужденным в досрочном освобождении.

В то же время религиозная деятельность в учреждениях УИС сталкивается со значительным числом нерешенных правовых и организационных проблем.

Так, в соответствии с п. 103 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста РФ от 14 октября 2005 года № 189, «для оказания духовной помощи подозреваемым и обвиняемым по их просьбе и с разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, допускается приглашение в СИЗО священнослужителей зарегистрированных в Российской Федерации религиозных объединений. Услуги служителей религиозных культов оплачиваются из средств подозреваемых или обвиняемых, находящихся на их лицевых счетах». Данная норма порождает ряд серьезных вопросов. Во-первых, таким образом священники допускаются для совершения религиозных обрядов только по разрешению следователя или прокурора, при этом перечень объективных оснований, по которым в таком допуске следователь, прокурор или судья могут отказать, не установлен. Известны многочисленные случаи, когда на отказ подозреваемого или обвиняемого дать признательные показания следователь «не находил возможным» разрешить посещение арестованного священнослужителем. Во-вторых, священнослужитель для получения такого разрешения должен найти время, чтобы разыскать следователя или судью и попасть к нему на прием. С учетом про-

[94] Интерфакс, 07.06.06.

фессиональной нагрузки большинства священнослужителей данное требование трудно исполнить. Наконец, в третьих, в получении духовной помощи подозреваемому или обвиняемому может быть отказано на том основании, что у него на лицевом счету отсутствуют деньги. Рассматриваемая норма была перенесена в Правила, утвержденные в 2005 году, из Правил, действовавших с 1996 по 2005 годы.

Указанная проблема была заложена статьей 18 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», которая в качестве субъектов свидания с подозреваемыми и обвиняемыми выделила защитников, родственников и «иных лиц», отнеся священнослужителей к числу «иных лиц» и не предусмотрев специальной регламентации посещения ими верующих заключенных.

Любопытно отметить, что для посещения священнослужителями лиц, находящихся в изоляторах временного содержания, разрешения лица или органа, в производстве которого находится дело, не требуется. Согласно п. 6.49 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденных приказом МВД РФ от 26 января 1996 года № 41 «для оказания духовной помощи подозреваемым и обвиняемым с их согласия могут привлекаться служители религиозных культов». Ни о каком согласовании или разрешении следователя эти правила не говорят.

Получение заключенным под стражу в посылке или передаче иконы также будет являться нарушением Правил внутреннего распорядка, так как в соответствии с приложением № 2 к правилам подозреваемым и обвиняемым разрешается получать в посылках или передачах лишь предметы культа для нательного или карманного ношения.

Однако даже если заключенный самостоятельно напишет икону, то и разрешения начальника СИЗО повесить ее на стене камеры он не сможет добиться, так как приложением № 1 к Правилам заключенным под стражу запрещено «оклеивать стены, камерный инвентарь бумагой, фотографиями, рисунками, вырезками из газет и журналов, наносить на них надписи и рисунки».

Часто заключенные под стражу жалуются на то, что им невозможно молиться в камерах из-за постоянно работающего телевизора. Между тем закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых…», предусматривая, что курящие по возможности должны содержаться отдельно от некурящих, не требует учитывать при покамерном размещении потребность осужденного в молитве.

Не решен вопрос о питании осужденных, которые по религиозным мотивам не могут есть определенные виды пищи[95].

Существенные проблемы для реализации своих духовных потребностей создают и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений. Так, в соответствии с п. 18 приложения № 1 к Правилам внутреннего распорядка, утвержденным приказом Минюста РФ от 3 ноября 2005 года № 205, в исправительных учреждениях к числу вещей и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в

[95] При этом «В соответствии с требованиями, установленными органами здравоохранения, администрация предоставляет заключенным в отведенное для этого время должным образом приготовленную и поданную еду, удовлетворяющую с точки зрения качества и количества разработанным нормам питания и требованиям современной гигиены, с учетом возраста, состояния здоровья, характера труда и, насколько это возможно, религии и культурных традиций заключенных» (п. 25.1 Рекомендаций государствам-членам относительно европейских пенитенциарных правил. Принята Комитетом министров 12.02.1987 г.).

посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, отнесена аудиотехника, кроме телевизоров и радиоприемников. В то же время из указанной нормы не вытекает, что аудио или видеопроигрыватели не могут находиться в коллективном пользовании осужденных, то есть использоваться в отряде исправительного учреждения. Это ограничение, казалось бы, не имеющее отношения к осуществлению религиозных обрядов, стало препятствием для осужденных, получающих религиозное образование в заочных школах и на курсах, для просмотра и прослушивания учебных кассет, а также духовной музыки и фильмов на аудио- и видеотехнике.

Так как приложением № 1 к Правилам осужденным запрещено получать, приобретать и иметь при себе цветные карандаши, фломастеры, маркеры, чернила, тушь, шариковые и гелиевые стержни (за исключением синего и черного цветов) и краски, любая деятельность осужденных по написанию икон в жилых помещениях является незаконной и должна повлечь за собой наложение взыскания. Каково же было мое удивление, когда в одной из колоний я увидел в ШИЗО осужденного, водворенного туда за написание иконы, при этом в камере ШИЗО при поддержке администрации он оборудовал небольшую иконописную мастерскую!

Вместе с тем изменениями в Правилах внутреннего распорядка был сделан и определенный шаг вперед. Так, 2 апреля 2004 года Правила были дополнены положением о том, что к осужденным, находящимся в ШИЗО, ПКТ и ЕПКТ могут допускаться священнослужители зарегистрированных конфессий. А Правилами внутреннего распорядка от 3 ноября 2005 года было дополнительно установлено, что осужденным, водворенным в порядке дисциплинарного взыскания в штрафной изолятор, помещение камерного типа или единое помещение камерного типа разрешено брать с собой предметы культа для карманного и нательного ношения, а также религиозную литературу.

Хотя п. 47.1 Рекомендаций государствам-членам относительно европейских пенитенциарных правил (приняты Комитетом министров 12 февраля 1987 года) гласит: «если в месте лишения свободы находится достаточное количество заключенных, принадлежащих к одной и той же религии, должен быть назначен или утвержден официальный представитель этой религии», такому представителю должно быть разрешено периодически проводить службы и вести религиозную деятельность, а также встречаться в подходящее время с заключенными, исповедующими данную религию, в качестве их духовного наставника, однако ни ФЗ «О содержании под стражей», ни УИК РФ, ни Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не предусматривают института подобного представительства. Надо отметить, что впервые предложения об институционализации таких представителей были высказаны деятелями протестантских церквей. Московская миссия христиан веры евангельской для служения в местах лишения свободы «Освобождение в Иисусе» выступила с инициативой создания в России института тюремных капелланов. Данное предложение было рассмотрено 25 апреля на заседании Консультативного совета глав протестантских церквей России.

Именно протестантские конфессии были наиболее активными в колониях и СИЗО в начале 1990-х годов. По-видимому, это было связано с традициями миссионерской деятельности, а также с тем, что протестантский культ и обрядность не требует такого материального обеспечения, как обрядность православная или католическая. Не последнюю роль сыграло и наличие у протестантских церквей более значительных финансовых ресурсов.

К началу 2000 года Московской патриархии Русской православной церкви удалось стать ведущей конфессией, работающей в учреждениях УИС. Не везде этот процесс идет гладко. Так, в 1990-е в исправительной колонии строго режима № 18 в г. Казани были открыты молельные помещения для православных, протестантов и мусульман. В течение длительного времени начальник колонии добивался освящения православной молитвенной комнаты закрепленным за колонией священником. После ухода начальника колонии на пенсию так и не освященную молельню закрыли. В настоящее время в ней находится комната для длительных свиданий.

Для активизации работы с осужденными Московская патриархия в день Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) проводит День милосердия и сострадания ко всем во узах и темницах находящимся.

По данным В. Л. Полозюка, в 2006 году православие исповедовали около 12,5 тыс. осужденных[96], а некоторые бывшие осужденные принимают священнический сан. В настоящее время в России в местах лишения свободы действует 360 православных храмов, 1500 молельных комнат и 375 воскресных школ, 71 храм строится. Строительство проходит под патронатом РПЦ, мусульманских организаций, Федерации еврейских общин России, буддистов и Союза евангелистских христиан-баптистов.

По данным ФСИН[97], в заключении находятся более 70 тыс. верующих, на территории исправительных учреждений действуют 1136 религиозных общин, в т. ч. 710 православных, 93 исламских, две иудейских, 14 буддийских, 17 протестантских, пять католических, 151 баптистских, 118 Союза христиан веры евангельской (пятидесятников), пять общин адвентистов Седьмого дня, пять общин свидетелей Иеговы. Тот же источник сообщает, что на данный момент в учреждениях ФСИН России действует 396 храмов: 370 православных церквей, 18 мечетей, пять буддийских дацанов и три костела. Кроме того, в исправительных учреждениях работает 695 молитвенных комнат, 228 воскресных школы и 902 библиотеки духовной литературы. Таким образом, получается, что в колониях по разным причинам не присутствуют представители таких конфессий, как Армянская апостольская церковь, Русская православная старообрядческая церковь, Русская древлеправославная церковь, беспоповские старообрядческие согласия, бурханисты.

Вместе с тем известны и случаи, когда представителей церковной общественности пытаются противопоставить работающим в колониях и СИЗО светским организациям. Так, на одном из круглых столов, проводимым Московской патриархией, представитель ФСИН заявил, что общественные, в частности правозащитные организации, работают в колониях, только когда у них есть гранты на эту деятельность, в то время как представители церкви работают с осужденными безвозмездно.

Активность протестантов иногда вызывает со стороны некоторых представителей МП РПЦ действия, направленные не на увеличение собственной активности, а на призыв к принятию административных мер по отношению к представителям «нетрадиционных религий». Так, в марте 2005 года глава епархиальной пресс-службы

[96] По-видимому, имеются в виду члены религиозных общин и активно участвующие в отправлении обрядов, так как, по нашим данным, относят себя с к верующим православным не менее 150 тысяч человек. Согласно материалам специальной переписи осужденных, проведенной в 1999 г., 36,8 % считают себя верующими, из них 82,9 % считают себя православными христианами (30,5 % от общего числа осужденных), 9 % — мусульманами (3,3 %). Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А. С. Михлина. М.: Юриспруденция, 2000. Т. 2. С. 28.

[97] Интерфакс, 7.06.06.

Архангельской епархии о. Валерий заявил, что «если в местах лишения свободы молельные дома возведут представители нетрадиционных религий, то мы расценим это как нарушение соглашения между РПЦ и УИН. Православная церковь не выполняет функции информирования администрации о других религиозных организациях, но в личных беседах наши священники обсуждают с руководством колоний нетрадиционные религии и ту опасность, которую они могут представлять».

А православный исследователь А. В. Тонконогов в статье «Профилактика сектантства в среде осужденных к лишению свободы» пишет о том, что «сектантство и преступность являются социально опасными явлениями… продуктом негативного духовного развития любого общества… Некоторые исследователи справедливо предлагают использовать такой термин, как «сектомафия»… Сектантство практики идентично политической преступности».

К числу таких «сект» автор относит Церковь унификации, последователей Р. Хаббарда, Свидетелей Иеговы, язычников, некоторые направления тарообрядчества. Тонконогов отмечает, что в соответствии с положениями закона Российской империи от 15 июня 1887 года священники, диаконы, псаломщики, состоящие при местах заключения, относились к аппарату управления местами лишения свободы («по должностному окладу священник приравнивался к начальнику тюрьмы»).

К сожалению, настроения выгнать адептов «еретических учений» из тюремных стен и лагерных зон весьма сильны среди части священнослужителей и мирян РПЦ МП. Все чаще в правозащитные организации начинают поступать письма осужденных с обличением «нетрадиционных религий», «сект», всего того, что несет в себе что-то непонятное автору. Особая опасность таких настроений в том, что в условиях негативного жизненного опыта, нетерпимости, неуважения к правам и интересам других лиц, отсутствия занятий и возможности реализовать себя в системе УИС, значительная часть, проявляющих религиозную нетерпимость осужденных, вполне способны свое отношение к «неправильным религиям» отразить на тех, кто эти религии исповедует.

Представляется, что развитие влияния РПЦ МП и других конфессий в системе УИС будет зависеть от того:

— какие материальные ресурсы эти конфессии смогут направить на создание в системе УИС собственной инфрастуктуры;

— какими специалистами по работе с осужденными они располагают, научились ли они привлекать к этой работе бывших осужденных;

— насколько нравственно и психологически привлекательными будут для осужденных созданные в колониях общины, насколько такие общины смогут удовлетворить потребности осужденных в защите их интересов, развитии, общении и самоидентификации какой-либо позитивной с точки зрения личности исторической традиции;

— в какой мере удастся создать институты по заочному дистанционному получению осужденными культурных, научных и иных знаний под эгидой соответствующей конфессии.

Конкуренция по ту сторону тюремного забора должна вестись не между различными церквями и религиозными течениями и даже не между верующими и атеистами, а между высокой нравственностью, с одной стороны, и беспределом и первобытными законами тюремного мира, — с другой. Проявления диавола следует искать не в иной обрядности или непривычном тексте молитвы, а в принципах и деяниях, противных природе и предназначению человека.

НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ: РЕЛИГИОЗНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ, КСЕНОФОБИЯ, НЕТЕРПИМОСТЬ, И НАСИЛИЕ НА ИХ ПОЧВЕ (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ 2005 — НАЧАЛА 2006)

С. А. Бурьянов, Институт свободы совести

Самыми очевидными симптомами кризиса реализации свободы совести являются многочисленные нарушения религиозной свободы, т. е. прав верующих и религиозных объединений. При этом неверующие также чувствуют себя ущемленными[1].

Несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений, неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности отдельных религиозных объединений (нередко сопряженное с насилием) имеют место практически во всех регионах РФ.

Например, в ходатайстве от 4 февраля 2005 года на имя В. В. Путина говорится о массовых нарушениях прав евангельских христиан-баптистов (незарегистрированных): «Уважаемый господин Президент! Из отдела заступничества МСЦ ЕХБ к нам вновь поступило сообщение о том, что гонения против наших братьев и сестер продолжаются, в частности в пос. Любучаны Чеховского р-на Московской области. Нас, как и весь цивилизованный мир, не может не беспокоить то, что в России продолжает нарастать кампания по ликвидации подлинных церквей Христовых, которые несут свет Евангелия в мир и призывают грешников к спасению. Повсеместно религиозные ортодоксы открыто с помощью местных властей и средств массовой информации ведут пропаганду религиозной ненависти и нетерпимости. Милиция и люди в нетрезвом состоянии разгоняют мирные богослужебные собрания, избивают проповедников Евангелия, разрушают, отбирают и жгут палатки благовестия, бьют стекла в молитвенных домах и даже взрывают их. Власти через свои послушные суды штрафуют, конфискуют имущество, отбирают детей у верующих родителей и т. п.»[2]

Продолжаются инициированные РПЦ гонения властей на «альтернативное» православие. Например, епархии и общины Российской православной автономной церкви (РПАЦ) в г. Железноводске (Ставропольский край), Тверской области регулярно сталкиваются с многочисленными фактами отказов в регистрации[3]. Давлению и клевете в

---

[1] Например, председатель Атеистического общества Москвы А. П. Никонов обратился в Останкинский районный суд с иском к Первому каналу с требованием о прекращении транслирования Государственного гимна Российской Федерации в 6 часов утра. Причиной обращения с данным требованием стала фраза «Хранимая Богом родная земля!» во втором куплете гимна, утвержденного Федеральным конституционным законом от 25 декабря 2000 года № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации», которая затрагивает чувства заявителя как атеиста. Так как заявителю было отказано в рассмотрении иска и предложено обратиться по подсудности, то он обратился в Конституционный суд РФ с индивидуальной жалобой. Заявитель просит исключить из текста гимна второй куплет. См.: Жалоба председателя АтОМа А. П. Никонова в Конституционный суд РФ на нарушение конституционных прав в связи с транслированием Государственного гимна РФ // Портал-Кредо.Ру. 14 ноября 2005.

[2] Отдел заступничества МСЦ ЕХБ. 7 февраля 2005. http://iucecb.com/news/20050207-1008.

[3] Очередное заседание Архиерейского Синода РПАЦ состоялось в Суздале // Портал-Кредо.Ру. 13 января 2005.

СМИ подвергаются клирики РПАЦ в Брянской области. Это связано с тем, что в конце 2004 года три священника — Михаил Дударев, Виктор Земляков и Олег Евсеев — покинули Брянскую епархию РПЦ МП и перешли в Тульско-Брянскую епархию РПАЦ.

После того как о. Михаил Дударев подал прошение в Минюст о регистрации прихода РПАЦ, к нему в дом прибыл советник по делам религий при губернаторе Брянской области С. А. Гавриков. Он начал с того, что грубо обругал РПАЦ и ее Первоиерарха, затем заявил, что РПАЦ хотя и зарегистрирована, но находится «вне закона» и ее ликвидацией занимается ФСБ. Главным аргументом советника против РПАЦ было то, что выйдя из РПЦ МП и перейдя в «раскольничью, американскую» Церковь, ее последователи встали в ряды тех, кто давно стремится развалить и расчленить Россию через развал Русской церкви, кто работает на США и лично З. Бжезинского. Гавриков стал угрожать, что если клирики не «одумаются», то в противном случае ими займется ФСБ. «Вы не понимаете, против кого вы пошли, — говорил уполномоченный. — Феофилакт вхож в президентские кабинеты, он вас задавит. Вы о детях своих подумайте» (у о. Михаила трое, а у о. Виктора четверо детей). Гавриков также обещал «показать документы из ФСБ и старые судебные дела» против митрополита Валентина.

После этой встречи регистрирующий орган не принял к регистрации типовой устав прихода, зарегистрированный во многих других регионах, а в местной прессе началась кампания очернения и клеветы против РПАЦ и перешедших в нее клириков. По указанию епархиальной власти РПЦ МП, газета Суражского района «Восход» опубликовала несколько статей, содержащих клевету и оскорбления в адрес священников, первоиерарха и РПАЦ в целом. Когда о. Михаил пришел в редакцию с требованием напечатать его ответ, главный редактор Белявцева категорично заявила, что «единственная законная Церковь» — это Московская патриархия, поэтому газета будет поддерживать лишь ее и ничего публиковать не будет[4].

Московские префектуры отказывают религиозной организации Фалуньгун в согласовании проведения публичных мероприятий, объясняя отказ запрещением деятельности школы Фалуньгун в Китае. При этом представители местных органов власти ссылаются на Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года, ст. 8 которого гласит: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не допускает создания и деятельности на своей территории организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны».

В ответ на уведомление Фалуньгун в префектуру Западного административного округа г. Москвы о намерении провести мирную акцию перед посольством КНР, был получен ответ, в котором заместителем префекта А. Ф. Елизаровым деятельность организации Фалуньгун была определена как экстремистская.

Ссылаясь на ст. 8 упомянутого Договора, Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия последователям Фалуньгун было отказано в регистрации печатного СМИ — газеты «Фалуньгун сегодня»[5].

Содружество природной веры «Славия» с 2002 года сталкивается с трудностями при проведении обрядов, которые должны по преимуществу проводиться под откры-

[4] Брянская область: священники, присоединившиеся к РПАЦ, подвергаются травле со стороны ФСБ и РПЦ МП // Портал-Кредо.Ру. 19 мая 2005.

[5] Информация от центра общественных связей Фалуньгун.

тым небом — в природной среде или у памятных мест, традиционно считающихся у язычников священными. Власти Москвы регулярно отказывают язычникам в проведении публичных мероприятий. Например, 12 ноября 2005 года обряд в Царицыно был прерван конной милицией[6].

В Южно-Сахалинске много лет не регистрируют местную общину мусульман. То же самое происходит в Тюмени и области, Петропавловске-Камчатском[7].

Ряд религиозных организаций испытывают большие трудности с ввозом печатной продукции из-за рубежа.

В частности, в октябре 2005 года два контейнера с библейскими изданиями, в т. ч. тираж подарочного издания Библии, отпечатанный в Англии по заказу Российского библейского общества (РБО), длительное время не могли попасть в Россию. Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ отказывается предоставлять справку о том, что Библия относится к «материалам образовательного, научного и культурного характера», в результате РБО вынуждено ввозить свои издания, выплачивая максимальную ставку НДС — 18 %, такую же, как специализированные глянцевые издания эротического и рекламного характера. По мнению исполнительного директора РБО А. Руденко, сложившаяся ситуация связана с негласной командой власти «религиозную литературу не пущать»[8].

Ряд местных религиозных организаций постоянно сталкивается с попытками властей их ликвидировать.

В июне 2005 года управление Федеральной регистрационной службы по Ставропольскому краю обратилось в Ессентукский городской суд с иском о ликвидации местной религиозной организации Свидетелей Иеговы ввиду того, что последняя не представила уведомление о продолжении деятельности. 15 июля состоялось слушание дела. Представитель управления ранее участвовала в срыве областного конгресса Свидетелей Иеговы, запланированного на 29—31 августа 2003 года Суд отказал управлению Федеральной регистрационной службы в удовлетворении его требований.

В 2005 году попытки ликвидации местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы предпринимались в Химках (Московская область), Ессентуках и Пятигорске (Ставропольский край), Кызыле (Республика Тыва)[9].

На фоне привилегированного положения РПЦ, которая в изобилии получает от государства помещения и землю (а нередко и деньги[10]) под строительство, обращают на себя внимание проблемы «неосновных» религиозных объединений.

Так, у Московской центральной церкви христиан веры евангельской (пятидесятников) «Эммануил» чиновники отняли участок земли, ранее выделенный под строительство храма, в который церковь уже вложила средства. Кроме того, в районе Солнцево представители мэрии отказываются оформлять землю под купленным церковью клубом, не давая возможности переоборудовать его под дом молитвы. Члены церкви «Эммануил» провели множество митингов и пикетов, их неоднократно разгоняли и задерживали, они подвергались нападениям и штрафам.

[6] Информация от центра общественных связей Содружества природной веры «Славия».

[7] Информация от Информационного центра ДУМ Азиатской части России.

[8] Российское Библейское общество вынуждено добиваться справки о том, что Библия не является эротическим или рекламным изданием // Благовест-инфо. 18 октября 2005.

[9] Информация от Управленческого центра Свидетелей Иеговы.

[10] Например, президент В. В. Путин выделил пять миллионов рублей государственных средств на строительство кафедрального собора в Петропавловске-Камчатском.

Нечто похожее произошло с московской общиной духовных христиан-молокан, которым 4 ноября 2004 года земельная комиссия ЮАО г. Москвы зарезервировала земельный участок в 0,3 га под строительство молитвенного дома. Руководство организации начало разрабатывать проектную документацию, на что израсходовало около 150 тысяч рублей. Затем по результатам выездного совещания мэра г. Москвы (протокол от 12 февраля 2005 года № 11-ВС) духовных христиан-молокан фактически лишили участка земли[11].

По словам главы Российского союза евангельских христиан-баптистов Юрия Сипко, наиболее характерной ситуацией являются сложности с приобретением земли и дальнейшей попыткой построить на этой земле здание. Так, в Волгодонске на юге России баптистская община получила все формальные разрешения на землю и на строительство дома молитвы, а также составила архитектурный проект, но по указанию местных властей стройка была приостановлена[12].

7 октября 2005 года мэр Москвы Юрий Лужков отменил распоряжение городского правительства от 20 января 2004 года № 27-РП, в соответствии с которым религиозная организация «Московское общество сознания Кришны» получала земельный участок под строительство культового сооружения взамен разрушенного храма Кришны. Здание, в котором кришнаиты осуществляли поклонение, было снесено в июле 2004 года в соответствии с городской программой строительства муниципального жилья. В новом распоряжении, подписанном мэром говорится: «В связи с нарушениями, выявленными прокуратурой города Москвы при принятии решения о строительстве культового сооружения во вл. 39 по Ленинградскому проспекту…:

1. Отменить распоряжение Правительства Москвы от 20 января 2004 года № 27-РП «О строительстве культового сооружения религиозной организации — Московского общества сознания Кришны по адресу: Ленинградский проспект, вл. 39 (Северный административный округ города Москвы)».

2. Департаменту земельных ресурсов города Москвы в установленном порядке расторгнуть с религиозной организацией — Московским обществом сознания Кришны договор безвозмездного срочного пользования земельным участком от 27 февраля 2004 года № М-09-603028»[13].

Как и в предыдущих случаях в освоение участка и разработку проектной документации уже были вложены немалые средства.

20 марта 2006 года арбитражный суд Москвы отказался удовлетворить иск Московского общества сознания Кришны к правительству столицы с требованием предоставить земельный участок под строительство храма. В ответ кришнаиты заявили, что намерены дойти до Страсбургского суда[14].

Весьма распространены проблемы с выделением земли под строительство мечетей. Например, в Петропавловске-Камчатском забрали ранее выделенную землю, на

---

[11] Открытое письмо общины духовных христиан-молокан г. Москвы президенту В. Путину, Уполномоченному по правам человека в РФ В. Лукину и мэру г. Москвы Ю. Лужкову // Портал-Кредо.Ру. 8 июля 2005.

[12] Российские власти стараются лишить протестантов возможности арендовать или строить здания, считает глава «International Religious Freedom Watch» Ларри Юззелл // Портал-Кредо.Ру. 15 ноября 2005.

[13] За ошибки московского правительства заплатят кришнаиты. Ньюс-релиз отдела по связям с общественностью Московского общества сознания Кришны // Портал-Кредо.Ру. 14 октября 2005.

[14] Арбитражный суд Москвы отказался удовлетворить иск кришнаитов к правительству столицы с требованием выделить участок земли // Портал-Кредо.ру. 21 марта 2006.

которой уже был заложен фундамент. В Тюмени снесли мечеть, чтобы не ее передавать местной общине[15].

Местные религиозные организации Свидетелей Иеговы регулярно получают отказы в приобретении участков под строительство «залов Царства» (зданий для религиозных собраний) в Великом Новгороде, Санкт-Петербурге и в г. Луга, Сланцы, Тосно (Ленинградская область), в Кирове, Златоусте.

У Свидетелей Иеговы, впрочем, как и у большинства других религиозных организаций, возникают проблемы, связанные не только с сооружением культовых зданий, но даже с арендой помещений для молитвенных встреч.

В 2005 году наблюдался рост числа городов, где власти чинят препятствия Свидетелям Иеговы, как правило, с подачи РПЦ. Это — Архангельск, Белореченск, Воронеж, Екатеринбург, Кохма, Москва, Санкт-Петербург, Сочи[16].

Сложности с арендой помещений возникают у евангельских христиан-баптистов во многих регионах РФ. Например, в Москве около десяти общин постоянно испытывают трудности с арендой залов для богослужений[17].

Проблема возвращения собственности религиозных организаций по-прежнему остается нерешенной для многих конфессий, включая РПЦ, католиков и др.[18] При этом власти иногда передают РПЦ культовые сооружения других религиозных организаций.

В июне 2005 года городской совет Курска принял решение о передаче здания Успенской церкви, которое около 15 лет занимала старообрядческая община под управлением древлеправославного епископа Аполлинария (Дубинина), Курской епархии РПЦ МП.

Полуразрушенное здание церкви, являющееся памятником истории и культуры областного значения и принадлежащее муниципалитету, было передано старообрядческой общине под управлением Аполлинария решением Курского исполкома Совета народных депутатов от 27 января 1989 года Однако 28 апреля 2004 года тогдашний управляющий Курской епархией РПЦ МП митрополит Курский и Рыльский Ювеналий заявил в официальном письме, что храм в честь Успения Пресвятой Богородицы «является исторической собственностью» РПЦ МП[19].

20 октября 2005 г/ Краснодарский арбитражный суд принял решение в пользу Московской патриархии, оставив в силе решение Ставропольского краевого суда, в соответствии с которым Свято-Ольгинский храм Российской автономной православной церкви в Железноводске передается во владение Ставропольской епархии РПЦ МП.

26 октября железноводская община РПАЦ подала жалобу в Высший арбитражный суд Москвы и подготовила дело в Международный суд по правам человека в Страсбурге[20].

---

[15] Информация от Информационного центра ДУМ Азиатской части России.

[16] Информация от Управленческого центра Свидетелей Иеговы.

[17] Российские власти стараются лишить протестантов возможности арендовать или строить здания, считает глава «International Religious Freedom Watch» Ларри Юззелл // Портал-Кредо.Ру. 15 ноября 2005.

[18] Представляется, что проблема возвращения собственности религиозных организаций должна решаться на строго правовых основаниях — единых для всех организаций и граждан.

[19] Городской совет Курска передал здание Успенской старообрядческой церкви в собственность Курской епархии РПЦ МП // Портал-Кредо.Ру. 17 июня 2005.

[20] Судебные приставы Железноводска получили указание передать храм РПАЦ в ведение Московской патриархии // Портал-Кредо.Ру .2 ноября 2005.

Около 9 часов утра 3 апреля 2006 года Свято-Ольгинский храм РПАЦ в Железноводске был передан судебными приставами в ведение Ставропольской и Владикавказской епархии РПЦ МП[21].

23 января 2006 года Советский районный суд Астрахани постановил снести мечеть № 34, расположенную на федеральной трассе при въезде в город. Разрешение на строительство мусульманского храма было выдано мэрией города в 1998 году по распоряжению тогдашнего мэра Игоря Безрукавникова. Однако верующие долгое время не могли найти спонсора. Когда же стройка началась, местные власти не стали продлевать разрешение на постройку мечети, а суд оперативно вынес решение о сносе всего, что община успела построить. Мечеть, где уже собирались для молитвы, была признана «самовольной постройкой».

Как отметила Вероника Карпычева-Петрова, 1 марта Астраханский областной суд отказал мусульманам в обжаловании решения Советского районного суда Астрахани о сносе мечети, то есть решение вступило в силу[22].

Еще одной проблемой является распространение, в том числе в СМИ, недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений.

В различных регионах России при одобрении и участии государственных структур и лиц регулярно проходят «антисектантские» конференции, нередко целиком посвященные обличению и навешиванию негативных социальных ярлыков новым религиозным движениям.

Например, 10—11 мая 2005 года в Саратове на базе государственного университета им. Н. Г. Чернышевского и местной епархии РПЦ МП прошла международная научно-практическая конференция «Неопятидесятнические секты в России: угроза религиозного экстремизма». В итоговом документе 232 участника форума из различных городов — религиоведы, психологи, медики, представители общественных и религиозных организаций, а также органов государственной власти — заявили об опасности, исходящей от объединений, исповедующих неопятидесятническое учение. Как говорится в резолюции, их деятельность представляет собой агрессивную экспансию, наносит вред физическому и духовному здоровью людей, провоцирует религиозно-политический экстремизм, создает угрозу семье, обществу и государству[23].

Газета «Хроники Амбера», издающаяся в Советске (Калининградская область), неоднократно публиковала материалы обличающие зловредные «секты». В номере от 31 августа говорится следующее: «При разношерстности всех пришлых на территорию России сект вырисовываются общие цели их деятельности. С удивительным единодушием они выполняют кропотливую работу по разрушению нашей национальной государственности, по разрушению духа нации. Не преуспев в попытках уничтожить Россию силой, нас цинично и расчетливо толкают на путь духовного самоубийства. Главная цель всех сект — не допустить восстановления в русском народе истинных национальных духовных ценностей, где понятия любовь к Отечеству, мужество, милосердие, вера и верность всегда преобладали над потребностями низшей природы человека». Далее в качестве врагов называются евангельские христиане-баптисты,

[21] Свято-Ольгинский храм РПАЦ в Железноводске с помощью казаков и сотрудников ОМОНа передан в ведение Ставропольской епархии РПЦ МП // Портал-Кредо.ру. 3 апреля. 2006.

[22] В Москве у Дома правительства впервые будет организован пикет в защиту прав российских мусульман // Портал-Кредо.ру. 7 апреля 2006.

[23] Саратовские неопятидесятники приняли участие в конференции «Неопятидесятнические секты в России: угроза религиозного экстремизма» // Религиоведение.Ру. 14 мая 2005.

пятидесятники, Свидетели Иеговы, Церковь унификации Муна, кришнаиты[24]. В номере от 5 октября 2005 года статья главного редактора целиком посвящена обличению адвентистов Седьмого дня[25].

Газета «Курган и курганцы» (гл. редактор О. Н. Серебрякова) опубликовала «антисектантские» статьи, посвященные, в частности, религиозным организациям мормонов и Свидетелей Иеговы (А. Павлов, «Иллюзия рая», номер от 13 августа 2005 года; А. Смолин, «Осторожно: «Свидетели Иеговы», номер от 8 сентября 2005 года). С 18 августа по 30 августа 2005 года в газете была опубликована серия статей под названием «Они объявили джихад человечеству», стилистика которых изобилует ксенофобскими штампами: «исламские фундаменталисты», «ваххабизм — это исламский глобализм», «ваххабиты превращают сторонников в биороботов», «миссионерская деятельность зарубежных экстремистских центров», «в крымско-татарских мечетях звучат призывы к… истреблению русских», «антирусская деятельность ваххабитов», «экспорт терроризма», «система тыловых баз чеченских террористов» и т. п.[26]

А вот газета «Псковская правда» от 20 января 2005 года врагами представляет католиков: «После неоднократных попыток Ватикана поработить своей властью православную церковь, русские люди еще строже стали охранять чистоту своей веры»[27].

Нередко «сектами» объявляются культурно-просветительские Рериховские организации. Так, перед своими выступлениями в Твери 3 октября 2005 года дьякон Кураев дал интервью газете «Тверская жизнь» (2005, № 178), где в очередной раз выступил с недостоверной и порочащей информацией о наследии Рерихов. В связи с интервью последовало обращение к губернатору Тверской области с требованием принять меры, с тем чтобы в дальнейшем не допускать клеветнических публикаций и публичных выступлений дьякона Кураева[28].

20 января 2006 года в г. Обнинске (Калужская область) в «Народной газете — Регион» («НГ-Регион») вышла статья Екатерины Бубенец «Ловцы человеческих душ», посвященная деятельности так называемых тоталитарных сект, к которым автор причисляет харизматическую церковь «Дом молитвы», Свидетелей Иеговы, Новоапостольскую церковь и даже тренинг «Лайфспринг». Сославшись на «ведущего российского сектоведа» Александра Дворкина, Бубенец сообщила, что «у харизматов происходит говорение на «ангельских языках», когда человек бьется в истерике и выкрикивает бессвязные фразы». При посещении богослужения харизматов автор выявил следующие признаки «секты»: «Молитвы, больше похожие на попсовые песни, взвинченная толпа, давление на психику».

О Свидетелях Иеговы корреспонденту «НГ-Регион» рассказала пожелавшая остаться неизвестной некая мать, у которой «секта отняла сына». Бубенец посетовала, что «деятельность Свидетелей Иеговы запрещена судом в Москве. Но у нас иеговисты все равно есть», — заключила автор.

Что касается кришнаитов, то они отняли у подруги автора статьи Оли «первую любовь по имени Володя». О сайентологах говорится, что некто С. читал о них в жур-

[24] *Беляков А.* Что несут в наш дом сектанты // Хроники Амбера. 2005. 31 авг. (перепечатка из газеты «Уссурийский казачий вестник»).

[25] Дередер В. Еще раз об адвентистах. Там же.

[26] Доклад о положении с правами человека в Курганской области в 2005 году.

[27] Доклад о положении с правами человека в Псковской области в 2005 году.

[28] Обращение общественности в связи с публикацией интервью дьякона А. Кураева газете «Тверская жизнь» // Портал-Кредо.Ру. 21 октября 2005.

нале «Татьянин день» буквально следующее: «В 1995 году в докладе Федеральной службы контрразведки РФ сообщалось: «Представители «Хаббард-колледжа» провели в Обнинске тестирование российских специалистов, в том числе и осведомленных в гостайне, в ходе которого получили сведения о персоналиях и положении дел на предприятиях, включая режимные объекты».

О Новоапостольской церкви говорится, со ссылкой на Дворкина, что она является «пограничной между классической и тоталитарной сектой». По мнению автора, «тоталитарные секты» — это «империя зла»[29].

Остается лишь добавить, что «антисектантская» кампания в СМИ прошла в преддверии приезда в Обнинск Дворкина[30]. Вышеупомянутая статья сопровождалась его фотографией со слоганом: «Профессор Дворкин истово борется с сектантами. Но до победы далеко».

А вот лидеру питерского отделения «Демократической России», помощнику убитого депутата Г. Старовойтовой Роману Линькову в возбуждении уголовного дела против фундаменталистской газеты «Русь православная», прокуратура Санкт-Петербурга отказала. Поводом для обращения послужило то, что газета любит посмаковать слово «жид» и постращать читателя рассказами о ритуальных убийствах христианских младенцев и всемирном господстве хасидов-талмудистов[31].

Продолжаются неправомерные ограничения деятельности религиозных организаций, лидеры которых являются гражданами иностранных государств.

Так, 10 апреля немецкий гражданин епископ Евангелическо-лютеранской церкви европейской части России З. Шпрингер, прилетел из Берлина в московский аэропорт «Домодедово», однако пограничник закрыл его визу без объяснения причин, четыре раза поставив на ней штамп со словом «аннулировано», несмотря на то, что срок ее действия истекал только в августе. Епископа продержали всю ночь в пересыльном центре аэропорта, который он описал как «неприятный», и на следующий день депортировали в Германию[32].

В конце марта ГУВД Москвы отказало в выдаче приглашений на въезд в Россию гражданину Великобритании Роберту Гарраду и гражданину Дании Карлу Августу Северину Лидхольму. Оба являются служителями «Армии Спасения», ранее неоднократно бывали в России и были приглашены российской организацией «Армии Спасения» для осуществления религиозной деятельности.

В приглашении было отказано на основании п. 1 ст. 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», т. е. «в целях обеспечения безопасности государства».

Помимо представителей «Армии Спасения», угрозой безопасности российского государства за последнее время были сочтены более десяти католических и баптистских священнослужителей[33].

---

[29] *Бубенец Е.* Ловцы человеческих душ // Народная газета — Регион. 2006. № 3 (516).

[30] Накануне приезда в Обнинск Александра Дворкина местные СМИ проводят «антисектантскую» кампанию // Портал-Кредо.ру. 20 февраля 2006.

[31] *Солдатов А.* Кремлевская птица «Шулхан Арух». Антисемитские высказывания признаны прокурорами соответствующими российским законам // Московские новости. 2005. № 33.

[32] Депортированный из России лютеранский епископ надеется на скорое возвращение // Портал-Кредо.Ру. 19 апреля 2005.

[33] Во въезде в Россию отказано двум служителям «Армии Спасения»: государство мстит церкви? // Славянский правовой центр. 20 апреля 2005.

Несмотря на то, что официальные представители Римско-католической церкви заявляют об улучшении ситуации с правами католиков в России, визит папы римского по-прежнему невозможен в ближайшее время. По словам председателя Папского совета по содействию христианскому единству кардинала Вальтера Каспера, первое, что необходимо решить во взаимоотношениях двух Церквей, — это обоснованность обвинений в адрес Ватикана в миссионерской деятельности (на территориях, «канонически принадлежащих Московскому патриархату». — *«Интерфакс»*). «Я не вижу возможности встречи (папы и патриарха. — *«Интерфакс»*) в следующем году. Мы работаем над этим, а также над тем, чтобы преодолеть эти преграды, но это трудно, поскольку у нас, помимо всего прочего, разное определение прозелитизма (обращения в другую веру. — *«Интерфакс»*)», — заявил кардинал в ходе пресс-конференции в Риме[34].

В октябре 2005 года лидеру Межрелигиозной межнациональной федерации за мир во всем мире доктору Сан Мен Муну МИД России не выдал въездной визы[35].

Влияние религиозной политики, реализуемой посредством коррупционных отношений государства с религиозными объединениями (в т. ч. «духовное окормление» «силовиков» со стороны РПЦ, и воспроизводимые «сверху» борьба за «духовную безопасность», с «религиозным экстремизмом» и «исламским терроризмом», против «тоталитарных сект» и т. п.), не могло не привести к росту насильственных акций со стороны «силовых» структур государства: неправомерным задержаниям и арестам, угрозам, избиениям, облавам, фабрикациям уголовных дел и т. п. В случаях же нарушения законных прав членов религиозных организаций правоохранительные органы, как правило, отказывались предпринять меры для привлечения виновных к ответственности.

14 апреля 2005 года в 20.10 на территорию комплекса зданий Удмуртской епархии христиан веры евангельской «Дело веры» в г. Ижевске ворвался отряд ОМОНа в масках в сопровождении оперативных сотрудников в штатском — всего около 20 человек. Операцией руководил заместитель начальника Первомайского РОВД г. Ижевска Алексей Дмитриевич Бахтияров. Милиционеры выломали калитку, хотя рядом находились открытые ворота, и ворвались в зал богослужений, аудитории библейского института и центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства. В это время заканчивалось богослужение и семинары для семейных пар. Всех верующих мужчин, женщин, священнослужителей силой, с криками: «Бегом! Ноги переломаем!» — вывели на улицу и расставили с поднятыми руками лицом к забору и стене. Все, включая женщин, были обысканы лицами мужского пола и простояли в такой позе около получаса. В туалет, в т. ч. женщинам, можно было пройти только в сопровождении и под наблюдением сотрудников милиции — мужчин.

Со стороны сотрудников милиции звучала нецензурная брань, оскорбления и угрозы, по отношению к женщинам высказывались угрозы изнасилования. Самыми употребляемыми были слова: секта, сектанты, сброд, притон, проститутки и т. п. 46 человек были задержаны и отвезены в Первомайское РОВД, где были помещены в общую камеру. Некоторым предлагали подписать чистые листы протоколов допроса. Затем по одному вызывали на допросы. Вопросы, перемежающиеся угрозами, сводо-

[34] В Ватикане сомневаются в возможности скорого визита папы римского в Россию // Интерфакс. 25 октября 2005 года.

[35] Не пущать, коли батюшка не велит! Российский МИД считает, что всякие «самозваные мессии» не должны приезжать в Россию // Портал-Кредо.Ру. 26 октября 2005.

лись к одному: почему ты ходишь в эту «секту», а не в «нормальную церковь»? кто привел в церковь, какую зарплату получает ваш пастор? где у вас хранятся оружие, наркотики?

Со всех сняли отпечатки пальцев и сделали фотографии в профиль и анфас. Одному из верующих, отказавшемуся отвечать на вопросы, сотрудники РОВД нанесли телесные повреждения, что впоследствии было зафиксировано медицинскими работниками. Все 46 человек без предъявления каких-либо обвинений и санкций были незаконно задержаны более чем на пять часов[36].

В 2005 году в различных регионах России наблюдался рост неправомерных действий (задержаний, оскорблений, угроз, избиений, изъятий религиозной литературы и т. п.) со стороны сотрудников правоохранительных органов, в частности в отношении Свидетелей Иеговы, в то время когда они на законных основаниях делились с другими людьми своими религиозными убеждениями. Неправомерные действия отмечались в Дубовке, Жирновске (Волгоградская область), Жуковском (Московской области), Казани, Кировской области, Мценске (Орловская область), Санкт-Петербурге, Уфе.

6 августа 2005 года свидетель Иеговы Н. Растатуев (1921 г. р.) ехал в троллейбусе из Иваново в Кохму и делился своими религиозными убеждениями с сидящим рядом пассажиром. Сзади сидели два милиционера. На остановке «Дом быта» в Кохме сначала один из милиционеров без слов нанес удар сзади по шее Растатуева, затем предложил ему пройти в милицию. Растатуев отказался. Тогда ему вывернули руку и ударили по лицу, отняли портфель. Отпустили Растатуева лишь после того, как за него заступилась пассажирка троллейбуса[37].

12 апреля 2006 года сотрудники милиции пресекли в Юго-Восточном административном округе Москвы собрание членов общины «Свидетели Иеговы».

Около 20.30 в милицию поступил сигнал о том, что в доме 19 по улице Совхозная идет собрание «секты», в котором принимают участие около 200 человек. По названному адресу было выслано свыше десяти нарядов милиции. Милиционеры предложили собравшимся разойтись, а 20 человек — организаторов собрания — были доставлены в ОВД «Люблино». В отделении милиции они были допрошены о целях собрания и через два часа после дачи объяснений были отпущены без предъявления объяснений и извинений[38].

Отдельного рассмотрения заслуживают массовые неправомерные действия силовых структур в отношении мусульман. Заявления чиновников позволяют лишний раз усомниться в их случайном характере. Помощник полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе В. Татарчук на пресс-конференции по итогам работы коллегии по безопасности при полномочном представителе Президента в ПФО заявил, что «в настоящее время на территории ПФО отдельные исламские экстремистские организации пытаются создать подконтрольные религиозно-политические структуры, проводить миссионерскую деятельность по пропаганде ортодоксальных религиозных течений, в т. ч. ваххабизма». В частности, к экстремистам Татарчук отнес организацию «Таблиг»[39].

[36] Экстренное заявление Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников) о нападении отряда ОМОН на верующих в Ижевске // Портал-Кредо.Ру. 15 апреля 2005.

[37] Информация получена от Управленческого центра Свидетелей Иеговы.

[38] Московская милиция разогнала собрание «Свидетелей Иеговы» // Портал-Кредо.Ру. 13 апреля 2006.

[39] Заявление пресс-службы ДУМ Поволжья по поводу выступления на пресс-конференции по итогам работы коллегии по безопасности помощника С. Кириенко В. Татарчука // Портал-Кредо.Ру. 17 мая 2005.

19 октября 2005 года в Ульяновске милиционеры избили шестерых активистов мусульманской организации «Таблиг», прибывших из Москвы с целью просвещения местных мусульман. Их задержали прямо в городской мечети и доставили в Управление по борьбе с организованной преступностью Ульяновской области. В течение нескольких часов с ними проводили «разъяснительную работу», подвергнув избиениям и пыткам. «В УБОПе, угрожая расправой, нам порекомендовали в течение 24 часов покинуть город», — сказал один из пострадавших по фамилии Попов[40].

Об росте числа сфабрикованных дел по обвинению мусульман в экстремизме говорили российские правозащитники на пресс-конференции «Россия: фабрикация уголовных дел по исламскому экстремизму», которая состоялась в конце лета в Независимом пресс-центре. В частности, С. А. Ганнушкина заметила, что подобные дела фабрикуются не только по прямому указанию и наводке высоких «правоохранительных» чиновников, но часто потому, что чиновники просто чувствуют конъюнктуру и пытаются со всей ретивостью в нее «встроиться». А конъюнктура момента заключается в том, что в официальных кругах, в т. ч. и на самом верху, говорят об исламской угрозе, опасности для России создания «всемирного халифата».

В. Пономарев отметил, что поставленная тема имеет два аспекта. Первый — собственно фабрикация подобных дел на внутрироссийском материале, и второй — деятельность в России узбекских спецслужб по задержанию людей, обвиняемых в причастности к «Хизб-ут-Тахрир». Сейчас, по словам Пономарева, правозащитники отслеживают 23 уголовных дела, по которым привлечено 80 человек в 20 субъектах РФ, однако этот список далеко не исчерпывающий. Существует угроза того, что волна фабрикаций распространится на значительно большее число регионов. В этой связи симптоматично недавнее заявление руководителя Управления ФСБ по борьбе с терроризмом, который заявил, что религиозно-экстремистская деятельность выявлена на территории 50 субъектов Российской Федерации[41].

Особенностями сбора доказательной базы по делу «Хизб-ут-Тахрир» является применение морального и физического давления. В Уфе арестованных мусульман пытали и насиловали. Гражданину Узбекистана Юсупу Касымахунову угрожали экстрадицией в Узбекистан вместе с женой и двухмесячной дочкой (гражданами РФ). Для убедительности в СИЗО к нему привезли двух сотрудников узбекских спецслужб, которые подтвердили желание «пообщаться» с этой интернациональной семьей в Ташкенте.

География репрессий обширна: Астрахань, Бугульма, Казань, Набережные Челны, Нижний Новгород, Оренбург, Самара, Удмуртия, Челябинск[42].

В конце октября 2005 года в прокуратуру г. Москвы был вызван глава Духовного управления мусульман Азиатской части России Нафигулла Аширов, где с него были взяты письменные объяснения в связи с экспертным заключением ДУМ по поводу содержания литературы, распространяемой «Хизб-ут-Тахрир».

Вот как прокомментировал этот факт Н. Аширов: «Я просто тупо взял эти книги, проштудировал их для того, чтобы конкретно ответить на конкретно поставленные вопросы — имеются ли в данной литературе призывы к насильственному свержению

[40] В Ульяновске милиционеры избили членов мусульманской организации «Таблиг» // ИсламИнфо. 22 октября 2005.

[41] *Емельянов В.* В России фабрикуются дела по обвинению мусульман в экстремизме Для спецслужб Советский Союз не разваливался // Портал-Кредо.Ру. 1 августа 2005.

[42] *Джемаль О.* Российский Андижан: МВД и ФСБ пытаются не допустить «бархатной» революции в России. Вместо «бархата» они готовят «узбекский вариант» // Версия. 6 июня 2005.

государственного строя (этот вопрос ставили, кстати, крупные международные правозащитные организации), имеются ли в них положения, унижающие человеческое достоинство, призывы к национальной и религиозной нетерпимости. Я таковых не обнаружил. Я прочитал, посмотрел, проанализировал эту литературу, сопоставил ее с теми знаниями, которые у меня имеются и сделал свое заключение. Я от него не отказываюсь. А то, что кто-то распространял копии этого заключения в мечетях в комплекте с литературой хезбистов, так в наше время его можно использовать по любому назначению (а именно этот факт и послужил причиной моего вызова в прокуратуру). Я полагаю, что дал в прокуратуре исчерпывающий ответ, и если они еще раз меня вызовут, буду расценивать это как оказание на меня давления с целью отказаться от оценок, данных материалам «Хизб-ут-Тахрир»[43].

26 февраля 2006 года прокуратура г. Москвы направила предостережение исполнительному директору международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» Е. Б. Жемковой[44]. В предостережении заместитель прокурора города С. Ю. Лапин просит в течение трех дней с момента получения предостережения исключить из состава информационного материала сайта http://www.memo.ru «Заключение Духовного управления мусульман азиатской части России брошюрам движения «Хизб-ут-Тахрир».

События октября 2005 года в Нальчике послужили катализатором борьбы с так называемым исламским терроризмом. Руководство Кабардино-Балкарии вновь заговорило о необходимости мер, предусматривающих ответственность за распространение идей ваххабизма и других радикальных течений. «Мы хотим инициировать рассмотрение Госдумой РФ закона о радикализации ислама в виде ваххабизма и других радикальных течений, чтобы за распространение таких идей люди несли ответственность», — сказал президент Кабардино-Балкарии А. Каноков[45].

Случившееся накануне трагических событий в Нальчике обращение 400 мусульман Кабардино-Балкарии к Путину с просьбой о содействии в выезде за пределы России «в связи с массовыми нарушениями в КБР конституциональных, гражданских и религиозных прав», является беспрецедентным.

В обращении говорится о закрытых мечетях, что лишает верующих права на коллективную молитву, дается жесткая оценка силовым структурам. Одной из причин происходящего называется оппозиционность части верующих Духовному управлению мусульман КБР: «Оппозиция образовалась из-за справедливой критики методов ДУМ, бездействия в строительстве мечети, в работе с верующими и некоторых расхождений, связанных с религиозными положениями и обрядами. А ведь ДУМ для мусульман, а не для правительства, если на самом деле религия отделена от государства. Из нас сделали врагов. Мы все здесь неугодны и неудобны. В начале зарождения исламской религии, пророк Мухаммад и его сподвижники ради спасения своей жизни и религии совершили хиджру (переселение). Мы согласны на хиджру в любую

[43] Глава ДУМ Азиатской части России Нафигулла Аширов: «Если меня еще раз вызовут в прокуратуру, буду считать это попыткой оказания на меня давления с целью отказаться от экспертной оценки литературы «Хизб-ут-Тахрир» // http://www.portal-credo.ru/site/?act=authority&id=397.

[44] Предостережение прокуратуры г. Москвы исполнительному директору организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» Жемковой Е. Б. о недопустимости нарушения закона // Портал-Кредо.Ру. 1 марта 2006.

[45] В школах Кабардино-Балкарии будут преподавать основы ислама и христианства, чтобы уберечь молодежь от влияния ваххабизма // Портал-Кредо.Ру. 20 октября 2005.

мусульманскую страну. Мы готовы на переезд в любое европейское государство, где соблюдаются элементарные права человека»[46].

Власть не ответила на обращение и не сделала адекватных выводов из событий в Нальчике. Сотрудники правоохранительных органов Кабардино-Балкарии составляют новые списки «ваххабитов». Для этого они посещают учебные заведения и записывают всех учащихся, которые совершают намаз. Таким образом, например, попал в список студент Кабардино-Балкарского торгово-технологического лицея, который совершал намаз в учебной аудитории во время перемены. В Зольском районе сотрудники милиции навещают жен погибших боевиков и берут с них расписки в том, что они не собираются становиться шахидками.

По указанию прокурора Кабардино-Балкарии комбинат ритуальных услуг Нальчика до окончания следствия прекратил выдачу родственникам погибших справок по форме № 33 (на получение погребального пособия). Справки успели получить только на 33 погибших человек. До окончания следствия отказано также в назначении социального пособия детям погибших[47].

В обращении 59 мусульман от 1 марта 2006 года в адрес международных правозащитных организаций содержится просьба об оказании помощи международным судом по правам человека в связи с массовыми нарушениям прав верующих мусульман в КБР. В обращении говорится: «Все наши заявления и жалобы перенаправлены в ГУ Генпрокуратуры РФ в ЮФО и прокуратуру КБР, откуда пришли ответы: «доводы о незаконности действий правоохранительных органов в отношении лиц, исповедующих ислам в КБР, неоднократно проверялись прокуратурой КБР. Вам направлялись обоснованные письменные ответы». В этих заявлениях и жалобах мы рассказали о массовых нарушениях прав верующих мусульман, пытках, убийствах, незаконных задержаниях, которые имели место как до событий 13 октября, так и после и требовали привлечь виновных должностных лиц к уголовной ответственности». Кроме того, мусульмане заявляют, что «выступление 13 октября является вооруженным восстанием исключительно против силовых структур КБР, а не терроризмом против мирного населения», и просят правозащитников помочь в коллективном выезде из России: «Многие из нас уже не могут и боятся здесь жить. Никакой защиты, никаких гражданских прав. Наши дети не имеют возможности работать, учиться».

Далее в обращении перечисляются нарушения, имевшие место в г. Нальчике накануне и после событий 13 октября 2005 года:

«1. Сотрудники милиции в масках и с автоматами выгоняли мусульман из мечетей во время молитвы, доставляли в отделы, где избивали ни за что, просто так.

Так, 14.09.03 г. избивали мусульман, вытащив их из мечети в р-не «Александровка» и мечети по ул. Советской, развезли их — всего более 70 человек — в 3-й ОВД и УБОП. Поставили лицом к стене и били сутки по всем частям тела, обрезали им бороды, а утром арестовали на десять суток, многих заочно без доставления в суд. В 3-й ОВД приехал лично министр В. Д. Шогенов и наслаждался, наблюдая это зрелище. Он и сам стал избивать и говорил: «Не прекращайте, бейте постоянно». Побои были таковы, что следы оставались и через десять суток. Многие из них освидетельствовались,

[46] Мусульмане Кабардино-Балкарии обратилась к Владимиру Путину с просьбой о содействии в выезде за пределы России // Портал-Кредо.Ру. 26 октября 2005.

[47] Правоохранительные органы Кабардино-Балкарии составляют списки «ваххабитов» // Портал-Кредо.Ру (со ссылкой на «Кавказский узел»). 23 февраля 2006.

и более 70 человек группами написали жалобы прокурору КБР, который как всегда никаких мер не принял.

2. Сотрудники милиции выгнали из мечети по ул. Северной в г. Нальчике 15 молящихся людей, прервав их молитву, и избили их.

3. В сентябре 2003 г. в г. Баксане из мечети вытащили 15 человек. Начальник милиции демонстративно наливал им водку со словами: «Кто выпьет — того отпустим!» За отказ от спиртного, их согнали во двор райотдела, избивали ногами и резиновыми дубинками, обрезали им бороды, на затылке выстригали кресты. Многие получили тяжелые увечья.

4. В августе 2004 г. в г. Нальчике одновременно закрыты пять мечетей. Когда мусульмане совершали обязательные коллективные молитвы на земле возле опечатанных мечетей, их разгоняли. Если же они для этого собирались в доме кого- либо из них, то в этом доме начинались обыски.

5. В мае 2005 г. к мечети близ КБГУ, расположенной в частном домовладении по ул. Кирова, где в основном молились студенты, во время обязательной пятничной молитвы подогнали три автобуса и, прервав молитву, всех людей (150 чел.) и хозяйку домовладения доставили во 2-ой ОВД. Там их обыскали, допрашивали, как и давно ли молятся, сняли отпечатки пальцев, а у хозяйки отобрали документы на мечеть и до сих пор не возвращают.

6. 27.09.2004 г. в светлое время суток на одной из центральных улиц рядом с прокуратурой КБР сотрудниками в масках был похищен и в УБОПе МВД избит до полусмерти житель пос. Хасанья Цакоев Расул, которого со множественными следами пыток выбросили на окраине поселка 29.09.04 г., он успел рассказать родным о том, где и как его пытали, а 04.10.04 г. — скончался в больнице. Судебно-медицинская экспертиза (СМЭ) и посмертный эпикриз гласят: массивная тупая травма с размозжением мышц туловища и конечностей, осложненная миоглабулинемической острой почечной, дыхательной недостаточностью, энцефалопатией, ушиб сердца, легких, печени, почек, кишечника, переломы ребер, обширные кровоподтеки и т. п. Характер и количество телесных повреждений свидетельствуют о применении к потерпевшему пыток. Виновные до настоящего времени не привлечены к уголовной ответственности. Напротив, участников митинга, который провели сразу после его смерти, его родственники и другие мусульмане, стали преследовать еще активнее.

7. Свидетелем по делу Цакоева в его пользу проходил глава администрации местного самоуправления пос. Хасанья Зокаев Артур, который во время следствия убит неизвестными у ворот собственного дома. Виновные до настоящего времени не установлены.

8. В январе 2005 г. в ходе задержания гр-на Атаева, воевавшего в Чечне, разбомбили жилой дом, уничтожив семь человек, вина которых не доказана, в том числе четырех женщин и грудного ребенка. Разве были виноваты 8-месячная дочь Атаева и его жена, и разве они в ответе за него? В чем была виновата 19-летняя беременная Олеся Трунова? Они хотели выйти и махали простынями, а железная дверь была заварена. По какому праву министр Шогенов отдает приказ уничтожить людей без суда и следствия?

9. В апреле 2005 г. восемь студенток КБГУ, которые после занятий в пустующей аудитории учились читать Коран, были доставлены на «черном воронке» во 2-й ОВД г. Нальчика, где их обыскали; отобрали объяснения, при этом не церемонились в вы-

ражениях. Когда одна из девушек спросила: «Что мы незаконного совершили?» — невоспитанный сотрудник милиции, привыкший орать и материться на преступников ответил ей: «Заткни рот!» — и т.д. Молодых девушек доставили в милицию без родителей и адвокатов и не отпускали до 21 часа, унижали морально, заставили снять платки, поднимать юбки.

10. 20.07.2005 г. 19-летняя мусульманка, носящая хиджаб, Гасиева Елена в 9-м часу утра вышла из дома на ул. Северной, где она проживает, и пошла в магазин, расположенный на этой же улице. По дороге ее остановил мужчина в гражданской одежде, как выяснилось, работник милиции, и потребовал паспорт. Она сказала, что вышла в магазин, а паспорт находится дома, и что может вернуться домой и показать его. На это работник милиции ответил нецензурной бранью и насильно усадив ее в машину, отвез в здание 1-го ОВД г. Нальчика (хотя ул. Северная не обслуживается 1-м ОВД). Завел ее в кабинет на втором этаже, через некоторое время вернулся с какими-то бумагами, которые потребовал подписать. На ее отказ нанес ей два удара по спине в область почек. Она сказала: «Что ты делаешь? Я беременна». Тогда он ударил ее в живот. Она заявила, что напишет на него жалобу, на что он ответил, что в этом случае она не дождется рождения ребенка, а также не увидит своих близких. В этот же день согласно карте вызова скорой помощи Гасиева доставлена в ГКБ с диагнозом: угроза выкидыша. До настоящего времени виновный не наказан.

11. После событий 13 октября 2005 г. «чистилище» прошли почти все мусульмане республики, в том числе и муж Гасиевой. Многим вызывали скорую помощь, некоторых выносили на руках, многие погибли, родители опознали своих сыновей. Псанукова З. И. из пос. Залукокоаже забрали вечером 13 октября, а Дзагалова Б. Б. из г. Терека — через день. Обоих убили в УБОПе, а родителям Псанукова заявили, что сын выбросился из окна. В ответе ГУ по ЮФО сказано, что он выбросился вниз головой с балкона УБОП, и оснований для возбуждения уголовного дела не имеется. Мы в это не верим, но если даже допустить, то каков должен быть характер пыток, чтобы выброситься с балкона. Есть множество подобных случаев.

12. Нам запрещают проводить митинги и пикетирования с использованием плакатов. Мы заранее, как того требует закон, подали уведомление, которое было официально под роспись принято в администрации г. Нальчика. 30 декабря 2005 г. к месту пикетирования возле Соборной мечети прибыли сотрудники МВД, начальник 2-го ОВД г. Нальчика, вызвал четыре военные машины «Урал» с вооруженными бойцами ОМОНа и СОБРа, два уазика, автобус. Милиционеры с автоматами, направленными против нас, мирных пикетчиков, матерей и вдов погибших, с детьми, окружили нас. Плакаты порвали, затоптали ногами. Нашего адвоката Дорогову потащили к автобусу, мы стали препятствовать, нас и наших детей толкали. У оператора РТР, зафиксировавшего действия милиции, отобрали кассету, у корреспондента Информационного агентства «Regnum» отобрали удостоверение, ее также пытались затащить в автобус. На нашу жалобу прокуратура опять защитила милицию и посчитала нас же виновными в мелком хулиганстве, ссылаясь на то, что надписи на плакатах «Шогенов — убийца!», «Кяров — гестапо!» носили оскорбительный характер»[48].

После трагических событий в Нальчике мусульмане подвергались преследованиям даже в пенитенциарной системе России. 16 октября 2005 года в колонии строгого

[48] Заявление родственников жителей Нальчика, арестованных по обвинению в «ваххабизме» // Портал-Кредо.Ру. 9 марта 2006.

режима, расположенной в поселке Каменка, начались избиения заключенных мусульман. Родителям некоторых пострадавших сообщили, что «на такие действия «дало добро» руководство республики в связи с нападением боевиков на Нальчик»[49].

22 октября 2005 года правоохранительные структуры Республики Адыгеи (РА), в частности подразделение «по борьбе с религиозным экстремизмом» РУБОП МВД РА, под предлогом выявления «ваххабитского подполья» сразу же после ночного намаза задержала группу молодых верующих — прихожан соборной мечети г. Майкопа — шесть человек. В числе задержанных оказались сотрудники официального ДУМ РА и Краснодарского края: имам мечети Р. Хакиров, его заместитель А. Богус, член сборной РА по самбо М. Ристов. Захваченных по сути в заложники мусульман доставили в РУБОП, где в течение ночи подвергали пыткам с целью добиться признания в причастности к ваххабизму. Главное обвинение заключалось в том, что они соблюдают исламские нормы гигиены и носят бороды. Поиздевавшись над людьми, милиционеры оформили на всех заложников протоколы административного задержания в связи с тем, что с их стороны якобы были проявлены хулиганские действия[50].

Обыски на предмет наличия исламской литературы носят массовый характер, причем мусульмане должны сами доказывать, что обнаруженная литература не является ваххабитской[51].

Правозащитный центр «Мемориал» и комитет «Гражданское содействие» получили информацию о нескольких новых случаях задержания в России этнических узбеков, разыскиваемых правоохранительными органами Узбекистана по политическим и религиозным мотивам.

27 февраля 2006 года в г. Бузулуке Оренбургской области в ходе совместной операции ФСБ и РУБОП были задержаны трое выходцев из Узбекистана: Икромиддин Маматкобулович Юсупов, 1978 г. р., уроженец Сурхандарьинской области, гражданин Узбекистана; Бахтиер Норкулович Саломов, 1978 г. р., уроженец Сурхандарьинской области, гражданин России; Мухтар Абдусаттарович Боймирзаев, 1975 г. р., уроженец Норинского района Наманганской области, гражданин Узбекистана.

28 февраля и 1 марта более десяти этнических узбеков, проживавших в Бузулуке, были задержаны на срок от 10 до 16 часов. В допросах некоторых их них участвовали двое сотрудников узбекских спецслужб. По словам одного из местных милиционеров, «узбеки приехали к нам за четыре дня до операции, а потом уехали в Самару».

2 февраля в Грязинском районе Липецкой области сотрудниками УБОП был задержан гражданин Узбекистана Рустам Тулаганович Муминов, 1965 г. р., уроженец г. Жаркургона Сурхандарьинской области, временно зарегистрирован в селе Девица Усманского района Липецкой области, объявленный в розыск в Узбекистане за распространение материалов и участие в деятельности организации «Хизб-ут-Тахрир». 4 февраля Грязинский городской суд санкционировал его арест.

О задержании Муминова, работавшего поваром в кафе, сообщили российские информационные агентства и региональные СМИ, а 21 марта этому событию был посвящен специальный репортаж на телеканале НТВ. При этом некоторые публикации содержали дезинформацию, переданную журналистам сотрудниками спецслужб.

---

[49] Правозащитники сообщают об издевательствах над мусульманами в Кабардино-Балкарской колонии // IslamNews.Ru. 17 октября 2005 г. (со ссылкой на «Кавказский узел»).

[50] Власти Адыгеи провоцируют у себя гражданское противостояние // ИсламИнфо. 24 октября 2005.

[51] Информация от Информационного центра ДУМ Азиатской части России.

2 марта в г. Звенигороде Одинцовского района Московской области был задержан гражданин Узбекистана Абдукарим Абдунабиевич Мирзаев, 1964 г. р., уроженец Чинозского района Ташкентской области, объявленный в Узбекистане в розыск.

По данным ПЦ «Мемориал», Мирзаев был задержан в Ташкенте в июле 1999 года после того, как при досмотре его машины были обнаружены издания «Хизб-ут-Тахрир». В конце 1999 года он был приговорен к шести годам лишения свободы. Освобожден в соответствии с указом об амнистии от 22 августа 2001 года. В 2003 году эмигрировал в Россию, где проживал по фальшивому киргизскому паспорту на имя Саидумара Бурхоновича Саидалимова, 1962 г. р.

Мирзаев возглавлял лепешечный цех на местном рынке. Его знакомые заявляют, что он был задержан в результате провокации, организованной с участием сотрудников УБОП Московской области после конфликта, возникшего на коммерческой основе. Арестованному предъявлено обвинение по ст. 228-1 УК РФ (сбыт наркотиков) по факту якобы имевшей место продажи 2,5 г наркотического вещества.

Узбекские спецслужбы действуют в России практически открыто. Помимо официальной выдачи по запросам об экстрадиции практикуются скрытая экстрадиция (под видом депортации) и даже похищения. Жалобы на незаконные действия такого рода остаются без ответа[52].

Кроме роста насильственных акций со стороны силовиков, имеются основания констатировать рост насилия на почве нетерпимости и ксенофобии. О том, что Россия больна ксенофобией 27 октября 2005 года говорили представители Московского бюро по правам человека (МБПЧ), Института свободы совести (ИСС), фонда «Холокост» в информационном центре Совета Европы, где состоялась встреча с делегацией Комиссии по противодействию расизму и ксенофобии (ECRI) Совета Европы.

По мнению ИСС, рост нетерпимости и ксенофобии в обществе, в значительной мере стимулируется государственной религиозной политикой вообще, и ее информационным блоком, в частности.

О том, что в российском обществе заметен рост ксенофобии, сказал 16 июня 2006 года докладчик ООН по вопросам расизма и расовой дискриминации Дуду Дьен. Как передает «ЛИГАБизнесИнформ», со ссылкой на «Deutsche Welle», об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что люди, проповедующие расизм, переходят к политическим действиям. Также возросло число актов насилия, совершенных на почве национальной неприязни. По словам докладчика ООН, российская власть считает основной причиной такого положения вещей экономические и социальные проблемы, которые испытывают граждане[53].

В большинстве регионов России постоянно совершаются нападения, избиения людей, а также погромы, поджоги и другие акты вандализма в отношении культовых сооружений и домов верующих различных конфессий.

15 февраля 2005 года в здание Центра русской духовности (ЦРД) ворвались пять человек, прокричав: «Всем оставаться на местах», начали громить помещение, разбили статую Божией Матери, сорвали со стен кресты и иконы, скинули с полок книги духовного содержания, рвали и топтали их. Перед тем как ворваться в помещение, на фасаде здания черной краской написали: «Осторожно, секта!» и «Убирайтесь вон!»

---

[52] «Охота» на узбекских исламистов в России: Оренбург, Липецк, Подмосковье // Рассылка РОО «Центр общественной информации» со ссылкой на ПЦ «Мемориал».

[53] По оценкам ООН, в России заметно растет ксенофобия // Портал-Кредо.Ру. 21 июня 2006 г.

Погромщики заявили, что представляют Союз православного братства и действуют по благословению, потребовав прекратить всякую деятельность ЦРД. В ответ на просьбу представиться, один из них нанес удар в лицо находящемуся в офисе по служебным делам профессору МГУ И. Я. Кантерову, а затем ударил его в правое предплечье деревянным предметом.

В обращении к Уполномоченному по правам человека в РФ также приводятся факты противоправных деяний, направленных против Православной церкви Божией Матери Державной (ПЦБМД) в Москве и Санкт-Петербурге, некоторые из которых были совершены при участии священнослужителей РПЦ[54].

В ночь на 5 февраля 2006 года было совершено новое нападение на ЦРД ПЦБМД. Были разбиты светильники, стенды, рассказывающие о жизни общины и об отцах церкви, а на фасаде здания ЦРД и ближайшего жилого дома сделаны оскорбительные надписи «Секта жидов» и «Осторожно, секта!»[55].

В 2005 году продолжались поджоги молитвенных домов христиан веры евангельской (пятидесятников) в п. Пельгорское Ленинградской области, п. Хилок Читинской области, а также в г. Улан-Уде[56].

В ночь на 1 мая 2005 года (в пасхальную ночь) неизвестные бросили бутылку с зажигательной смесью в дверь челябинской церкви ЕХБ «Благовестие». Показательно, что 28 апреля по местному телеканалу «Восточный экспресс» в программе новостей был показан репортаж о пресс-конференции, посвященной деятельности «тоталитарных сект». «Антисектантское» мероприятие было организовано председателем комиссии по правам человека Е. Гориной. В репортаже говорилось о поджогах и самоубийствах, виновниками которых якобы являются «сектанты», и все это на фоне видеоряда богослужения церкви «Благовестие»[57].

12 июня 2005 года в Саратове произошло нападение на Дом собраний мормонов. Ночью неизвестные выбили стекла в окнах и входную дверь, а также повредили штукатурку на стенах[58].

В ночь на 21 августа 2005 года неизвестные совершили акт вандализма на территории соборной мечети в Пензе. Были разбиты стекла, повреждена часть убранства мечети, на стене сделана надпись антиисламского содержания и нарисована фашистская свастика (Пензенская губернская биржевая газета, 2005, 24 авг.; Пензенская правда, 2005, 23 авг.).

Ночью 9 июля 2005 года в окно клубного помещения пензенского центра еврейской культуры «Атиква» была брошена бутылка с зажигательной смесью, возник пожар. Пожар был потушен, люди не пострадали[59].

13 октября 2005 года в Суздале был избит первоиерарх РПАЦ митрополит Суздальский и Владимирский Валентин (Русанцов). Согласно официальной версии следствия злоумышленники пробрались в здание с целью ограбления, они вынесли из домового

---

[54] Обращение Духовного управления Православной церкви Божией Матери Державной к Уполномоченному по правам человека в РФ // Портал-Кредо.Ру. 17 февраля 2005.

[55] На культовое здание «богородичников» вновь совершено нападение // Портал-Кредо.Ру. 6 февраля 2006.

[56] Информация получена от Евразийского отделения Международной ассоциации религиозной свободы (ЕО МАРС).

[57] Рассылка Христианской прессы России. май 2005.

[58] По информации МБПЧ.

[59] Доклад о положении с правами человека в Пензенской области в 2005 году.

храма панагии и священные сосуды, пытались вскрыть сейф. Они зверски избили первоиерарха РПАЦ, повредив ему челюсть и ноги, с которых сорвали медицинские повязки. Митрополит Валентин потерял сознание. Накануне инцидента жители Суздаля обратили внимание на то, что в городе возобновила свою деятельность организация «Наше дело», боевики которой избивали клириков и мирян РПАЦ и оказывали давление на участников судебного процесса по делу Митрополита Валентина в 2002 году[60].

16 октября 2005 года совершено нападение на молельный дом мусульман в Сергиевом Посаде, избит председатель местной исламской общины Арсан Садриев. В сообщении пресс-службы Совета муфтиев, говорится, что, «посягая на безопасность верующих мусульман, в молельный дом ворвалась группа скинхедов, вооруженных арматурой, лопатами и с криками «Россия для русских!» и «В России нет места мусульманам!» набросилась на прихожан молельного дома». Уголовное дело было возбуждено, однако задержанные через некоторое время были отпущены[61]. Ранее в адрес Сергиево-Посадской мечети и верующих поступали многочисленные угрозы. Представители криминальных структур, называвшие себя «православными», грозили и поджогами мечети, и расправой с мусульманами-предпринимателями, помогавшими строить мечеть[62].

11 января 2006 года в Москве во время вечерней молитвы на прихожан хасидской синагоги на Большой Бронной напал гр-н А. Копцев. Семеро пострадавших с ножевыми ранениями госпитализированы, четверо из них — с тяжелыми.

Это нападение спровоцировало еще одно антисемитское нападение на синагогу 13 января в Ростове-на-Дону[63].

Рано утром 21 июня неизвестный мужчина перелез через забор екатеринбургской синагоги и, выкрикивая антисемитские лозунги, около десяти раз ударил ножом по входной двери. По данным Федерации еврейских общин России (ФЕОР), нападавший был задержан. В ходе происшествия никто не пострадал. По мнению представителей ФЕОР, «данный акт антисемитизма связан с разбирательством по делу Александра Копцева, напавшего в январе этого года на прихожан московской синагоги»[64].

7 апреля 2006 года совершено нападение на соборную мечеть г. Дзержинска[65]. Неизвестные закидали камнями здание мечети. На следующий день, в канун мусульманского праздника Мавлид-ан-Набий (Рождество пророка Мухаммада), неизвестные бросили в мечеть бутылку с зажигательной смесью. Бутылка не долетела до окна и разбилась, в результате закоптилась стена мечети. Никто не пострадал.

Постоянно подвергаются оскорблениям, угрозам, нападениям, избиениям за свои религиозные убеждения Свидетели Иеговы, а их помещения в Нальчике и Саяногорске были подожжены.

---

[60] В Суздале избит Митрополит Валентин и ограблен Синодальный дом РПАЦ // Портал-Кредо.Ру. 13 октября 2005.

[61] В Сергиевом Посаде избит глава местной мусульманской общины // Портал-Кредо.Ру. 17 октября 2005.

[62] *Остапенко Т.* Нападение бандформирования на легальную мечеть в «православной Мекке» // Портал-Кредо.Ру. 17 октября 2005.

[63] *Солдатов А.* Можно ошпариться: О некоторых странностях, которые наводят на след преступлений в российских синагогах // Портал-Кредо.Ру. 16 января 2006.

[64] В Екатеринбурге вооруженный ножом мужчина напал на синагогу // Портал-кредо.ру. 21 июня 2006

[65] По факту осквернения нижегородской мечети возбуждено дело по статье «Хулиганство» // Портал-Кредо.ру. 10 апреля 2006.

В 2005 году антисемитские надписи, лозунги и свастика появлялись на стенах синагог в Москве, Владимире, Петрозаводске, Сыктывкаре, Самаре.

В ночь на 1 января 2005 года неизвестные подожгли синагогу в Салтыковке (Московская область), только чудом удалось избежать человеческих жертв.

Вечером 30 июня 2005 года двое молодых людей в противогазах ворвались в единственный в Москве магазин, торгующий кошерными продуктами, расположенный недалеко от еврейского общинного центра в Марьиной роще, распылили там неизвестный газ и устроили дебош. Нападавшие выкрикивали «Бей жидов, спасай Россию!» и прославляли Гитлера.

Осквернению подверглись еврейские могилы в Москве (Востряковское кладбище, 14 мая), в Казани (Арское кладбище, 25 мая)[66].

В ночь на 2 августа 2005 года в г. Сыктывкаре на Кочпанском кладбище неизвестные разрушили свыше семидесяти надгробных памятников. Разрушению подверглись лишь христианские кресты и могилы, где указывались немецкие фамилии похороненных[67].

В ноябре 2005 года в г. Кингисеппе Ленинградской области осквернено православное кладбище. Злоумышленники повредили 70 могил[68].

14 ноября в Смоленской области неизвестные нанесли серьезные повреждения православной часовне, возведенной у мемориала павшим воинам в районе деревни Красный Холм Вяземского района. В результате взрыва разрушены стены часовни, ее кровля и пол. Также повреждены близстоящие сооружения[69].

Осенью 2005 года В Санкт-Петербурге были осквернены 50 надгробных памятников на еврейском кладбище[70].

Осквернению и разорению подвергаются священные для язычников места и изображения. Было изуродовано, порублено, сожжено четыре чура в Царицыно. Осквернялись такие же изображения в Битцевском лесопарке и Измайлово. Разорялись капища, устроенные язычниками, входящими в Круг языческой традиции и Союз славянских общин, в Калуге и Калининграде[71].

В мае 2006 года на кладбище «Марчеканское» в Магадане вандалы сломали пять надгробий. Личности преступников сотрудники правоохранительных органов не установили. Об этом 30 мая сообщила смотритель кладбища Галина Лескова[72].

В поселке Спасск Таштагольского района Кемеровской области на Пасху 23 апреля 2006 года произошло избиение членов христианской церкви «Примирение» при полном равнодушии со стороны сотрудников милиции, сообщает пресс-служба СПЦ. Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) (ХВЕ) «Примирение» входит в Кемеровское объединение Российской церкви ХВЕ. На пасхальное торжество 23 апре-

[66] *Чарный С.* Расизм, ксенофобия, этническая дискриминация, антисемитизм в России (январь-июнь 2005 г.) Аналитический доклад Московского бюро по правам человека // www.antirasizm.ru.

[67] Ночной погром на Кочпанском кладбище // Трибуна. 2005. № 32; *Лихачева Н.* Пострадали кресты и памятники // Республика. 2005. № 144; Доклад о положении с правами человека в Республике Коми в 2005 году.

[68] В Ленинградской области осквернено православное кладбище // Портал-Кредо.Ру. 15 ноября 2005.

[69] В Смоленской области взорвана православная часовня // Портал-Кредо.Ру. 16 ноября 2005.

[70] В Конгрессе еврейских религиозных организаций озабочены последними антисемитскими инцидентами в Петербурге // Интерфакс.19 октября 2005.

[71] Информация получена от центра общественных связей Содружества природной веры «Славия».

[72] Магадан: Вандалы осквернили могилы на кладбище «Марческанское» // Портал-Кредо.ру. 30 мая 2006.

ля собралось около 300 верующих из пятидесятнических общин, которые располагаются не только в Спасске, но и в Таштаголе, Шерегеше, Ключевом, Кондоме и Шалыме. Центральную общину в Таштаголе возглавляет пастор Андрей Кайдалов, который и проводил богослужение на Пасху. После нападения толпы хулиганов, кричавших верующим, что они «сектанты», пострадавшими, как морально, так и физически, оказались практически все члены церкви.

По словам А. Кайдалова, около шести часов вечера группа молодежи от 18 до 25 лет заинтересовалась тем, что происходит в Доме культуры (несколько служб церковь провела с 11 часов утра до пяти часов вечера и готовилась к детскому пасхальному концерту). Все молодые люди находились в нетрезвом состоянии. Они вошли в помещение и стали приставать к девушкам. Часть членов церкви вывела нетрезвых подростков на улицу, после чего и завязалась драка. Попытки пастора успокоить подростков, которые, как оказалось, праздновали чей-то день рождения, успехом не увенчалась. Один из молодых людей привел группу из десяти человек для того, чтобы «разобраться с сектантами». Кроме того, на машине приехали еще около шести человек. Всего нападавших, по свидетельству верующих, было 20—25 человек. Осознав грозящую им опасность, члены христианской церкви попытались закрыться в Доме культуры, однако сделать это им не удалось. Толпа пьяных молодых людей выломала дверь и ворвалась в здание. Мужчины прикрыли собою женщин и детей. Погром сопровождался угрозами, оскорблениями. Заявив, что они сами устроят «сектантам» концерт, нападавшие стали объяснять, что «Пасха у нас бывает только православная», что верующие церкви «Примирение» — «сектанты» и «черти». После того как один из верующих отключил микрофон, молодчики стали крушить аппаратуру. В это время пастор А. Кайдалов побежал к участковому (в Спасске нет отделения милиции), но того дома не оказалось. Участкового все же удалось найти, и он вызывал наряд милиции из Таштагола. Когда милиционеры приехали, хулиганы уже выбегали из Дома культуры. Появились их родители и стали объяснять сотрудникам милиции, что их дети все делали правильно, так как это «сектанты, с которыми надо бороться». Как отметил Кайдалов, сотрудники милиции делали вид, что ловят зачинщиков. Задержано было всего несколько человек, из которых, по свидетельству членов церкви, некоторые были отпущены, когда милиция отъехала подальше от Дома культуры[73].

В обращении пасторов и прихожан Уральского объединения церквей Российской церкви ХВЕ к Президенту РФ, председателю Комитета по делам религии РФ, Уполномоченному по правам человека РФ, уполномоченному по правам человека Свердловской области говорится следующее:

«Уже не первый год в нашей стране через СМИ и другие каналы воздействия на общественное мнение реализуется кампания по формированию нетерпимости к людям, исповедующим религии, не внесенные политиками, чиновниками и церковными деятелями, играющие на струне патриотизма, в привилегированный список «традиционных религиозных организаций».

В ходе этой кампании всем объединениям верующих, не входящих в перечень «традиционных религий России» последовательно навешивается ярлык «сектанты». Смысл этого термина для широкой общественности сформирован совместными усилиями, православных «сектоведов» и националистически настроенных политиков

[73] В Кемеровской области на Пасху избили членов пятидесятнической церкви «Примирение» // Портал-Кредо.ру. 26 апреля 2006

и чиновников, а также малокомпетентных журналистов и означает сегодня в общественном мнении россиян мошеннические организации, манипулирующие сознанием людей и использующие религию в своих корыстных целях…»[74]

Институт свободы совести неоднократно делал заявления в связи с эскалацией насилия в России на почве религиозной и национальной нетерпимости. 12 февраля 2004 года было обнародовано заявление «В связи с эскалацией в России насилия на почве религиозной и национальной нетерпимости»:

«Проявления национализма, религиозной ксенофобии и нетерпимости превратились в обыденное явление в современной России. Погромы на рынках, поджоги домов и культовых зданий «не основных» религиозных организаций, избиения и убийства людей «не основной» национальности и религии. Жертвами становятся даже дети. Это результат проводимой в России «национальной» и «религиозной» политики, подменившей собою реализацию конституционных принципов в области свободы совести.

Вместо формирования системы правовых гарантий реализации свободы совести каждому, на государственном уровне вводятся неправовые термины, инициируются антиконституционные концепции и законопроекты, делящие людей на «традиционных» и «нетрадиционных».

Разработка антиконституционных концепций государственно-конфессиональных отношений и религиозной политики, законопроектов «О традиционных религиозных организациях», подготовка рабочей группой президиума Государственного совета РФ доклада «О совершенствовании деятельности государственных и общественных институтов по противодействию проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации», борьба государственных чиновников с «религиозным экстремизмом» за «духовную безопасность», введение Минобразования теологии и «Основ православной культуры» в государственной системе образования, антисектантская истерия в федеральных СМИ… способствуют нагнетанию и воспроизводству религиозной и национальной исключительности.

К сожалению, борьба за толерантность как на государственном уровне (в рамках соответствующей федеральной программы), так и правозащитного движения, не может принести адекватных результатов, так как сосредотачивают внимание на следствиях. Тогда как причиной отсутствия толерантности является разделение людей по мировоззренческим признакам и спекуляции политиков на этом разделении, т. е. нарушение принципов свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и граждан вне зависимости от отношения к религии.

Власти предержащие, похоже, забывают, что государство сильно единством в многообразии всех его народов и мировоззрений на основе принципов равноправия. Муссирование (в т. ч. в СМИ) конфессиональной исключительности одних и ограничения прав других, стремление переложить ответственность за плоды антиконституционной политики на религиозные меньшинства, исламские религиозные организации и кавказские этносы лежит в основе нетерпимости и фобий (исламофобии, кавказофобии) миролюбивого и доброжелательного российского народа.

Институт свободы совести считает, что руководители профильных министерств — по делам национальностей, образования и печати — не справляются с порученными им обществом и главой государства обязанностями. Напротив, их деятельность спо-

[74] Официальное обращение Уральского Объединения церквей РЦ ХВЕ по поводу событий в поселке Спасск, Таштагольского района, Кемеровской области // Портал-Кредо.ру. 28 апреля 2006.

собствует систематическим нарушениям прав человека в области свободы совести и принципов, составляющих основу конституционного строя. Поэтому министры Зорин, Филиппов, Лесин должны уйти в отставку»[75].

16 января 2006 года СМИ распространили заявление Института свободы совести «Рост насилия на почве нетерпимости — результат государственной религиозной политики»:

«Происшедшее 11 января 2006 года нападение на прихожан синагоги в центре Москвы продолжило ряд актов насилия на почве ксенофобии и нетерпимости, которые захлестнули Россию. По всей стране продолжаются погромы, поджоги домов и культовых зданий религиозных организаций, избиения и убийства людей иной расы, национальности и вероисповедания.

Основной причиной эскалации насилия является государственная религиозная политика, реализуемая посредством коррумпированных государственно-конфессиональных отношений. Эта политика направлена на узурпацию власти, в том числе путем разделения религиозных организаций на «традиционные» — «нетрадиционные».

Формирование системы государственных мировоззренческих предпочтений и неправомерных ограничений неизбежно приводит к разделению людей на «русских-православных» и «инородцев-иноверцев», росту ксенофобии и нетерпимости.

Нежелание власти привести государственную политику в соответствие с Конституцией РФ стимулирует рост национально-религиозной напряженности и углубление расслоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям, чреватые не только всплеском насилия, но и распадом многонациональной и поликонфессиональной Российской Федерации. Напротив, трагические события цинично используется для ограничения политической конкуренции, наступления на права и свободы человека и ужесточение законодательства.

Религиозные лидеры «основных» конфессий и правозащитники также несут моральную ответственность за происходящее. Первые любой ценой подыгрывают власти, а то и сами инициируют государственные зачистки мировоззренческого поля. Однако адаптивные способности руководства религиозных корпораций не могут защитить общины верующих от насилия и актов вандализма на почве роста ксенофобии и нетерпимости в обществе. Вторые проявляют бездействие в области свободы совести и занимаются имитацией борьбы за толерантность, с ксенофобией и нетерпимостью.

Никакие драконовские меры не принесут желаемых результатов без воздействия на основную причину. Необходимо требовать от власти прекращения антиконституционной религиозной политики, отношения государства с религиозными объединениями должны быть поставлены под контроль общества».

Приведенные в данной главе факты являются лишь малой, видимой частью огромного айсберга дискриминации, ксенофобии, нетерпимости и насилия, процветающих на ниве религиозной политики российских властей и системной коррупции в отношениях государства с религиозными объединениями.

Отсутствие системного мониторинга религиозной ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в регионах России и нежелание многих религиозных организаций предавать гласности факты нарушений не позволяют представить полную картину в данной области.

[75] *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. М., 2004. С. 166.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОБЛАСТИ СВОБОДЫ УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ (НА УРОВНЕ НАУКИ И В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ)

С. А. Бурьянов, Институт свободы совести

Состояние научной разработанности проблемы свободы совести (и смежных категорий) оказывает значительное влияние на ее реализацию, так как является системообразующим фактором относительно законотворчества и правоприменения, т. е. лежит в их основе.

Об этом говорилось 19 мая 2005 года на круглом столе «Проблема свободы совести в науке и образовании», организованном Институтом свободы совести, Центром исследований гуманизма при МГУ, Российским гуманистическим обществом, Центром военно-религиозных исследований, Исследовательским комитетом по правам человека Российской ассоциации политической науки.

Участники отметили слабость научной разработанности проблемы свободы совести, что негативно отражается на ее реализации. Прежде всего это касается «методологии и понятийного аппарата.

В итоговом документе констатируются системный кризис реализации свободы совести как свободы мировоззренческого выбора. Искусственное ограничение мировоззренческого выбора способствует негативным формам расслоения общества, делает невозможным свободный политический выбор и становится составной частью системного кризиса государства и поражения демократических идеалов в России. «Недостаточность научной разработанности проблемы свободы совести касается прежде всего ясности и объективности в решении вопросов методологии и понятийного аппарата данной предметной области:

— в законотворчестве и правоприменении свобода совести понимается ограниченно — как свобода вероисповедания и деятельности религиозных объединений, что изначально предопределяет отсутствие правовых гарантий для лиц, не являющихся членами религиозных организаций, и прежде всего неверующих;

— ограничительная трактовка свободы совести усугубляется отсутствием и принципиальной невозможностью создания единого юридического определения религии. Возможность множественного толкования «религии» (а также производных понятий) предопределяет коррупционность в сфере применения этого термина;

— вопрос о корректности правовых понятий производных от термина «религия» (например, «религиозное объединение») является также нерешенным (или дискуссионным);

— недостаточно разработанными являются вопросы соотношения свободы совести с сопряженными с ней понятиями антиклерикализма, свободы вероисповедания, религиозной свободы, светскости государства, религиозной политики государства, государственно-религиозных отношений и др.;

— нерешенность проблемы соотношения этих понятий с понятием свободы совести приводит к юридически некорректной трактовке относящихся к данному вопросу

принципов и понятийного аппарата: светское порой отождествляется с секулярным и определяется как нерелигиозное при неопределенности термина религиозного, а религиозная политика государства и государственно-религиозные отношения оказываются приоритетными по отношению к свободе совести;

— неразработанность вопроса соотношения свободы совести и свободы вероисповедания, применение юридически некорректных разделительных принципов (например, верующий/неверующий) опосредованно предопределяет чрезмерное влияние неправовых и размытых терминов религиоведения («традиционные/нетрадиционные религии» (религиозные организации), «культ», «деструктивный культ», «секта» и т. п.) на право и экспортирует их в образование, государственное управление, другие сферы социальной практики;

— применение юридически некорректных принципов и понятийного аппарата предопределяет порочные тенденции в трансформации законодательства, юридически закрепляющие клерикальную идеологизацию органов власти и государственного управления, специальные привилегии предпочтительных для власти религиозных объединений;

— на фоне крайне слабой разработанности теории и методологии реализации свободы совести, выражающейся прежде всего в приоритете «религиозной политики» над «свободой совести», идеологически ангажированными учеными разрабатывается фактически некорректное обоснование и столь же сомнительный понятийный аппарат для преследований инаковерующих и инакомыслящих: «духовная безопасность», «экстремизм», «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», «религиозный терроризм» и т. п.»

В резюмирующей части резолюции участники поддержали инициативу Института свободы совести по формированию ассоциации «Ученые за свободу совести и светское государство» и признали следующее:

«— актуальность и высокую значимость системной научно-методологической работы по обеспечению гарантий реализации свободы совести каждому человеку в соответствии с Конституцией Российской Федерации и нормам международного права;

— необходимость выработки принципиально новой стратегии по решению многочисленных методологических и теоретических проблем права в сфере свободы совести;

— важность выработки новой эффективной стратегии реализации свободы совести, которая возможна только с помощью объективного и научно-критического анализа соответствующих принципов и понятийного аппарата;

— объективным препятствием на пути выработки эффективной стратегии реализации свободы является доминирование как в России, так и на международном уровне официальных и конфессионально ориентированных структур, обслуживающих интересы правящих политических и экономических классов и корпораций… что для научного решения вышеуказанных задач необходимо независимое междисциплинарное научное сообщество, имеющее прочные связи как с российской наукой, так и с гражданским обществом»[1].

Анализ реальной ситуации показывает, что власть уделяет значительное внимание наукообразному обоснованию своей политики.

[1] Итоговый документ круглого стола «Проблема свободы совести в науке и образовании» // Портал-Кредо.Ру. 23 мая 2005.

Как уже отмечалось, принятый в 1997 года ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» обозначил в преамбуле конфессиональные предпочтения государства.

Вскоре заинтересованные круги предприняли попытки наполнить эту идею реальным содержанием и оформить в виде «специальной» концепции отношений государства и религиозных объединений. Вероятно предполагалось, что в дальнейшем эта концепция должна служить неким плацдармом для включения элементов избирательного партнерства государства с «основными» религиозными объединениями в правовую систему России. Были определены так же силы, на которые будет опираться власть, при формировании данной концепции.

Как следует из выводов весьма обстоятельной аналитической записки, составленной в Администрации Президента РФ о положении дел в Московской патриархии, «господствующей тенденцией во внутрицерковной жизни последних лет является постепенное, но неуклонное усиление консервативно-охранительных, традиционалистских сил. Эти силы одновременно несут в себе явно выраженный заряд государственного патриотизма. Поэтому именно на них можно опираться, выстраивая новую концепцию отношений государства и церкви»[2].

В 2001 году появились реальные основания, позволяющие предположить, что вышеупомянутая концепция все-таки будет создана в ближайшее время. В журнале «Религия и право»[3] в рубрике «Концепция» была опубликована статья профессора кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ (РАГС) М. О. Шахова «Концептуальные проблемы формирования государственной вероисповедной политики», с которой учредители Института свободы совести вступили в полемику[4].

В первой половине 2001 года на общем сайте Института государственно-конфессиональных отношений и права, Главного управления Минюста РФ по г. Москве и кафедры религиоведения РАГС был обнародован проект под названием «Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации», разработанный вышеупомянутым институтом и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве в лице заместителя начальника управления В. Н. Жбанкова[5].

Чуть позже, в конце июня 2001 года, в газете «НГ-Религии» был опубликован сокращенный вариант «Концептуальных основ государственно-церковных отношений в Российской Федерации» кафедры религиоведения РАГС при Президенте РФ под названием «Как выстраивать взаимоотношения власти и конфессий в новом веке. Основы политики Российского государства в сфере свободы совести и вероисповедания: опыт концептуального подхода» (полный вариант размещен в Интернете)[6].

Оба проекта получили критическую оценку независимых экспертов[7].

[2] Аналитическая записка, составленная в Администрации Президента РФ о положении дел в Московской Патриархии.// Община XXI век — православное обозрение. 2001. № 1(3). С. 3.

[3] См.: Религия и право. 2001. .№ 1. С. 32.

[4] См. *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Концепция государственно-конфессиональных отношений: от декларирования свободы совести к антиконституционной государственной политике вероисповедных предпочтений? // Право и политика. 2001. № 6. С. 131—133.

[5] См.: state-religion.ru. 22.08.01 г. проект был опубликован в НГ-Религии.

[6] См: НГ-религии. 27 июня 2001.

[7] См.: *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Цели и методы религиозной политики: Нужна ли России концепция отношений государства с религиозными объединениями? // НГ-Религии. 24 октября 2001 (http://religion.ng.ru/caesar/2001-10-24/6_methods.html); *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Экспертиза проектов кон-

В частности, было отмечено, что, «несмотря на имеющиеся различия, обе концепции отражают ориентацию на автократическое государство с большой степенью бюрократизации всех сфер жизни. Такой подход заведомо не базируется на уважении отдельной личности, ее вероисповедания или мировоззрения и, как следствие, не стимулирует культурного многообразия. Основным недостатком, который допустили разработчики «концептуальных основ», на наш взгляд, является сведение проблемы обеспечения свободы совести лишь к вероисповедной политике государства посредством государственно-конфессиональных отношений.

Так, в первом разделе — «Цель, принципы и методы осуществления вероисповедной политики» — среди методов «осуществления политики государства в сфере свободы совести и вероисповедания» наряду с не вызывающими возражений «неукоснительным соблюдением законодательства РФ всеми государственными органами и должностными лицами» и «устранением внутренних противоречий в федеральном законодательстве» предлагается создание «механизма проведения единой государственной вероисповедной политики на всех уровнях власти», фактически подменяющего собой механизм реализации права на свободу совести.

Весьма противоречив четвертый раздел — «Основные области взаимоотношений государства с религиозными объединениями и их правовое регулирование». Например, «при «равноудаленности» государства от религиозных объединений, посредством которой обеспечивается равенство необходимых для осуществления ими своей деятельности прав, допускается различная степень сотрудничества государства с разными конфессиями». Фактически власти предлагается по своему усмотрению устанавливать критерии равенства конфессий, вероятно, основываясь на их полезности для удержания власти.

Авторы концепции справедливо признают, что «любая модель вероисповедной политики государства, оказывающего избирательную поддержку отдельным конфессиям, не свободна от издержек, от недостатков», и в то же время предлагают обществу модель конфессиональных предпочтений посредством введения в правовое поле традиционных или полезных религиозных объединений: «вместе с тем дополнительными законодательными нормами должен быть регламентирован порядок признания за конфессией статуса традиционной, предоставление ей льгот и государственной поддержки».

Что касается проекта «Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации», презентованного от имени Института государственно-конфессиональных отношений и права и Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве, то он является конфессионально ориентированным, отражающим точку зрения РПЦ и иных заинтересованных конфессий.

В целом особенностью данного проекта являются многочисленные повторения декларируемых конституционных принципов, которые дополняются начинкой из творчества конфессионально ангажированного авторского коллектива в виде элементов избирательного партнерства власти с «традиционными» конфессиями. Весьма характерным моментом является игнорирование авторами конституционного принципа свободы совести, что, вероятно, связано с позицией церкви по данному вопросу.

цепций государственно-конфессиональных отношений // Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. М., 2004. С. 188—210.

Таким образом, в проекте речь идет только о свободе вероисповеданий и взаимодействии государства преимущественно с «традиционными» конфессиями: «государство сотрудничает с традиционными религиозными организациями и содействует сохранению духовного и культурного наследия традиционных религиозных организаций в соответствии с законодательством РФ», предлагается «предоставление священнослужителям традиционных религиозных организаций отсрочки от призыва на военную службу в мирное время и освобождения от военных сборов, в порядке, установленном законодательством РФ», «сотрудничество государства с традиционными религиозными организациями в решении задач духовно-нравственного, правового и патриотического воспитания детей и молодежи и иных общественно значимых проблем», «содействие государства традиционным религиозным организациям в осуществлении образовательной деятельности», «оказание государственной поддержки производству телепрограмм, радиопрограмм и печатных изданий, в т. ч. создаваемых в сотрудничестве с традиционными религиозными организациями» и т. д. Есть даже целый раздел — «Отношения государства с традиционными религиозными организациями».

Не случайно в качестве основных задач вероисповедной политики в государственно-правовой сфере авторы уделили много внимания наряду с декларациями, вроде «обеспечения государством гарантий равенства прав и свобод граждан независимо от их отношения к религии» и «содействия поддержанию в обществе обстановки взаимоуважения и диалога в отношениях между верующими различных конфессий, а также между верующими и неверующими», обоснованию необходимости правового закрепления «критериев определения традиционности религиозных организаций в Российской Федерации и соответствующего правового статуса таких организаций».

Скорее всего, именно необходимость продвижения «критериев определения традиционности религиозных организаций» с целью их последущего закрепления в системе права легла в основу создания данного проекта концепции.

Любопытны критерии определения «традиционности» религиозных организаций, которые можно охарактеризовать как антиправовые. По мнению авторов, «традиционными религиозными организациями Российской Федерации признаются российские централизованные религиозные организации, которые:

1) оказали значительное влияние на становление и развитие российской государственности, исторически сыграли существенную историческую роль в развитии национального самосознания народов Российской Федерации;

2) обеспечили формирование и развитие традиционной духовности и культуры народов России и составили часть духовного, национального и культурного наследия Российской Федерации;

3) являются религиозными объединениями, принадлежность или предпочтительное отношение к которым выражает значительная часть граждан Российской Федерации;

4) выступают в качестве созидательной и объединяющей духовной силы российского общества, направленной на поддержание мира и стабильности в Российской Федерации.

Под традиционными религиозными организациями отдельных народов Российской Федерации понимаются религиозные организации, которые характеризуются исповеданием вероучений, имеющих существенно ограниченную, относительно территории Российской Федерации, историческую территорию распространения либо

содержащих предпочтительное или преимущественное отношение к определенным национальным (этническим) общностям.

Традиционные религиозные организации отдельных народов Российской Федерации обладают всеми правами традиционных религиозных организаций Российской Федерации в пределах исторических территорий их распространения (буддизм, традиционные религии народов Севера и др.) или определенных национальных (этнических) общностей»[8].

В общем, позиция авторского коллектива по вопросам отношения государства к «традиционным» конфессиям предельно ясна — государство должно их поддерживать. О том, как поступать с «нетрадиционными» конфессиями, в проекте открыто не говорится, но некоторые пункты, особенно в свете Социальной концепции РПЦ, имеют к «нетрадиционным» самое непосредственное отношение. Авторы предупреждают о наличии «угроз сохранению и развитию этнокультурной идентичности и духовной самобытности народов России», активизации «деятельности религиозных объединений, в том числе иностранных, угрожающей или наносящей ущерб здоровью, нравственности, правам и законным интересам граждан, а также другим, защищаемым законом интересам личности, общества и государства». А в «целях укрепления и защиты конституционного строя, поддержания социальной стабильности и межрелигиозного мира» высказывают пожелание, чтобы государство: «запрещало, предупреждало и пресекало на всей территории Российской Федерации деятельность религиозных объединений, направленную против основ конституционного строя и безопасности государства».

Обе концепции вопреки Конституции РФ фактически ставят в неравноправное положение верующих и неверующих, верующих и религиозные объединения, иностранных граждан и граждан России, «традиционные» конфессии и «нетрадиционные».

Эти проекты наряду с конференциями на федеральном уровне стали своего рода анонсом целого пакета законопроектов, направленных на законодательное закрепление государственных конфессиональных предпочтений[9].

Несмотря на критическую оценку экспертов, заинтересованные околополитические круги заручились поддержкой идеи введения «традиционности» лидеров многих «основных» конфессий и конфессионально ангажированных ученых[10].

Коллектив будущего Института свободы совести разработал соответствующие аналитические материалы, которые были распространены по 2000 электронных адресов протестантских организаций.

---

[8] См.: Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации // state-religion.ru.

[9] Более подробно на эту тему см.: *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. 2001. № 12; *Бурьянов С. А.* Государственно-церковные отношения против свободы совести и правового государства // Отечественные записки. 2002. август — сентябрь; *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Некоторые тенденции современных государственно-религиозных отношений в Российской Федерации // Право и политика. 2003. № 1; *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Свобода совести — заложница клерикальной бюрократии // Здравый смысл. 2003. № 2(27); *Бурьянов С. А.* Свобода совести и светскость государства в России. Историко-правовой аспект // Юридический мир. 2003. № 1.

[10] Положительные заключения на проект подписали кафедры государственного строительства и права РАГС при Президенте РФ, профессора РАГС М. Н. Кузнецов и А. В. Васильев, юрист Историко-правовой комиссии РПЦ И. А. Куницын, юрист отдела религиозного образования РПЦ К. А. Чернега, директор Института религии и права А. В. Пчелинцев.

16 января 2002 года инициаторы создания ИСС выступили соорганизаторами круглого стола «Свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения и протестантизм в России», который был проведен совместно с Объединением исследователей религии, Военно-христианским союзом России, Советом христианских евангельских церквей в России и др. Главной идеей круглого стола была открытая дискуссия по поводу перспективы введения критериев и термина «традиционные религиозные организации» в правовое поле России[11].

Показательно то, что ни авторы проектов концепций государственно-конфессиональных отношений, содержащие идею введения «традиционности», ни те, кто их поддержал, оказались не готовы в открытой дискуссии отстоять свою позицию и даже пытались сорвать мероприятие.

Накануне круглого стола С. А. Бурьянов и С. А. Мозговой выступили с резкой критикой вышеупомянутых антиконституционных тенденций в прямом эфире «Радио-церкви».

ИСС была также опубликована серия статей по данной проблеме в журналах «Право и политика», «Юридический мир», газетах «НГ-религии», «Независимая газета». 21 марта 2002 года сопредседатель ИСС С. А. Бурьянов представил доклад по проблеме тенденций трансформации законодательства на круглом столе в Госдуме.

В результате удалось привлечь внимание общественности, а в органы государственной власти, Аппарат Уполномоченного по правам человека РФ пришло огромное количество жалоб, в основном от протестантских организаций, осуждающих антиконституционные тенденции в области законодательства.

Более того, президент ассоциации христианских церквей «Союз христиан» пастор Игорь Никитин в выступлении на сессии ОБСЕ в Варшаве, завершая рассказ о трагических происшествиях в Ижевске, заявил: «Религиозная вражда, подогреваемая появлением термина «традиционные» и «нетрадиционные» религии, выплеснулась на улицы городов России. Уже последние несколько месяцев газеты и другие средства массовой информации с подачи нечистоплотных политиков пытаются разделить граждан РФ по религиозному признаку. Как обычно, вначале появились статьи в газетах, затем был опубликован проект «Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными организациями в РФ», разделяющей верующих, а значит, и большую часть общества, на три сорта: первый: традиционные верующие, к этому сорту при внимательном прочтении Концепции подходят только последователи Русской православной церкви; второй: традиционные для отдельных народов — сюда можно отнести мусульман, буддистов, шаманистов и третий сорт: остальные конфессии — те бесправные верующие, которым разрешено будет заниматься лишь реабилитацией алкоголиков и наркоманов».

В заключение Никитин сказал: «Мы все с болью в сердце смотрели на террористические акты в США, но сегодня с этой высокой трибуны я должен предупредить мировую общественность о том, что уже сейчас заложена политическая бомба под основание свободы совести и Конституции в РФ… Нам всем вместе еще возможно

[11] Практически все выступающие высказались против введения «традиционности» в правовое поле России. В частности во многих выступлениях было отмечено, что имеющие место антиконституционные тенденции изменения законодательства связаны с интересами власти и конфессиональной бюрократии, слабой освещенностью темы государственно-конфессиональных отношений, некомпетентностью чиновников и депутатов, «принимающих законы, мягко говоря, странные».

остановить этот духовный террористический акт, пока в России погибли лишь немногие». Таким образом, проблема приобрела международный резонанс.

Серьезными проблемами остаются ангажированность, методологическая безответственность, соглашательство и конформизм отдельных ученых и структур, так или иначе влияющих на реализацию свободы совести на уровне науки и образования.

Многие ученые выступили в роли апологетов антиконституционных идей: приоритетного социального партнерства государства и «традиционных» религиозных организаций; заключения специальных договоров государства с религиозными объединениями; воссоздания специального госоргана по делам религий, борьбы с «религиозным экстремизмом» вообще и «исламским экстремизмом», в частности; обязательного преподавания конфессионально ориентированных дисциплин в рамках государственной системы образования и соответствующих учебных предметов («Основы православной культуры», «Православная культура» и др.).

Что касается научной легитимации неправовых терминов «секта», «деструктивная секта», то она носит в научном сообществе едва ли не массовый характер. Некоторые ученые даже получили по заслугам на этом поприще. Например, профессор М. Н. Кузнецов был награжден орденом преп. Сергия Радонежского III степени «за противодействие сектантской экспансии против России».

Не стоит недооценивать роль отдельных лиц, но все же наиболее значительны проявления коррупции в отношениях государства и религиозных объединений в деятельности государственных и негосударственных структур. Именно структуры определяют современное состояние и задают доминирующие тенденции в указанной сфере.

На государственном уровне флагманская роль в обосновании религиозной политики принадлежит вышеупомянутой кафедре религиоведения РАГС[12].

Вот как характеризует деятельность кафедры ее заведующая Ольга Васильева: «Дело в том, что мы — Академия государственной службы при Президенте РФ, и работа над проблемами государственно-конфессиональных отношений — это наша постоянная задача. Мы постоянно взаимодействуем с Администрацией президента, стремясь отвечать тем потребностям в научных разработках, которые возникают в процессе практического осуществления государственной политики в области взаимоотношений с конфессиями. С другой стороны, это направление является особенно важным в нынешних условиях укреплении структуры государственной власти…»

По мнению заведующей, «многие процессы были практически неуправляемыми, но сейчас пришло время, когда мы должны серьезно заняться разработкой вероисповедной политики нового Российского государства, связанной с решением внутри- и внешнеполитических задач»[13].

Однако на страничке кафедры на сайте РАГС (www.rags.ru) говорится, что ее создание было вызвано необходимостью разработки вовсе не вероисповедной (религиозной) политики, а «политики государства в сфере свободы совести и вероисповедания и подготовки высококвалифицированных кадров для проведения этой политики в жизнь». На первый взгляд, разница небольшая, но в новейшей истории России эта подмена играет роковую роль.

---

[12] Кафедра религиоведения была создана в 1994 году на базе бывшего Института научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС, преобразованного в РАГС при Президенте РФ.

[13] «Мы — Академия государственной службы, — и работа над проблемами государственно-конфессиональных отношений — это наша задача» // Религия и СМИ, www.religare.ru, 8 апреля 2003.

В конце 2002 года на научно-практическом семинаре «Северная столица — перекресток духовных традиций» О. Ю. Васильева сообщила о работе над новой концепцией государственно-религиозных отношений. По словам Васильевой, новый проект планируется на 2003 год, «не будет реанимацией старого документа», подготовленного кафедрой религиоведения РАГС в 2001 году, так как ориентирован на решение задачи противодействия государства «религиозному экстремизму».

Курс кафедры на борьбу с «религиозным экстремизмом» был подтвержден и научно легитимирован в рамках международной конференции «Религия и национальные отношения в России: история, современность, перспективы развития», состоявшейся в РАГС 28 февраля — 1 марта 2003 года.

В частности, в тексте итогового документа, который на конференции не принимался и до сведения участников не доводился[14], говорится о необходимости «координировать сотрудничество между государственными органами, международными и национальными организациями, включая религиозные объединения, в деле противодействия религиозному экстремизму в любых его проявлениях».

Кроме того, несмотря на заявления большинства экспертов о принципиальной некорректности термина «религиозный экстремизм», в указанном документе «было признано необходимым осуществить научную разработку понятия «религиозный экстремизм» с учетом национальных законодательных актов, международно-правовых норм и политической практики в разных государствах».

В ноябре 2003 года в Интернете был неофициально опубликован очередной проект сотрудников кафедры под названием «Концепция государственной религиозной политики Российской Федерации»[15]. 5 февраля 2004 года вышла официальная версия проекта, имеющая некоторые отличия. Анонс звучал следующим образом: «Публикуемый ниже текст представляет собой первую и основную часть «Концепции государственной религиозной политики Российской Федерации», разработанной на кафедре религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации в ноябре-декабре 2003 года. Редакционная группа: О. Ю. Васильева, заведующая кафедрой религиоведения РАГС, А. В. Журавский и А. И. Кырлежев, сотрудники кафедры. (Полный текст, помимо публикуемой основной части, включает историческую и справочную части.) Документ предоставлен порталу «Религия и СМИ» кафедрой религиоведения РАГС»[16]. Как и его предшественники, проект вызывает много вопросов правового характера[17].

Во введении говорится, что «концепция государственной религиозной политики Российской Федерации представляет собой систему взглядов на цель, задачи, принципы и основные направления эффективной политики в сфере государственно-конфессиональных отношений, свободы совести и вероисповедания с учетом многообразия форм присутствия религии в обществе». Сразу обращает на себя внимание тот факт, что государственно-конфессиональные отношения стоят впереди свободы совести и

---

[14] Документ был размещен 5 марта на сайте «Религия и СМИ» со ссылкой на православный сайт Седмица.Ру.

[15] См. www.religioved.narod.ru/religioved/016.htm.

[16] См.: «Религия и СМИ», www.religare.ru, 5 февраля 2004.

[17] Более подробно на эту тему: *Бурьянов С. А.* Государственная религиозная политика: новая концепция — старые подходы // Закон и право. 2003. № 4; Концепция государственной религиозной политики как зеркало российских государственно-конфессиональных отношений в понимании кафедры религиоведения РАГС при Президенте РФ // Портал — Кредо.Ру. 8 апреля 2004.

вероисповедания. На практике это означает приоритет политики по отношению к правам человека, которые изначально ставятся в зависимость от интересов государственной и конфессиональной бюрократии.

Сама «религиозная политика» определяется как «система действий светского государства в сфере государственно-конфессиональных отношений и реализации свободы совести и вероисповедания с учетом многообразия форм присутствия религии в обществе», а ее целью является «создание благоприятных условий для позитивного, неконфликтного развития религиозной жизни в стране и укрепления стабильности российского общества».

Очевидно, что путем реализации «религиозной политики» в принципе невозможно обеспечить право на свободу совести каждого, т. е. не только «верующих», но и остальных. А значит, тезис о том, что «религиозная политика направлена на обеспечение фундаментальных, международно признанных прав граждан на свободу совести и вероисповедания», носит заведомо популистский характер.

Вызывает серьезные сомнения и декларация о том, что «религиозная политика государства осуществляется в национальных интересах Российской Федерации, ради блага ее граждан и общества в целом и с целью противодействия угрозам национальной безопасности России». На самом деле проводимая властью антиконституционная политика вероисповедных предпочтений (в лице РПЦ МП) под видом сохранения и развития «исторически сформировавшихся религиозных традиций народов России» является коренной причиной сепаратизма.

Например, Т. Б. Рамазанов в своей статье[18] приводит ряд элементов конфессиональных предпочтений федеральной власти, отражающих опасную тенденцию огосударствления православия и превращения его в «идеологию действующего режима в стране». В данном контексте абсолютно логичным выглядит утверждение Рамазанова, что конфессиональные предпочтения «способствуют возникновению напряженности между государственной властью (федеральной) и мусульманами, ощущающими себя дискриминированными в государстве, которое оказывается для них духовно чужим».

Еще одним противоречащим Конституции РФ и интересам гражданского общества элементом концепции является обоснование идеи социального партнерства государства с «традиционными» религиозными организациями, о чем напрямую не говорится, но подразумевается: «целью такого социального партнерства является укрепление общественной стабильности посредством реализации духовно-нравственного и миротворческого потенциала религиозных традиций народов России, религиозных объединений и граждан».

Заканчивается проект концепции определением «факторов и условий эффективной религиозной политики государства», которая, по мнению авторов, «обеспечивается ориентированностью на соблюдение демократических принципов, прав и свобод граждан, а также на защиту национальных интересов и укрепление общественной стабильности». Если же судить по тексту документа, на самом деле имеет место ориентированность на использование властью религии в политических целях, посредством самодовлеющих отношений государства с религиозными объединениями.

Перечисляются следующие «факторы и условия эффективной религиозной политики государства»: «единый центр выработки религиозной политики и ее конкретных

[18] См.: *Рамазанов Т. Б.* Религиозно-политический экстремизм как фактор преступности в Чечне и Дагестане // Право и политика. 2000. № 4. С. 84.

инструментов; информационно-аналитическое и экспертное обеспечение религиозной политики государства; эффективная кадровая политика, в том числе в области повышения квалификации государственных служащих, занятых в реализации религиозной политики; обеспечение государством возможности прямого диалога религиозных объединений и государственной власти; межрелигиозное взаимодействие (на федеральном и региональном уровне), направленное на социально значимую деятельность и укрепление согласия и стабильности в обществе».

Вероятно, что под единым центром и обеспечением предполагается Министерство по делам религий, которое призвано стать дорогим для налогоплательщиков, но послушным инструментом в руках власть имущих, а «кузницей кадров» как обычно будет кафедра религиоведения РАГС.

В целом проект «Концепции государственной религиозной политики Российской Федерации» противоречит Конституции РФ, так как направлен на научное обоснование использования фактора отношений государства с религиозными объединениями для политического контроля и использования мировоззренческой сферы вообще и предвыборной мобилизации конфессий в частности.

В случае, если проект концепции будет принят в качестве государственного документа, он составит основу для трансформации российского законодательства о свободе совести в направлении закрепления «специальных» льгот и привилегий для «традиционных» религиозных организаций и соответственно ограничений для «нетрадиционных» в рамках борьбы с «религиозным экстремизмом». Наряду с терминологической легитимацией «традиционности» и «религиозного экстремизма» большинство положений концепции носят настолько абстрактный характер, что открывают практически неограниченные горизонты антиконституционным законотворческим инициативам.

Об эффективности обучения и повышения квалификации государственных служащих, занятых в реализации религиозной политики можно судить по учебным пособиям[19], методическим материалам[20], диссертациям[21], разрабатываемых на кафедре религиоведения РАГС. Картину органично дополняют научные конференции, организованные кафедрой[22].

В методическом пособии «Вероисповедная политика Российского государства» прекрасно анализируется исторический опыт государственно-конфессиональных отношений в императорской России и в СССР, но состояние реализации свободы совести, современные антиконституционные тенденции трансформации законодательства и в области отношений государства с религиозными объединениями не нашли своего адекватного отражения.

---

[19] См.: Вероисповедная политика Российского государства. Учебное пособие. М.: РАГС, 2003.

[20] См.: Государственно-конфессиональные отношения. Методические материалы. М.: РАГС, 2003.

[21] *Шутова О. С.* Структурная модель государственной политики в области отношений с религиозными объединениями. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М. 2004; *Кривошеина Е. Ю.* Динамика ценностных ориентаций в современном российском обществе: проблема соотношения светского и религиозного. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004.

[22] Особенностью упомянутых форумов были: методологическая безответственность, цензура на выступления независимых экспертов, а в последнее время, даже на стадии формирования состава участников мероприятий. Так, сотрудников ИСС не пустили на конференцию «Религия в современных политических процессах», в связи с чем было распространено открытое письмо. См.: Открытое письмо Института свободы совести // Здравый смысл. 2004. № 2.

В упомянутом контексте сотрудники кафедры сознательно игнорируют тот факт, что путем реализации вероисповедной (религиозной) политики в принципе невозможно обеспечить право на свободу совести каждого, т. е. не только «верующих», но и остальных.

Вероятно, государственных религиоведов пугает вытекающий отсюда вывод, что у правового светского (т. е. мировоззренчески нейтрального) государства вообще не должно быть вероисповедной (религиозной) политики, а значит, и специалистов по ее разработке и внедрению.

Методические материалы для подготовки специалистов по связям с религиозными объединениями, издаваемые кафедрой, также не внушают оптимизма. В частности, методические материалы «Государственно-конфессиональные отношения», которые содержат теоретические основы и программы соответствующих учебных дисциплин.

Институт свободы совести обнародовал экспертное заключение[23], в котором дан анализ методологических подходов, изложенных в этих методических материалах, на предмет их соответствия Конституции РФ, современным научным разработкам данной проблематики, задачам построения правового демократического государства. Сделаны следующие выводы:

— «официальная» наука и образование при заинтересованном и/или молчаливом согласии лидеров ряда конфессий находятся под контролем властных групп, и потому роль первой сводится к подведению некой наукообразной базы под антиконституционную религиозную политику власти;

— имеют место вопиющие подмены: свобода совести подменяется свободой вероисповеданий, права человека — правами объединений, религия — идеологией, приоритет права — приоритетом политики, интересами властных групп.

— проблема обеспечения свободы совести сводится к реализации вероисповедной политики посредством самодовлеющих государственно-конфессиональных отношений.

— политизированные религиоведы РАГС делят религиозные объединения на «традиционные» и «нетрадиционные», несмотря на отсутствие соответствующих научных и правовых критериев традиционности.

— в качестве учебной литературы рекомендуются сомнительные источники конфессионально ориентированного содержания, допускающие в адрес новых религиозных движений обличительно-оценочные названия «деструктивные культы», «секты» и т. п.

— имеет место некорректное включение в структуру курса «Государственно-конфессиональные отношения» религиозной философии и теологии.

— имеют место правовой нигилизм, игнорирование юридических разработок, публикаций и источников, отражающих современные тенденции государственно-конфессиональных отношений и реализацию конституционных прав человека в сфере свободы совести.

— данные методические материалы не будут способствовать подготовке специалистов государственной службы, ориентированных на приоритет реализации права

[23] См.: *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Экспертное заключение в связи с выпуском методических материалов «Государственно-конфессиональные отношения» (издательство Российской академии государственной службы при Президенте РФ 2003 г.) // Право и жизнь. 2003. № 63 (www.portal-credo.ru, 17 ноября 2003).

каждого на свободу совести и иные принципы, составляющие основу конституционного строя.

По мнению авторов заключения, указанные факторы ложатся «в основу причин и последствий системной коррупции в области отношений государства с религиозными объединениями, являющейся основным фактором кризиса реализации свободы совести, и в конечном итоге сокрушительного поражения идеалов гражданского общества в современной России. Права человека и свобода совести фактически являются заложниками «вероисповедной политики» и самодовлеющих государственно-конфессиональных отношений, которые поражены коррупцией и представляют угрозу демократическим механизмам осуществления власти, стимулируют расслоение людей по мировоззренческим признакам, ксенофобии, религиозные преследования, сепаратизм, вооруженные конфликты, распад федеративной системы России».

Критика методических материалов вызвала болезненную реакцию руководства кафедры религиоведения РАГС. 20—21 февраля 2004 года в академии состоялась научная конференция «Религия в современных политических процессах». Институт свободы совести обратился к Васильевой с просьбой об участии в конференции, но получил отказ. Как выяснилось, поводом послужило экспертное заключение ИСС. В ответ было распространено «Открытое письмо Института свободы совести организаторам закрытой для российских НПО конференции в Российской академии государственной службы при Президенте РФ». В нем, в частности, отмечалось, что «вместо открытой научной дискуссии наблюдается перевод полемики в русло межличностных отношений. Участие представителей российских научно-исследовательских НПО и возможности выражения своей позиции в стенах РАГС и раньше были ограничены, но в настоящее время речь идет о невозможности даже присутствовать на конференции. Поэтому неудивительно, что проблемы свободы совести (точнее, ее кризиса), вопросы антиконституционной религиозной политики и системной коррупции в отношениях государства с религиозными объединениями остались вне программы конференции.

Взгляды руководства кафедры религиоведения РАГС неизбежно сказываются на диссертациях, которые готовят аспиранты кафедры. Например, 3 июня 2004 года состоялась защита кандидатской диссертации О. С. Шутовой «Структурная модель государственной политики в области отношений с религиозными объединениями»[24] (научный руководитель М. О. Шахов).

Графически модель представляет собой нечто вроде пирамиды, где в качестве вершины выступает ценностно-целевой компонент (цели и ценности, базирующиеся на преобладающих в обществе представлениях о месте и роли религии и характере государственно-конфессиональных отношений), непосредственно взаимодействующий с инструментальным (соответствующие органы власти и управления) и праксеологическим (практическая деятельность органов власти и управления).

Диссертант отмечает, что «важность религиозного фактора всегда побуждала государство держать его в поле зрения». Наверное, для Шутовой со времен средневековья мало что изменилось, и поэтому она нормативный компонент (законодательство, регламентирующее правила поведения субъектов в сфере свободы совести и вероисповедания) «похоронила» внутри властной пирамиды.

---

[24] *Шутова О. С.* Структурная модель государственной политики в области отношений с религиозными объединениями. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004.

При практической реализации данной модели властные группы имеют неограниченные возможности внеправового контроля и подавления мировоззренческой сферы, религиозными организациями в целях удержания власти.

Практика, при которой нормы международного права и основополагающие конституционные принципы не находят адекватного отражения в диссертациях, стала системой для кафедры религиоведения РАГС. Правовой нигилизм — визитная карточка кафедры.

В концентрированном виде взгляды, преобладающие на кафедре, демонстрируют научные форумы, организуемые при ее непосредственном участии. За десятилетие таковых было немало, поэтому остановимся лишь на недавних и самых значительных. Это международные конференции «Десять лет на пути свободы совести» (ноябрь 2001), «Религия и проблемы национальной безопасности России» (декабрь 2002), «Религия, политика и права человека» (март 2002), «Религия и национальные отношения в России: история, современность, перспективы развития» (28 февраля — 1 марта 2003), «Социальное служение религиозных организаций в пенитенциарной системе» (июнь 2003), «Религия в современных политических процессах» (февраль 2004).

Особенностью перечисленных мероприятий является стремление свести тему свободы совести исключительно к правоприменительным вопросам по отношению к деятельности религиозных организаций. Соответственно в основе конференций лежит тезис, определяющий в качестве причины нарушений свободы совести в России некомпетентность региональных чиновников. Поэтому вся борьба с нарушениями ограничивается просвещением и вообще уровнем правоприменения.

Конференции избегали обсуждения острых концептуальных проблем, связанных с принципиальной оценкой состояния реализации свободы совести, антиконституционными тенденциями в трансформации законодательства и в области отношений государства с религиозными объединениями в России.

Голос оппонентов идеологической линии кафедры систематически подавлялся агрессивной цензурой выступлений, публикаций в сборниках, а в последнее время даже на стадии формирования состава участников.

Об адекватной постановке проблем, их системного рассмотрения и определения методологических подходов для реализации свободы совести говорить вообще не приходится.

Очевидно, что кафедра религиоведения РАГС сохранила преемственность с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, на базе которого была создана в 1994 году Даже задачи, по сути, не изменились — научно обосновывать и утверждать приоритет государственной идеологии в качестве стержня беспредельной власти.

За 12 лет плоды казенного религиоведения в виде теоретических подходов и живых воспитанников заполонили коридоры власти всех уровней, что в значительной мере предопределило кризис реализации свободы совести и демократии в России.

Однако было бы несправедливо не сказать о научных достижениях кафедры. Они есть, но связаны с религиоведческими исследованиями, которые ведут некоторые сотрудники в свободное от идеологических заказов время, но времени на науку остается все меньше — идеология затягивает.

Кроме кафедры религиоведения, вопросами, относящихся к теме отношений государства с религиозными объединениями занимается кафедра национальной безо-

пасности РАГС. В программе учебного курса «Социально-политическая безопасность личности, общества, государства» среди тем рефератов, курсовых и дипломных работ предлагается следующая: «Угрозы сектантства для духовной безопасности общества и личности».

Анализ научно-методологической составляющей РАГС при Президенте РФ позволяет предполагать, что обучение и повышение квалификации государственных служащих, ведающих религиозными делами в регионах РФ в значительной мере и предопределяет нарушения прав верующих и религиозных объединений.

9 февраля 2006 года государственные чиновники, осуществляющие взаимодействие государства с религиозными объединениями в регионах России и находящиеся на курсах повышения квалификации в РАГС получили двухтомник «Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году».

Издание предназначено для руководителей и специалистов органов законодательной и исполнительной власти и управления, научных и учебных учреждений, занимающихся вопросами национальной политики и государственно-конфессиональных отношений и готовящих кадры для этой сферы деятельности.

Сборник содержит фундаментальные подходы Министерства регионального развития РФ[25] к вопросам реализации государственной национальной политики, государственно-конфессиональных отношений, проблем этнокультурного развития регионов РФ. В частности, к проблемам в сфере государственно-конфессиональных отношений отнесены: отсутствие концептуального подхода; попытки ряда мусульманских государств и влиятельных исламских организаций развернуть свою деструктивную деятельность среди российских мусульман; отсутствие единой системы мониторинга и прогнозирования религиозных, межрелигиозных и межэтнических конфликтов, деятельности иностранных фондов, религиозных организаций и миссионеров, распространения экстремистской религиозной литературы; отсутствие механизмов социализации религиозных сообществ, препятствующее эффективной и полноценной реализации миротворческого и социального потенциала традиционных религий России; отсутствие контроля за религиозными группами, среди которых как исламские джамааты, так и значительное число неопротестантских религиозных групп и объединений новых религиозных движений, часто носящих, по мнению составителей двухтомника, деструктивный и ассоциальный характер; отсутствие методических разработок по вопросам так называемого религиозного экстремизма.

По последней проблеме особо подчеркнуто, что «в то время как эксперты обсуждают вопрос — существует религиозный экстремизм или нет, региональные органы исполнительной власти, силовые структуры и, наконец, юристы, остаются без разработанного категориального и экспертно-научного аппарата»[26].

Среди стратегических приоритетов Минрегиона РФ в сфере государственно-конфессиональных отношений значатся: выработка концепции государственной религиозной политики; передача министру регионального развития РФ председательства в

[25] Министерство регионального развития было создано 13 сентября 2004 г. За министерством были закреплены функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере государственной национальной политики и межнациональных отношений. Возглавил министерство В. А. Яковлев.

[26] Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году. М., 2005. Т. 1. С. 89—91.

Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ; создание в регионах России сети информационно-аналитических и проектных центров, в числе задач которых противодействие «религиозному экстремизму».

Остается лишь добавить, что издание «Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году» подготовлено департаментом межнациональных отношений Министерства регионального развития РФ при участии подразделений региональных органов исполнительной власти и поддержке корпорации «Уралсиб». Ответственный за выпуск — заместитель директора департамента Александр Журавский — тот самый соавтор вышеупомянутого проекта «Концепции государственной религиозной политики Российской Федерации».

Проект Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа (ЦСИ ПФО)[27] «Русский ислам» (2000—2002) реализовывался втайне от общественности и был предназначен только для чиновников Администрации Президента РФ[28].

Вот как оценивают проект известные ученые, представители общины новообратившихся мусульман «Прямой путь» Али Вячеслав Полосин и Иман Валерия Порохова:

«1. Указанный проект с известными в России русскими мусульманами не согласовался, его основные положения до сих пор держатся в тайне. Даже если данный проект субъективно преследует благие цели, объективно он порождает весьма негативные последствия.

2. Название проекта крайне неудачно и вызывает у верующего человека недоумение: Ислам не может быть ни русским, ни татарским, ни арабским, ни каким-либо еще по национальному признаку. Ислам — один, и он дан всему человечеству. Какие-либо разделения мусульман по национальному признаку недопустимы. Верующий остается принадлежащим к своей национальности по своему происхождению, однако вера — выше, и в своем поведении он должен руководствоваться религиозными канонами, предписывающими, что все мусульмане — братья. Не вполне удачно и название «евроислам», хотя Европа —все-таки не национальность, а геополитическая и цивилизационная общность.

3. Название проекта производит впечатление, что его авторы слабо знакомы с Исламом и действуют по методу аналогии с другими религиями, где такое совмещение национального и религиозного стало обыкновенным. По выражению С. Градировского, «русский ислам — это не русские, принявшие ислам, а ислам, принявший форму русского». В связи с этим выглядит обоснованным афоризмом, родившийся по поводу проекта «Русский ислам»: в этом проекте нет ни русских, ни мусульман. С таким же успехом его можно было назвать, например, «евроукраинский ислам».

4. Объективно указанный проект садится между двух стульев: этнических мусульман он оскорбляет попытками русификации их сложившихся веками национально-религиозных традиций (против чего они постоянно боролись), а новообратившихся мусульман он выставляет такими радикальными «реформаторами» Ислама, каких

[27] Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа создан в 2000 г. как экспертная и проектно-аналитическая организация для изучения и проектно-стратегической проработки проблем управления развитием. Директором ЦСИ является советник полномочного представителя Президента РФ в ПФО С. Н. Градировский. Курировал работу ЦСИ бывший заместитель полпреда и бывший министр РФ по национальной политике В. Ю. Зорин.

[28] *Понкин И. В.* Секулярные религии в светском государстве. М., 2003. С. 30.

не было за всю историю его существования. Чего стоит одна только цель авторов проекта — перевод намаза на русский язык! Подобного не делали и не делают ни тюрские народы, доминировавшие в халифате, ни персы-шииты, ни новообратившиеся народы Малайзии, Индонезии и т. д. Отсюда у части православной общественности возникает (правда, необоснованное) подозрение, что русские мусульмане имеют какое-то отношение к проектам Поволжского ФО, являются их составной частью. Это не соответствует действительности!

5. Программа «светской теологии», подготовка мусульманских кадров в светских вузах под контролем госчиновников с целью дальнейшего их внедрения в общины и муфтияты представляется крайне некорректной и противоречащей основам реального Ислама. Умма с такой практикой никогда не согласится, что доказано всей историей Ислама.

6. Противодействие экстремистским проявлениям в религии необходимо, но оно начинается с повышения нормального традиционного мусульманского образования»[29].

В целом же проект направлен на грубое вмешательство власти в религиозную жизнь с целью ее подчинения текущим политическим интересам.

На реализацию этой же цели направлен сборник статей под многообещающим названием «Преодолевая государственно-конфессиональные отношения»[30]. Институт свободы совести подготовил на него рецензию «Преодолевая государственно-конфессиональные отношения»[31].

В 2002 году ЦСИ ПФО участвовал в подготовке проекта доклада «О совершенствовании деятельности государственных и общественных институтов по противодействию проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации»[32], получившего известность как «доклад Зорина»[33]. Документ этот был рассмотрен 30 октября 2002 года на заседании рабочей группы президиума Государственного совета РФ по вопросам противодействия проявлениям религиозного экстремизма в РФ.

Следует сразу отметить, что термин «экстремизм» признается многими экспертами очень широким и не вполне юридически корректным[34]. С учетом отсутствия правового определения религии, применение термина «религиозный экстремизм» несет угрозу правам человека и основам конституционного строя.

Авторы проекта доклада в качестве причин нарастания экстремизма на религиозной основе наряду с «существующими противоречиями во взаимоотношениях как между конфессиями, так и внутри их», называют усиление «религиозной экспансии

---

[29] *Понкин И. В.* Указ. соч.

[30] Преодолевая государственно-конфессиональные отношения. Сборник статей. Н. Новгород.2003.

[31] *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Преодолевая системную коррупцию государственно-конфессиональных отношений: Рецензия на сборник статей «Преодолевая государственно-конфессиональные отношения» // Право и политика, 2004. № 2.

[32] Впервые широкой общественности о содержании проекта доклада стало известно 5 декабря 2002 года из публикации в «Газете», затем полный текст был опубликован целым рядом сайтов.

[33] Бывший заместитель полпреда в ПФО и бывший Министр РФ по национальной политике В. Ю. Зорин значился координатором экспертной группы, готовившей доклад. Он же стоял у истоков и курировал ЦСИ ПФО.

[34] Некоторые эксперты говорят также о том, что «экстремизм — не научное и не правовое понятие, а маркер и идеологическое клеймо, …идеологическое оружие власти в борьбе с оппозицией». См.: *Семенов И. А.* Воля к идентичности: сопротивление и информационные технологии // Интернет и российское общество. М., 2002. С. 62.

со стороны других государств», которая «привела к значительному росту новых религиозных движений». По их мнению, «интенсивный рост религиозных новообразований нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс, вызывает возрастание межконфессионального соперничества и недовольства основной части населения». Особую озабоченность авторского коллектива вызывает «деятельность в нашей стране разного рода филиалов зарубежных религиозных, благотворительных и прочих организаций, формально не противоречащая положениям действующего российского законодательства (!), а на деле нередко способствующая проявлениям напряженности на религиозной почве».

Далее тезис конкретизируется. «В последнее время на традиционно православных территориях Российской Федерации активизировала свою миссионерскую деятельность Римско-католическая церковь. Напряженность в отношениях между Московским патриархатом и Ватиканом усилилась в связи с решением папы римского Иоанна Павла II о повышении статуса четырех административных структур Римско-католической церкви до уровня епархий во главе с митрополитом и объявление территории России «церковной провинцией». Ведется активная работа по укреплению своих приходов, увеличению их числа, склонению отдельных священников и представителей Русской Православной Церкви к переходу в католицизм… Практически во всех регионах страны расширяют сферу своего влияния религиозные объединения протестантов. На начало 2002 года в России зарегистрировано 4823 протестантских религиозных организаций, при устойчивой тенденции их количественного роста… Под видом оказания гуманитарной помощи многие новые протестантские организации формируют в различных группах населения позицию самоотчуждения по отношению к российскому государству, сложившимся в течение веков народным традициям, образу жизни, культуре. Серьезную обеспокоенность вызывает тот факт, что вышеуказанные тенденции особенно проявляются в приграничных регионах… При этом в ряде областей региона новые протестантские религиозные организации, штаб-квартиры которых находятся за рубежом, заметно потеснили позиции традиционных российских конфессий. Неуважительное отношение к российским традиционным конфессиям способствует формированию предпосылок к экстремистским проявлениям религиозного характера, в том числе и на бытовом уровне, возбуждению религиозной розни и антиобщественным действиям по религиозным мотивам, влияет на состояние межгосударственных отношений. Представители иностранных псевдорелигиозных общин («Свидетели Иеговы», «Церковь объединения Муна», «Церковь сайентологии» и др.), религиозные группирования, основанные на различных направлениях восточных вероучений, последователи сатанизма формируют разветвленные структуры, которые зачастую осуществляют противоправную деятельность… Серьезную тревогу вызывают экстремистские проявления в деятельности некоторых исламских религиозных объединений. При активном влиянии иностранных миссионеров и спецслужб на территории Российской Федерации распространяются несвойственные российским мусульманам радикальные и политизированные течения ислама, прежде всего, ваххабизм…»

Среди мер, в настоящее время предпринимаемых органами государственной власти по противодействию «религиозному экстремизму», в проекте доклада говорится о работе «по выявлению и пресечению деятельности на территории Российской Федерации различного рода тоталитарных сект и организаций деструктивного характера».

В частности, «в Дальневосточном федеральном округе определен круг организаций, в отношении которых органам юстиции необходимо усилить контроль, в том числе и при их регистрации», так как «в системе управления и структуре этих организаций присутствуют религиозные и псевдорелигиозные объединения».

Что касается перспектив борьбы с проявлениями «религиозного экстремизма», то они, по мнению разработчиков проекта, неразрывно связаны с реализацией комплекса мер «по государственной поддержке традиционных религиозных организаций», а также с «усилением кадрового состава экспертных советов, осуществляющих государственную религиоведческую экспертизу деятельности религиозных организаций, представителями правоохранительных органов».

В области совершенствования нормативной правовой базы по противодействию религиозному экстремизму предлагается «дополнить соответствующие статьи Федеральных законов «О гражданстве Российской Федерации» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» положением, предусматривающим возможность отказывать в предоставлении гражданства России иностранному гражданину или лицу без гражданства без объяснения причин в целях обеспечения государственной безопасности», а также «внести изменения в действующее законодательство, предусматривающее возможность наложения временного, до вынесения судебного решения, ареста тиражей изданий книжной продукции спорного содержания».

В рамках активизации работы правоохранительных органов предлагается «усилить контроль со стороны государственных органов, в том числе юстиции и прокуратуры, за соответствием деятельности религиозных организаций их уставам и действующему законодательству Российской Федерации», для чего создать в структурах МВД России, Минюста России, ФСБ России, Генпрокуратуры России соответствующие структурные подразделения, нацеленные на противодействие «религиозному экстремизму»».

В информационно-пропагандистской сфере предлагается «осуществить комплекс мер по разоблачению идеологии религиозного экстремизма», но при этом «разработать программу, содействующую созданию позитивного имиджа мусульман и ислама в России», в том числе путем разъяснения «глубокого различия между ваххабизмом и исламом, традиционным для России».

В области образования предлагается «разработать и реализовать во взаимодействии с религиозными объединениями систему государственных мер поддержки религиозного образования в Российской Федерации, направленную на совершенствование организации учебного процесса, обеспечение его соответствия государственным образовательным стандартам, подготовку преподавательских кадров по светским дисциплинам».

Очевидно, что проект доклада писался под решение задач контроля, ограничений, использования мировоззренческой сферы для политических нужд властных групп. Показательным моментом является его секретность, что, вероятно, говорит о понимании авторами и заказчиками антиконституционности его положений, основанных на неправовых принципах и терминологии: «религиозный экстремизм», «религиозная экспансия», «традиционная религиозная организация», «православная территория», «секта». В проекте доклада термин «религиозный экстремизм» фигурирует более 30 (!) раз.

Тенденции концептуального характера в научно-образовательных учреждениях силовых структур России заслуживают отдельного рассмотрения, поскольку имеет

место усиление тенденции роста нарушений свободы совести как со стороны силовых структур, так и внутри их коллективов.

Ведущие «силовые» вузы, например Военный университет Министерства обороны РФ и Академия управления МВД, преуспели на ниве научного обоснования борьбы за «духовную безопасность», против «религиозного экстремизма» и «сект»[35].

Следует отметить, что Военный университет в методологическом плане занимает флагманскую роль относительно «силовых» вузов страны и является главной кузницей соответствующих кадров.

Ведущим специалистом вуза в области отношений государства с религиозными объединениями является профессор Ю. Г. Носков. В 1997 году вышла монография Носкова, который свое исследование посвятил в основном религиозному пониманию безопасности. Однако он не рассматривал ее в контексте влияния и взаимовлияния составных частей системы (национальной безопасности). Позже Носков написал монографию «Религиозный фактор и духовная безопасность», в которой допустил смешение таких понятий, как «религиозный фактор» и «религиозная безопасность»[36], что привело к антиконституционному выводу: «Принять меры на государственном уровне к ограничению деятельности на территории Российской Федерации социально опасных религиозных и оккультных организаций. Учитывая всевозрастающие масштабы этих негативных явлений в стране, необходимо создать светский государственный орган по исследованию их влияния на общественную жизнь и по контролю за их развитием»[37].

В книге «Религиозный фактор в системе угроз национальной безопасности» Носков продолжает тему «духовной безопасности», к дестабилизирующим факторам которой относит появление «социально опасных религиозных» и «псевдорелигиозных» организаций, в качестве обоснования ссылаясь на материалы из газет.

Определение «духовной безопасности» говорит само за себя. «Духовная безопасность — это категория, фиксирующая существование духовной сферы общества в условиях отсутствия существенных негативных внешних условий или внутренних тенденций, препятствующих нормальному функционированию духовной сферы общества в условиях отсутствия существенных негативных внешних условий или внутренних тенденций, препятствующих нормальному функционированию духовной сферы жизни общества в данном качестве и ее развитию в соответствии с присущими ей закономерностями»[38]. Сопредседатель Совета ИСС С. А. Мозговой справедливо говорит о недопустимости использования термина «духовная безопасность» в законотворческой, управленческой, педагогической и иной деятельности[39].

В 2005 году на кафедре Военной социологии Военного университета выполнена научная работа, посвященная проблеме взаимодействия военной службы и религии на институциональном уровне управления. В работе, которая должна лечь в основу

---

[35] См.: *Носков Ю. Г.* Религиозный фактор и духовная безопасность. М.: Военный университет, 2000; *Тонконогов А. В.* Сектантство как социальный феномен: Исследование в среде осужденных к лишению свободы: Автореферат диссертации на соикании ученой степени кандидата философских наук. М., 2004.

[36] См.: *Носков Ю. Г.* Указ. соч. С. 136—137.

[37] Там же. С. 138—139.

[38] Там же. С. 77.

[39] *Мозговой С. А.* Судьба светского образования и проблемы военного религиоведения // Проблемы регионального религиоведения и актуальные вопросы преподавания религиоведения в высшей школе. М., 2003. С. 92.

докторской диссертации, исследуются вопросы формирования военно-религиозного института государства вообще, и религиозной легитимации вооруженного насилия в частности.

По мнению докторанта, религия создает «устойчивые ценностно-мотивационные личностные смыслы в военной сфере», а потому она может быть использована в интересах военно-социального управления:

а) в качестве «самодостаточного средства легитимации вооруженного насилия»;

б) для образования «специфических организационных форм — военно-религиозных организаций, военно-религиозных служб и связанных с ними социальных ролей («воин-монах», «военный священнослужитель» и др.) в структуре военной организации общества и др.»;

в) «в целях социализации различных категорий военнослужащих (воинов)»[40].

Если Военный университет является всероссийской «кузницей» «силовиков» вообще, то Академии управления МВД РФ «кует» милицейские кадры. Здесь проходят подготовку и переподготовку высшие милицейские чины России.

Наиболее показательной является защита диссертации А. В. Тонконогова «Сектантство как социальный феномен (исследование в среде осужденных к лишению свободы)», которая состоялась 22 апреля 2004 года на заседании диссертационного совета Д-203.002.03 при Академии (специальность: 09.00.11 — социальная философия).

Так как при защите диссертации были допущены грубейшие процедурные нарушения, а сама диссертация выполнена на крайне низком методологическом и содержательном уровне, Институт свободы совести счел своим долгом направить в ВАК соответствующие заявления.

Нарушения заключались в том, что «посторонних» (сотрудников ИСС и профессора МГУ И. Я. Кантерова) не пустили на открытую защиту, а текст диссертации не был доступен в библиотеке Академии для ознакомления, как того требуют правила ВАКа.

В отзыве ИСС на диссертацию Тонконогова наряду с крайне низким уровнем исследования указывается на правовой нигилизм. «Методологические установки, содержание, выводы и практические рекомендации грубо противоречат конституционным принципам свободы совести (ст. 28), а также принципам, составляющим основу конституционного строя: светскости государства и равенства религиозных объединений (ст. 14) и др.»[41]

Однако экспертный совет по философии, социологии и культурологии пришел к выводу, что «диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям Положением о порядке присуждения ученых степеней». Членов совета нисколько не смутили «научные» выводы диссертанта, среди которых: предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации (в частности, введение в российское законодательство понятий «сектанство», «секта», «ритуальное преступление»); предложение по созданию организации, объединяющей усилия правоохранительных органов, различных государственных и общественных структур и

---

[40] *Веремчук В. И.* Взаимодействие военной службы и религии на институциональном уровне управления - военно-религиозный институт // II Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения — 2005» «Будущее России: стратегии развития», секция «Военная социология». М., 2005. (CD).

[41] *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Отзыв Института свободы совести на диссертацию А. В. Тонконогова // Мир нравственности. 2005. № 11.

координирующей на международном уровне деятельность правоохранительных органов по вопросам профилактики социально опасных форм «сектантства»; идея создания в структуре криминальной милиции нового подразделения «по борьбе с социально опасными формами сектантства и культово-ритуальными преступлениями».

Президиум ВАК (протокол № 8к/6) согласился с рекомендацией экспертного совета, ограничившись замечанием в адрес диссертационного совета по процедуре защиты. 18 февраля 2005 года Президиум ВАК в соответствии с рекомендацией экспертного совета принял решение выдать диплом кандидата философских наук А. В. Тонконогову[42].

О направлениях научной мысли и соответствующих тенденциях говорят научные конференции, регулярно проходящие на базе силовых научно-образовательных учреждений.

В июне 2003 года в Нижегородской академии МВД РФ прошла научно-практическая конференция «Тоталитарные секты — угроза XXI века»[43]. Мероприятие для курсантов организовала кафедра юридической психологии и социологии этого учебного заведения. Под различными названиями такого рода форумы проводятся в шестой раз. Бессменным координатором конференции является доцент академии полковник Александр Лушин. Организаторы представили обзор деятельности новых религиозных движений в регионе и в стране. По сложившейся традиции перед курсантами выступил насельник Печерского Вознесенского монастыря иеромонах Олег (Осипов), кандидат медицинских наук, рассказавший о разрушительном воздействии деструктивных культов на духовное и физическое здоровье их последователей. На конференции прозвучали доклады «Влияние тоталитарных сект на экономическую безопасность страны»; «Нарушение социальных прав граждан со стороны деструктивных религиозных объединений»; «Тоталитарные секты как фактор угрозы безопасности Российского государства»; «Оценка деятельности новых религиозных движений с позиций Русской православной церкви». Большую часть выступающих составили сами курсанты. Представители Братства во имя св. благоверного князя Александра Невского вручили участникам конференции книги по истории РПЦ и новых религиозных движений.

Круглые столы «Духовность и правопорядок» (председатели — профессор Академии управления МВД Маргарита Стурова, заведующий сектором МВД Московского патриархата иерей Александр Ильяшенко) и «Актуальные вопросы служения Церкви в местах лишения свободы» (председатели — председатель отдела РПЦ МП по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами протоирей Димитрий Смирнов, иерей Александр Добродеев) состоялись 1 и 2 февраля 2006 года в рамках XIV Международных рождественских образовательных чтений.

Первый круглый стол прошел в Московском университете МВД России, второй — в актовом зале Министерства юстиции России. Ученые «силовики» говорили о деятельности так называемых сект, которые, по их мнению, угрожают безопасности государства и виноваты почти во всех бедах России.

Стурова выступила с докладом «Секты в России: их происхождение, сущность и направленность», а научный сотрудник Научно-исследовательского института уголовно-исправительной системы (УИС) Минюста России А. В. Тонконогов сообщил о

[42] ВАК утвердил диссертацию о «сектантстве», защищенную в Академии управления МВД России // Портал Кредо.Ру. 23 марта 2005.

[43] «Благовест-инфо». 6 июня 2003.

наличии вездесущих «сект» даже в УИС. Его доклад так и называется — «Деятельность сект в учреждениях УИС»[44].

Негосударственные структуры также проявили себя на ниве научного обоснования религиозной политики. Прежде всего это региональная общественная организация (РОО) «Институт государственно-конфессиональных отношений и права», проект «Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации» которой был рассмотрен выше[45].

Фактически организация занимается научно-информационным обеспечением деятельности РПЦ МП, т. е. является конфессионально ангажированной структурой. В то же время ее продукция предназначена для практической работы государственных служащих, а также для высших учебных заведений, общественных, политических и религиозных организаций.

В сфере интересов Института: дискредитация новых религиозных движений, продвижение приоритетного сотрудничества государства с «традиционными» религиозными организациями, искажение конституционного принципа светскости государства, а также продвижение клерикальной идеологизации государственной системы образования в России.

Один из первых проектов Института — энциклопедия «Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера»[46]. Первое и второе издания одноименного справочника, составившего основу энциклопедии, были изданы в миссионерском отделе РПЦ. Фактически энциклопедия является «черным списком» из более 500 организаций, который, будучи распространенным в органах государственной власти и управления, не раз служил инструментом мировоззренческой дискриминации в России. Кроме того, энциклопедия содержит «свыше 800 документов по проблематике религиозной безопасности, деятельности деструктивных религиозных сект и т. п.»[47]

Искажению конституционного принципа светскости государства, а также продвижению клерикальной идеологизации государственной системы образования в России посвящен ряд книг, выпущенных РОО, самыми объемными из которых являются «Правовые основы светскости государства и образования»[48] и «Светскость государства»[49].

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ)[50] занимает одну из ключевых позиций в современных отношениях государства и религиоз-

[44] В Московском университете МВД и Министерстве юстиции России ученые «силовики» говорили о «сектах» // Портал-Кредо.ру. 7 февраля 2006.

[45] Институт государственно-конфессиональных отношений и права был создан в 2000 г. как негосударственный исследовательский центр по проблемам религии в современном обществе и взаимоотношений между государством и религиозными объединениями. Директором его является сотрудник кафедры государственного строительства и права РАГС И. В. Понкин, иногда выступающий под псевдонимом Игорь Куликов. Сайт организации — «Государство и религия в России», — изначально созданный совместно с Главным управлением Минюста РФ по г. Москве и кафедрой религиоведения РАГС, служит инструментом «прокачки» интересов РПЦ МП и попутно травли не вписавшихся в современные отношения государства с религиозными объединениями.

[46] См.: Компакт-диск «Энциклопедия «Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера». М., 2002.

[47] Там же.

[48] См.: *Понкин И. В.* Правовые основы светскости государства и образования». М., 2003.

[49] См.: *Понкин И. В.* Светскость государства. М., 2004.

[50] Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ПСТБИ) создан в 1992 г. Весной 2004 г. по результатам повторной аттестации Министерство образования России присвоило ПСТБИ статус

ных объединений, является инициатором и соисполнителем целого ряда антиконституционных инициатив в области государственной системы образования.

«Весной 1999 года было создано отделение теологии в УМО университетов России. Зимой 2002 года образовательный стандарт по специальности «Теология» был утвержден Министерством образования РФ. За прошедшие годы Университет понес труды по внесению в государственный классификатор специальности «Теология», по организации работы Координационного совета между Министерством образования РФ и Московской патриархией, по созданию совета по Теологии в УМО классических университетов России, наконец, по разработке и внедрению государственных стандартов по «Теологии», утвержденных Министерством образования в 1999—2002 годах. Благодаря этому все большее число вузов Российской Федерации открывают теологические факультеты, отделения и кафедры и приступают к подготовке теологов… Везде Университет оказывает посильную помощь. Если учесть еще 12 центров дистанционного обучения в России и ближнем зарубежье, то получится 36 новых образовательных структур, где преподается православное вероучение, богословие, история церкви. Совет по теологии УМО по классическому университетскому образованию, созданный на базе исторического факультета МГУ и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета проводит экспертизу готовности вузов к реализации программ подготовки теологов, подготовку и рецензирование программ теологических дисциплин и перечней учебной литературы, грифование учебников и учебных пособий, усовершенствование и развитие содержания основных и дополнительных программ подготовки теологов»[51]. В последнее время ПСТГУ сосредоточил усилия на лоббировании православного ТВ-канала за госсчет.

При ПСТГУ функционирует кафедра сектоведения, возглавляет которую скандально известный «сектоборец» А. Л. Дворкин. «При кафедре сектоведения, возглавляемой А. Л. Дворкиным, проводится систематическая антисектантская работа. А. Л. Дворкин и диакон М. Плотников активно освещают сектантскую тематику в многочисленных выступлениях и интервью по радио и телевидению, постоянно публикуют материалы в церковной и светской прессе, как в российской, так и в зарубежной»[52].

То, что использование оскорбительного ярлыка «секта» разжигает ксенофобию, нетерпимость и насилие в многоконфессиональном российском обществе, нисколько не смущает ни Министерство образования, ни руководство ПСТГУ, ни патриарха Алексия II. Более того, последний даже наградил Дворкина орденом св. Иннокентия Московского.

университета. В связи с этим, по благословению патриарха Алексия II и решению Священного синода РПЦ, было изменено название. Ректор университета — протоиерей Владимир Воробьев. Сопредседателем попечительского совета ПСТГУ являются полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко. Один из важнейших результатов деятельности попечителей — получение здания Епархиального дома в Лиховом пер., который весной 2005 г. был передан университету в пользование (в настоящее время заканчивается оформление здания в собственность). Кроме того, попечительский совет предоставил ПСТГУ здание на Озерной ул., в котором помещаются в настоящее время пять факультетов. При поддержке попечительского совета было освоено также здание на Поклонной горе. ПСТГУ имеет государственную аккредитацию по трем образовательным направлениям — теологии, религиоведению и педагогике, а также по четырем специальностям — истории, филологии, искусствоведению и религиоведению. Таким образом, ПСТГУ может выдавать своим выпускникам государственные дипломы, что открывает широкие возможности для работы в государственных учреждениях.

[51] Сайт ПСТГУ — www.pstgu.ru.

[52] Там же.

Серьезную угрозу свободе совести, толерантности, межконфессиональному миру и согласию представляют «антисектантские» конференции, нередко целиком посвященные обличению и навешиванию негативных ярлыков новым религиозным движениям.

Они регулярно проходят в разных регионах, как правило, при одобрении и участии государственных структур и лиц. Названия форумов говорят сами за себя: «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма» (Екатерининбург, 9—11 декабря 2002), «Тоталитарные секты — путь к дестабилизации Северо-Кавказского региона» (Ставрополь, 28 сентября 2004), «Неопятидесятнические секты в России: угроза религиозного экстремизма» (Саратов, 10—11 мая 2005), «Духовная безопасность — основа единства народов России» (Элиста, 3 ноября, 2005), «Тоталитарные секты и демократическое государство» (Новосибирск, 9—11 ноября 2005) и т. д. и т. п.

Конференция в Екатерининбурге прошла под эгидой полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном круге П. М. Латышева и при участии сотрудников ряда государственных учреждений. Итоговый документ конференции констатирует, что «бесконтрольная деятельность тоталитарных сект (деструктивных культов) имеет характер неприкрытой экспансии, наносящей непоправимый вред здоровью людей, попирающая фундаментальные права человека, создает угрозу семье, обществу и государству» и единогласно «обращается к государственным властям России и других стран Восточной Европы с предложением о принятии жестких мер (в т. ч. законодательных) по ограничению деструктивной деятельности сект». К итоговому документу приложен список более 300 «наиболее известных деструктивных тоталитарных сект и групп», действующих в Российской Федерации».

14 декабря 2002 года Институт свободы совести распространил заявление[53], в котором говорится о недопустимости подобных мероприятий. В частности, отмечается, что «любое шельмование религиозных объединений, как и не правовая или антинаучная их классификация посредством приклеивания оскорбительных ярлыков, способно еще больше обострить социальную напряженность, поколебать и без того хрупкий мир. Власть должна помнить, что в обвиняемых на конференции религиозных объединениях находятся люди — граждане России, — которые вправе принадлежать к той или иной религиозной традиции или доктрине в соответствии со своим правом конституционным правом на мировоззренческий выбор. Вместо всенародного созидания новой России из-за неуклюжей внутренней политики люди в зависимости от их религиозного выбора ставятся в оппозицию к государству. Вместо борьбы с подлинными террористами некомпетентные чиновники ведут «бой с тенью», борются с мифами, которые сочиняются ради устранения экономических конкурентов пользующейся властной поддержкой и находящейся наиболее близко к государственным ресурсам конфессии. Таким образом, при одобрении и участии федеральной власти параллельно с формированием системы «специальных» государственных льгот и привилегий (в том числе прямое государственное финансирование в целом ряде областей, включая образование) для «традиционных религиозных организаций» готовится некая база для репрессий в отношении «нетрадиционных». Иными словами, наряду с превраще-

[53] Позиция Института свободы совести в связи с конференцией «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма» // *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: Информационно-аналитический отчет Института свободы совести 2001 — начало 2004 гг. М., 2004. С. 152—155.

нием «традиционных» конфессий в административный ресурс власти, позволяющий манипулировать электоральным сознанием, предполагается устранение любой альтернативы очередной государственной идеологии, на сей раз бесстыдно прячущейся в религиозные одежды».

По мнению ИСС «указанные деструктивные процессы, в значительной мере обусловленные политическими и корпоративными интересами, становятся реальностью при отсутствии адекватной научной и правовой оценки. В результате чего собственно и формируется антиконституционная законодательная база, основанная на неправовом понятийном аппарате».

Особую озабоченность ИСС вызывает тот факт, что «в мероприятиях по распространению религиозной ксенофобии участвуют государственные служащие в стенах государственного учреждения».

Конференция в Новосибирске была одобрена полномочным представителем Президента РФ в СФО А. В. Квашниным, губернатором области В. А. Толоконским, мэром г. Новосибирска В. Ф. Городецким и прошла при участии представителей управлений здравоохранения, образования, УВД, ФСБ.

В принятом единогласно обращении участников конференции к органам государственной власти в регионах Российской Федерации и СНГ доверительно сообщается, что «факты предоставления помещений и земельных участков в арендное и иное пользование для нужд тоталитарных деструктивных сект способствуют распространению и активизации деструктивной деятельности этих организаций, зачастую нарушающих принцип свободы личности, разрушающих семьи и национальную культуру, подрывающих основы национальной безопасности и государственной целостности».

Участники конференции выступают со следующей рекомендацией: «в процессе предоставления земельных участков и архитектурных строений в арендное и иное пользование для нужд организаций, зарекомендовавших себя в качестве тоталитарных деструктивных сект, представители государственной власти должны основываться на принципе пропорциональности, принимая во внимание плотность проживания людей, принадлежащих к религиозной организации-просительнице, в сравнении с численностью населения, исповедующего традиционные для данного региона религии».

Участники конференции считают крайне полезным опыт Новосибирской области, «где для наиболее оптимального решения данной проблемы были созданы комитеты по обсуждению правомочности предоставления земельных участков и архитектурных зданий религиозным организациям, в которые вошли представители традиционных для России религий»[54].

В приложении также содержался «черный список» около 500 объединений под названием «Наиболее известные деструктивные тоталитарные секты и группы, обладающие значительным числом признаков таковых, а также оккультные центры и движения, действующие в Российской Федерации, Украине и Казахстане».

Конференция в Саратове прошла на базе Саратовского государственного университета и Саратовской епархии РПЦ МП.

В итоговом документе 232 участника форума — религиоведы, психологи, медики, представители общественных и религиозных организаций, а также органов государс-

[54] Обращение участников международной конференции «Тоталитарные секты и демократическое государство» к органам государственной власти в регионах Российской Федерации и СНГ. Новосибирск. 9—11 ноября 2004.

твенной власти — заявили об опасности, исходящей от объединений, исповедующих неопятидесятническое учение. Как говорится в резолюции, их деятельность представляет собой агрессивную экспансию, наносит вред физическому и духовному здоровью людей, провоцирует религиозно-политический экстремизм, создает угрозу семье, обществу и государству[55].

Общим местом практически всех «антисектантских» мероприятий является апелляция представителей «традиционных» религий к государству с целью поставить заслон «деструктивному тоталитарному сектантству», которое нередко приравнивается к «религиозному экстремизму» и «терроризму». При этом игнорируется действующее законодательство.

Использование неправовых и оскорбительных понятий «секта», «тоталитарная секта» в деятельности госструктур, в публичных мероприятиях, а также в СМИ является недопустимым, так как разжигает ксенофобию, нетерпимость и насилие в поликонфессиональном российском обществе.

Многочисленные конференции на тему свободы совести и толерантности проводит всероссийская общественная организация «Российское объединение исследователей религии» (РОИР)[56].

Вот только некоторые из них: «Свобода совести в российском и международном законодательстве» (Москва, май 2002); «Северная столица — перекресток духовных традиций» (Санкт-Петербург, декабрь 2002); «Проблемы религиоведческой экспертизы деятельности религиозных объединений» (Санкт-Петербург, апрель 2003); «Межконфессиональный диалог и толерантность — основа гражданского мира и согласия в Российской Федерации» (Красноярск, апрель 2003); «Свобода совести в современном российском обществе: конституционные принципы, законодательное обеспечение, правовая защита» (Владивосток, май 2003); «Власть и церковь в Советском Союзе и странах Восточной Европы» (Москва, октябрь 2003); «Толерантность — путь к утверждению прав человека, демократии и законности» (Волгоград, ноябрь 2003); «Общественные объединения как фактор становления и развития гражданского общества в России» (Самара, 24—26 ноября 2004); «Свобода совести, религии и церкви на постсоветском пространстве» (Санкт-Петербург, 17—20 марта 2005); «Закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях»: правоприменительная практика (1997—2005)» (Омск, 1—2 июня 2005); VIII межрегиональный научно-практический семинар «Свобода совести, толерантность, права человека — основные ценности гражданского общества». (Сочи, 15—17 сентября 2005); IX межрегиональный научно-практический семинар «Проблемы обеспечения и защиты прав человека и гражданина на свободу совести в российском обществе» (Хабаровск, 13—15 октября 2005); II международный научно-практический семинар «Свобода совести в век российского парламентаризма: исторические уроки, современные правовые коллизии, насущные задачи защиты прав человека. К 100-летию начала работы Первой Государственной думы» (Санкт-Петербург, 26—29 апреля 2006).

---

[55] Саратовские неопятидесятники приняли участие в конференции «Неопятидесятнические секты в России: угроза религиозного экстремизма» // Религиоведение.Ру. 14 мая 2005.

[56] Российское объединение исследователей религии было создано в 2001 г. и в настоящее время охватило более половины регионов России. Создателем и президентом РОИР является сотрудник аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ М. И. Одинцов — бывший сотрудник Совета по делам религий при СМ СССР и кафедры религиоведения РАГС при Президенте РФ.

Особенностью большинства вышеназванных мероприятий является некритическая оценка состояния реализации свободы совести. Много говорится о проблемах в деятельности религиозных объединений и отдельных нарушениях, но ничего о системном кризисе и антиконституционной религиозной политике власти. Главными виновниками нарушений называются региональные чиновники, для просвещения которых якобы и проводятся конференции и семинары.

Кроме того, на этих форумах постоянно «прокачиваются» антиконституционные идеи создания госоргана по делам религий и заключения специальных договоров (конкордатов) между государством и религиозными организациями.

В целом методологической основой деятельности РОИР является приоритет вероисповедной политики перед конституционными принципами в области свободы совести, унаследованный от кафедры религиоведения РАГС, стоящей на страже «вероисповедной вертикали».

Вызывает озабоченность ситуация в государственной высшей школе. Приказом Министерства образования № 686 от 2 марта 2000 года в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей внесен стандарт по специальности «теология»[57]. Это при том, что «в начале нового тысячелетия стараниями Минобразования (которое, между прочим, уже не один год ратует за гуманизацию и гуманитаризацию образования) в России перестали готовить педагогов-обществоведов… Правоведение не стало обязательной дисциплиной федерального компонента стандарта… курс «Правоведение» вуз может ввести, если сочтет необходимым. Но если он даже его и введет, то образовательный стандарт ни по этой дисциплине, ни по какой-либо другой даже не предусматривает таких дидактических единиц, как Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о правах ребенка, Европейская конвенция о защите прав человека…, Европейский суд по правам человека, «Культура мира»[58].

В то же время направление «Теология» было утверждено приказом замминистра образования еще в 1993 году Следует особо отметить, что в России никогда не было дисциплины с таким названием. С греко-латинского «теология» переводится как «богословие». Очевидно, что новое название ввели, чтобы скрыть от широкой общественности явно антиконституционный характер введения богословия в государственную систему высшего образования.

В государственных вузах некоторых регионов (например, в Алтайском крае, Омской, Тверской, Ивановской областях) много лет действуют кафедры и факультеты богословия на основе местных епархий РПЦ, что противоречит Конституции РФ и ФЗ «Об образовании», предусматривающих светский характер учебного процесса в государственных образовательных структурах. Первопроходцем стал Омский университет, в котором еще летом 1994 года на специальность «теология» было набрано 25 человек.

22 октября 2003 года в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ) впервые состоялась защита дипломных работ по специальности «теология». Как сообщает «Седмица» со ссылкой на пресс-службу Владивостокско-Приморской епархии, на суд государственной экзаменационной комиссии было представлено шесть

---

[57] См.: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности «Теология».

[58] *Азаров А.* Неужто теология предпочтительнее? Невеселые размышления правозащитника о правовом просвещении в России // Юридический вестник. Июль 2001. № 13 (267).

дипломных работ. Все они были приняты членами комиссии с оценкой «отлично». Первые выпускники-теологи — люди, имеющие достаточный жизненный опыт. Курс обучения они прошли за три с половиной года. Кафедра теологии и религиоведения открылось в 1999 году в Институте истории и философии ДВГУ. Заведует кафедрой архиепископ Владивостокский и Приморский Вениамин, кандидат богословия, профессор. В текущем учебном году также ожидается выпуск первых студентов, обучающихся на дневном отделении по специальностям «теология» и «религиоведение».

В Рязанском государственном педагогическом университете факультет теологии работает уже несколько лет. Газета «Аргументы и факты», отвечая на вопрос одного их читателей, рассказывает, что выпускники отделения теологии могут работать в административных учреждениях консультантами по конфессиональным вопросам, вести в общеобразовательных школах такие предметы, как обществоведение, история мировых религий, преподавать основы православной культуры. Сами теологи рассказали, что они получали предложения работать в том числе и во властных структурах[59]. Как в политике региональных властей, так и практике подготовки кадров университета предпочтение отдается православию[60].

В общей сложности православную «теологию», по данным на 2004 год, преподают в 24-х вузах, из них 20 — госуниверситеты. Еще восемь университетов собирались ввести преподавание теологии с 2005/2006 учебного года[61].

По тексту стандарта «предметом теологии являются накопленные в течение длительного исторического срока религиозный опыт, памятники религиозной культуры, а также интеллектуальное и духовное богатство». Специалисты теологи должны будут осуществлять свою профессиональную деятельность в государственных и муниципальных образовательных учреждениях как преподаватели; в воспитательной работе с детьми и молодежью и в группах социальной адаптации и реабилитации; в составе экспертных комиссий и в качестве независимых экспертов.

Несмотря на то, что в вышеупомянутом стандарте говорится о светском характере подготовки теологов, она носит ярко выраженный конфессиональный характер — «теологии вообще» не бывает.

Удивительно, но под светским характером чиновники Минобразования полагают отсутствие культовых обрядов в процессе обучения и то, что «образование специалистов теологии не преследует цели подготовки священнослужителей». В тексте государственного теологического стандарта говорится, что «конфессиональная специфика подготовки специалиста теолога учитывается прежде всего за счет дисциплин конфессиональной подготовки, который разрабатывается по предложению конфессии на основе утвержденного инвариантного макета, исходя из общего количества часов, отведенных на его изучение». Цикл дисциплин конфессиональной подготовки (ДКП) составляет только в явной форме более трети (3653 часа) из общего массива (9623 часа).

Как следует из раздела «Требования к разработке и условия реализации основной образовательной программы подготовки выпускника по специальности 020500 теология», при разработке своей основной образовательной программы вуз имеет право «устанавливать необходимую глубину преподавания отдельных разделов дисциплин, входящих в циклы гуманитарных и социально-экономических, математических и ес-

[59] Кем будут теологи? // Аргументы и факты — Рязань. № 27. июль 2005.

[60] Доклад о положении с правами человека в Рязанской области в 2005 году.

[61] www.pstgu.ru.

тественнонаучных дисциплин в соответствии с профилем цикла дисциплин конфессиональной подготовки».

В зависимости от того, кто и как будет преподавать, реальная конфессионально ориентированная подготовка может увеличиться за счет общепрофессиональных дисциплин (ОПД) на 2295 часов; гуманитарных и социально-экономических дисциплин (ГСЭ) — на 1800 часов и факультативов (ФТД) — на 450 часов. Будем считать, что математические и естественнонаучные дисциплины (ЕН), 550 часов, не станут преподавать на конфессиональный лад.

Вот такая «конфессиональная светскость» получается. Хотя чиновники Минобразования и представители патриархии в один голос говорят о «светском религиозном образовании» (!), подразумевая «изучение религии и религиозной культуры в образовательных учреждениях разных типов».

С юридической точки зрения максимально корректным является определение светского характера образования как мировоззренчески нейтрального, равноудаленного, безоценочного, то есть не отдающего предпочтения никакому мировоззрению — ни религиозному, ни атеистическому.

Несмотря на то, что термин «традиционная религиозная организация» в качестве правового пока оформить не удалось, отмечены попытки ввести его де-факто и придать клерикализации государственной системы образования ударные темпы. Характерно, что инициатива исходит от федеральной власти[62].

10—11 октября 2002 года состоялась научно-практическая конференция «Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования». Ее организаторами выступили полномочные представители президента РФ в Центральном, Приволжском и Южном федеральных округах, Министерство образования РФ, Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной думы, Межрелигиозный совет России. Последний, судя по всему, был заявлен для приличия — фактически конференция была посвящена решению тактических вопросов взаимодействия МП с государством в сфере образования.

Трудно сказать, понимают ли остальные религиозные лидеры, что их используют в качестве массовки. Вообще-то для сакрализации власти нужна только одна конфессия — «самая традиционная». Однако председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин напомнил собранию о конституционных принципах и заявил: «Мы против того, чтобы нас причисляли к инородцам»[63].

[62] Власть старается это скрыть и доказать, что «в развитии отношений между государственными структурами и религиозными организациями инициатива исходит снизу, от местных органов власти, а не от федерального центра. За последние годы в большинстве субъектов Российской Федерации Центрального федерального округа сформировалась вполне определенная практика взаимодействия органов государственной власти и епархий Русской православной церкви. В 16 субъектах заключены договоры о сотрудничестве между епархией и органом управления образованием» (*Полтавченко Г. С.* Духовность и государственность // Государство и религиозные объединения. М., 2002. С. 9).

[63] 22 октября Р. Гайнутдин в письме заместителю председателя Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ А. Е. Себенцову выразил озабоченность по ряду позиций: «Во-первых, в период подготовки и проведения конференции не была соблюдена квотность и равномерность в приглашении участников, определении выступающих, ведущих круглых столов… Во-вторых, в проекте итогового документа, который так и не был поставлен на голосование, не нашла полноценного отражения позиция Совета муфтиев России, а также ряда представителей государственных структур и преподавателей высших учебных заведений страны. В-третьих, на конференции был поставлен (секция № 3), но не нашел ответа вопрос об эффективности государственной системы образования в вопросах воспитания духовности и нравственности у россиян. Никто не доказал, что воспитательная работа в системе госу-

Наряду с ростом в обществе православной религиозности полпреды Президента РФ также отметили рост наркомании, преступности, беспризорности. Выходит, это явления одного порядка?

По тону выступлений государственных чиновников категории «А» было ясно, что стратегические вопросы федерального уровня давно были решены. В проекте резолюции конференции черным по белому написано: «Обобщая опыт взаимодействия религиозных организаций с федеральными и региональными органами государственной власти Российской Федерации, участники конференции отметили следующее: стратегические цели деятельности Российского государства и традиционных религиозных организаций народов России в сфере образования, направленные на духовно-нравственное просвещение населения, развитие институтов гражданского общества и укрепление российской государственности, полностью совпадают».

Лейтмотивом конференции стал красноречивый тезис, также закрепленный в проекте резолюции: «Образовательная деятельность традиционных религиозных организаций, осуществляемая в интересах всего российского общества, нуждается в помощи государства».

Среди конкретных направлений взаимодействия религиозных организаций (читай — РПЦ МП) и государства в сфере образования — подготовка специалистов в сфере изучения религии и религиозной культуры в образовательных учреждениях разных типов и профессионального религиозного образования; участие в широком спектре социально значимых проектов, особенно ориентированных на детей, подростков и молодежи.

В рекомендациях конференции наряду с техническими моментами прослеживаются следующие приоритеты: «На данном этапе необходимо совершенствование законодательной базы для широкого партнерства государства и религиозных организаций в сфере образования. При доработке и подготовке нормативно-правовых актов важно учитывать позицию религиозных организаций, их законные интересы, а также привлекать представителей религиозных организаций к участию в разработке нормативно-правовых актов». То же на уровне регионов: «Рекомендовать государственным органам управления образования в субъектах Российской Федерации включать в региональный компонент образования учебные предметы и курсы, направленные на приобщение школьников к общезначимым ценностям традиционной религиозной культуры народов России. Одновременно необходимо совершенствовать региональное законодательство в целях максимального использования возможностей традиционных конфессий в развитии духовного потенциала светской школы, ее образовательных, в том числе воспитательных, возможностей».

По результатам конференции В. В. Путину от имени полномочных представителей была направлена докладная записка. Полпреды, в частности, указывают на «актуальность приобщения в государственных и муниципальных образовательных учреждениях детей и молодежи к религиозным ценностям, имеющим общенациональную культурную значимость, обусловлена тем, что это способствует воспитанию граж-

---

дарственного образования является менее эффективной по сравнению с религиозным образованием, при условии, что такая задача перед средней и высшей школой государством будет поставлена… В-четвертых, полагаем необходимым еще раз четко сформулировать нашу позицию по вопросу введения в среднюю школу предмета «Основы православной культуры», как и любого иного, преследующего цели вовлечения учащихся в религиозную организацию помимо их воли».

данственности, патриотизма, культуры межнационального и межрелигиозного общения, любви к Родине, семье, соотечественникам и согражданам; содействует формированию нравственной, эстетической и правовой культуры учащихся; вырабатывает добросовестное отношение к труду, ответственность и добропорядочность в трудовых отношениях; содействует самоидентификации личности; формирует терпимость, способствует предупреждению экстремистских проявлений в молодежной среде». Далее сообщается, что «оторванность сферы религиозного образования от единого государственного образовательного пространства Российской Федерации не только способствует распространению экстремизма, но и неблагоприятно сказывается на качестве образования в религиозных учебных заведениях». В качестве решения предлагается «поэтапная интеграция религиозного образования в государственную и муниципальную систему образования посредством государственного лицензирования и аккредитации, перехода учебных заведений, учрежденных религиозными организациями, на государственные образовательные стандарты в преподавании ряда дисциплин, оказания им помощи в учебно-методическом обеспечении образовательного процесса, в подготовке кадров, признании дипломов и ученых степеней религиозных учебных заведений, развитие спектра культурологических учебных курсов религиозной направленности, преподаваемых в рамках вариативной части образовательной программы в государственных и муниципальных образовательных учреждениях».

Таким образом, на конференции «Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования» власть «дала добро» Министерству образования РФ на массовую клерикальную идеологизацию государственной системы образования, сформулировав рекомендации по «интеграции в систему образования общезначимых ценностей религиозной культуры, в том числе путем разработки научного и учебно-методического обеспечения преподавания учебных предметов и курсов традиционной религиозной культуры в светской школе», которая «способствует становлению различных форм изучения традиционной религиозной культуры в системе государственного и муниципального образования, удовлетворению социального запроса на получение образования в соответствии с ценностями национальной культуры».

Тенденции клерикальной идеологизации коснулись и военного образования. «Как известно, в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования и квалификационных требованиях к военно-профессиональной подготовке выпускников вузов МО РФ не предусмотрено формирование у обучаемых религиозного мировоззрения, а также приобретение знаний религиозных традиций и навыков культового поведения, что исключает преподавание богословских дисциплин в военно-учебных заведениях МО РФ. Тем не менее со стороны ряда военачальников, руководителей военно-учебных заведений и духовенства РПЦ были предприняты серьезные шаги по проникновению в светскую систему образования… В докладе начальника Главного управления кадров и военного образования МО РФ генерал-полковника Евгения Высоцкого от 7 августа 1996 года «О соблюдении светского характера образования в военно-учебных заведениях», подготовленном к заседанию правительственной Комиссии по вопросам религиозных объединений, отмечалось, что «Русская православная церковь пытается распространить свое влияние на содержание образовательного процесса в военно-учебных заведениях через включение в учебные планы и программы богословских дисциплин». Результатом этой деятельности явилось открытие в ряде вузов факультетов православной культуры. Первый

такой факультет был создан в 1996 году решением генерала И. Сергеева, в то время главнокомандующего Ракетными войсками стратегического направления (РВСН), в Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского (ныне — Военная академия им. Петра Великого). Вслед за этим на основании директивы ГК РВСН подобные факультеты стали создаваться и в других вузах РВСН, а позже эти процессы распространились на учебные заведения других видов и родов войск. Руководство РВСН попросту проигнорировало существующий в Вооруженных силах порядок, согласно которому все вопросы, касающиеся дополнительного профессионального образования, находятся в компетенции Главного управления кадров и военного образования МО РФ. Однако в Положении о факультете православной культуры вопросы определения содержания учебной, методической и научной работы, порядка формирования факультета и контроля за его деятельностью возложены на декана, назначаемого приказом по вузу *с благословения* отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. Обучение слушателей на факультете из числа постоянного состава академии осуществляется за счет бюджета служебного времени, а переменного — за счет учебного времени, отводимого на изучение факультативных и элективных учебных курсов в ущерб военно-профессиональной и гуманитарной подготовке»[64].

Тенденция клерикальной идеологизации образования коснулась также системы учебных заведений МВД. «Выступая с докладом на Рождественских чтениях в 1997 году, начальник Академии МВД генерал-лейтенант Н. И. Демидов так определил одну из целей программы нового факультета: «Работники кадровых аппаратов, руководители уголовно-исполнительных учреждений получат сведения об изуверских и всякого рода запрещенных сектах, которые под видом свободы вероисповедания стремятся достичь противоправных целей»[65].

8 декабря 2004 года Рязанский филиал Московского университета МВД и Рязанская епархия подписали соглашение о сотрудничестве.

Направления «соработничества» никто и не собирался скрывать. Глава епархии РПЦ МП отметил, что правоохранительные органы призваны «быть на страже духовного мира каждого члена общества». В качестве угрозы он указал на «все новые и новые деструктивные секты, которые пытаются разрушить души людей». «Кто эти сектанты, и какую угрозу они представляют, вы должны знать. Надо знать с кем придется бороться и от чего защищать наш народ», — сказал владыка.

Названные факты являются лишь отражением системы, сложившейся в образовательных учреждениях силовых структур и направленной на воспроизводство религиозной ксенофобии, нетерпимости и дискриминации.

---

[64] Мозговой С. А. Силовики благочестия // Отечественные записки. № 1. 2003. С. 80—81.

[65] Там же. С. 81.

ПОЗИЦИЯ ПО ВОПРОСАМ СВОБОДЫ УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ

ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВА

С. А. Бурьянов, Институт свободы совести

Статья 14 Конституции провозглашает Российскую Федерацию светским государством, никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В соответствии со статьей 13 «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» запрещает использовать должностные полномочия в интересах религиозных объединений и иных организаций, а также публично выражать отношение к указанным объединениям и организациям в качестве гражданского служащего, если это не входит в его должностные обязанности (пп. 13 п. 1 ст. 17) и создавать в государственных органах структуры… религиозных объединений или способствовать созданию указанных структур (пп. 14 п. 1 ст. 17).

Несмотря на то что светскость (мировоззренческий нейтралитет) государства является одной из важнейших гарантий свободы совести в России имеют место грубейшие системные нарушения этого принципа, наиболее цинично и антиконституционно проявляющие себя в форме клерикальной идеологизации органов власти и государственного управления, силовых структур, государственной системы образования.

Следует отметить, что начиналась клерикальная идеологизация государства с возрождения РПЦ, которая понесла колоссальные потери в период коммунистических репрессий, и многих других конфессий, пострадавших, пожалуй, не меньше и выживших ценой страданий и жертв многих поколений верующих.

Однако инициатива в деле религиозного возрождения была перехвачена властью, унаследовавшей опыт утилитарно-потребительского использования религии. Начатое снизу религиозное возрождение, направляясь сверху, стало трансформироваться в ползучую клерикализацию, все больше принимая циничные формы клерикальной идеологии. Прежде всего объектом клерикальной идеологизации становится сама исполнительная власть — от федеральной до местной.

Соответственно позиция государственной власти (исполнительной, законодательной, судебной) по вопросам свободы убеждений, совести и религии формулируется и воспроизводится в деятельности ключевых фигур — высокопоставленных государственных чиновников — и специальных структур — различных консультативных, совещательных органов, экспертных советов.

На федеральном уровне тон клерикальной идеологизации задает президент России, он же гарант ее Конституции.

Экс-президент Б. Н. Ельцин был далек от церкви, но по политической необходимости стоял со свечкой в храме РПЦ, а «начиная с 1994 года по нарастающей пошел

процесс срастания Московской патриархии с кремлевской клептократией, и при внешней демонстрации своей «аполитичности» она в конечном счете поддержала правящий режим во всех его действиях, неоднозначно воспринимаемых в российском обществе, будь то чеченская кампания или переизбрание Ельцина на второй срок в 1996 году»[1].

Еще в декабре 1999 года Московская патриархия обнаружила, что В. В. Путин расположен к сотрудничеству в большей степени, чем Ельцин. «Чего стоила одна передача полномочий 31 декабря, при которой присутствовали не высшие чиновники, не главы палат парламента, не председатель Конституционного суда, а именно и только патриарх Московский и Всея Руси. Тогда Владимир Путин попросил у Алексия II благословения на свою деятельность и получил его»[2].

Действительно, «нельзя понять, какой светский правовой смысл имеет присутствие патриарха при передаче полномочий и «ядерного чемоданчика» от действующего президента исполняющему обязанности, но достаточно ясен сакральный смысл передачи Власти, символизированной Могучим Оружием, стареющим Вождем молодому в присутствии Жреца»[3].

Аналитическая служба «Православие — 2000» в новогоднем комментарии отметила, что это, конечно не венчание на царство, но нечто очень похожее. «Представленная картина изображает уже как бы почти установившимся — причем задолго до официальных выборов президента — режим новой русской православной монархии. Собственно, в недрах РПЦ не нова позиция предпочтения авторитарной державности конституционному строю постсоветской России»[4].

Президент Путин не только активно позиционирует себя в качестве православного, но и делает заявления, что «у нас в основном христианская, православная страна». О многом говорит посредничество президента многоконфессионального светского государства в переговорах РПЦ МП с Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Как известно, президент передал первоиерарху РПЦЗ письмо патриарха РПЦ с приглашением посетить Россию. А затем передал письменный ответ митрополита Лавра патриарху Алексию II.

20 сентября 2003 года Путин в интервью американским журналистам сказал: «Я глава российского государства. И здесь, как вы знаете, ведущая религия — это православная церковь, Московский патриархат. Из всех верующих 90 % — православные. Вы понимаете, что я имею в виду: не все люди верующие, но если мы возьмем всех верующих, то 90 % окажутся православными… Может быть, вы знаете, мы приняли закон о вероисповедании. Он противоречивый. Он вызывает диспуты в нашей стране, да и у международного сообщества есть различные соображения. Но мы имеем закон о свободе вероисповедания. Я не помню точно названия закона, но в нем говорится о четырех основных вероисповеданиях — христианском русском православии, мусульманстве, иудаизме и буддизме. Все остальные вероисповедания имеют равные права в

---

[1] *Павлов И.* РПЦ в контексте политической трансформации России // Диа-Логос: религия и общество. 2001. С. 75.

[2] *Верховский А.* Религиозный фактор в парламентской и президентской компаниях в России // Диа-Логос: религия и общество. 2001. С. 45—46.

[3] *Куренной В.* Власть и Церковь: мотивы и перспективы сближения // Отечественные записки. № 1. 2001. С. 52.

[4] *Курикалов Ю.* Новые тенденции в российской политики и православаие // Диа-Логос: религия и общество. 2001. С. 101.

жизни и по закону, но эти четыре признаются основными. Это значит, что эти четыре вероисповедания названы в российском федеральном законе ключевыми, главными, крупнейшими вероисповеданиями, росшими на российской почве. Другие вероисповедания не дискриминируются никоим образом, они имеют равные права. Но самой многочисленной из них будет Русская православная церковь. И, конечно, я должен, я обязан принимать это во внимание»[5].

26 марта 2004 года, выступая на форуме народов Кавказа, Путин сказал, что «у государства есть такая обязанность поддерживать и религиозные конфессии, и наших духовных лидеров, и делать это в рамках закона. По словам президента, то же необходимо сделать «и в области собственности»: «Правительству даны соответствующие поручения, этот вопрос прорабатывается. И такие решения будут приняты».

При Президенте РФ функционирует консультативный орган — Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, — осуществляющий предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений, касающихся взаимодействия президента с религиозными объединениями[6].

Со времени образования Совета его количественный и персональный состав неоднократно изменялся. Сейчас его возглавляет руководитель Администрации Президента РФ. Совет решает следующие задачи: представляет президенту аналитические материалы и доклады, рекомендации по вопросам политики в области взаимоотношений государства и религиозных объединений; обсуждает проекты федеральных законов, указов Президента РФ, иных нормативных правовых актов, затрагивающих взаимоотношения государства и религиозных объединений, и готовит соответствующие предложения президенту; изучает проблемы, связанные с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между представителями различных вероисповеданий; анализирует зарубежное законодательство и практику взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, поддерживает контакты с соответствующими структурами иностранных государств; публикует справочные и информационно-аналитические материалы.

Совет взаимодействует с Комитетом Государственной думы по делам общественных объединений и религиозных организаций и Комиссией по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ.

Состав Совета утверждается Президентом РФ. Членами Совета являются главы церквей и религиозные деятели, представляющие Русскую православную церковь, Русскую православную старообрядческую церковь, Армянскую апостольскую церковь, Римско-католическую церковь, а также мусульманские, буддистские, иудейские, протестантские религиозные организации. Кроме того, в Совет входят ученые-религиоведы, а также представители Администрации Президента РФ.

Всего было проведено более 12 заседаний Совета, на которых в общей сложности рассмотрено около 35 вопросов государственно-конфессиональных отношений, проведено 10 заседаний рабочих групп.

Значительное внимание уделялось вопросам законодательства. Например, не вполне соответствующий Конституции РФ Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» был принят и подписан Президентом РФ после обсуждения его

---

[5] Неизвестное интервью Путина: экспортный вариант // NEWSru.com, 29 сентября 2003.

[6] Утвержден распоряжением Президента РФ от 2 августа 1995 года № 357-рп (в ред., распоряжения Президента РФ от 17 марта 2001 года № 133-рп).

на заседании Совета. По инициативе членов Совета был издан Указ Президента РФ «О подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства». В соответствии с рекомендациями Совета был издан Указ Президента РФ «О предоставлении священнослужителям отсрочки от призыва на военную службу».

29 сентября 2004 года после трехлетнего перерыва состоялось заседание Совета под председательством В. В. Путина. Оно было посвящено теме «О деятельности религиозных организаций по консолидации гражданского общества, противодействию глобальной угрозе терроризма и экстремизма» и приурочено к трагическим событиям в Беслане. В заседании принял участие Алексий II. Участники единодушно осудили заказчиков и исполнителей террористических актов, поддержали действия властей по обеспечению безопасности граждан. Было отмечено, что для отпора терроризму необходимо объединение усилий государства и гражданского общества, в том числе религиозных организаций. Указывалось на необходимость лишить террористов возможности использовать в своих целях религию. По результатам состоявшегося обсуждения было принято заявление, в котором, в частности, говорится следующее: «Для эффективного отпора терроризму необходимо объединение усилий государства и гражданского общества, консолидация религиозных организаций, общественных объединений, политических партий, всех граждан страны. И мы поддерживаем действия российских властей по обеспечению безопасности граждан и обузданию терроризма, объявленные Президентом России В. В. Путиным. Считаем продуктивной идею создания Общественной палаты при Федеральном Собрании Российской Федерации, поскольку при рассмотрении ключевых вопросов, стоящих перед страной, учет мнения общества крайне важен».

Заседание 1 июня 2005 года прошло под председательством руководителя Администрации Президента РФ В. А. Медведева. В нем приняли участие члены Совета от РПЦ МП митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, управляющий делами Московской патриархии митрополит Калужский и Боровский Климент, ректор Московских духовных академии и семинарии архиепископ Верейский Евгений. Среди выступавших был также протоиерей Всеволод Чаплин, заместитель председателя отдела внешних церковных связей Московского патриархата. Темой дискуссии были заявлены вопросы взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений в укреплении веротерпимости и общественного согласия, совершенствовании межрелигиозного диалога. Были затронуты также некоторые вопросы развития законодательства, касающегося деятельности религиозных объединений, и практические проблемы их жизни. В заявлении, принятом по итогам заседания, говорится о поддержке власти: «Трудно переоценить важность той роли, которую играет государство в обеспечении гражданского мира и согласия. Мы поддерживаем деятельность Президента России В. В. Путина, всех органов государственной власти по созданию благоприятных условий для деятельности религиозных организаций, развития национальных культур. Мы готовы и впредь оказывать российскому государству поддержку в решительном противодействии любым проявлениям нетерпимости, национального и религиозного экстремизма»[7].

Проводниками государственной политики в области свободы совести на уровне семи федеральных округов являются полномочные представители Президента РФ.

[7] Заявление членов Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. Москва, 01 июня 2005 г. // Портал-Кредо.ру. 1 июня 2005.

Например, 25 января 2002 года на федеральном уровне состоялась научно-практическая конференция «Государство и традиционные религиозные объединения. Концептуальные основы взаимоотношений на примере Центрального федерального округа».

Вел конференцию полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко. Он призвал всячески поддерживать «традиционные» религиозные организации, которые являются «оплотом нравственности», попутно призвав «ограничить распространение деструктивных псевдорелигиозных организаций». Полтавченко также сообщил, что «в большинстве субъектов РФ ЦФО сформировалась вполне определенная практика взаимодействия органов государственной власти и епархий РПЦ. В 16 субъектах заключены договоры о сотрудничестве между епархией и местной администрацией. В девяти регионах действуют договора о сотрудничестве между епархией и органом управления образованием»[8].

Среди докладчиков фигурировали председатель Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Госдумы РФ В. И. Зоркальцев, заместитель начальника Главного управления Минюста России по г. Москве В. Н. Жбанков (печально известный в связи с судебным преследованием «Свидетелей Иеговы» и «Армии Спасения») и председатель отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Кирилл (Гундяев).

В рекомендациях конференции дается положительная оценка ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», оценивается как позитивная и заслуживающая расширения практика заключения договоров о сотрудничестве между субъектами Федерации и подразделениями «традиционных» религиозных организаций, говорится о необходимости поддержки усилий «традиционных» конфессий «в деле подготовки отечественных богословских кадров для работы в сфере религиозного образования», предлагается усилить меры по противодействию «религиозному экстремизму» и борьбе за «духовную безопасность» на основе взаимодействия государства с «традиционными» религиозными организациями, говорится об опасности расширения деятельности «деструктивных» религиозных объединений, в связи с чем предлагается создать государственную комиссию по изучению их деятельности при Совете безопасности РФ[9].

27 апреля 2002 года Полтавченко написал письмо (№ А50-3699) мэру Москвы Ю. М. Лужкову, в котором сообщил о разработанном Общественно-политическим экспертным советом проекте «Православие и образование». Полпред Президента РФ просит мэра помочь в воплощении проекта, предполагающего «создание на базе ряда государственных школ с этнокультурным компонентом особого образовательного центра «Православие и образование». По мнению разработчиков проекта «Православие и образование», «наиболее благоприятные условия для осуществления этой идеи имеются в новостроящемся районе Куркино на Северо-Западе Москвы. В этом месте есть возможности для создания и обустройства храма и школы в рамках единого комплекса, что очень важно для полноценного воплощения проекта в жизнь».

---

[8] *Полтавченко Г. С.* Духовность и государственность // Государство и религиозные объединения: Материалы научно-практической конференции 25 января 2002 года. М., 2002. С. 3—9.

[9] Рекомендации научно-практическая конференция «Государство и традиционные религиозные объединения. Концептуальные основы взаимоотношений на примере Центрального федерального округа // Там же. С. 132—135.

10 октября 2002 года Полтавченко снова высказался по проблеме религиозного образования: «Какой смысл насаждать чужое, когда у нас есть свое?.. Одним из так называемых религиозных предметов, которые уже несколько лет предлагается ввести в программу школ, являются «Основы православной культуры». Опыт их преподавания уже имеется в Центральном федеральном округе». Необходимо «в полной мере задействовать потенциал традиционных религиозных организаций страны», которые «были и остаются оплотом нравственности»[10].

10 октября 2002 года полпред Президента РФ в Южном федеральном уровне Сергей Кириенко сказал, что светское государство должно быть «равноприближенным к основным религиозным мировоззрениям». «Из данного определения возникает необходимость существования неких зон взаимодействия государства и конфессий. В первую очередь, это зона образования», — подчеркнул Кириенко[11].

15 мая 2003 года в Москве состоялась конференция «Роль и место общественных объединений в негосударственной системе обеспечения национальной безопасности России», на которой обсуждалось участие «традиционных религиозных организаций» в обеспечении «духовной безопасности» страны. Соорганизаторомии конференции выступили администрация полномочного представителя Президента РФ в ЦФО, Комитет Госдумы РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций, РАГС при Президенте РФ, РАН, Военная академия Генштаба, общероссийское общественное движение «Русь православная». В работе форума приняли участие представители различных ветвей государственной власти, силовых ведомств, общественных организаций, а также представители РПЦ МП, ислама, иудаизма, буддизма и протестантских объединений России.

Председатель Миссионерского отдела РПЦ МП архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов) предложил создать при Совете безопасности России экспертный совет, в который вошли бы специалисты, способные оценить характер различных духовных движений, спрогнозировать их динамику и предотвратить, таким образом, «возможную угрозу для общественной безопасности». «Без такого документа, который отражал бы, в том числе принципы отношений между традиционными религиями, трудно противостоять религиозному экстремизму и западным миссионерам», — подчеркнул архиепископ.

На конференции были выработаны рекомендации, которые Полтавченко пообещал передать руководству страны.

Взаимодействие органов исполнительной власти и религиозных объединений на уровне федеральных округов осуществляют соответствующие структуры.

В ЦФО создан Общественно-политический консультативный совет, в рамках которого функционирует Комиссия по государственно-церковным отношениям, занимающаяся вопросами взаимодействия с православной церковью и включающая представителей аппарата полпреда и РПЦ МП. Комиссию возглавляет архиепископ РПЦ Белгородский и Старооскольский Иоанн. В числе основных направлений деятельности: экспертиза «деструктивных» религиозных организаций, информация об их деятельности на территории ЦФО; организация работы по вопросам православного образования; организация работы по делам православной молодежи; организационная помощь в проведении общественно значимых мероприятий.

[10] NTVRU.com. 10 октября 2002.

[11] РИА «Новости». 10 октября 2002.

В Северо-Западном федеральном округе есть Общественная палата, на заседания которой приглашаются представители религиозных организаций. В рамках палаты действует рабочая группа «Межнациональные отношения, этнические проблемы, религия и общество». В числе направлений деятельности группы: научная и общественная экспертиза вопросов, имеющих отношение к национальной безопасности, конфликтам на этноконфессиональной почве и «религиозному экстремизму»; мониторинг общественного мнения и выработка рекомендаций с учетом позиции общественности; подготовка пленарных заседаний Общественной палаты, круглых столов по актуальным вопросам этноконфессиональной политики с участием государственных, общественных и церковных организаций; совместная работа с национально-культурными объединениями и общественными фондами по вопросам социальной адаптации, общественных, культурных, образовательных и прочих инициатив; сотрудничество с административными, законодательными и иными государственными и общественными организациями (участие в разработке законодательных инициатив, регламентирующих деятельность общественных объединений и религиозных организаций, совместное проведение слушаний в Законодательном собрании г. Санкт-Петербурга по новым законодательным актам, участие в экспертизе законопроектов); акции в поддержку общественных движений против терроризма и «религиозного экстремизма»; выработка рекомендаций по этноконфессинальной политике региона.

В Южном федеральном округе функционирует Межконфессинальный миротворческий совет. В него входят представители органов государственной власти и религиозных организаций (РПЦ МП, духовных управлений мусульман, буддисты, иудеи, католики и протестанты). Функционируют рабочие группы.

В Уральском федеральном округе создан Совет по реализации государственной политики в области свободы совести и религиозных объединений при полномочном представителе Президента РФ. В его работе участвуют представители органов государственной власти — сотрудники аппарата полпреда, руководители, заместители руководителей субъектов Федерации, иные должностные лица; а также религиозных организаций — архиереи РПЦ, председатели духовных управлений мусульман от ЦДУМ, члены совета ФЕОР по Уральскому региону, представители иудейских объединений. На заседаниях обсуждаются планы совместных мероприятий, пути решения проблем, возникающих у религиозных объединений. Соглашение о сотрудничестве между полномочным представителем Президента РФ в Уральском федеральном округе и епархиями РПЦ в этом округе было подписано еще в декабре 2000 года, с региональными духовными управлениями мусульман — в марте 2002 года.

17 марта 2003 года на заседании, которое провел полномочный представитль Президента РФ в Уральском федеральном округе П. М. Латышев, рассматривались следующие результаты проверки выполнения федеральных законов «О свободе совести и религиозных объединений» и «О противодействии экстремистской деятельности», в части касающейся религиозных объединений. Также была проанализирована ситуация с регистрацией религиозных объединений на территории Уральского федерального округа в 2002 году[12].

Было заявлено, что необходимо повысить уровень взаимодействия правоохранительных органов и религиозных объединений. Сообщается, что состоявшаяся в конце прошлого года научно-практическая конференция, посвященная деятельности так на-

[12] По сообщению Regions.Ru.

зываемых тоталитарных сект и культов, показала, что сегодня только начинается системная работа по организации реального контроля за тем, что происходит на территориях в части регистрации и контроля за осуществлением деятельности религиозных объединений. Так, например, судами Тюменской области были вынесены решения о ликвидации 11 религиозных организаций, а 49 не смогли пройти перерегистрацию.

Была подчеркнута важность принятого Соглашения о сотрудничестве полномочного представителя Президента РФ с правящими архиереями православных епархий и духовными лидерами мусульманских общин.

В Приволжском федеральном округе создана Комиссия по развитию этнокультурных и конфессиональных отношений и гражданской идентичности. В сферу ее деятельности входит взаимодействие с религиозными и национальными общественными организациями, вопросы миграционной политики.

В рамках взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений в Приволжском федеральном округе проходила подготовка к празднованию 100-летия канонизации Серафима Саровского. План мероприятия включал в себя строительство, реконструкцию и реставрацию объектов в г. Сарове, и п. Дивеево, организацию культурно-просветительских мероприятий (тематических конференций, выставок, семинаров). В округе разработаны и выпущены карты — «Религии Приволжского федерального округа», «Народы Приволжского федерального округа».

В Сибирском федеральном округе создан консультативный орган, в состав которого входят представители религиозных организаций — РПЦ, исламских и иудейских (ФЕОР), заместители глав входящих в округ субъектов Федерации, курирующих религиозные вопросы, ученые-религиоведы, а также представители общественных объединений.

В Дальневосточном федеральном округе функционирует Межведомственная комиссия по общественным объединениям и религиозным организациям в составе представителей органов государственной власти, руководителей структурных подразделений администраций субъектов федерации по связям с общественными организациями. Кроме того в округе функционирует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, в который входят представители органов государственной власти и религиозных организаций. На Межведомственную комиссию выносятся вопросы регулирования государственно-религиозных отношений, религиоведческого образования, осуществления мониторинга за печатными и электронными средствами массовой информации, оказания методического, практического и правового содействия общественным организациям и религиозным объединениям[13].

Рассмотрением вопросов, возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений, находящихся в компетенции Правительства РФ, занимается Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации, действующая в соответствии с Положением, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 9 июля 1994 года № 820 (с последующими изменениями и дополнениями). Основными задачами Комиссии являются:

— подготовка предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений и требующих решения Правительства Российской Федерации;

[13] Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году. Том II. М., 2005.

— информационно-аналитическое обеспечение деятельности Правительства Российской Федерации по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений;

— содействие осуществлению контактов Правительства Российской Федерации с религиозными объединениями.

Комиссия в соответствии с возложенными на нее задачами вырабатывает для Правительства Российской Федерации рекомендации по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений, готовит проекты решений Правительства Российской Федерации по вопросам, относящимся к компетенции Комиссии, а также проекты законов Российской Федерации для внесения в установленном порядке в Государственную Думу.

В настоящее время председателем комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ является первый вице-премьер Правительства России Д. А. Медведев, его заместителем — министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации А. С. Соколов[14].

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в п. 1 ст. 6 дает определение и признаки религиозного объединения, а ст. 12 определяет непризнание создаваемой организации в качестве религиозной как основание для отказа в государственной регистрации. Соответствующими идентификационными полномочиями наделены чиновники Минюста России.

Для определения религиозного характера объединений был создан также Экспертный совет для проведения государственной религиоведческой экспертизы[15]. Руководит Экспертным советом М. П. Мчедлов, директор исследовательского центра «Религия в современном обществе» ИКСИ РАН. В Совет входят 15 человек — религиоведов, сотрудников правоохранительных органов.

По состоянию на 2004 год[16] Совет подготовил 14 заключений по запросам Минюста РФ в отношении следующих религиозных организаций: Управленческого центра Свидетелей Иеговы России, Православной церкви Божией Матери Державная, Ассоциации церквей объединения (Муна), Церкви Иисуса Христа Святых Последних дней (мормонов), Церкви Последнего Завета, Армии Спасения России, Древнерусской инглиистической церкви православных староверов — инглингов и др.

На основании выводов Экспертного совета Минюст РФ отказал в регистрации Древнерусской инглиистической церкви православных староверов — инглингов. Экспертный совет выявил наличие в деятельности этой организации признаки экстремизма, выразившегося в пропаганде исключительности, превосходства граждан по их расовой принадлежности, пропаганде и публичной демонстрации атрибутики, сходной с нацистской до степени смешения.

---

[14] Распоряжением правительства РФ от 6 мая 2006 года № 647-р утвержден состав Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации. До того председателем Комиссии был министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации А. С. Соколов, его заместителем — А. Е. Себенцов, который теперь является ответственным секретарем Комиссии.

[15] Действует на основании Положения, утвержденного приказом Минюста России от 8 октября 1998 года № 140.

[16] О практике проведения государственной религиоведческой экспертизы в соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Практика применения законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях (по материалам Министерства юстиции РФ и Верховного Суда РФ). М., 2004.

Большинство религиоведческих экспертиз приходится на экспертные советы при органах исполнительной власти в субъектах Федерации, которые образуются в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3 июня 1998 года № 565 «О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы».

Экспертные советы по проведению государственной религиоведческой экспертизы созданы и действуют более чем в 59 субъектах РФ при органах исполнительной власти.

В региональных управлениях Министерства юстиции РФ проведены следующие экспертизы:

— по Мурманской области: местной религиозной организации «Мурманская церковь Христа», в связи с возможной принадлежностью к «Церкви Христа» (Бостонское движение);

— по Волгоградской области: местных религиозных организаций Церкви Христа г. Камышина, евангельских христиан «Церкви Назарянина на семи ветрах», церкви христиан веры Евангельской «Жить, побеждая» (г. Фролово), независимой (автономной) религиозной организации «Церковь Христа на Волге» евангельских христиан г. Волгограда;

— по Республике Татарстан: «Сайентологическая церковь г. Нижнекамска»;

— по Чувашской Республике: природного религиозно-духовного объединения «Турас»;

— по Красноярскому краю: «Сообщество деловых людей полного Евангелия».

Парадокс в том, что единого правового и даже религиоведческого (их более 200) определения религии не существует, а значит, эксперты фактически определяют внешние проявления «религиозности» объединений на предмет соответствия собственным представлениям о религии.

Конечный результат деятельности экспертных советов зависит от принципа формирования и персонального состава. Известны случаи включения в состав региональных советов представителей РПЦ МП. Естественно, религиозные объединения, отнесенные к «сектантским» не имеют шансов получить положительное заключение «экспертов» в рясах.

Например, «формирование экспертных органов в Костромской, Воронежской, Орловской и Липецкой областях осуществлялись по «идеологическому признаку». Судите сами. В двух из четырех изученных нами экспертных советах — в Воронеже и Костроме — в числе членов экспертных советов оказались штатные сотрудники епархий РПЦ и православные активисты из числа мирян, а в Воронеже членом экспертного совета является епархиальный эксперт-сектовед»[17].

Любопытно, что проблемы возникают у религиозных объединений, которые пытаются зарегистрировать свои уставы и получить статус юридического лица как общественные организации, в обход репрессивного законодательства. Например, после того как администрация Приморского края провела 13 заседаний экспертно-консультативного совета, на которых были рассмотрены уставы и деятельность 15-ти религиозных организаций, из них десять не были рекомендованы для регистрации уставов в краевом управлении юстиции, некоторые из них попытались зарегистрироваться как общественные. Им было отказано, «намечена религиоведческая экс-

[17] *Жеребятьев М. А.* Практическое религиоведение. Государственная религиоведческая экспертиза в субъектах РФ // Религия и право. № 3. 2001. С. 5.

пертиза с целью определения общественного или религиозного характера данных организаций»[18].

Одной из проблем функционирования экспертных советов зампред Экспертного совета при Минюсте России профессор МГУ И. Я. Кантеров называет коллизию, «существующую между нормами закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и отсутствием в современном теоретическом религиоведении единого подхода к пониманию природы религии и ее сущностных характеристик». Кроме того, «существенно препятствуют проведению объективной религиоведческой экспертизы все еще сохраняющиеся рецидивы идеологизированных и политизированных суждений о религии. Проявления такого рода рецидивов порой даже не маскируются, поэтому не так сложно установить, под влиянием каких идеологических и политических установок выносилось религиоведческое экспертное заключение. Обычно в таких заключениях наличествует полный набор методологических пороков: превышение ясно сформулированной сферы компетенции религиоведческой экспертизы, подчас принимающее форму откровенной криминализации исследуемых религиозных объединений, использование при квалификации их истории вероучительной доктрины и обрядов преимущественно обличительной лексики». Известный религиовед с сожалением констатирует, что «такие «экспертизы» не являются редким исключением, и они только дискредитируют религиоведческое сообщество».

В связи с современным состоянием российского религиоведения как науки, его идеологизацией и конфессионализацией, применение религиоведческих познаний в юриспруденции изначально создает предпосылки для нарушения декларируемых принципов свободы совести. А государственные структуры, выполняющие функции религиоведческой экспертизы, тяготеют к превращению или в рассадник коррупции, или в некий светский аналог «святой» инквизиции.

Напрашивается вывод, что использование в юриспруденции религиоведческих понятий, имеющих множество интерпретаций, является коррупциогенным фактором, особенно в контексте политизации и идеологизации религиоведения.

Тесными узами с РПЦ МП связан МИД России. Во время посещения патриархом Алексием II МИДа министр И. Иванов вручил ему памятную грамоту, медаль канцлера Горчакова и сказал: «В истории российской дипломатии навсегда останутся яркие страницы, связанные с поддержкой духовной миссии Русской православной церкви в Америке и странах Востока, с расширением ее присутствия на Святой земле, защитой жизненных интересов православных народов. Искренне рады тому, что на современном этапе это сотрудничество вновь поднимается на должную высоту. Глубоко убежден, что это отвечает коренным интересам укрепления внутренних духовных сил России и утверждению ее морального авторитета на мировой арене. Тесные контакты с церковью обогащают нашу дипломатию более масштабным видением национальных интересов страны. Они помогают нам глубже осмыслить глобальные процессы, которые стремительно развиваются в мире, меняя облик современной цивилизации»[19].

[18] *Фадеев П. Г.* О реализации Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в Приморском крае // Российское законодательство о свободе совести в 80—90-х гг. XX в.: Теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов. М., 1999. С. 143.

[19] Стенограмма выступления министра иностранных дел России Игоря Иванова в ходе посещения МИД РФ патриархом Алексием II // Портал-Кредо.ру. 7 марта 2005.

О масштабах клерикальной идеологизации органов власти и государственного управления говорит факт, описанный известным американским журналистом Полом Старобином в статье о Путине «Самодержец волею случая» (журнал «Атлантик мансли»). «Советник Путина Виктор Иванов, который проверяет кандидатов на должности в федеральных министерствах, спросил одного из них, как он относится к православной церкви. «Положительно», — ответил тот. Если так, не хочет ли он креститься? Кандидат сказал, что готов. Иванов тут же позвонил отцу Тихону, сел вместе с соискателем в машину и отправился на крестины. Я пересказал историю отцу Тихону. «Через крещение проходят не только члены правительства, но и многие люди», — загадочно ответил он, добавив, что купели для взрослых стали обычным предметом утвари в современных церквях»[20].

Противоречащие Конституции РФ и неоднозначно воспринимаемые в обществе государственное финансирование деятельности религиозных организаций, конфессиональные предпочтения со стороны государственных служащих, «освящения» государственных учреждений и проведение в них публичных богослужений, обрядов и т. п. носят массовый характер.

Например, в утвержденном еще 27 июля 1992 года Президентом России Протокольном старшинстве российских официальных лиц патриарх Московский и Всея Руси обозначен официальным лицом, занимающим 18-ю позицию в «иерархической лестнице», в то время как руководители других конфессий помещены на последнее, 38-е, место.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 4 января 2000 года № 2 патриарх Московский и Всея Руси, руководители Центрального духовного управления мусульман России и Совета муфтиев России, а также главный раввин России — председатель Объединения раввинов СНГ имеют право устанавливать на служебные легковые автомашины особые регистрационные знаки.

В соответствии с приказом Управления делами Президента России от 21 марта 2003 года № 60 право пользования залами для официальных лиц и делегаций аэропортов г. Москвы предоставлено патриарху, постоянным членам Священного синода РПЦ, руководителям иных «основных» религиозных конфессий на территории Российской Федерации, список которых не приведен[21].

А чего стоит факт освящения Белого дома — резиденции правительства многонациональной страны священником Русской православной церкви.

Примеров же активного участия должностных лиц самого высокого ранга в религиозных церемониях не счесть.

Высокопоставленные российские паломники регулярно входят в состав делегаций, за госсчет летающих в Иерусалим за благодатным огнем[22].

Несмотря на то, что государственное финансирование деятельности религиозных организаций противоречит Конституции России, на самом деле оно осуществляется. Финансирование получает в основном РПЦ, гораздо реже прочие «основные» конфес-

[20] Его взгляд не позволяет солгать: В поисках ответа на вопрос «кто вы, мистер Путин?» американский журналист встретился с духовником президента // Мегаполис. 16—22 февраля 2006.

[21] *Каневский К. Г.* Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридически наук. М., 2004. С. 131—132.

[22] См.: Полтавченко, Лужков, Михалков едут в Иерусалим за чудесным огнем // NEWSRU.com. 24 апреля 2003.

сии. Это прямые дотации храмам; финансирование администрациями субъектов РФ изданий и учебных заведений, в том числе совместное учредительство региональными государственными органами и соответствующими епархиями официальных областных газет[23].

Например, как передало РИА «Новости» со ссылкой на пресс-службу Кремля, в III квартале 2005 года В. В. Путин подписал распоряжение о выделении из резервного фонда Президента РФ двух миллионов рублей правительству Астраханской области на строительство храма Александра Невского в г. Знаменске.

Еще в октябре 2004 года на встрече с участниками Архиерейского собора РПЦ президент многоконфессионального светского государства говорил о привилегиях и даже о прямом финансировании неких «традиционных конфессий»[24]. Путин, в частности, сказал, что государство высоко ценит историческую роль РПЦ, рассчитывает на содействие в укреплении общероссийского единства и пообещал оказывать необходимое содействие деятельности религиозных объединений. «Вы уже знаете, я буквально два дня назад в день открытия собора проинформировал Святейшего, что мною подписан закон о ряде изменений в российском земельном законодательстве, создана правовая база для регулирования вопросов бесплатного предоставления в собственность или в безвозмездное пользование земельных участков для нужд религиозных организаций. Государство постепенно отдает исторические долги церкви… Я глубоко убежден: то, что произошло после 1917 года, — это не просто аморальные, это и незаконные действия — лишение Церкви имущества. И, конечно, историческая справедливость должна быть восстановлена, здесь не может быть никаких сомнений. Моя позиция заключается именно в этом. И решение по земле как раз, по-моему, подтверждает такие намерения. Вопрос в том, как это сделать, как это сделать аккуратно, чтобы не навредить ткани отношений, которые сложились на сегодняшний день в обществе, не навредить самим объектам и так далее.

Вы в своем выступлении только что сказали, что исходите из того, что могут быть какие-то исключения, связанные с памятниками архитектуры, еще с чем-то. Но если Вы сами считаете, что такие исключения могут быть, то Вы тоже исходите из реалий сегодняшней жизни, это во-первых. Второе заключается в том, что многие объекты — я согласен, что нужно стремиться к этому, — но Вы же знаете, если сегодня их передать, Церковь будет просто не в состоянии их восстановить, содержать не в состоянии, ведь Церковь была за эти десятилетия обескровлена, и сегодня она еще материально находится в достаточно сложном положении, мы это хорошо знаем. Но готовить такое решение и подходить к этому решению, безусловно, нужно. Поэтому всячески буду стремиться к тому, чтобы Правительство и представительные органы власти готовились к таким решениям, формулировали возможные варианты этого решения, и мы будем со Святейшим Патриархом вместе эту тему потихонечку двигать дальше»[25].

Впрочем, процесс реституции был запущен несколькими месяцами ранее. 2 августа 2004 года прихожане РПЦ захватили храм Воскресения Христова в Кадашах

---

[23] *Эдельштейн М.* Церковная экономика центральной России: приход, монастырь, епархия // Экономическая деятельность Русской православной церкви и ее теневая составляющая. М., 2000. С. 44—47.

[24] Стенографический отчет о встрече Владимира Путина с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви // Официальное интернет-представительство Президента России.

[25] Там же.

(Москва) — памятник архитектуры XVII века, находившийся в государственной собственности. «Развязка наступила 13 августа, когда в гости на дачу к Алексию II приехал Владимир Путин. За обедом в новых шикарных апартаментах главы РПЦ обсуждался, в частности, вопрос о реституции. Видимо, утонченный вкус и сдержанная роскошь, с которыми обустроена патриаршая резиденция, должны были убедить главу государства в том, насколько эффективно Церковь может использовать свою собственность. О том, что судьба храма в Кадашах (и, возможно, судьба сотен других православных храмов) была решена за этим обедом, свидетельствует одно косвенное, но вполне убедительное обстоятельство. Ровно через три часа после окончания встречи патриарха и президента замглавы Федерального агентства по управлению федеральным имуществом Дмитрий Аратский в обход всяких судов и столичных властей подписал распоряжение о передаче ВХНРЦ здания на улице Радио. Вопрос, который не решался годами, решили за считаные часы… Президент дал старт массовой кампании реституции церковной собственности. Адвокат Михаил Воронин разом подал 12 исков о передаче в собственность РПЦ исторических памятников в центре Москвы. По его словам, в других городах России подготовлено уже 140 таких исков. На очереди — 20 000 (!) объектов по всей стране, которые фактически занимает РПЦ, но юридическим собственником которых остается государство. И эти иски теперь имеют все шансы на успех. В России, таким образом, на наших глазах рождается гигантский субъект экономических отношений. Помимо государства, в стране пока нет такого собственника, который обладал был сразу 20 000 объектов недвижимости, большинство из которых представляет огромную культурную ценность»[26].

По словам директора Института изучения религии стран Балтии и СНГ, кандидата исторических наук Николая Митрохина, РПЦ уже было передано «около 15 000 объектов недвижимости в долгосрочную аренду — фактически в собственность. Инвентаризации доселе не проводилось, что с ними стало, никто не знает. Показательный случай произошел в Ульяновске. В доме, в котором до революции размещалось епархиальное управление, открыли кафе. После передачи здания РПЦ под обещание открыть в нем приют кафе просто перезаключило договор аренды теперь уже с церковью. В определенных кругах есть надежда на то, что церковь получит в собственность землю, станет крупным земельным собственником и за счет средств, полученных от земли, будет себя финансировать. Но в этом случае возникает вопрос: почему церкви возвращают ее былую собственность, а людям, которые являются потомками дворянского, купеческого и казачьего сословий, — нет. Тем более что церковь претендует на колоссальное количество объектов, которые до революции ей на самом деле не принадлежали. Они принадлежали церковно-приходским общинам или помещикам, или еще каким-то структурам»[27].

Государство участвует и в строительстве храмов. «Почти все крупнейшие корпорации имеют специальные программы по строительству храмов. Сама церковь не способна ни строить храмы, ни поводить их серьезную реконструкцию»[28].

Кроме строительства храмов, государство осуществляет финансирование различных проектов РПЦ. Если в 1990-е годы главные финансовые потоки РПЦ проходили

---

[26] *Солдатов А. В.* Крест на музее: Захват верующими московского храма в Кадашах. Начался всероссийский процесс церковной реституции? // Московские новости. № 33. 3 сентября 2004.

[27] *Мехонцева Л.* Корпорация РПЦ // Русский курьер. 23 июня 2004.

[28] Там же.

через отдел внешних церковных связей, до сих пор возглавляемого митрополитом Кириллом (Гундяевым), то сегодня церковный бюджет подпитывается в основном государственной компанией «Газпром» через специально созданные фонды.

«Именно контролируемый государством газовый монополист выступил учредителем структур, которые называют двумя основными «кассами» РПЦ, — Православного миссионерского фонда и Фонда единства православных народов. Оба они были созданы в 1995 году, когда стало ясно, что время «шальных денег» подходит к концу.

Во главе Фонда единства православных народов встал Валерий Алексеев — когда-то сотрудник аппарата ЦК КПСС, а сейчас советник спикера Государственной думы Геннадия Селезнева. Неудивительно, что спикер оказался в числе лауреатов учрежденной фондом премии «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов». Он был награжден за «масштабную работу по укреплению духовных, политических и экономических связей государств восточнохристианского ареала и улучшению государственно-церковных отношений в России». В этой замечательной формулировке акцент, разумеется, сделан на второй части. Среди других «улучшателей» фигурирует, разумеется, и Рем Вяхирев. Более того, в числе награжденных — Владимир Путин и Александр Лукашенко. Впрочем, среди партнеров «алексеевского» фонда не только Вяхирев, но и глава «Интерроса» Владимир Потанин, кавалер трех церковных орденов — Владимира двух степеней и Сергия Радонежского. Владимир Олегович традиционно финансирует Российский православный университет имени Иоанна Богослова, ректор которого, архимандрит Иоанн (Экономцев), был помощником Алексия II еще в те годы, когда тот являлся митрополитом Ленинградским и Новгородским. На этапе становления фонду помогало «Росвооружение», к РПЦ благоволил бывший главный торговец оружием Александр Котелкин. Теперь он как частный предприниматель субсидирует журнал «Православная беседа», в котором выступает со статьями его давний коллега по совместной работе в Министерстве внешних экономических связей и один из главных лоббистов церковных интересов в Думе Сергей Глазьев.

Деньги через фонд проходят немалые. По словам самого Алексеева, только проект строительства двух гостиниц для паломников в Святую землю в Тиверии и Яффе (в общей сложности на 80 с лишним мест) обошелся фонду примерно в полтора миллиона долларов. Лишь для одного из этапов реконструкции Валаамского монастыря потребуется еще два миллиона. А кроме того, строительство храмов, просветительские программы, издательская деятельность и т. д.

…Второй «газпромовский» церковный фонд — Православный миссионерский. Формально им руководит глава Миссионерского отдела РПЦ, белгородский архиепископ Иоанн, а реально — игумен Филипп, в миру Вениамин Симонов, доктор экономических наук, до недавнего времени совмещавший миссионерское служение с работой главного аналитика ММВБ, а затем вице-президента банка «Российский кредит»…

…Фонд отца Филиппа выделяет средства для строительства быстровозводимых храмов на Крайнем Севере, то есть в «газпромовских» владениях (напрашивается аналогия с передвижными храмами, сопровождавшими переселенцев столыпинских времен). Финансируется деятельность миссионерского поезда (двух-трех вагонов со священниками, хором, журналистами и учителями Закона Божия, которые прицепляют к обычным составам) — совместной акции РПЦ и МПС, начатой еще при Николае Аксененко.

Миссионерский фонд спонсирует и семинарию в Белгороде, которая готовит будущих проповедников»[29].

Однако, по официальной информации, оглашаемой на архиерейских соборах, доходы РПЦ «складываются из доходов от деятельности общецерковного предприятия «Софрино» и гостиницы «Даниловская». Плюс около 50 % средств Московская патриархия получает от некоторых операций на финансовом рынке, управляя временно свободными денежными средствами. А доходы от епархий составляют всего около 2,5 % от общей суммы. Бюджет же конкретных отделов патриархии на самом деле никогда публично не раскрывался»[30].

Иногда о государственном финансировании говорят сами представители церкви. Епископ Анадырский и Чукотский Диомид в интервью газете «Крайний Север» сказал: «В других районах и городах Чукотки отношение руководителей администрации к православным храмам нормальное. Например, не без активной поддержки Виктора Хвана, градоначальника Анадыря, принято решение о строительстве нового храма в центре города. В ближайшее время будут строиться храмы в Певеке, Эгвекиноте, Беринговском, Иультинском районе»[31].

В той же газете «Крайний Север» (2003, № 21) корреспондент Иван Омрувье пишет, что отец Диомид сказал, что средства на строительство храма выделило правительство Чукотского автономного округа[32].

В Хабаровском крае при поддержке (прежде всего материальной) губернатора и краевого бюджета растут как грибы после дождя роскошные помпезные православные храмы и соборы, которым отведена роль прижизненных памятников вождю.

«…Сегодня в крае почти 500 церквей, приходов, и многие из них стоят без настоятелей. Ближайшая семинария, где обучают закону Божьему, в Томске. Поэтому в Хабаровске ощущается явный дефицит… в будущем построят под семинарию отдельное здание — несколько корпусов и общежитие. Семинарию обещают возвести за счет спонсорских взносов» (Хабаровский Экспресс. 2005. 17—24 авг.)[33].

В Липецкой области власть взаимодействует с РПЦ при распределении гуманитарной помощи, оказывает помощь в восстановлении храмов, церквей, в открытии воскресных школ. По программе «Развитие гражданского общества (2005—2006)» из выделенных 11,2 млн руб. 6,2 млн руб. предназначены для «восстановления историко-архитектурных памятников, принадлежащих Русской Православной Церкви»[34].

Из средств государственного бюджета финансируется не только РПЦ, но и близкие власти исламские организации. Например, в ходе заседания Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК) в конце января 2005 года в мечети Майкопа говорилось о поддержке «официальных» религиозных институтов со стороны государства. «Имамы Чечни, Дагестана и Ингушетии, — отметил в своем выступлении муфтий ДУМ РА и КК Нурбий Емиж, — получают за свою деятельность установленную государством зарплату. И мы — Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия и Адыгея — хотели бы с помощью Аллаха добиться этого».

[29] Храм на Газпроме. Отделенная от государства церковь не чурается государственных денег // Еженедельный журнал. № 64. 8 апреля 2004.

[30] *Мехонцева Л.* Корпорация РПЦ // Русский курьер. 23 июня 2004 г.

[31] Крайний Север. 2003. № 4.

[32] Доклад о положении с правами человека в Чукотском автономном округе в 2005 году.

[33] Доклад о положении с правами человека в Хабаровском крае в 2005 году.

[34] Доклад о положении с правами человека в Липецкой области в 2005 году.

Ректор Черкесского исламского института имени имама Абу-Ганифы Исмаил-Хаджи Бостанов ставит перед президентом Карачаево-Черкесии аналогичный вопрос уже более полугода. «Президент Мустафа Батдыев хоть и из религиозной семьи… тем не менее не может пойти на оплату работы имамов или хотя бы введение курса теологии в школах. Этого не позволяет ему сделать абсурдная по своей сути статья Конституции, провозгласившая отделение религии от государства…»

…В Чечне финансирование духовенства осуществляется не на постоянной основе, а методом «пакетной» поддержки при строительстве культовых сооружений или организации религиозных мероприятий… В Дагестане о поддержке властями верующих вообще не говорят вслух: до недавнего времени именно в «сотрудничестве с властями» обвиняли религиозные радикалы — ваххабиты — умеренных верующих, так называемых традиционалистов. Тем не менее ДУМ республики имел немалые неафишируемые и нередко исключительные налоговые льготы при издании, например, периодической печатной продукции в собственных типографиях, им списывали счета за коммунальные услуги. Руководители муфтията по закрытым постановлениям правительства получали наличные на «улучшение квартирных условий или приобретение квартир»[35].

Приведенные факты отражают лишь тенденции в сфере экономических последствий системной коррупции в отношениях государства с религиозными объединениями. О конкретных суммах можно только догадываться, но ясно, что они огромны. И это в стране, где из-за нехватки средств в плачевном состоянии находятся медицина, образование, социальная сфера, а подавляющее большинство людей унизительно бедны.

Весна 2005 года ознаменовалась обильными публичными взаимодействиями властных лиц с РПЦ МП. Причем публичность нередко носила общероссийский характер, так как мероприятия освещались государственными федеральными телеканалами, не говоря уже о более «мелких» СМИ.

Для начала по центральным телевизионным каналам показали пасхальные богослужения в храме Христа Спасителя, на которых присутствовали президент В. В. Путин, премьер-министр М. Е. Фрадков, глава президентской администрации Д. А. Медведев и др. Благодатный огонь из Святой земли доставила высокопоставленная делегация во главе с министром культуры А. С. Соколовым.

В пасхальную ночь патриарх Алексий II персонально отметил заслуги Путина, который «несколько дней тому назад посетил храм Воскресения Христова в Иерусалиме и молился у Живоносного Гроба Господня за страну нашу, за всех жителей нашего отечества». «Ваше пребывание ныне на пасхальном богослужении в храме Христа Спасителя для нас особенно знаменательно: сегодня вы как бы передаете нам от Живоносного Гроба благословение», — подчеркнул первоиерарх РПЦ МП. Не менее высоко была оценена деятельность остального начальства, которое, совершает подвиг на ниве «служения Отечеству и нашему народу».

В 2006 году Путин также присутствовал на пасхальных торжествах в храме Христа Спасителя. Прочитав пасхальное Слово Иоанна Златоуста, Алексий II обратился к президенту. «В этот радостный, светлый, торжественный праздник Пасхи Христовой сердечно поздравляю вас, ваше превосходительство, глубокоуважаемый Владимир Владимирович», — начал свою речь Патриарх. «И ваших соратников, — сделал он паузу,

[35] *Фатуллаев М. А.* Муфтияты встают на казенное довольствие: Духовенство Северного Кавказа требует финансовой поддержки от государства // НГ-Регионы. 31 января 2005.

словно вспоминая, кто из соратников стоит рядом с президентом. — И желаю, чтобы Воскресший Господь укрепил вас в подвиге, который вы совершаете на благо Божие». Патриарх доложил главе государства, как накануне объезжал православные храмы. «Видел, как люди несут куличи, пасхи, пасхальные яйца. Сегодня на вопрос, все ли у них есть для жизни, они отвечают: «Все есть». Еще несколько лет назад не чувствовалось такого оптимизма и сознания того, что есть все необходимое для жизни»[36].

6 мая 2005 года по заслугам получили Г. С. Полтавченко и Ю. М. Лужков. Патриарх вручил им по ордену Святого благоверного князя Дмитрия Донского, который был учрежден специально к 60-летию Победы. Как сообщает «Интерфакс», Полтавченко награжден за труды по объединению людей вокруг Москвы, «чтобы духовно-нравственные начинания возвратились в народ, осуществляя свою спасительную миссию». Лужков получил награду за строительство Свято-Георгиевского храма на Поклонной горе, где, собственно, и состоялось награждение.

Накануне, 5 мая, того же ордена удостоились многие силовики во главе с министром внутренних дел Рашидом Нургалиевым, главнокомандующим внутренними войсками МВД РФ Николаем Рогожкиным, командующим РВСН Николаем Соловцовым, начальником Главного управления воспитательной работы Вооруженных сил Николаем Резником, командующим Воздушно-десантными войсками Александром Колмаковым.

Естественно, орден Димитрия Донского № 1 был вручен Путину. Любопытно, что орден № 2 получил президент Белоруссии Александр Лукашенко.

В условиях построения президентской вертикали власти регионам ничего не остается, как следовать в русле федеральной религиозной политики.

Так, вступление в должность мэра Воронежа в начале февраля 2004 года прошло с участием лишь одного митрополита Сергия (Фомина). Архиерей сначала занял место в президиуме городской думы рядом с большими начальниками города и области, потом он преподнес в дар мэру икону св. Митрофана, первого православного епископа Воронежа. Одариваемый прилюдно истово перекрестился и приложился к образу. Митрополит же напутствовал градоначальника словами «не забывайте о простом человеке» и напомнил о необходимости соблюдать согласие.

А 24 марта 2004 года в областном драматическом театре присягу давал избранный на второй срок губернатор. И снова избранника напутствовал митрополит Сергий. «Позвольте, — сказал он, — в память об этом святом вечере преподнести статуэтку равноапостольного князя Владимира — крестителя Руси. Святой князь Владимир — ваш соименник, и мне хотелось бы, чтобы вы были его преемником». Архиерей пожелал, «чтобы великий патриот земли российской был бы вам покровителем и чтобы вы также любили Россию, как все мы любим вас»[37].

В 2005 году мэр Москвы подписал распоряжение о передаче душепопечительскому православному центру святого Иоанна Кронштадтского земельного участка на Варшавском шоссе, влад. 170В, площадью 1,4 га под строительство Православного центра реабилитации пострадавших от «псевдорелигиозных» организаций и оккультизма.

---

[36] *Меликова Н.* Помолимся о господине президенте: Церковь и государство продемонстрировали единство взглядов и веры // Независимая газета. 25 апреля 2006.

[37] *Жеребятьев М.* Когда один митрополит важнее раввина, имама, ксендза и нескольких пасторов вместе взятых. Власти тихо проигнорировали просьбу неправославных: инаугурации мэра Воронежа и губернатора прошли без их представителей // Портал-Кредо.ру. 26 марта 2004.

«Финансирование предпроектных и проектных работ по строительству будет осуществляться за счет средств городского бюджета, находящихся в ведении комплекса социальной сферы города. В последующем они будут компенсированы из благотворительного фонда Иоанна Кронштадтского, который также принимает участие в этом проекте», — отметили в городской администрации[38].

Культовые сооружения возводятся не только за бюджетных средств. В Хабаровском крае оказывается беспрецедентное давление на предпринимателей. Их постоянно «просят» сброситься на очередной храм. Только в 2005 году предприниматель Петр Дрожчаный получил от мэрии Хабаровска и краевого правительства с десяток посланий с просьбой перевести средства на общую сумму в 250 тысяч рублей[39].

Особого упоминания заслуживают соглашения, свидетельствующие о клерикальной идеологизации власти, которые с РПЦ МП заключают госструктуры, например Министерство культуры, Министерство здравоохранения и медицинской промышленности, Министерство социальной защиты, Министерство образования, Министерство юстиции, ФАПСИ, Министерство обороны, МВД, ФПС и др. В некоторых из них речь идет о совместной борьбе с «тоталитарными сектами».

На региональном уровне местная епархия РПЦ заключает соглашение с администрацией субъекта Федерации (и соответствующими региональными отраслевыми управлениями), а также с полпредами президента в федеральных округах. Например, были заключены: договор о взаимодействии администрации Белгородской области и Белгородской епархии в сфере образования, соглашение о совместной научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности между министерством общего и профессионального образования Свердловской области и Екатеринбургской епархией, соглашение о сотрудничестве между Московской епархией и УИН по Московской области, договор о сотрудничестве Московской епархии и министерства образования Московской области, Соглашение о сотрудничестве между Московской епархией и комитетом по делам молодежи Московской области, соглашение о сотрудничестве между Екатеринбургской епархией и управлением Государственной противопожарной службы ГУВД Свердловской области, соглашение о сотрудничестве между Екатеринбургской епархией и Среднеуральским УВД на транспорте МВД России, Соглашение о сотрудничестве между Ставропольской епархией и министерством образования Ставропольского края и др. Эти договора предполагают приоритетное сотрудничество государства с РПЦ в различных областях, что противоречит конституционному принципу светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом (ст. 14), а нередко направлены на неправомерное ограничение свободы совести (ст. 28).

По мнению юриста К. Г. Каневского, «в настоящее время сотрудничество ведущих религиозных объединений с государством преимущественно находится вне рамок правового поля и основывается на договоренностях высших иерархов с представителями власти, а также соглашениях религиозных организаций с государственными органами, правовой статус которых, по меньшей мере вызывает вопросы»[40].

Вопиющей является клерикальная идеологизация Московского городского суда. «Еще в 2004 году на территории Мосгорсуда была построена православная часовня

[38] В Москве будет построен православный центр реабилитации пострадавших от псевдорелигиозных организаций и оккультизма // Портал-Кредо.ру. 14 апреля 2005.

[39] Доклад о положении с правами человека в Хабаровском крае в 2005 году.

[40] *Каневский К. Г.* Указ. соч. С. 166.

Николая Чудотворца, что стало наглядной демонстрацией конфессиональных предпочтений столичных судей. Практически все дела, которые касаются неправославных религиозных организаций, рассматриваются предвзято… Во-первых, на территории Мосгорсуда, по существу, создана православная община, состоящая из сотрудников Мосгорсуда, которую окормляет духовенство патриаршего подворья храма Рождества Иоанна Предтечи в Сокольниках. Во-вторых, одним из священников этой общины является известный сектовед и критик неправославных христианских и нехристианских организаций отец Олег Стеняев, председатель редакционного совета газеты «Миссионерское обозрение». Более того, руководство Мосгорсуда изначально встало во главе формирующейся «судебной» православной общины. Во время закладки первого камня будущей часовни Николая Чудотворца 31 июля 2004 года присутствовали председатель Мосгорсуда Ольга Александровна Егорова, ее заместители, судьи и другие работники судебного ведомства. Чин освящения был совершен настоятелем патриаршего подворья храма Рождества Иоанна Предтечи в Сокольниках игуменом Иоанном (Ермаковым), а проповедь о том, что такое «справедливый» суд, прочитал священник Олег Стеняев. Впоследствии, по просьбе работников суда, было решено провести ряд бесед о православном устроении жизни, а проповеди отца Олега Стеняева были распространены среди сотрудников Мосгорсуда как «руководство в их ответственной работе». 28 декабря 2004 года во время освящения часовни и установления на ней креста также присутствовала председатель Мосгорсуда Ольга Егорова»[41]. Все это является грубейшим нарушением ст. 14 Конституции России, а также ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ».

Отношения между Вооруженными силами и религиозными объединениями в значительной мере являются отражением самодовлеющих государственно-конфессиональных отношений. После десятилетий господства казенного атеизма российская власть под видом «исправления былых деформаций» взяла курс на клерикальную идеологизацию институтов государства. В значительной мере эти тенденции коснулись силовых ведомств России «вскоре после того, как стало очевидно, что высшее руководство страны оказывает безусловное предпочтение Русской православной церкви».

Так считает сопредседатель Института свободы совести, руководитель Центра военно-религиозных исследований С. А. Мозговой, которому принадлежат серьезные, основанные на опыте исследования в данной области. «По всей видимости, это стало возможно в связи с реальной политикой, направленной на сакрализацию власти. А Вооруженные силы РФ, являясь институтом государства, естественным образом следуют в русле официальной политики Кремля, делая ставку на РПЦ МП как традиционный идеологический институт Российской империи, атрибутику которой частично восстановила Российская Федерация (герб и флаг)»[42].

Клерикальной идеологизации армии в значительной мере способствовало подписание в 1994 году Совместного заявления о сотрудничестве Российских Вооруженных сил и Русской православной церкви[43].

---

[41] Открытое письмо Славянского правового центра председателю Верховного суда РФ В. М. Лебедеву и генеральному прокурору РФ В. В. Устинову по поводу нарушения принципа светскости Московским городским судом // Портал-Кредо.ру. 20 апреля 2006.

[42] *Мозговой С. А.* Силовики благочестия // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 80.

[43] 4 апреля 1997 года министр обороны и патриарх подписали Соглашение о сотрудничестве… По непонятным причинам факт подписания документа и его содержание долгое время замалчивались, и только 26 апреля в «Красной звезде» было дано сообщение с комментариями генерал-майора А. Черкасова.

Кроме того, имеют место соглашения РПЦ с отдельными видами и родами войск. Например, 28 июля 2003 года командующий Воздушно-десантными войсками генерал-полковник Г. И. Шпак и председатель отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Димитрий Смирнов подписали Соглашение о сотрудничестве между Воздушно-десантными войсками и Русской православной церковью[44]. В качестве основания соглашения значится «Соглашение о сотрудничестве, подписанное министром обороны Российской Федерации и Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси». Основной целью сотрудничества является укрепление духовно-нравственного потенциала личного состава Воздушно-десантных войск, создание условий для духовного просвещения, нравственного воспитания и удовлетворения религиозных нужд военнослужащих Российской армии.

Среди направлений сотрудничества: патриотическое воспитание военнослужащих, нравственное воспитание и духовное просвещение военнослужащих, социальная помощь военнослужащим и членам их семей, духовное окормление верующих военнослужащих и членов их семей, восстановление разрушенных и строительство новых православных храмов, церквей, часовен и молельных комнат в гарнизонах и местах дислокации частей ВДВ.

Патриотическое воспитание десантников включает в себя:

— организацию изучения славной истории российского воинства, усвоение православных традиций поведения десантников в различных условиях обстановки в боевой и в повседневной службе, с целью развития чувства гордости за принадлежность к ВДВ и стремления к подражанию героическим подвигам десантников;

— совместную организацию и помощь в работе по патриотическому воспитанию детей военнослужащих, создание при частях ВДВ военно-патриотических клубов, кадетских классов, спортивных секций;

— совместную организацию и участие военнослужащих и духовенства в воинских ритуалах освящении боевых знамен, военной техники, совершение молебнов перед учениями, а также участие в торжествах, посвященных памятным дням воинской славы;

— дальнейшее развитие сотрудничества между военными комиссариатами и епархиями РПЦ в деле воспитания призывной молодежи в духе патриотизма и честного отношения к военной службе, любви к ВДВ, организация встреч на приходах с православными священниками и мирянами, имеющими опыт военной службы в армии. Организация торжественных проводов и служение молебнов на призывных пунктах;

— развитие существующих и создание новых форм взаимодействия в совместной работе ВДВ и РПЦ в деле патриотического воспитания военнослужащих.

Нравственное воспитание и духовное просвещение предполагает:

— привлечение священнослужителей РПЦ к оказанию помощи командованию войсковых частей в обеспечении высокой морально-психологической устойчивости личного состава в сложной боевой обстановке;

— создание условий для более широкого использования духовного потенциала РПЦ в оздоровлении нравственного климата в воинских коллективах, профилактики

В нем, в частности, отмечалось, что взаимодействие с другими религиозными объединениями будет осуществляться только через РПЦ. См.: *Мозговой С. А.* Актуальные проблемы взаимоотношений вооруженных сил и религиозных организаций России // Диа-Логос: религия и общество. 2001. С. 180—199.

[44] См.: Церковный вестник. № 18. 2003. www.tserkov.info/numbers/greetings/?ID=646

суицидальных настроений, нарушений воинской дисциплины, искоренение неуставных взаимоотношений и других негативных явлений;

— создание возможностей для организованного обучения верующих военнослужащих в духовных учебных заведениях или организация факультативного религиозного просвещения в стенах института ВДВ и 332-й школы прапорщиков с привлечением катехизаторов и пастырей Церкви;

— использование возможностей современных СМИ в вопросах поднятия престижа военной службы и пропаганды неразрывной исторической связи между армией и Церковью. Установление специальных рубрик по церковной тематике в армейской и епархиальной печати, радио- и телевизионных программах;

— организацию более углубленного военно-исторического и духовно-нравственного просвещения военнослужащих в системе общественно-государственной подготовки (ОГП) с раскрытием положительной роли РПЦ в исторических событиях и достижениях Российского государства, невозможных без воинских побед на суше и на море, для чего шире использовать духовенство по местам дислокации воинских частей;

— включение в программу подготовки офицерского и младшего состава в системе ОГП раздела религиоведения, включающего основы православной культуры;

— создание в каждой воинской части православных библиотечек с церковными изданиями, аудио- и видеоматериалами, используемыми для духовно-нравственного воспитания христолюбивого воинства;

— совместную организацию и проведение праздничных мероприятий, связанных с великими христианскими праздниками при православных храмах, для верующих военнослужащих;

— организацию взаимодействия в работе священнослужителей с женскими советами при воинских частях, направленного на укрепление здоровой духовно-нравственной обстановки в семьях военнослужащих и оказание помощи в духовно-нравственном воспитании детей.

Для планирования и контроля эффективности совместной деятельности реализации принятой программы сотрудничества предполагается создание координационных советов на уровнях:

— дивизий и отдельных полков — епархиальный уровень;

— отдельных частей и подразделений — уровень городских или районных благочиний, прихода, монастыря.

В таком же духе выдержаны и другие аналогичные соглашения РПЦ МП с государственными структурами.

Следует отметить, что строительство храмов и проведение религиозных церемоний в воинских частях (освящения знамен, ракет, подводных лодок и т. д.), противоречат Конституции РФ, а также Федеральному закону «О статусе военнослужащих», запрещающему организованную религиозную деятельность в воинских частях.

С. А. Мозговой отмечает, что, несмотря на незначительный процент воцерковленных и падение интереса военнослужащих к религии, «количество строящихся храмов на территории воинских частей и военно-учебных заведений, воинских ритуалов, проводимых с участием духовенства и включением в них религиозных обрядов не уменьшилось, а, напротив, возросло. Это объясняется участившимися и ставшими систематическими контактами между армейским командованием и духовенством РПЦ»[45].

[45] *Мозговой С. А.* Клерикализация российской армии: опасные тенденции // Светский союз. 2002. С. 91.

18 ноября 2004 года было пролонгировано соглашение от 30 августа 1996 года о сотрудничестве между РРПЦ МП и МВД России. В этой связи патриарх Алексий II ответил: «Нами были высказаны слова взаимной поддержки, выражено общее убеждение в необходимости совместно решать вопросы, стоящие перед обществом, вместе противостоять угрозе терроризма и попыткам разделить народ. Нашествие деструктивных сект и преступные действия террористов направлены на то, чтобы разделить нас и по вероисповедному, и по национальному принципу, и по политическим взглядам».

С 1996 года партнерство растет и крепнет. Высший командный состав поголовно обратился к православным ценностям, духовно окормляются и освящаются чудотворными иконами сотрудники милиции, а в ведомственных вузах открываются кафедры «духовной культуры». Около здания министерства построен храм, который призван «послужить делу воспитания личного состава органов внутренних дел и внутренних войск».

Впрочем, воспитание это лишь одно из перспективных направлений партнерства Московской патриархии с органами внутренних дел. Кроме признания православия в качестве духовной основы уникального многонационального Российского государства в документе говорится о настоятельной необходимости «в защите граждан от духовной агрессии». Таким образом, поддержка возвращения российских граждан «к исконным духовным ценностям» предполагает милицейскую защиту от «неисконных» религиозных организаций. Таковыми, следуя абстрактной логике документа, оказываются все «неправославные».

Борьба с «тоталитарными сектами» также входит в планы государства.

18 марта 2003 года, как сообщает «Интерфакс», секретарь Совета безопасности РФ В. Б. Рушайло, выступая на пресс-конференции, заявил: «В случаях, предусмотренных федеральным законодательством, государство должно решительно вмешиваться в пресечение деятельности национал-фашистских и других подобного рода партий и общественных движений, тоталитарных сект, которые, с одной стороны, представляют интересы определенной ячейки общества, с другой стороны, наносят всему обществу катастрофический вред». Неужели секретарю Совета безопасности не известно, что в законодательстве России нет термина «секта»? В то же время этот термин в силу сложившихся в обществе представлений имеет безусловно негативную коннотацию, и его использование может оскорбить чувства верующих.

«6 марта 2002 года святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II в сослужении архиепископа Истринского Арсения и епископа Орехово-Зуевского Алексия совершил чин освещения храма в честь Софии, Премудрости Божией, расположенного на территории комплекса зданий Федеральной службы безопасности России. За богослужением присутствовали директор Федеральной службы безопасности Н. П. Патрушев, другие руководители и сотрудники ведомства.

Храм Софии, Премудрости Божией, у Пушечного двора, что на Лубянке, был воссоздан в августе 2001 года при активном содействии Федеральной службы безопасности России, при этом часть средств на восстановление была пожертвована сотрудниками ФСБ.

После освещения храма со словами благодарности к Святейшему Патриарху Алексию обратился Н. П. Патрушев. Директор ФСБ отметил, что это событие имеет особое значение для Федеральной службы безопасности, так как храм находится на территории ведомства, сотрудники которого несут нелегкую службу по защите Российского

государства. Н. П. Патрушев передал в дар Предстоятелю Русской Православной Церкви образ святителя Алексия, митрополита Московского, и вручил символический ключ от храма.

В ответном слове Святейший Патриарх Алексий отметил, что отныне у ФСБ, как и у Министерства обороны и Министерства внутренних дел России, имеется свой храм. Святейший Патриарх выразил надежду, что сотрудники ФСБ и жители Москвы станут часто бывать в этом храме.

На молитвенную память о состоявшемся событии Святейший Патриарх передал храму икону Божией Матери «Умиление», а директору ФСБ подарил икону его Небесного покровителя — святителя Николая.

На молитвенную память о состоявшемся событии Святейший Патриарх передал храму икону Божьей Матери «Умиление», а директору ФСБ подарил икону его небесного покровителя Николая»[46].

Религиозными церемониями сотрудничество ФСБ и РПЦ не ограничивается. Как сообщает Портал-Кредо.ру, 18 июля 2003 года управление ФСБ вмешалось в спор двух православных общин за храм во Владимирской области. Речь шла о судебном процессе по делу о незаконном захвате храма св. Стефана в селе Кидекша, принадлежащего Российской православной автономной церкви (РПАЦ), его бывшим настоятелем, лишенным в РПАЦ сана Андреем Осетровым. Еще 18 декабря 2002 года Суздальский районный суд принял постановление об изъятии храма у Осетрова, однако в марте это решение было обжаловано Осетровым в областном суде. Как теперь стало известно, в ход процесса противозаконно вмешалось областное управление ФСБ, тесно связанное с губернатором Владимирской области Виноградовым и архиепископом Владимирским и Суздальским Евлогием (РПЦ МП). Вмешательство направлено на перемещение дела из правовой в политическую плоскость. Борис Нескородов, сотрудник областного УФСБ, провел беседу с начальником областного Комитета по управлению государственным имуществом (КУГИ) Бадальяном и подверг его критике за то, что КУГИ поддержало в суде законные требования Суздальской епархии РПАЦ. Оказав определенное давление на представителей КУГИ и взяв у Осетрова доверенность на ведение дела в суде, Нескородов присутствовал при рассмотрении дела в кассационной инстанции. В результате давления спецслужбы на участников процесса и на суд решение Суздальского районного суда от 18 декабря 2002 года было отменено, а дело передано на новое рассмотрение. В конце декабря 2002 года начальник управления ФСБ РФ по Владимирской области Р. В. Сиванов был награжден архиепископом Евлогием церковным орденом преподобного Даниила Московского «за помощь в деле возвращения РПЦ имущества, оказавшегося в руках раскольничьих религиозных образований».

Подводя некоторые итоги, трудно не согласиться с Ф. Г. Овсиенко. Известный ученый говорит, что «сегодня сложились определенная конъюнктура и определенный стереотип поведения государственного служащего, в соответствии с которыми считается хорошим тоном демонстративно выразить свою приверженность определенной религии и осудить так называемые «нетрадиционные» религии, заключить договоры о сотрудничестве с различными отделами Московского патриархата РПЦ, обзавестись своими ведомственными храмами (последнее превратилось в своеобразное соревнование: вслед за Минобороны и МВД в феврале 2002 г. обзавелась своим ведомственным храмом на

[46] Святейший Патриарх Алексий освятил храм Софии, Премудрости Божьей, на Лубянке // Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. Информационный бюллетень. № 3, март, С. 7—8.

Лубянке и ФСБ); министерства и ведомства сегодня как бы соревнуются в инициативах, направленных на расширение сотрудничества преимущественно с РПЦ»[47].

Таким образом, привилегии РПЦ, помимо льгот, квот, недвижимости, финансирования, включают в себя и услуги силовых структур государства по ограничению «духовных конкурентов»[48].

Становится очевидно, что уроки истории не пошли на пользу российской власти. «Государственная поддержка традиционной конфессии явилась одной из существенных предпосылок трагедии 1917 года — краха как тогдашнего государства, так и тогдашней церкви. Не следует забывать, что у всех русских революций была мощная антиклерикальная составляющая; как свидетельствует российская история, все серьезные социальные взрывы в стране сопровождались потрясениями для не отчужденной от государства церкви. Попытки некоторых депутатов Государственной думы и отдельных чиновников доказать, что конституционный принцип равенства религиозных объединений перед законом не исключает приоритетного сотрудничества государства с традиционными религиями (вернее, с православной религией), — медвежья услуга и сомнительная привилегия для РПЦ, чреватая в конечном итоге нарастанием светского и религиозного антиклерикализма, а также утратой РПЦ своего авторитета. Об этом свидетельствуют и уроки «симфонического» государственно-церковного симбиоза в истории нашего государства, и опыт становления новых государственно-конфессиональных отношений в 90-х годах некоторых постсоциалистических государств»[49].

Среди неочевидных последствий антиконституционной позиции государства в отношении свободы мысли, совести и религии — деградация института свободных выборов вследствие клерикальной идеологизации государства. Власть практически завершила формирование безальтернативной политической системы, в которой государственная идеология формируется РПЦ МП (РПЦ МП сегодня — аналог идеологический отдела ЦК КПСС).

О формах, механизмах и последствиях влияния фактора отношений государства с религиозными объединениями на политику вообще и результаты выборов в частности более подробно говорится в книге, выпущенной Институтом свободы совести[50].

ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ, ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ (В ТОМ ЧИСЛЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА)

С. А. Бурьянов, Институт свободы совести.

В соответствии с п. 3 ст. 9 Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партиях» от 11 июля 2001 года «не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности. Под

[47] *Овсиенко Ф. Г.* Политизация конфессий и клерикализация политики: Тенденции развития и риски в российском обществе // Религиоведение. 2002. № 2. С. 25.

[48] Более подробно на эту тему см.: *Бурьянов С. А.* Российские «сектоборцы» примеряют перчатки «силовых» структур: Приведет ли «социальное партнерство» РПЦ МП с МВД к массовым религиозным преследованиям? // Новости в сфере религии. www.rsnews.net. 21 марта 2005.

[49] *Овсиенко Ф. Г.* Указ соч. С. 28.

[50] *Бурьянов С. А.* Религия на выборах в России: Фактор отношений государства с религиозными объединениями в федеральном избирательном цикле 2003—2004 года. М., 2005.

признаками профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности в настоящем Федеральном законе понимается указание в уставе и программе политической партии целей защиты профессиональных, расовых, национальных или религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии».

Несмотря на то, что в соответствии с законом даже упоминание религии в названии политических партий запрещено, а опыт избирательных кампаний показывает, что «религиозный фактор» работает только в пользу «партии власти» и ее партнеров, прошедшие выборы в Государственную думу сопровождались активной борьбой за «религиозный» электорат.

Желание заработать дополнительные голоса за счет «религиозного фактора» нашло отражение и в партийных документах.

В программе партии «За Русь Святую» говорится о необходимости: «выработки законов и подзаконных актов, распоряжений и решений на всех уровнях власти, соответствующих нравственным и духовным традициям России; попечения о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание; трудов по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; работы со средствами массовой информации с целью их нравственного преображения; противодействия деятельности тоталитарных сект, представляющих опасность для личности и общества». Руководители партии, «уважая мировоззренческий выбор людей и их право влиять на общественные процессы», в то же время не могут положительно воспринимать такой «миропорядок, при котором в центр всего ставится помраченная страстями человеческая личность. Именно поэтому, неизменно сохраняя открытой возможность сотрудничества с людьми различных убеждений, Всероссийская политическая партия «За Русь Святую» стремится к утверждению традиционных исторических ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений, как на национальном, так и на международном уровне»[51].

Программа партии «Русь» гласит, что это «единственная политическая партия, которая опирается на русскую духовную и культурную традицию, знает своих духовных и идейных учителей, партия, которая утверждает: главным ресурсом развития России является русская нация, характеризующаяся сложившимся жизненным укладом с особыми нравственными категориями, обладающая высокой духовностью». В разделе, посвященном религии и церкви, говорится: «ОРП «Русь» разделяет позицию русского философа В. Соловьева, что «Россия есть семья народов, собранная вокруг православного русского народа». Мы хорошо помним, что во все времена вера была главной защитой и опорой существования, единства и мощи государства, ведущей духовной силой, объединяющей народы всей Руси в войнах, бедах и лихолетьях, для достижения победы, душевного покоя, достоинства и достатка. Партия стоит на позиции свободы и таинства вероисповедания, равенства всех основных религиозных конфессий перед законом. В партии понимают и исходят из того, что основой политического сотрудничества в обществе могут и должны стать те ценности и заповеди, которые разделяются всеми ведущими религиями на территории России. В современных условиях перед нашей партией и религиями стоят одни и те же задачи - сохранение единой страны, становление России как духовной сверхдержавы, возвращение людям веры и воли к достойной жизни, преодоление уныния. В этой связи партия будет действовать

[51] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1227.html.

в качестве реальной политической силы, через которую и с помощью которой православные и другие верующие смогут реализовать свои чаяния и надежды»[52].

Фундаментом политики, предлагаемой Народно-республиканской партией России является «возрождение нашей духовности и державности». При этом под духовностью понимается «возрождение на новой основе нашей культуры, образования и традиций». Говоря об обязанности государства защищать российскую культуру, духовность, традиционные ценности, составители программы партии отмечают, что «Церковь и государство должны прийти к политике партнерства, взаимодополнения. Это предполагает полную свободу вероисповедания для любого гражданина России, невмешательство государства в дела церкви и невмешательство церкви в дела государства. При этом в России должны мирно сосуществовать традиционные для народов нашей Родины конфессии: православие, ислам, иудаизм и буддизм. В идеологический вакуум после демонтажа советской системы с ее 70-летней историей культа атеизма входят различные секты, в том числе тоталитарные секты из-за рубежа. Организуются различные, так называемые, духовно-религиозные центры по инициативе всего двух-трех общин. Мы считаем, что деятельность чуждых народам России и реакционных по своей сущности религиозных конфессий и сект должна быть запрещена»[53].

О необходимости возрождения духовно-нравственных устоев общества, историко-культурных традиций народов России, создания условий для развития духовности и культуры граждан говорит российская экологическая партии «Зеленые». Ее программой предполагается «разработка, внедрение и развитие национальной идеологии, использование всех средств воспитания, образования, агитации и пропаганды для конструктивного и позитивного развития и укрепления национальной духовности. Сотрудничество, поддержка и поощрение деятельности общественных, профессиональных и религиозных организаций, способствующих возрождению и усилению духовного потенциала народов Российской Федерации независимо от их религиозной или конфессиональной принадлежности»[54].

Аграрная партия России декларирует открытость «для взаимодействия со всеми традиционно действующими на территории России религиозными конфессиями в сфере духовно-нравственного воспитания». В духовной сфере она «за обеспечение свободы совести и вероисповедания в целях нравственного оздоровления россиян»[55].

Партия «Истинные патриоты России» считает, что «многие из известных в стране партий не ставят во главу угла проблемы, которые корнями уходят в многонациональную и поликонфессиональную природу нашего общества; в эрозию духовно-нравственных ценностей и общественных идеалов, что без преувеличения представляет угрозу национальной безопасности страны». Вероятно, с целью восполнения упомянутых пробелов программа партии предполагает «ведение «в учебные курсы в школах и вузах гуманитарных предметов по «этносоциологии и культуре народов России», «традиционной морали и истории религии народов России»[56].

У Народной партии Российской Федерации (НПРФ) в мировоззренческой сфере далеко идущие планы. Программа партии заявляет: «Мы законодательно закрепим

---

[52] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1228.html.
[53] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1230.html.
[54] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1231.html.
[55] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1232.html.
[56] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1233.html.

право общества налагать ограничения на экономические и гражданские свободы, если они противоречат достижению общего блага и нравственному закону… Мы защитим общественную нравственность, традиционные духовно-нравственные ценности… Мы приведем законодательство в соответствие с отечественными правовыми идеалами и традициями, правовым сознанием россиян. Наш народ отличался от многих других народов тем, что с величайшим подъемом искал правды и хотел построить свое государство как «государство правды» (Н. Н. Алексеев). Наша цель — народное государство правды, в котором власть руководствуется убеждениями народа, его здравым смыслом и совестью. И мы знаем, как ее реализовать. Мы внесем изменения и дополнения в Конституцию РФ, которые ограничат экономические и гражданские свободы требованием вносить лепту в общее благосостояние, нравственными заповедями, ценностями гражданственности, солидарности и патриотизма. Нравственно неоправданные свободы — есть произвол, экспансия эгоизма и ничтожества. Мы примем Закон об общественной нравственности. Мы примем Закон о религиях, содействующий возрождению и защите традиционных духовно-нравственных ценностей народов России»[57].

«Выступая за единство страны и против любых проявлений сепаратизма», Демократическая партия России лишь скромно «придает особое значение свободному духовному и культурному развитию граждан, их национальным и территориальным объединениям»[58].

Декларируя в качестве цели «восстановление Великой Евразийской державы, с которой бы считались все страны мира», партия «Великая Россия — Евразийский Союз» считает, что «в российской внешней политике следует значительно усилить акцент на сотрудничество со странами Исламской и Буддистской цивилизаций. Эти отношения имеют огромный геополитический потенциал, препятствуя одностороннему доминированию США в Азии и пресловутой глобализации международных отношений»[59].

Программа-договор избирательного блока «Родина» с избирателями предполагает: «восстановление и пропаганду традиционных ценностей российской культуры, приведение в соответствие с ними государственной информационной и культурной политики, пресечение пропаганды насилия и разврата в СМИ, установление отношений социального партнерства между государством и церковью». Для решения упомянутых задач предполагается принять «ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс», предусматривающий восстановление прав граждан, религиозных организаций и предприятий на бесплатное бессрочное использование земли, а также муниципальной собственности на городские земли; ФЗ «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций», устанавливающего механизм социального партнерства государства и Церкви, предусматривающий совместную деятельность органов государственной власти и традиционных конфессий»[60].

Главная забота партии Мира и Единства — молодежь. «Отсутствие нравственного, традиционного, патриотического и физического воспитания толкают нашу молодежь в ряды наркоманов и пьяниц. ПМЕ выступает за развитие всесторонних связей со всеми народами мира на основе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в ре-

[57] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1234.html
[58] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1236.html.
[59] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1235.html.
[60] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1238.html.

шении глобальных общечеловеческих проблем, за противодействие любым формам проявления расизма, шовинизма, этнической, религиозной и всех форм дискриминации, стремлению США в установлении на Земле так называемого «нового мирового порядка»[61].

Разделяя «идею о светском характере Российского государства, в котором религия отделена от государства» и «поддерживая равноправие религиозных убеждений для всех народов, проживающих в России», Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) «выступает против попыток подорвать позиции православия, которое исповедует большая часть верующих страны. Позиция партии состоит в том, чтобы не допустить в стране конфессионального противостояния и религиозных конфликтов. Она выступает и за то, чтобы пресечь распространение в России нетрадиционных и изуверских сект, деятельность которых, как правило, направляется зарубежными спецслужбами с целью подрыва стабильности и могущества России»[62].

Предвыборная платформа Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) в религиозной сфере немногословна. Она утверждает «справедливость и равноправие в национальных отношениях», обещает защитить «культуру, язык, верования и обычаи всех народов России», а заодно избавить граждан «от унизительного присвоения индивидуальных номеров»[63].

Следует отметить, что «религиозный фактор» пытались задействовать только в так называемых традиционных[64] (православном, исламском, буддистском и иудейском) контекстах. То есть партии и блоки соревновались в демонстрации лояльности (если не в лоббировании) интересов «традиционных религиозных организаций» в ущерб интересам «нетрадиционных» и «неверующей» части общества.

«На голоса мусульман претендовала партия «Истинные патриоты России», созданная на основе Исламской партии России. На сайте этой партии можно найти такие слова: «Ислам не только и не столько религия, обязывающая исполнять только ритуалы и обряды! Ислам — это прежде всего ИДЕОЛОГИЯ…» Эту идеологию глава партии Магомед Раджабов и его соратники называли «единственно правильной», а также «идеологией третьего пути»[65].

Избирательный блок «Великая Россия — Евразийский союз» (больше известный как «блок Павла Бородина») также пытался задействовать «исламский фактор». Политтехнологи блока сложных схем изобретать не стали. Полагая, что каждый, имеющий характерную «татарскую» фамилию, есть татарин, а каждый татарин — мусульманин, они произвели соответствующую выборку из базы данных жителей Москвы, в адрес которых направили поздравления с приходом «Благословенного Месяца Рамадана» за подписями Бородина, Аушева, Ивашова, Ниязова. Кроме поздравления, содержащего информацию о блоке, в конверт были вложены: мусульманский календарь на 2004 год (с логотипом блока на фоне мечетей) и приглашение на хадж в святые места — «благословенную Мекку и лучезарную Медину» (с цитатами из Корана, в связи с чем со-

---

[61] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1239.html.

[62] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1240.html.

[63] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1245.html.

[64] Более подробно см.: *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. 2001. № 12.

[65] *Лампси А.* Мировое зло победило Святую Русь: На выборах в Государственную думу попытка использовать «религиозный ресурс Святой Руси» потерпела сокрушительное поражение // Портал-Кредо. Ру, www.portal-credo.ru, 15 декабря 2003

держащее призыв не выкидывать листок, а лучше сжечь). Конечно же, «предвыборные подарки» получили многие люди, не являющиеся мусульманами и татарами. Среди адресатов оказались даже граждане других государств и несовершеннолетние, т. е. лица, не имеющие права избирать и быть избранными в российские органы власти.

Претендентов на голоса православных избирателей оказалось значительно больше. «Прежде всего это партия «За Русь святую» Сергея Попова, который предлагал избирателю некое подобие шариата, призывая обосновать все правовые нормы заповедями Божиими. Очень четко заявила свои претензии на голоса православных «Народная партия» Геннадия Райкова. Третьим в списке этой партии значился не кто-нибудь, а старший референт Патриарха Московского и всея Руси Алексия, кандидат богословия Николай Державин. Также, хотя и в меньшей степени, пытались использовать «православный фактор» Народно-республиканская партия, главный лозунг которой был «Православие, патриотизм, народность», и партия «Русь»[66].

«Но, пожалуй, всех перещеголяла партия «Русь», выступившая в последний день агитации с предложением, чтобы на будущих выборах в Госдуму все кандидаты брали благословение у патриарха. А так как патриарх является председателем межрелигиозного совета, то предлагается подходить за благословением представителям всех традиционных конфессий от буддистов до иудеев»[67].

И все же Народная партия заслуживает отдельного упоминания: «Солидный Господь для солидных господ» (из «Generation П» Пелевина) тоже участвует в этих выборах. Его нам являет Народная партия Российской Федерации (НПРФ) Геннадия Райкова. НПРФ — одна из двух главных партий поддержки президента Путина в нынешней Думе, партия влиятельных региональных чиновников и бизнесменов, бывших чекистов и военных»[68].

В Государственной думе прошлого созыва НПРФ выступила инициатором и основой (почти треть состава) создания межфракционного депутатского объединения (МДО) «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей», являющемся ни чем иным как церковным лобби, призванным законодательно закрепить государственные вероисповедные предпочтения в лице «традиционных религий», и соответственно ужесточить действующее законодательство по отношению к «нетрадиционным».

24 августа 2003 года было подписано Соглашение о совместной деятельности народно-патриотических сил, положившее начало формированию предвыборного блока «Родина». Первоначально к блоку присоединилось 16 политических партий и общественно-политических движений, среди которых ряд религиозно ориентированных. Еще 22 августа в эфире ТВЦ С. Ю. Глазьев заявил, что одной из опор его избирательной кампании станет Союз православных граждан (близкий Глазьеву с середины 90-х годов).

Накануне выборов Глазьев дал интервью журналу «Православная беседа» (2003, № 5), где подробно изложил свое мнение о месте РПЦ в российской истории и современности, а также сообщил, что является сторонником создания православного телеканала: «Если бы у нас на телевидении был церковный канал, на котором авторитет-

---

[66] *Лампси А.* Указ. соч.

[67] *Мельников В.* Предвыборные искушения: Накануне выборов многие кандидаты объявили себя верующими // Вечерний Новосибирск, 11 декабря 2003.

[68] *Прибыловский В.* Духовные брэнды российской политики // НГ-религии. 3 декабря 2003.

ные духовные лица могли бы высказывать свое мнение, то это здорово помогло бы нам всем. Мы ведем борьбу, чтобы у нас было, наконец, православное телевидение»[69]. В Госдуме предыдущего созыва Глазьев входил в МДО «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей» и был инициатором законопроектов о «традиционных религиозных организациях» и наделении их значительными экономическими льготами и привилегиями.

Государственная дума четвертого созыва еще не приступила к работе, а Глазьев на заседании Союза православных граждан (СПГ) 23 декабря 2003 года в Москве уже выступил с заявлением о том, что «блок «Родина» исповедует православное мировоззрение и в Думе будет представлять интересы СПГ. «Родина» намерена добиться принятия закона о социальном партнерстве Церкви и государства, введения «Основ православной культуры» в федеральный компонент образования, отмену дискриминационных по отношению к РПЦ статей Земельного и Налогового кодексов, продвигать другие законодательные инициативы СПГ[70].

Не забывает Глазьев об армии и пенитенциарной системе. Еще 28 января на пресс-конференции, состоявшейся в рамках круглого стола «Православная журналистика», лидер блока «Родина» высказался за введение в России института военных и тюремных капелланов. «Сегодня все понимают важность доступа Церкви в места лишения свободы, — сказал он, — и мы должны всячески содействовать этому». Глазьев отметил, что подготовленный им законопроект «О социальном партнерстве» предусматривает возможность для работы священнослужителей в армейских частях и исправительных учреждениях, причем на государственной основе. По его убеждению, священники, работающие в армии и тюрьмах, должны получать зарплату от государства и пользоваться всеми правами и привилегиями, распространяющиеся на сотрудников армейских и уголовно-исправительных структур[71].

«Покидая 19 сентября глазьевский блок, известный литератор Александр Дугин (партия «Евразия») объяснил свое решение весьма литературно: «Основная причина — наличие в блоке расистов, антисемитов и членов РНЕ, а также некоего Савельева, переводчика «Майн кампф». К тому же блок, задуманный как корректный, левопатриотический и антиолигархический, приобрел характер сброда всякого псевдопатриотического мурла с явной шовинистической ориентацией». Помягче выразился Вячеслав Игрунов в своем заявлении о выходе из «Родины»: «Наш патриотизм не имеет ничего общего с национализмом и ксенофобией»[72].

На фоне исторических реалий это выглядит несколько странно, но КПРФ старается не отставать в демонстрации приверженности «традиционным» религиям. В обращении Г. А. Зюганова к православным наряду с утверждениями, что «новые «реформы» правительства направлены на продолжение «демократического» погрома страны, на распродажу земли, расчленение естественных монополий, разрушение системы социальных гарантий трудящихся, а спекулянты и ворье по-прежнему жиреют за счет трудового народа», говорится об «активизации темных сил мировой закулисы, гото-

[69] Обзор СМИ // «Религия и СМИ» www.religare.ru, 22 октября 2003.

[70] Блок «Родина» будет представлять в Государственной Думе интересы Союза православных граждан // Портал-Credo.ru, www.portal-credo.ru, 25 декабря 2003.

[71] *Мурзин Е.* Глазьев выступает за введение в России института тюремных капелланов // Мир всем, http://news.pobeda.ru:8080/index.jsp?idtop=133.

[72] *Морозов А.* «Православный фактор» на старте избирательной компании 2003 года // Религия в светском обществе www.religion.sova-center.ru, 7 октября 2003.

вящихся на волне разгорающейся смуты к решительной битве за мировое господство, описанной еще на заре христианской эры апостолом Иоанном Богословом в его знаменитом Апокалипсисе»[73].

По мнению лидера КПРФ, в «долгой и трудной» борьбе с «мировым беззаконием» «верующие граждане нашей страны, ее религиозные лидеры и патриотические политики должны идти бок о бок, тесно сотрудничая во имя России, ради ее духовного процветания и державного возрождения»: «Вместе мы поставим прочные заслоны на пути нравственного растления нашего народа, прекратим пропаганду насилия и порока в средствах массовой информации, сделаем соблюдение норм общественной морали одной из главных забот Российского государства! Вместе мы не позволим втянуть Россию в беззаконие антихристовой глобализации, вернем нашему Отечеству его изначальную духовную основу! Вместе мы не допустим создания «электронного концлагеря», в который втягивает сегодня россиян бездарное правительство, вознамерившееся пометить всех нас печатью электронных кодов пресловутого ИНН! Вместе — мы остановим духовную агрессию чуждых проповедников и сект против Русского Православия, вернем нашей Церкви ее исконное место главного хранителя народных святынь! Вместе — мы победим!»[74]

В 1999 году Зюганов выпустил брошюру «Вера и верность. Русское православие и проблемы возрождения России», а в 2003 году издал книгу «Святая Русь и Кощеево царство», написанную «для того, чтобы все россияне, а в особенности — представители православной общественности, могли из первых рук получить информацию о том, какова позиция левопатриотического движения в области духовного возрождения России, церковно-государственных отношений, проблем глобализации и других важнейших нравственно-религиозных вопросов современности»[75].

Если судить по Программе КПРФ, вера в бога не только вполне совместима с членством в Компартии, но и особо оговаривается приоритет «традиционных российских конфессий — православия, ислама и буддизма». Отсюда вытекает естественный, по мнению КПРФ, союз коммунистов с православием на основе общих, патриотических ценностей: «Соборность, народность и духовность явились важной предпосылкой восприятия массами идеи социализма»[76].

Что касается отношения к религиозному фактору других видных политических партий, то «ЛДПР в прошлом занимала достаточно четкую проправославную позицию, выдвигая и поддерживая соответствующие законопроекты. Владимир Жириновский выпустил брошюру «Православный бастион», однако в последнее время его позиция стала более расплывчатой. Еще несколько лет назад Владимир Вольфович сделал несколько высказываний, указывающих на то, что его симпатии к «традиционным» религиям не носят фатального характера: например, он заявил, что князь Владимир выбрал религию подешевле, многие священники — кагэбэшники, а также, что он горячо симпатизирует пятидесятникам»[77].

«Яблоко» в своей программе призывает, с одной стороны, к солидарности и единению людей разных вероисповеданий, а с другой, — к взаимодействию с «тради-

[73] Без веры и Родины жизни нет: Обращение Г. А. Зюганова к православным // Советская Россия. 2003. № 130.

74 Там же.

[75] *Душенов К.* «Святая Русь и Кощеево царство» // Русь православная. 2003. № 75—76.

[76] См.: www.kprf.ru.

[77] *Квирквелия О.* Политические партии борются за религиозный электорат // НГ-религии, 2 июля 2003.

ционными» религиями. И все же эта партия, видимо, принципиально, не играет на религиозном поле, что, кстати, отмечено и в ее программе: партия «против попыток использования некоторыми политиками и чиновниками Церкви в своих политических интересах»[78]. В теледебатах 27 ноября на канале «Россия» Г. А. Явлинский высказал пожелание, чтобы «религиозных людей в России было больше. Кроме того, лидер «Яблока» сказал, что 4 декабря он посетит храм Иоанна-воина, прихожанином которого является[79].

Союз правых сил (СПС) не претендует на использование религии для своих политических нужд. В программе партии СПС говорится: «Мы против коррупции, против разрастания бюрократии и клерикализации власти… Мы озабочены ростом национальной нетерпимости, мы против того, чтобы власть манипулировала национальностью и религией граждан»[80].

«Единая Россия», как партия власти, занимает особую позицию. Это касается и участия в различных мероприятиях и организациях, связанных с «традиционными» религиями и близости к президенту. По мнению церковного публициста С. Чапнина, «Единая Россия» вела себя с государственной сдержанностью и не могла апеллировать к традиционным ценностям так же явно, как «Родина», однако и она сумела привлечь значительную часть православного электората благодаря тому, что президент занимает активную церковную позицию, и это широко известно»[81].

Многочисленные факты, свидетельствующие о сближении (в т. ч. в виде политической поддержки) Московской патриархии с кремлевской властью были отмечены еще в начале 2000 года. 9 марта 2000 года патриарх поручил членам Священного синода через средства массовой информации призвать православных принять участие в выборах. Необходимо отметить, что патриарх не ограничился собственным заявлением для прессы, а поручил членам Синода дополнительно растиражировать предвыборный призыв через средства массовой информации… Призыв повторен 22 марта 2000 года от имени Межрелигиозного совета России, на заседании которого присутствовали высокопоставленные представители РПЦ, Совета муфтиев, КЕРООР и Традиционной буддистской сингхи. С аналогичным призывом выступило через два дня и конкурирующее с Советом муфтиев ЦДУМ России и Европейских стран СНГ Талгата Таджуддина. А в последний день, когда была разрешена агитация, 24 марта 2000 года, выступил с телеобращением патриарх Алексий I[82].

Тогда сближение власти и церкви не ограничилось предвыборной риторикой. «Как минимум с февраля началось сотрудничество Церкви (через ОВЦС) с Центром стратегических разработок (ЦСР) Германа Грефа, готовившим путинскую государственную стратегию… Церковь привлекается даже к практической выработке внешнеполитического курса страны. 10 марта 2000 г. митрополит Кирилл обсуждал тему сложного соприкосновения идеологических стандартов при контактах Востока и Запада, но не с журналистами, а с группой слушателей Высших дипломатических курсов, сотрудников МИД, направляемых на работу послами, советниками-посланниками и генераль-

[78] Там же.

[79] Григорий Явлинский высказал пожелание, чтобы религиозных людей в России было больше // Портал-Кредо.Ру, www.portal-credo.ru, 1 декабря 2003.

[80] См.: http://www.v2004.ru/programs/2003/11/19/1224.html

[81] *Чапнин С.* Религиозный фактор и политические партии // Церковный вестник. 2004. № 5.

[82] *Верховский А.* Религиозный фактор в парламентской и президентской компаниях в России // ДиаЛогос: религия и общество. 2001. С. 46—47.

ными консулами, то есть — с дипломатами довольно высокого уровня… Многие были шокированы, когда на пасхальном богослужении в Исаакиевском соборе митрополит Владимир, считающийся, кстати, одним из самых либеральных митрополитов в Церкви, прервал службу, чтобы подарить присутствовавшему на ней Владимиру Путину яичко с короной «на долгое и счастливое царствование»[83].

С тех пор риторика и практические действия в области взаимоотношений президента с РПЦ МП вышли на новые ударные антиконституционные рубежи. В предыдущем разделе приведены многочисленные факты конфессиональных симпатий Путина, возведенных в ранг государственной политики.

В день выборов, в воскресенье 7 декабря 2003 года, программа «Русский взгляд» (ТВЦ), сообщила, что патриарх Алексий II проголосовал в своей рабочей резиденции в Чистом переулке, куда была доставлена урна для голосования. Алексий II обратился к народу с речью: «Мне было обидно смотреть те дебаты, которые осуществлялись за деньги налогоплательщиков на различных каналах. Многие из тех, которые пытаются оказаться в Государственной думе, очень мало думают о народе, об Отечестве, а только желают сохранить свои позиции в Госдуме. Будем надеяться, что сегодня народ нашей страны сделает правильный выбор». Как известно, «Единая Россия» от дебатов отказалась, так что намек, за кого следует голосовать, понятен.

Сразу после выборов игумен Вениамин (Новик) (РПЦ МП, Санкт-Петербург) дал свой прогноз относительно последствий выборов: «Партия управленческой бюрократии «Единая Россия» — это, по сути дела, новая КПСС взамен одряхлевшей старой. Это шаг в сторону восстановления привычного коррумпированного тоскливого социализма с тем же псевдопатриотическим оттенком, но уже с мобильными телефонами. В результате в ГД сформируется конституционное большинство (300 голосов), способное изменить Конституцию. Нетрудно догадаться, что в сторону дальнейшего усиления президентской власти. «Единая Россия», ЛДПР, «Родина» будут наперегонки угадывать желания президента. Произойдет окончательное слияние исполнительной и законодательной ветвей власти, и со всяким конституционализмом, а значит, и с либеральными правами человека (в том числе и свободой вероисповедания), в РФ будет покончено»[84].

Сотрудничество «Единой России» с РПЦ крепнет с каждым днем. Спикер Госдумы единоросс Б. В. Грызлов возглавляет общественный совет по изданию «Православной энциклопедии», попутно продвигая ценности православия и других «традиционных» конфессий в Госдуме, спикером которой является.

1 апреля 2005 года секретарь генерального совета «Единой России» В. Н. Богомолов встретился с председателем ОВЦС митрополитом Кириллом. Богомолов рассказал об основных мировоззренческих ориентирах «Единой России», среди которых опора на традиционные нравственные ценности занимает особое место.

17 июня 2005 года представитель «Единой России» вице-спикер Госдумы Л. К. Слиска выразила поддержку преподавания в школах основ «традиционных религий» при приоритете православия, попутно заявив: «Я категорически против того, чтобы у нас преподавание было по мормонам, адвентистам седьмого дня, Свидетелям Иеговы»[85].

---

[83] *Верховский А.* Указ. соч. С. 50—51.

[84] Рубрика «Мнение» // Портал-Кредо.Ру (www.portal-credo.ru). 16 декабря 2003.

[85] РИА Новости. 17 июня 2005.

Это высказывание вызвало возмущение адвентистов. В обращении к генпрокурору и председателю Государственной думы РФ говорится: «Считаем, что публичные заявления представителя высшего законодательного органа РФ являются явно дискриминационными в отношении трех конкретных упомянутых ею религиозных объединений и в частности по отношению к Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня, которая официально зарегистрирована Министерством юстиции РФ, законно действует на территории нашей страны, не совершает никаких противоправных деяний и, следовательно, должна пользоваться теми же правами и защитой, что и другие»[86].

Член президиума генерального совета «Единой России», вице-спикер Госдумы О. В. Морозов считает, что его партия и РПЦ утверждают единые нравственные ценности. «Идея общенационального успеха России, единства России как тысячелетнего государства, а не как страны, возникшей на обломках Советского Союза, проходит в манифесте нашей партии красной нитью, и это прямо соотносится с теми ценностями, которые исповедует православная церковь», — отмечает Морозов. Говоря о возможности законодательного отражения стремления Церкви ввести в российских школах преподавание «Основ православной культуры», депутат отметил, что «важно юридически правильно в законе «Об образовании» отразить эту компоненту»[87].

Летом 2006 года в подмосковном пансионате «Бор» при участии РПЦ прошла политучеба партии «Единая Россия». Перед единороссами выступил митрополит Кирилл. Митрополит посвятил партийцев в тонкости православного понимания прав человека[88].

В июне 2006 года в Российском государственном гуманитарном университете «Единая Россия» в рамках Дней русской политической культуры организовала лекцию «Русская политическая традиция», на которой выступил митрополит Кирилл. Он предложил обязать приходящие к власти партии строить свою политику «на традиции». А чтобы «выборы не превращались в катастрофу», порекомендовал власти «воспринимать политику как пристройку к базисным ценностям». Хранительницей базисных ценностей и традиций митрополит предложил сделать Церковь. «Ни одна политическая партия, приходя к власти, не должна ставить под вопрос нашу самобытность и традиции, — пригрозил митрополит Кирилл и наказал: — Эти базисные ценности должны быть инкорпорированы в программные документы всех партий»[89].

24 марта 2005 года в Мосгордуме состоялись депутатские слушания по проблеме противодействия «тоталитарным сектам». Председатель думской комиссии по здравоохранению и охране общественного здоровья Л. В. Стебенкова заявила, что «сейчас в Москве насчитывается около 30 сатанинских групп, членами которых являются более двух тысяч человек. Эти группы представляют около 20 различных направлений». Как передает «Интерфакс», собравшиеся пришли к единому мнению, что в действиях «сектантов» часто имеются составы преступления по ряду статей УК РФ (213-й («хулиганство»), 214-й («вандализм»), 243-й («уничтожение или повреждение памятников истории и культуры»), 244-й («надругательство над телами умерших и местами их за-

[86] Обращение адвентистов Седьмого дня к генпрокурору и РФ и председателю Государственной думы РФ в связи с высказываниями вице-спикера Госдумы Л. Слиски о «нетрадиционных конфессиях» // Портал-Кредо.Ру. 23 июня 2005.

[87] Интефакс-Религия. 23 ноября 2005.

[88] *Чеботарев А.* Мишки в сосновом «Бору» // Независимая газета. 2006. 6 июня.

[89] *Кособокова Т.* Церковь научит политиков: Митрополит Кирилл предложил партиям новый обязательный пункт в их уставы и выступил с неутешительными пророчествами // Взгляд. 23 июня 2006.

хоронения»), 245-й («жестокое обращение с животными») и др.), а сами «секты» подпадают под действие статей 239 («организация объединения, посягающего на личность и права граждан») и 282-1 («организация экстремистского сообщества»). По словам депутата Мосгордумы М. И. Москвина-Тарханова, «в последнее время мы столкнулись с большой проблемой, когда тоталитарные секты и различные оккультные группы прикрываются символикой традиционных религий. Так, например, на их рекламных листовках можно найти кресты, полумесяцы, звезды Давида. Используя эти символы, они привлекают ничего не подозревающих людей в свои сети»[90].

«Антисектантские» мероприятия, в том числе и в стенах законодательного органа, время от времени проводит Либерально-демократическая партия России. 28 сентября 2005 года в Государственной думе РФ в зале заседаний приемной руководителя фракции ЛДПР состоялся круглый стол «Секты в Москве: теория и практика борьбы». На нем обсуждались следующие вопросы: «Распространение сект в школах г. Москвы: кто и зачем это допускает? Почему молодежь попадает в секты: чего не хватает молодым людям в обычной жизни? Каким образом народ и Государство должны бороться с распространением сект?»[91].

23 июня 2005 года депутаты фракция «Родина» в Мосгордуме провели митинг против строительства Русско-американского христианского института (РАХИ) возле Яузы по адресу: ул. Менжинского, 38, корп. 3. Организаторы митинга назвали РАХИ «рассадником идей, чуждых нашему государству». В распространенных «боевых листках» звучит предостережение: «это учебное заведение станет центром распространения баптистских взглядов, чуждых России», и фигурируют следующие призывы: «Мы призываем вас! Соотечественники и патриоты! Вместе! Остановим американскую интервенцию в наши души, не позволим забивать головы наших детей американо-протестантской ересью. Защитим детей от влияния заокеанских РАХИтов!»[92]

Осенью 2005 года депутат Госдумы РФ Н. В. Курьянович направил официальный запрос на имя начальника УВД и прокурора Смоленской области. В запросе говорится: «Как член Комитета по безопасности Государственной Думы РФ, обращаю ваше внимание, что на деятельность тоталитарных сект не распространяется понятие о свободе вероисповедания, поэтому прошу провести тщательную проверку деятельности секты мунитов в Смоленске… Требую принятия активных мер по прекращению деятельности Церкви объединения (секты Муна) на территории города Смоленска и Смоленской области»[93].

В ноябре 2005 года, за две недели до выборов Московской городской думы, на улицах Москвы были замечены молодые люди с эмблемой ЛДПР, раздающие агитационные материалы, в которых среди прочего предлагается запретить «религиозные секты». Листовки отпечатаны по заказу избирательного объединения по выборам депутатов в Московскую городскую думу четвертого созыва от Московского городского отделения политической партии ЛДПР[94].

---

[90] В Мосгордуме состоялись слушания по проблемам борьбы с «сектами» // Религия в светском обществе. 24 марта 2005.

[91] Портал-Кредо.Ру. 28 сентября 2005.

[92] Московское отделение партии «Родина» провело митинг против строительства Русско-американского христианского института // Портал-КредоюРу. 24 июня 2005.

[93] Доклад о положении с правами человека в Смоленской области в 2005 году.

[94] ЛДПР предлагает закрыть Москву для выходцев с юга и запретить «религиозные секты» // Портал-Кредо.ру. 22 ноября 2005.

Но все же самую скандальную известность в 2005 году получило антисемитское «письмо 19 — 500 — 5000», после того как было представлено депутатом А. Н. Крутовым в виде депутатского запроса в Генеральную прокуратуру РФ сначала 23 января, а затем 21 марта.

Запрос содержал жалобу на свод еврейских галахических законов «Кицур Шульхан Арух», официально изданный в 2001 году в Москве КЕРООР, и настоятельную просьбу «на основании соответствующих статей УК РФ, закона «О противодействии экстремистской деятельности» (2002) и ст. 13 Конституции РФ («запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни») официально возбудить дело о запрете в нашей стране всех религиозных и национальных еврейских объединений как экстремистских».

22 июня 2005 года Московская городская прокуратура обязала Басманную межрайонную прокуратуру провести «проверочные действия» в отношении издателей «Кицур Шульхан Арух». Был вызван на допрос раввин З. Коган, написавший предисловие к русскому переводу «Кицур Шульхан Арух».

Этот вызов, как и поручение о проверке «Шульхан Аруха», вызвали возмущение как в еврейской общине России, так и среди международных еврейских организаций.

Кроме того, МИД Израиля немедленно потребовал разъяснений, однако ответа так и не получил. Вопрос об антисемитизме в России стал главным на переговорах вице-премьера Израиля Э. Ольмерта с российским премьером М. Е. Фрадковым. Израильский вице-премьер заявил, что Израиль ждет от России конкретных шагов и ясной оценки действий московской прокуратуры. В ответ прокуратура Москвы объявила о том, что ни в отношении издателей книги «Шульхан Арух», ни в отношении авторов обращения в Генпрокуратуру уголовные дела возбуждаться не будут[95].

По словам Р. Лункина, «уникальность политической риторики в современной России состоит в том, что, как и в Советском Союзе, партийным боссам приходится искать все новых и новых врагов не вне, а внутри страны, потому что недовольство своего населения (в деревнях, школах, замерзающих районах и т. д.) политикам, лояльным Кремлю, трудно объяснить влиянием Запада. В этой ситуации осуждение евреев, «сектантов» и террористов перед выборами заменяет россиянам политическую жизнь и реальные общественные дискуссии»[96].

Низкий результат «православных», «исламских» и прочих «религиозных» партий на федеральных выборах не охлаждает их попыток заручиться поддержкой «главной церкви, главного народа», что крайне негативно сказывается на состоянии реализации свободы мысли, совести и религии.

На основании исследований Института свободы совести можно говорить о наличии некоторой зависимости состояния с правами человека от выборов. Очевидно, что конъюнктурное стремление политических партий, блоков и отдельных политиков расположить к себе избирателей обещаниями бороться с «сектами» и т. п. разжигает религиозную рознь, ксенофобию и нетерпимость, приводит к увеличению числа дискриминационных актов.

---

[95] Израиль счел экспертизу «Шульхан Арух» проявлением антисемитизма // Грани.Ру. 30 июня 2005.

[96] *Лункин Р.* Без вины виноватые. Перед выборами в Мосгордуму прокремлевские партии убеждают граждан в величии России и опасности ее внутренних врагов — кавказцев и евреев // Портал-Кредо.ру. 24 ноября 2005.

Скорее всего, последствия предвыборной мобилизации «религиозного фактора» сказываются и некоторое время после выборов, но для получения точных данных необходимы специальные исследования.

Что касается демократических партий России, то они признают свободу совести в основном на уровне деклараций, и только в ее вероисповедной части. В реальной деятельности их позицию можно охарактеризовать в лучшем случае как неопределенную. Демократические партии вообще ничего не противопоставили использованию властью фактора государственно-конфессиональных отношений в избирательных технологиях, и пока нет никаких признаков, что это произойдет в будущем.

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ

С. А. Мозговой, Институт свободы совести

В условиях утверждения свободы совести и созидания гражданского общества весьма актуальным будет рассмотреть вопрос об отношении религиозных организаций к вопросам свободы мысли, совести, религии и убеждений.

Свои взгляды на эту проблематику в новейшей истории России впервые выразили в период перестройки многие известные религиозные деятели, среди которых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков) архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл (Гундяев), кардинал Винсентас Сладкявичюс, священники Александр Борислов, Александр Мень, Григорий Эдельштейн, Глеб Якунин, пасторы М. М. Кулаков, С. В. Санников, Юрис Рубенис и др[97]. Это был период больших ожиданий, совместных устремлений к идеалу свободы совести. Тогда еще не обозначились серьезные противоречия и казалось, что все находятся «в одной лодке». Принципиальные разногласия по многим вопросам появились лишь годы спустя.

Бурные дискуссии в обществе, в которых активное участие принимали религиозные деятели, вылились в принятие в 90-е годы либерального законодательства, особое место в котором занимал Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990). Однако уже в начале 1992 года при поддержке РПЦ предпринимались попытки внесения поправок в этот закон, ущемляющие права новых религиозных образований. В 1993 году была принята Конституция РФ, в которую были заложены основные правовые нормы свободы совести и светскости государства. РПЦ участвовала в Конституционном совещании и была вынуждена согласиться с новой редакцией Основного закона страны. Со стороны представителей других религиозных организаций несогласия или протеста по вопросу свободы совести в изложении Конституции не было зафиксировано. До середины 1990-х годов свобода совести еще рассматривалась РПЦ в качестве позитивной ценности. В 1992 году использовались даже формулировки такого рода: «Мы твердо стоим за право каждой личности на религиозное самоопределение, за равенство всех религий перед законом и не стремимся ограничить чей-либо вероисповедный выбор»[98]. В конце 1996 года в заявлении патриарха Алексия II и Священного синода свобода совести в России была названа реальной, а не декларированной[99].

[97] См.: На пути к свободе совести / Сост. Д. Фурман и о. Марка (Смирнова). М.: Пргресс, 1989.

[98] Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1992. № 6. С. XIII.

[99] Церковь и время. 1999. № 2(9). С. 134.

Однако все это были лишь публичные заявления. На деле отчетливыми стали тенденции к сближению религиозных организаций и прежде всего РПЦ МП с государством и стремление использовать его ресурсы для борьбы с духовными конкурентами. Все более явным стало стремление РПЦ стать «равнее других» российских конфессий, проявляющееся в постоянных обращениях к государству с призывом выстраивать отношения с религиозными организациями с учетом их «общественной значимости»[100]. Особенно это проявилось в противодействии со стороны РПЦ распространению новых религиозных движений. В концентрированной форме отношение русского православия к религиозным новообразованиям было выражено в определении Архиерейского собора «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме» (декабрь 1994)[101]. Таким образом, в РПЦ была развернута кампания по борьбе с новыми религиозными движениями (НРД), обычно пренебрежительно именовавшимися «сектами», «лжерелигиями» и «деструктивными культами»[102].

Позиция протестантов и других религиозных объединений неоднократно выражалась на конференциях и в документах МАРС. Будучи аутсайдерами в отношениях с государственной властью, они отличались большей принципиальностью и отстаиванием принципов религиозной свободы, хотя зачастую не были последовательными.

Особенно четко проявилась позиция конфессий в отношении к свободе совести и свободе вероисповедания в ходе дискуссии при обсуждении проекта федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997). Против проекта, нарушающего принцип равенства религиозных объединений, выступили представители протестантских религиозных объединений и религиозных меньшинств России. В то же время 49 епископов РПЦ во главе с патриархом Алексием II в июле 1997 года обратились к президенту с настоятельной просьбой ввести закон в действие. Закон также был поддержан мусульманами, иудеями и буддистами. Однако Б. Н. Ельцин под воздействием правительств и крупных конфессий западных стран, включая Ватикан (папа римский обратился с просьбой не подписывать закон), наложил вето на закон как противоречащий Конституции РФ. Алексий II и члены Синода сделали заявление, в котором выразили сожаление и предупредили, что позиция президента может «создать напряжение между властью и народом». В то же время папа римский публично поблагодарил Ельцина. Однако в конце концов с небольшими доработками и изменениями, правда не меняющими самой сути, закон был принят. Этому предшествовало заявление, подписанное 2 сентября 1997 года представителями 15 конфессий, участвовавших в работе над окончательным вариантом законопроекта, кроме двух основных толков старообрядчества. 11 сентября католики и представители трех основных протестантских конфессий России объявили, что они против принятия закона. Однако законопроект был уже на рассмотрении в Госдуме РФ и 23 сентября принят. РПЦ в этот период уже окончательно отошла от собственных деклараций о свободе совести[103].

Принцип неравенства конфессий был провозглашен в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997) («особая роль пра-

[100] См. *Стецкевич М. С.* Отношение ведущих российских конфессий к принципу свободы совести // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. СПб.: Норма, 2005. С. 104.

[101] См.: *Кантеров И. Я.* Новые религиозные движения в США и России: сравнительный анализ // Религиоведение № 1, 2001. С. 72.

[102] См. *Стецкевич М. С.* Там же.

[103] См.: *Полосин В. С.* Закон о свободе совести и о религиозных объединениях (1997) // Религии народов современной России: Словарь. М.: Республика, 1999. С. 101—102.

вославия в истории России»), а также в ряде статей (ст. 27), устанавливающих 15-летний ценз и дискриминацию новых религий. Характерно, что церковное руководство призывало государство решительно ограничить их деятельность. Неслучайно РПЦ выступила в качестве одного из основных лоббистов ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», имеющего, по мнению многих специалистов, дискриминационный характер по отношению к сравнительно недавно появившимся в России конфессиям, которые могут получить права юридического лица лишь по истечении 15-летнего испытательного срока.

В определении Архиерейского собора (2000) «за инославными христианами» признается лишь «право на свидетельство и религиозное образование среди групп населения, традиционно к ним принадлежащих», при отрицании возможности «всякой деструктивной миссионерской деятельности сект»[104].

Таким образом, РПЦ не отрицает права приверженцев других конфессий, действующих на территории РФ, иметь религиозные убеждения. Поскольку в различных церковных документах часто упоминаются неверующие, то очевидно признается и право не иметь их. Право же человека менять религиозную идентичность, а неправославных религиозных организаций — распространять свои взгляды, что также является неотъемлемой частью свободы совести, признается лишь с большими ограничениями. Стремление же РПЦ занять особое положение («государствообразующая конфессия») неизбежно ведет к дискриминации неправославных и опять-таки к нарушению свободы совести[105].

Известные социологи религии Д. Е. Фурман и К. Каариайнен, исследуя ценностные ориентации различных групп российской элиты (экономической, политической и др.), обнаружили, что «элита РПЦ» — «самая недемократическая из всех групп элиты». Элита РПЦ оказывается единственной группой, предпочитающей равенство свободе. 15 % ее представителей считают «не важной и совершенно не важной» защиту свободы слова, что выше, чем у любой другой группы. В «элите РПЦ» наибольший (37 %) процент уверенных в том, что «демократия — не для России» и т. д.[106] Такое отношение священноначалия РПЦ к принципу свободы совести логически следует из общего неприятия прав и свобод человека в том виде, как они зафиксированы в международных правовых документах.

Начало документальному оформлению программных документов в сфере социального служения, где было отражено отношение религиозных организаций к проблемам современности и различным аспектам взаимоотношения с государством и обществом, положил Архиерейский собор 2000 года, на котором были приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Вслед за ними свои доктрины приняли мусульмане, протестанты, иудеи. Общины католической церкви в Российской Федерации руководствуются социальным учением Римско-католической церкви, начало которому положила энциклика папы Льва XIII Rerum novarum («О новых вещах»), обнародованная в 1891 году и позже развитая в других документах, прежде всего II Ватиканского собора, выступлениях и энцикликах папы Иоанна Павла II.

---

[104] Основные принципы отношения РПЦ к инославию // Юбилейный Архиерейский собор РПЦ. Москва, 13—16 августа 2000 г. Сборник докладов и документов. СПб., 2000.

[105] *Стецкевич С. М.* Указ соч. С. 105.

[106] Подробнее см.: Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена и Д. Е. Фурмана. М.; СПб, 2000. С. 79—115.

В «Основах социальной концепции РПЦ» (далее — «Основы») выражено довольно критичное отношение к принципу свободы совести, хотя и признается, что «религиозно-мировоззренческий нейтралитет государства не противоречит христианскому представлению о призвании Церкви в обществе». Констатируя общемировую тенденцию, связанную с «появлением принципа свободы совести», которая «свидетельствует, что в современном мире религия из «общего дела» превращается в «частное дело» человека, в «Основах» критически оценивается этот процесс и характеризуется «распадом системы духовных ценностей, потере устремленности к спасению в большей части общества, утверждающего принцип свободы совести…». «Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и победе над грехом», — говорится далее в документе. Но все-таки признается, что «этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества». В заключение высказывается ожидание, что «государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию»[107]. Уже в этих последних словах заложены патерналистские ожидания особых отношений с государством, базирующихся не на конституционных принципах равенства, а на привилегиях, формальным основанием для которых являются мифологемы места в истории, культуре, духовности народа и количестве последователей.

Таким образом, позиция РПЦ за последние полтора десятилетия претерпела существенные изменения.

В «Основных положениях социальной программы российских мусульман» (далее — «Основные положения»), разработанных Советом муфтиев России, излагаются базовые постулаты ислама в сфере взаимоотношений мусульман со светским государством и по ряду общественно значимых проблем современного российского общества[108]. Документ устанавливает ряд руководящих принципов, необходимых для выработки позиций мусульманских религиозных организаций Российской Федерации в новом тысячелетии. Характер документа, как следует из его преамбулы, определяется теми сложностями, которые возникают в российском обществе в результате все более широкого распространения искаженных представлений об исламе[109].

Глава II документа посвящена очень важной и принципиальной для построения правового демократического государства концепции и даже носит одноименное название — «Права и свободы человека»[110]. В ней, в частности, отмечается, что вера в Бога — индивидуальное дело каждого человека, и никто не вправе принуждать людей в выборе своих убеждений.

В современном исламе основные права и свободы человека были сформулированы в Каирской декларации прав человека в исламе, принятой мусульманскими государствами — членами организации «Исламская конференция» 5 августа 1990 года.

---

[107] См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви. М., 2001. С. 26—27

[108] См.: Основные положения социальной программы российских мусульман. Ярославль, 2001.

[109] См.: *Мозговой С. А.* Принципы взаимоотношений российских мусульман с обществом и государством // Право и политика, 2002. № 2 (26). С. 135.

[110] Первая глава «Основных положений» посвящена основам религиозного учения ислама.

Среди основных прав и свобод на первое место поставлена свобода совести и свобода вероисповедания, что особенно симптоматично в связи с той ролью, которая начинает уделяться реализации этого принципа международным сообществом. Свобода совести, по мнению Института свободы совести, является главным индикатором развитости демократии, показателем стабильности и процветания общества[111].

В «Основных положениях» со ссылкой на Священное писание говорится *«Нет принуждения в религии»* (Коран, 2:256) Этот аят[112] является фундаментом для практической реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания. Это право — необходимое условие существования мусульман как в мусульманском государстве, так и в качестве граждан немусульманского государства, ибо только при гарантиях этого права мусульмане могут исполнять в полном объеме установления Аллаха. «Ислам — религия свободы выбора. Запрещается использование любых методов принуждения для обращения кого-либо в другую веру или навязывания атеистических убеждений»[113].

Далее говорится: «В Коране сказано: Скажи: «Исходит истина от Бога твоего: Кто хочет, тот уверует в Него, Кто хочет, тот останется неверным» (Коран, 18:29).

Наказание неверующих является исключительной прерогативой Всевышнего Аллаха и относится к будущей вечной жизни, так что никто из людей не вправе присваивать себе в этой жизни полномочия судить других людей за их религиозные убеждения.

При практической реализации этого права мусульмане обязаны уважать религиозные убеждения других и стремиться к тому, чтобы жить в мире с ними.

Согласно изречениям пророка, Аллах говорит: «О слуги Мои, Я запретил любые притеснения по отношению к Себе и запретил его вам по отношению друг к другу, а потому не посягайте ни на честь, ни на имущество, ни на жизни друг друга».

В «Основных положениях» говорится о запрещении всех форм дискриминации, так как согласно Корану на земле утверждены свобода, равенство и братство не только в качестве личной добродетели, но и в качестве обязательных для верующих норм социального поведения[114].

«…Все люди рождаются свободными, и никто не имеет права брать кого-либо в рабство, унижать, угнетать и эксплуатировать… Колониализм любого рода… должен быть запрещен. Каждое государство и каждый народ должны сохранить свои независимость и контроль над своими богатствами»[115].

«Исключительного», «богоизбранного» народа нет — все люди и все народы избраны Богом и могут первенствовать перед другими лишь в благочестии, а люди — также и в своих талантах»[116].

«Не относится к нам тот, кто призывает к нетерпимости, и не относится к нам тот, кто сражается, побуждаемый нетерпимостью, и не относится к нам тот, кто умер в своей нетерпимости», — говорил пророк Мухаммед[117].

«Социальная позиция протестантских церквей России» была подготовлена российскими протестантскими церквами (деноминациями) в соответствии с решением

---

[111] См.: *Мозговой С. А.* Принципы взаимоотношений… С. 135.

[112] Стих.

[113] Каирская декларация. Статья 10.

[114] Основные положения социальной программы российских мусульман. Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 13.

[115] Каирская декларация. Статьи 1, 11.

[116] «Основные положения…». С. 13.

[117] Там же.

Консультативного совета глав протестантских церквей (далее — Консультативный совет)[118]. До принятия этого единого для многих протестантских организаций документа некоторые протестантские организации приняли свои социальные учения и программы. Первой была Социальная программа Военно-христианского союза (ВХС) России, которая появилась практически сразу после выхода «Основ…» РПЦ. А накануне выхода «Социальной позиции…» были приняты «Основы социального учения Церкви христиан адвентистов Седьмого дня в России»[119].

Программа ВХС в целом созвучна велениям времени. Однако она не лишена серьезных недостатков, которые перечеркивают провозглашаемые благие намерения. Камнем преткновения в очередной раз стала проблема свободы совести. (Авторы программы и делегаты съезда христиан-военнослужащих протестантских деноминаций, принявшего программу, понятие свободы совести свели к религиозной сфере, что неправомерно его сужает.) В программе есть такие слова: «мы будем активно бороться против псевдорелигиозных идеологий, сатанизма и оккультизма…»[120]. Таким образом, Союз наделил себя правом определять какое движение (течение) религиозно, а какое «псевдо». В соответствии с чем и кто будет в Союзе определять истинность религий, неизвестно. Особенно когда каждое вероучение считает себя истинным. Более того, Программа требует активной борьбы с неукладывающимися в их понимание идеологиями[121].

В основе «Социальной позиции…» лежит твердое убеждение в том, что свобода совести должна быть гарантирована **всем** людям. В документе говорится, что «свобода совести включает себя и свободу вероисповедания (право быть верующим или неверующим, выбирать или менять свою веру)», т. е. признается толкование свободы совести как свободы мировоззренческого выбора. «Она также означает право создавать религиозные объединения и управлять ими в соответствии со своими вероучительными положениями, собираться вместе для обучения и богослужения, распространять религиозные взгляды посредством литературы, публичной проповеди или через средства массовой информации», — говорится в «Социальной позиции…» и выражается требование обеспечения возможностей протестантским церквам «иметь доступ к СМИ наравне с другими конфессиями»[122].

В своем документе, протестанты заявляют: «Мы готовы защищать права тех, чья свобода совести ограничивается или попирается. Мы выступаем в защиту свободы совести и религиозной свободы как основополагающего права человека в соответствии с библейским учением и международными правовыми документами… Мы намерены и впредь сотрудничать с другими религиозными и общественными организациями и людьми доброй воли в деле защиты религиозной свободы всех людей, включая и тех, чье мировоззрение отличается от нашего…. Мы верим, что свобода мысли, совести и

---

[118] В Консультативный совет входят: Евразийская федерация Союзов евангельских христиан-баптистов стран Содружества, Евро-Азиатское отделение Церкви христиан адвентистов Седьмого дня, Российский объединенный союз христиан веры евангельской, Российский союз евангельских христиан-баптистов и Союз христиан веры евангельской пятидесятников России.

[119] См.: Основы социального учения Церкви христиан адвентистов Седьмого дня в России. М., 2003.

[120] См.: Социальная программа Военно-христианского союза России. // Военно-христианский вестник. 2000. № 2 (3). С. 2.

[121] См.: *Мозговой С. А.* Свобода совести и социальное служение в Российской Армии // Россия: духовная ситуация времени. 2001. № 3—4 (11—12). С. 219.

[122] См.: Социальная позиция протестантских церквей России. М., 2003. С. 7.

религии является основным и неотъемлемым правом человека. Она была признана в следующих документах, принятых ООН и положенных в основу Конституции Российской Федерации:

— Всеобщая декларация прав человека ООН (1948 г.), ст. 18.

— Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), ст. 9.

— Международный пакт о гражданских и политических правах (1976 г.), ст. 18.

— Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (1981 г.)».

Протестантские церкви выразили высокую оценку российской Конституции, особенно тем ее разделам, которые посвящены правам и свободам. В заключение высказывается требование к государству о защите свободы совести, вероисповедания и других прав человека, а в качестве механизма контроля за соблюдением конституционных норм, особенно в обеспечении религиозной свободы, предложено наблюдение за правоприменительной практикой[123].

Базовые положения иудаизма по ряду современных общественно значимых проблем изложены в «Основах социальной концепции иудаизма в России»[124]. Этот документ отражает позицию Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России в области сотрудничества религиозных организаций как с гражданским обществом, так и с государственными институтами власти и с неправительственными организациями[125].

В «Основах…» заложены положения об отношениях с «традиционными религиями России» и государством, об отношении к проблемам этики и светского права, образования, изложены основные направления деятельности синагоги в области предупреждения и борьбы с «религиозным экстремизмом» и возбуждением религиозной вражды и др. Однако принцип свободы совести в документе вообще не упоминается. Об отношении к ней можно судить лишь по косвенным основаниям. В частности, констатируется, что «в современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с иудаизмом ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Иудаизм не должен брать на себя функции, принадлежащие государству… а государство не должно вмешиваться в жизнь синагоги, в ее управление, вероучение, литургическую деятельность, равно как и вообще в деятельность канонических синагогальных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Синагога ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним установлениям».

Некоторые положения «Основ…» копируют «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Например: «Религиозно-мировоззренческий нейтралитет государства не противоречит представлению иудаизма о призвании синагоги в обществе». Далее подчеркивается, что «синагога должна указывать государству на

---

[123] См.: Социальная позиция… С. 8

[124] См.: http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/Judaism. Данный документ специально не презентовался и широко не распространялся, в отличие от программ других конфессий.

[125] Другие еврейские религиозные организации России на настоящий момент свои социальные программы не обнародовали.

недопустимость распространения убеждений и действий, ведущих к установлению всецелого контроля за жизнью личности, ее убеждениями и отношениями с другими людьми»[126]. Однако декларативное признание религиозно-мировоззренческого нейтралитета государства вовсе не означает, что в практической деятельности синагога отказывается от участия в деятельности государственных органов и институтов, в том числе с использованием его органов для борьбы с религиозным инакомыслием. Иудейские религиозные организации выступают за активное участие раввинов в работе с военнослужащими, борьбе с «сектами» и др.

Взгляд на проблему свободы совести противоречив. Например, с одной стороны, признается светское право, как граница, «выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития». «В современном светском правосознании одним из доминирующих принципов стало представление о неотъемлемых правах личности. Идея таких прав основана на библейском учении о человеке как образе и подобии Божием, как онтологически свободном существе. Право призвано быть проявлением единого Божественного закона мироздания в социальной и политической сфере…» — говорится в «Основах…»[127]. Человек сотворен по образу и подобию Творца и поэтому должен иметь право выбора, в своих таинственных глубинах человек свободен. Но с другой стороны, используется не вполне корректная с правовой точки зрения формулировка борьбы с «религиозным экстремизмом»[128]. Такой подход вряд ли будет способствовать другому положению доктрины, где говорится о содействии мирному сосуществованию религиозных объединений, снижению социальной напряженности в обществе, поддержанию уважительных отношений между верующими различных конфессий, а также между верующими и неверующими.

В документе утверждается, что «иудаизм традиционно уважает светскую систему всеобщего обязательного начального и среднего образования детей[129].

В целом документ предостерегает от попыток использовать достижения науки и техники для установления контроля над внутренним миром личности, для создания каких бы то ни было технологий внушения и манипуляции человеческим сознанием и подсознанием[130].

Католической церковью, как, впрочем, и другими конфессиями, свобода совести рассматривается через призму религиозной свободы. II Ватиканский собор обязал Католическую церковь утверждать религиозную свободу. В подзаголовке Декларации «Dignitatis humanae» уточняется, что Декларация провозглашает право «личности и сообществ на общественную и гражинскую свободу в вопросах религии». Чтобы эта свобода, угодная Богу и вписанная в человеческую природу, могла осуществиться, ей не следует препятствовать, поскольку «истина насаждается силой самой же истины»[131]. Достоинство личности и сама природа поисков Бога требуют, чтобы все люди были избавлены от любого принуждения в религиозной сфере[132]. Общество и госу-

[126] Глава 10 «Иудаизм и государство».

[127] Глава 12 «Иудейская этика и светское право».

[128] Глава 14 «Основные направления деятельности синагоги в области предупреждения и борьбы с религиозным экстремизмом и возбуждением религиозной вражды».

[129] Глава 15 «Образование, наука и культура в российском иудаизме».

[130] См: http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/judaism.

[131] II Ватиканский собор, Dignitatis humanae, 1: AAS 58 (1966) 929.

[132] Ср. II Ватиканский собор, Dignitatis humanae, 2: AAS 58 (1966) 930—931 Катехизис Католической церкви, 2106.

дарство не должны заставлять человека действовать против совести, ни запрещать ему действовать по ее велению[133]. Религиозная свобода — это ни моральное дозволение принимать заблуждение, ни завуалированное право на ошибку[134].

Свобода совести и религии «касается человека и в плане индивидуальном, и в плане социальном»[135]: право на религиозную свободу должно быть закреплено в правовой системе как гражданское право[136]; тем не менее оно само по себе не является неограниченным. Справедливые пределы осуществлению религиозной свободы должны быть установлены для всякой социальной ситуации с политической осмотрительностью, в соответствии с требованиями общего блага, и ратифицированы гражданской властью посредством юридических норм, сообразных объективному нравственному порядку. Эти «нормы требуются для подлинной защиты прав в интересах всех граждан и их мирного сосуществования, а также для достаточной заботы о том достойном общественном мире, каковым является правильная совместная жизнь в истинной справедливости, равно как и для должной охраны общественной нравственности»[137].

По причине исторических и культурных связей с нацией определенная религиозная община может получить особое признание со стороны государства; такое признание никоим образом не должно порождать дискриминацию гражданского или социального порядка для других религиозных групп[138]. На наш взгляд, подобные преференции для определенных избранных государством конфессий грубо нарушают нейтралитет и равенство религий — основополагающий принцип светскости государства, без чего индивид не может в полной мере реализовать свободу совести.

Видение отношений между государствами и религиозными организациями, утверждаемое II Ватиканским собором соответствует требованиям правового государства и нормам международного права[139]. Церковь хорошо осознает, что такое видение разделяют не все: к сожалению, право на религиозную свободу «нарушается множеством государств, так что оказывается, что катехизировать, организовывать или проходить катехизацию — это преступление, подлежащее наказанию»[140].

Как следует из документов различных конфессий, в них можно наблюдать внутренние противоречия, причиной которых являются сугубо прагматические интересы и/или исторические наслоения Священного предания, которые позволяют однобоко трактовать Священное писание и нормы международного права в области свободы совести, а также принципы, изложенные в Конституции РФ. Особенно наглядно это видно в практической и общественной деятельности религиозных организаций, их позиции по животрепещущим вопросам государственно-конфессиональных отношений, государственной религиозной (вероисповедной) политики и законотворчества.

В частности, об этом свидетельствует позиция конфессий по таким ключевым вопросам, как проекты концепций отношений государства с религиозными объедине-

[133] Ср. II Ватиканский собор, Dignitatis humanae, 3: AAS 58 (1966) 931—932.

[134] Ср. Катехизис Католической церкви, 2108.

[135] Катехизис Католической церкви, 2105.

[136] Ср. II Ватиканский собор, Dignitatis humanae, 2: AAS 58 (1966) 930—931 Катехизис Католической церкви, 2108.

[137] Ср. II Ватиканский собор, Dignitatis humanae, 7: AAS 58 (1966) 935. Катехизис Католической церкви, 2109.

[138] Ср. II Ватиканский собор, Dignitatis humanae, 6: AAS 58 (1966) Катехизис Католической церкви, 2107.

[139] Ср. Иоанн Павел II, Послание ко Всемирному дню мира 1999, 5: AAS 91 1999) 380—381.

[140] Иоанн Павел II, Апост. увещ. Catechesi tradendae, 14: AAS 71 (1979) 1289.

ниями, права человека. Важным моментом является позиция по отношению к договорам и конкордатам, формате и формах сотрудничества с силовыми министерствами, ведомствами, прежде всего с Вооруженными силами. Т. е. ключевым все более становится вопрос о светскости и трактовки этого принципа различными субъектами, акторами государственно-конфессиональных отношений.

Например, в качестве научного обоснования вероисповедной политики выступили соответствующие концепции отношений государства с религиозными объединениями. Уже с начала обнародования целей и существа этих концепций[141], Институт свободы совести подверг их серьезному анализу и принципиальной критике[142].

Упомянутые концепции разрабатывались одновременно кафедрой религиоведения РАГС при Президенте РФ (по заданию Администрации Президента РФ) и Институтом государственно-конфессиональных отношений и права (под эгидой отдела внешних церковных сношений и Учебного комитета Русской православной церкви). Несмотря на разные авторские коллективы, концепции принципиально не различаются.

Проект Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации, разработанный Институтом государственно-конфессиональных отношений и права и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве, является конфессионально ориентированным, отражающим точку зрения РПЦ и ряда иных конфессий. Особенностью данного проекта является «начинка» в виде элементов избирательного партнерства власти с «традиционными» конфессиями. Авторы пишут, что «появление принципа свободы совести — свидетельство того, что в современном мире религия из «общего дела» превращается в «частное дело» человека, а «этот процесс свидетельствует о распаде системы духовных ценностей, потере устремленности к спасению большей части общества, утверждающего принцип свободы совести»[143].

Однако, несмотря на антиконституционную сущность, проект получил поддержку ряда конфессий, а также структур, их обслуживающих. Его поддержали: митрополит Кирилл, (РПЦ МП), В. Пудов (Евангелическо-лютеранская церковь), С. В. Ряховский (Российский объединенный союз христиан веры евангельской), Т. Таджуддин (ЦДУМ России), А. В. Пчелинцев (Институт религии и права), М. Н. Кузнецов (кафедра государственного строительства и права РАГС), З. Коган (КЕРООР) и др.

По словам Пудова, «государство… должно активно поддерживать и помогать традиционным конфессиям».

[141] См.: *Шахов М. О.* Концептуальные проблемы формирования государственной вероисповедной политики // Религия и право, 2001 № 1; Как выстраивать взаимоотношения власти и конфессий в новом веке // НГ-Религии. 2001. 27 июня http://religion.ng.ru/facts/2001-06-27/4_mutual_relation.html.

[142] См.: Концепция государственно-конфессиональных отношений: От декларирования свободы совести к антиконституционной государственной политике вероисповедных предпочтений? // Право и политика. 2001. № 6. С. 131—133 http://www.law-and-politics.com/paper.shtml?a=6_2001&o=980763; Цели и методы религиозной политики: Нужна ли России концепция отношений государства с религиозными объединениями? // НГ-религии, 2001. 24 окт. http://religion.ng.ru/caesar/2001-10-24/6_methods.html. Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. 2001. № 12. С. 4—13; В России создается концепция отношений государства с религиозными объединениями // Право и политика. 2002. № 8 (32). С. 88—96; Государственная поддержка религии — волк в овечьей шкуре // Русский журнал. 2002. 6 июня. http://religion.russ.ru/state/20020606-mozgovoy.html; Свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения и протестантизм в России: Круглый стол в Измайлово, 16 января 2002 г. / Под ред. С. А. Мозгового и С. А. Бурьянова. М.: Институт свободы совести, 2002.

[143] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М. 2001. С. 26.

Ряховский отметил, что «главным достижением разработчиков проекта концепции мы считаем обоснование необходимости введения категорий «традиционные религиозные организации Российской Федерации» и «традиционные религиозные организации народов Российской Федерации…».

По мнению Пчелинцева, проект, «не вступая в противоречие с принципом светского характера российского государства», вводит понятие «традиционной религиозной организации… Это вполне согласуется с конституционным принципом равенства религиозных объединений перед законом», — считает он. Пчелинцев отмечает, что государство вправе отдавать предпочтение тем конфессиям, к которым причисляет себя значительная часть граждан России. Далее юрист выразил уверенность, что к «традиционным» религиозным организациям следует отнести и «укорененные в Российской Федерации крупнейшие протестантские конфессии, представленные в Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ»[144].

Раввин Зиновий Коган отнес сотрудничество с «традиционными религиозными организациями» «к принципам государственной политики» и признал его «одним из условий соблюдения принципа отделения религиозных объединений от государства».

Религиозная политика характеризуется не только тенденциями клерикализации государства и общества, но и политизацией конфессий. Наиболее ярко в этой деятельности проявил себя Межрелигиозный совет России (МРСР), созданный под патронатом и при непосредственном руководстве РПЦ МП.

Одной из целей МРСР является борьба с новыми религиозными движениями. На X Межрелигиозном совете России патриарх Алексий II отмечал, что «период, когда религиозные лидеры занимались исключительно миротворчеством, миновал и сейчас все активнее формируется механизм взаимодействия традиционных конфессий России и государства». Среди проблем, затрагивающих их общие интересы, патриарх назвал: «экспансию новых религиозных движений и непрекращающиеся попытки реванша со стороны воинствующих богоборцев». («Богоборцами» они называют критиков безнравственной вероисповедной (религиозной) политики — *Прим. авт.*) На заседании МРСР отмечался «рост численности различных «тоталитарных сект», и экспансия почти нераспространенного в России католицизма». Поэтому, отстаивая свои права, «религии, существующие в России столетиями, вынуждены обращаться за поддержкой к государству. Такая поддержка существует, примером может быть закон о свободе совести от 1997 года и перерегистрация по новому закону религиозных объединений, но далеко не в том объеме, когда можно было бы эффективно противостоять агрессивному прозелитизму», — отметил патриарх. Не случайно одним из достижений МРСР, по мнению его секретаря (теперь уже бывшего) Р. Силантьева, стало предотвращение строительства храма последователей Общества сознания Кришны в Москве. Как отмечал ректор Заокского христианского гуманитарно-экономического института Е. В. Зайцев, «фобии приводят прежде всего к дискриминации по отношению к тем конфессиям, которые не упомянуты поименно в преамбуле к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года»[145].

9—11 декабря 2002 года РПЦ МП провела в Уральской академии государственной службы (Екатерининбург) международную научно-практическую конференцию «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма». Конференция прошла

[144] См.: http://www.state-religion.ru/cgi/state.cgi?action=show&obj=1272.

[145] Выступление на конференции ЕАО МАРС в декабре 2005 года.

под эгидой полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе П. М. Латышева и при участии сотрудников ряда государственных учреждений. В итоговом документе был приведен список так называемых тоталитарных сект (более 300) из числа официально действующих в Российской Федерации религиозных объединений. Институт свободы совести распространил заявление, в котором говорится о недопустимости мероприятий, подобных конференции «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма»[146].

Таким образом, со стороны ряда конфессий, прежде всего РПЦ, наблюдается активное использование административного ресурса для оказания давления и применения незаконных санкций в отношении новых религиозных движений. Часто власть идет навстречу РПЦ и параллельно с формированием системы специальных государственных льгот и привилегий (в том числе прямое государственное финансирование в целом ряде областей, включая образование) для «традиционных религиозных организаций» готовит базу для репрессий в отношении «нетрадиционных».

Однако, если Русская православная церковь и околоцерковные общественные организации ведут открытую борьбу с инославием, инакомыслием и новыми религиозными движениями, то у ряда других религиозных объединений эта борьба не всегда носит четкий характер. Она обычно опосредована борьбой с «религиозным экстремизмом» и «социально-опасным религиями». К примеру, на конференциях ЕО МАРС наблюдается постоянная «прокачка» таких понятий как «духовная безопасность», «религиозный экстремизм» и т. п. Эти понятия не имеют никакого отношения ни к науке, ни к праву. Напротив, закладывают основы для проведения ксенофобской политики особого партнерства с избранными конфессиями против других и служат обоснованием для гонений на так называемые «нетрадиционные» религии.

Таким образом, несмотря на то, что многие российские конфессии провозгласили в своих доктринах право на свободу совести (кроме иудеев), хотя и с оговорками (РПЦ), не всеми ими она признается как свобода мировоззренческого выбора. А если и признается в декларациях, то на практике, они руководствуются приоритетом религиозной свободы для своих религиозных корпораций в ущерб свободы совести каждому человеку. Именно это обстоятельство является серьезным препятствием для реализации принципа свободы совести.

---

[146] В заявлении указывается, что вместо борьбы с подлинными террористами некомпетентные чиновники ведут «бой с тенью», борются с мифами, которые сочиняются ради устранения экономических конкурентов пользующейся властной поддержкой и находящейся наиболее близко к государственным ресурсам конфессии.

РОССИЙСКИЕ СМИ И СВОБОДА СОВЕСТИ: ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ

М. Н. Ситников, Институт свободы совести

Тот факт, что средства массовой информации играют одну из ведущих ролей в формировании общественного мнения, вероятно, не нуждается в специальных доказательствах. Равно, как не нужно доказывать, что именно на примере печатных и электронных СМИ, радио и телевидения можно наблюдать во всей полноте процессы осознания и оценки обществом таких необычных и, строго говоря, до сих пор непривычных для постсоветского человека категорий, как его «гуманитарные права». Право и понятие свободы совести в их ряду стоит особо, соседствуя, но не смешиваясь с правом и понятием свободы слова, будучи более емкой и, можно сказать, основополагающей категорией в отношении всех остальных свобод.

В связи с некоторыми особенностями российского законодательства свобода совести в глазах обывателя выглядит как оговаривающая исключительно свободу вероисповедания и прочих, связанных с религиозной стороной жизни правовых отношений. Однако это понятие гораздо шире и может быть отнесено к самым разным сторонам общественной и личной жизни каждого.

Тем не менее религиозную тематику в СМИ нельзя не считать наиболее показательной в плане состояния свободы совести в нашей стране и связанных с нею процессов, как обнадеживающих, так и несоизмеримо более серьезных — разочаровывающих и даже угрожающих.

Перманентное состояние внутренней свободы, присущее большинству социально состоятельных граждан в условиях демократических обществ развитых стран, для России пока существует в области желаемого, но не действительного. Быть может, одной из исторических причин этого печального обстоятельства справедливо считать и то, что нашу страну «благополучно» миновала Просвещение. Так что если нынешнее российское общество и отстает в гуманитарном и общекультурном развитии от цивилизованного мира, то это не должно особо удручать. Особенно если вспомнить о том, что едва освобожденные от крепостничества россияне буквально через несколько десятилетий снова попали в рабство, но уже большевистское, из которого постепенно и с трудом сейчас выбираются. То есть «все могло бы быть гораздо хуже, и пока многое еще впереди». Однако такое счастливое стечение обстоятельств при ближайшем рассмотрении свидетельствует о перспективе тоталитаризма такой степени, которую даже в годы советской власти, вероятно, трудно было вообразить.

К сожалению, представление о свободе совести у абсолютного большинства россиян, и способность этого большинства оценить по достоинству ее роль, крайнюю необходимость прежде всего для него самого, оставляют желать лучшего. В результате, чаще всего приходится сталкиваться с непониманием, зачем вообще нужна такая свобода, что может она изменить к лучшему да и возможна ли она, раз и без нее «до сих пор как-то дожили».

Такое «белое пятно» в общественном сознании — одна из наиболее серьезных проблем, решению которой обязаны были бы содействовать в первую очередь как раз

СМИ. Но этого не происходит. Как не осуществляется ими, впрочем, и еще немало обязанностей по отношению к нынешнему обществу и будущим поколениям. Почему?

Согласно п. 5 ст. 29 Конституции РФ (ст. 1 ФЗ «О СМИ») в России *«гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается»*. Это означает, что Конституция рассматривает свободу массовой информации как одну из основных гарантий реализации свободы слова и права на информацию. Таким образом, конституционные гарантии свободы слова, включающие в себя право на беспрепятственный поиск, получение, обработку и распространение информации, в соответствии с законом предоставляют возможность СМИ и отдельным журналистам свободно освещать любые вопросы и обсуждать любые проблемы, за исключением тех, которые предусмотрены ФЗ «О СМИ» и Уголовным кодексом РФ. Это — распространение клеветы, нарушение принципа равноправия граждан и неприкосновенности частной жизни, возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды и разглашение государственной тайны (иные неправомочные действия СМИ уголовному преследованию не подлежат). Как видим, из перечня запретов, весьма ограниченного на фоне конституционных гарантий свободы СМИ, нет ничего, что могло бы стать помехой, во-первых, объективному исследованию и освещению вопросов свободы совести и проблем, связанным с ее нарушением; во-вторых, свободному использованию самого этого принципа для выражения корпоративной позиции СМИ или личной — журналиста.

Исходя из того, что регламент применения и использования принципа свободы совести наиболее наглядно выражен в области религиозного вероисповедания и отношений между религиозными организациями, а также верующими разных конфессий и государственными и общественными организациями, для уяснения некоторых моментов обсуждаемого вопроса имеет смысл обратиться именно к этой области.

«В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними», — гласит Федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных организациях» (п. 1 ст. 3). Далее в статье оговаривается равная ответственность за нарушение законодательства о свободе совести для российских и иностранных граждан. Но главное содержится уже в одном лишь приведенном пункте: равенство между верующими и неверующими либо верующими любых других конфессий, что означает законодательно гарантированное отсутствие какой-либо дискриминации по конфессиональному признаку.

Еще более конкретно защищено законом право на свободу совести в п. 3 ст. 2 ФЗ «О свободе совести о религиозных объединениях»: «Ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией Российской Федерации или вытекающих из международных договоров Российской Федерации». Иначе говоря, закон предусматривает и позитивную эволюцию права на свободу совести, основанную на совершенствовании нравственного начала и общественной морали. То есть законодательно право на осуществление свободы совести в Российской Федерации гарантировано в некоторых отношениях гораздо более прогрессивно, чем в ряде развитых демократических государств.

Однако разница между желаемым и действительным в России традиционно остается весьма заметной. Поэтому в некоторых СМИ периодически появляются сообщения и развернутые материалы, которые свидетельствуют о том, что принадлежащие к ряду вероисповеданий верующие люди и сами религиозные организации отдельных конфессий при участии властных администраций и отсутствии заметной реакции общества оказываются в положении изгоев. При этом нельзя не отметить четко обозначившейся разницы между относительно адекватной реакцией на подобные публикации в середине — конце 90-х годов и полным равнодушием либо ответной дискриминацией сегодня — в начале второй «пятилетки» нового тысячелетия.

Это касается всех без исключения видов СМИ, но степень их поражения в реальных правах на осуществление свободы слова, разумеется, не одинакова. Самыми уязвимыми следует признать независимые печатные издания — газеты и журналы, — которых, при сопоставлении миллионов нуждающихся в объективной информации граждан и от силы пары десятков бумажных изданий, затрагивающих правозащитную тематику, в стране практически не осталось. Другое дело, что еще есть авторы — профессиональные журналисты и специалисты, — пытающиеся давать объективную оценку происходящего в стране, и некоторое количество необходимой информации каким-то чудом на страницы отдельных изданий все же попадает: руководители изданий либо принципиально выпускают в свет материалы, которые касаются наиболее кричащих случаев нарушения свободы совести, либо пропускают их случайно, по недосмотру.

Как известно, российское информационное пространство в серьезной степени конфликтогенно, но разрешение спорных ситуаций при невольном вторжении СМИ в сферу интересов государства либо негосударственных корпораций фактически регулируется по закону редко. Конечно же, виновниками возникновения конфликтов бывают и отдельные СМИ, но подобные случаи сравнительно редки и разрешаются, как правило, в судебном порядке. Гораздо более типичны ситуации, когда вполне объективная информация, опубликованная в газете или журнале, вызывает претензии фигурантов — организаций или физических лиц. В таких случаях обиженные герои публикаций обращаются в суд гораздо реже, используя для получения сатисфакции вездесущую коррупцию, а значит, и административный ресурс.

Внутриполитическая тенденция к затушевыванию острой тематики, освещающей серьезные проблемы с гуманитарными свободами в России, в последние годы выдрессировала абсолютное большинство СМИ. Их владельцы и руководители прекрасно понимают, насколько легко в случае необходимости будет любой местной администрации либо органам прокуратуры сконструировать «законоподобный» повод для того, чтобы приостановить работу или вообще ликвидировать СМИ. Вопросы свободы совести, тесно связанные с деятельностью религиозных организаций, с их внутренней политикой, со взаимоотношениями с властью и религиозными организациями других конфессий, с проблемами имущественного и вероисповеднического характеров и т. д., поднимать и обсуждать сегодня стало «непопулярно». Несмотря на то, что общества вообще, а тем более его религиозной части это касается непосредственно, целью внутренней политики государства стало создание видимости, что с соблюдением принципа свободы совести в стране все в идеальном порядке. Любая информация, которая касается фактов произвола государственных структур или конкретных чиновников в отношении какой-либо религиозной организации или ее членов, чаще всего негласно воспринимается властью как антигосударственная. Это справедливо для всех религи-

озных организаций, кроме тех, что находятся под юрисдикцией РПЦ МП. То, что это грубейшим образом нарушает конституционные гарантии и противоречит действующему федеральному законодательству, согласно которым все религиозные организации перед законом равны, в условиях административного произвола обходится легко. И если некая газета, например, рискнет опубликовать материал, документально свидетельствующий о нарушении государством собственных законов, то она окажется в полной зависимости от доброй или злой воли, а то и просто от настроения «надзирающего за порядком» чиновника.

Таким образом, представителям власти довольно легко безнаказанно нарушать ст. 3 ФЗ «О СМИ» (ст. 29 Конституции РФ), не допускающую фактического использования цензуры кем бы то ни было. Ведь, выходит, ее и не требуется, этой цензуры, если СМИ, как источник возможных неприятностей, проще просто заткнуть. Не стоит доказывать, что эта возможность широко используется для создания почти непреодолимых препятствий СМИ публиковать «нежелательную» информацию либо касаться какой-либо «запретной» тематики вообще. И действует это достаточно эффективно, порождая такое известное явление, как самоцензура — не та самоцензура, основанная на морали и этичности журналиста, а ограничение себя в праве на распространение информации.

Неплохим примером того, какие формы может принимать участие в открытой теперь борьбе против свободы слова отдельных прогосударственных религиозных организаций, может послужить одно из заявлений участников круглого стола «Вызовы времени и пути развития церковной жизни» в Свято-Даниловом монастыре 23 июня 2006 года. Глава синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Димитрий Смирнов предложил создать сайт «Враги Церкви» с указанием имен, адресов, цитат из выступлений неугодных РПЦ авторов. Надежды по борьбе с ними он возлагает на *«церковно образованную молодежь, одержимую пафосом миссионерства»*. А зампредседателя отдела внешних церковных связей РПЦ протоиерей Всеволод Чаплин сообщил, что «списки уже готовы», и отстаивание интересов РПЦ *«должно быть пунктом приложения общих усилий, действительно общим делом между христианами»*[1].

С одной стороны, это прямое запугивание тех журналистов, которые осмеливаются на законных основаниях доводить до общества достоверную информацию о некоторых сомнительных фактах в деятельности религиозных организаций и их персоналий. С другой, — слишком похоже это и на памятные акции с составлением «расстрельных списков врагов народа» в 1930—1950-х да и на списки, существующие сегодня у наиболее радикальных организаций нацистского толка.

А что же государство? Государство закрывает глаза на прямое нарушение уголовного законодательства — прокуратура бездействует. Общество же остается равнодушным. Если учесть, что в данной ситуации речь идет об открытых действиях официальных лиц религиозной организации, с которой государство ранее неформально, а теперь едва ли не официально сотрудничает, то и само оно оказывается соучастником этого преступления.

В марте 2006 года Министерство культуры РФ объявило о намерении разработать рекомендации для СМИ по освещению межконфессиональных конфликтов. На совещании, где обсуждался этот вопрос, кроме представителей Минкульта, присутство-

[1] Зачем церковь // Еженедельный журнал, 2006. 23 июня.

вали депутаты Государственной думы РФ, члены Совета Федерации, представители религиозных и общественных организаций. По словам министра культуры Соколова, СМИ сами способны *«договориться о каких-то принципиальных вещах»* при освещении межконфессиональных конфликтов и *«проявлять самоконтроль при обсуждении национального вопроса»*. Не приведет ли инициатива Минкульта к игнорированию права граждан на получение информации о ситуации с проблемами с соблюдением свободой совести, которых, судя по официальным заявлениям представителей высшей власти, «в России не существует».

Однако, кроме административных препятствий к осуществлению права на распространение информации, довольно серьезной представляется ситуация и со злоупотреблением свободой массовой информации, которое оговаривается в ст. 4 ФЗ «О СМИ». При необходимости СМИ могут получать негласные «госзаказы», которые вынуждены исполнять, если не желают под каким-либо предлогом лишиться лицензии.

Известен и такой парадокс, как проведение широких пропагандистских кампаний под прикрытием принципа свободы совести и права на распространение информации. «Анитикультистские» (по-старому — антирелигиозная) кампании в отношении таких религиозных организаций, как Свидетели Иеговы, Общество сознания Кришны, протестантских организаций евангельских христиан-баптистов, пятидесятников или ряда самостоятельных православных церквей, несмотря на явную противозаконность воспринимаются властью как нечто само собой разумеющееся и даже полезное, ибо подаются под соусом «борьбы с сектами». Критика же деятельности самих «антикультистов», открыто действующих в организациях, учрежденных РПЦ МП, либо сотрудничающих с нею, считается не просто предосудительной, но свидетельствующей об «отсутствии патриотизма» или даже «антигосударственной направленности».

Особенно заметно это стало, в частности, с того момента, как общественность и СМИ обратила более серьезное внимание на растущую откровенность клерикальной кампании отдельных религиозных организаций и их лидеров. Она выражается в росте усилий навязать свои институциональные нормы в качестве регламента для разных областей жизни секулярного общества, что находит часто доброжелательный отклик высших государственных чиновников. Это и настойчивое лоббирование введения религиозного образования в светской школе, и мероприятия по организации и узаконению института военного священства для воинских подразделений, и требования клерикалов запретить издание определенных книг, демонстрацию отдельных фильмов, использование рекламы, постановку спектаклей и проч.

Известно, что в силу ряда обстоятельств в настоящее время в общественном сознании россиян происходит смешение несовместимых понятий, в том числе и отождествление понятия «русский патриот» с приверженностью к Московской патриархии. К сожалению, крайне низкий уровень знаний большинства наших соотечественников в области истории, социологии, а тем более религии и религиоведения становится условием для усвоения вульгарно мифологизированных представлений. Этому часто способствуют так называемые околорелигиозные и некоторые религиозные СМИ, а заодно, правда, реже, и отдельные государственные светские издания. Нетрудно догадаться, например, что в условиях союза, заключенного между государством и крупнейшей религиозной организацией России (РПЦ МП), в обмен на привилегированный статус этой церкви вменяется в обязанность выполнение роли идеологической поддержки и оправдания внутригосударственной политики. Столь же нетрудно заме-

тить, что церковь вовсе не против такого «натурального обмена», и, судя по увеличивающемуся числу фактов, альянс видится его участникам удачным.

Разумеется, в результате таких пертурбаций ни о каком удовлетворительном состоянии правовой атмосферы в стране в области гуманитарного права говорить уже не приходится. Это означает — единственное, что остается носителям здравомыслия и уважения к закону и морали, — лишь обнаруживать и локализовывать такие губительные для общества и государства явления.

В соответствии с законодательством религиозные объединения выведены за рамки политической жизни общества. Тем не менее они имеют собственные СМИ и пользуются свободным доступом к разного рода светским источникам информации. Современный уровень информационных технологий и достаточно высокая квалификация кадров вкупе с активным участием религиозных и околорелигиозных организаций в общественных процессах, позволяют им весьма серьезно воздействовать не только на религиозную среду, что гарантировано им законом, но и на светское общество. Вопрос об интенсивности участия религиозных организаций в общественной жизни до сих пор специально не исследовался, хотя и требует немедленной и квалифицированной правовой оценки. Вполне вероятно, что относительно невеликое внимание к этой стороне общего информационного процесса обернется для всего общества рядом неприятных неожиданностей. С одной стороны, существует устойчивый стереотип, что религиозным организациям свойственна щепетильность и чистоплотность в вопросах этики и морали. Но, с другой стороны, прецеденты вмешательства религиозных организаций и их лидеров в те области общественной жизни, которые не имеют никакого отношения к религии, известны достаточно широко, и они продолжают множиться. Кроме того, нельзя закрывать глаза и на такую сравнительно новую тенденцию последних лет, как рост заинтересованности отдельных религиозных лидеров в увеличении своего политического влияния, а значит, и актуальности для них вопроса овладения и контроля средствами массовой информации.

Решение этой задачи для религиозных организаций заметно затрудняется, когда какие-либо издания или радиостанции существуют, к примеру, на средства зарубежных спонсоров, либо издаются или базируются за пределами России. Поэтому религиозные организации отдают предпочтение российским СМИ как более подходящему объекту для манипулирования в своих интересах, например с помощью того же административного ресурса.

При исследовании религиозной составляющей информационного пространства России и процессов, происходящих в его границах, при изучении направления и целей усиления влияния религиозной информации на общество нельзя избежать такого пункта, как степень популярности СМИ и эффективность воздействия на аудиторию.

С первых же лет нового тысячелетия все большую популярность и эффективность приобретают религиозные издания в Интернете. Явление это естественное, так как Интернет во всех других смыслах выходит на уровень наиболее значимых, ведущих информационных технологий.

Будучи новой информационной технологией, Интернет тем не менее сохраняет все основные свойства, присущие традиционным технологиям. На примере Интернет-изданий в принципе возможно исследование реакции аудитории на информацию, на **слово** не только в самой сети, но и где бы то ни было еще. Выгодность использования такой «рабочей модели» очевидна — это скорость и экономия времени.

Вслед за религиозным пионером в области освоения Интернета, Ватиканом, устремились и российские религиозные организации разных конфессий. Сегодня в сети их так много, что для описания всех особенностей сетевых ресурсов, занятых вопросами религии и свободы совести, потребовалось бы целое издание. Поэтому разумней упомянуть лишь об основных и наиболее показательных.

Светские информационные Интернет-ресурсы о религии

Сайт *«Мир религии»* на первый взгляд может восприниматься как новостной. Однако при довольно высокой оперативности он не только сообщает новости о разных конфессиях, но и последовательно популяризирует идеи российского православия и неформального церковно-государственного альянса. На сайте есть масса справочных материалов, касающихся религиозных течений и организаций, их лидеров и т. д. Ориентируется на официальную позицию РПЦ МП.

Религиоведческий сайт РАГС при Президенте РФ специализируется на аспектах права и законодательства. Последовательно проводит политику РПЦ МП, процерковного лобби в обеих палатах российского Парламента и, разумеется, Администрации Президента РФ.

«ИНТЕРФАКС-религия» — наиболее оперативная новостная лента, эксклюзивные материалы, аналитика и актуальные интервью с государственными, общественными и религиозными лидерами. Однако довольно часто информация подается с позиции, угодной РПЦ МП. Ресурс ориентируется на одну из влиятельных групп в РПЦ МП и одну из государственных структур.

Сайт российских протестантов *«Славянский правовой центр»*, несомненно, стоит в ряду светских и вполне объективных ресурсов о религии. Содержит консультационную информация правового характера, аналитику, статистику, электронные страницы журнала «Религия и право», отчеты о форумах религиозно правовой направленности и мероприятиям по проблемам свободы совести. Идеологически нейтрален.

Библиотека священника Якова Кротова тоже представляет собой вполне светское издание с богатой информационной базой о религии. История религии и церкви, анализ Священного Писания, аналитика, архивные документы, материалы религиозно-нравственного содержания. Идеологически и политически нейтрален.

Сайт *«Религия и физика. 21 век»* — попытка гармонизировать отношения между наукой и религией. Ресурс чуждый прямого обращения к проблемам политики или идеологии, но серьезно воздействующий на формирование у аудитории толерантного отношения к каким бы то ни было конфессиональным и материалистическим доктринам. Независимый частный сайт.

Сайт *«Религия и СМИ»* — новости и комментарии, мониторинг СМИ, аналитика религиозно общественных и религиозно государственных отношений и процессов с позиции религиозно-государственного альянса.

Сайт информационно-аналитического издания *«Портал-Кредо»* — лента новостей, комментарии, материалы общественно-религиозной тематики, аналитика. Политически нейтрален.

Восточно-сибирский информационно-аналитический ресурс *БАБР* — материалы религиозно-общественной тематики, база данных по истории религии и религиоведению, новостная лента. Независимый ресурс.

Агентство религиозной информации *«Благовест-инфо* — новостная лента, актуальные интервью, статьи религиозно-общественной тематики. Позиционируется, как независимый ресурс.

Научно-популярный ресурс *«Атеизм»* — страницы журнала «Здравый смысл», материалы религиозно-общественной тематики, научно-популярные материалы о религии. Будучи атеистическим ресурсом, делает акцент на критику религиозного мировоззрения вообще.

Сайт *Федерации еврейских общин СНГ* — новости, материалы социальной и культурной тематики, ориентирован на пропаганду идей толерантности. Придерживается либерально-демократической позиции.

Светские СМИ, наиболее часто обращающиеся к вопросам религии:

Еженедельник *«Московские новости»* (www.mn.ru) в течение долгих лет регулярно освещает религиозную тематику, обозревателем которой является Александр Солдатов. Материалы МН касаются, в основном, «главных» российских конфессий — православия (РПЦ МП), старообрядчества разных толков, религиозного права, проблем традиционной религиозной культуры. Еженедельник позиционирует себя как независимое СМИ. Одно время МН придерживались ярко выраженной либерально-демократической позиции, однако после назначения главным редактором В. Т. Третьякова все более склоняются к обнаружению сиюминутной прогосударственной позиции.

Ежедневная газета *«Московский комсомолец»* (www.mk.ru) регулярно обращается к теме религиозных организаций и их персоналий. Обозревателем религиозной тематики является доктор исторических наук Сергей Бычков, материалы которого имеют по большей части документально-критический характер.

Довольно часто появляются материалы на религиозную тему в ежедневнике *«Время новостей»* (www.vremya.ru). Газета нередко предоставляет свои страницы экспертам и журналистам других изданий, включая региональные. Позиционирует себя как независимое СМИ.

Время от времени новости и статьи на религиозные темы публикуются в еженедельнике *«Аргументы и факты»* (www.aif.ru). В соответствии с новостной концепцией газеты они чаще всего касаются наиболее ярких событий и подробностей из жизни разный религиозных организаций и их лидеров. По всей видимости, еженедельник старается придерживаться объективности, но некоторые материалы выглядят откровенно ангажированными.

Ежедневные газеты *«Русский курьер»* (www.ruscourier.ru) и *«Новые известия»* (www.newizv.ru), как правило, обращаются к религиозной теме в связи с заметными событиями в религиозной жизни России, которые не всегда бывают однозначными, и иногда вызывают споры. Независимые СМИ, представлявшие когда-то единой издание под брендом «Новых известий».

Публикует материалы на религиозные темы и одна из старейших российских газет — *«Известия»* (www.izvestia.ru). Публикации, как правило, весьма содержательны, что свидетельствует о высокой степени информированности издания. Однако на примере «Известий» более чем других СМИ заметна степень ангажированности материалов в зависимости от того, кто руководит изданием. Если ранее газета была едва ли не стопроцентно достоверным источником информации, то в течение последних двух-трех лет вопросам свободы совести уделяется все меньше внимания, а газеты стала занимать прогосударственную позицию.

Издание *«Коммерсантъ»* (www.kommersant.ru) пока остается одной из наиболее солидных газет, которая достаточно регулярно обращается к проблемам религиозных организации и свободы совести с позиции либерально-демократических и гуманистических ценностей.

Газета *«НГ-религии»* (www.religion.ng.ru) было когда-то приложением к «Независимой газете». «НГ-религии» трудно квалифицировать, так как, будучи де-юре изданием светским, давно уже носит все признаки сугубо религиозного. Газета категорически ориентирована на лоббирование позиции ОВЦС РПЦ МП, проводит прогосударственную политику в вопросах свободы слова, лоббируя всевозможные инициативы своего «куратора». Публикации охватывают спектр тем, касающихся четырех «традиционных» вероисповеданий России, делая заметный акцент на православие, представленное РПЦ МП.

«Новая газета» (www.novayiagazeta.ru) регулярно обращается к религиозной тематике. В соответствии с концепцией газеты в материалах освещаются и анализируются наиболее острые проблемы, связанные с общественными проявлениями разных религиозных организаций и персоналий, но большинство статей посвящено все же РПЦ МП. Впрочем, это объясняется и масштабами влияния РПЦ МП на общество, и наибольшим количеством общественно-политических проблем, связанных с деятельностью этой церковной организации. Издание позиционирует себя как независимое и имеет яркую либерально-демократическую направленность.

Нередко появляются религиозные материалы в *«Комсомольской правде»* (www.kp.ru). Большинство материалов носят новостной либо популистский характер, хотя иногда в них и заметна ангажированность. Но, касаясь религиозной темы, газета старается придерживаться фактов, и в этом отношении ее можно считать своего рода «банком информации».

Светские журналы в плане основательности подхода к религиозной тематике, конечно, более солидны. К интересующей нас проблеме обращается, например, журнал *«Коммерсантъ — Власть»* (http://www.kommersant.ru/k%2Dvlast), публикации которого редки, но весьма объективны и актуальны. Журнал придерживается демократической ориентации, что касается и статей о религиозных проблемах.

То же можно сказать о журналах *«Итоги»* (www.itogi.ru), *«Профиль»* (www.profile.ru) и *«Эксперт»* (http://www.expert.ru), которые схожи в подходе к подаче информации. Издания оперативно освещают злободневные проблемы, дают аналитические материалы, иллюстрируя их конкретными фактами. Это делает их серьезным источником информации, которому можно доверять.

Интернет-издание *«Ежедневый журнал»* (www.ej.ru) пользуется большой популярностью у российской и зарубежной аудитории. Материалы по религиозно-правовой и религиозно-политической тематике появляются в нем регулярно. Издание, придерживающееся либерально-демократической направленности, отображает и анализирует события и проблемы с высокой степенью достоверности.

Нередко появление материалов, касающихся проблем религии и религиозных организаций в знаменитом российском журнале *«Огонек»* (www.ogoniok.ru). Они, как правило, вполне объективны и актуальны.

Независимое аналитическое издание *«Политический журнал»* (http://www.polit-journal.ru) регулярно обращается к религиозно-политической тематике. Оно появилось в 2003 году, но уже стало весьма авторитетным. Материалы издания, как ни странно,

пользуются спросом и в среде противников свободы совести в России и сторонников «жесткой» государственности. В публикациях освещаются и анализируются события и проблемы, которые тщательно замалчиваются официозом либо интерпретируются с точность до наоборот. Стараясь быть объективным, издание позиционирует себя как стоящее вне идеологических рамок.

Нельзя не заметить, что практически все светские СМИ в той или иной степени зависимы от государства и подвергаются жесткому, хотя чаще неформальному, контролю с его стороны. Преодолевать его буквально с каждым днем становится тяжелее.

Религиозные Интернет-ресурсы:

Сайт *Совета муфтиев (СМР) России* (www.muslim.ru) — новости, аналитика, материалы по исламу и религиозно-общественным проблемам, интервью.

Православная страница Николая Ардабьевского (www.spasi.ru) — религиозные обзоры, активный консультационный форум, материалы религиозного и религиозно-этического характера. Ресурс не затрагивает непосредственно общественно-политических проблем, связанных с религией, но располагает огромным массивом материалов, исходящих непосредственно от православных верующих, что позволяет судить о реальном состоянии со свободой совести и религиозным климатом в юрисдикции РПЦ МП.

Исламский информационный ресурс «ASN-news» (www.asn-news.net) — актуальные исламские новости, статьи и аналитика, интервью. Популяризирует в России идеи ислама.

Независимый исламский информационный портал (www.islam.ru) — новости религии, материалы по межрелигиозным отношениям, аналитика. Пытается усиливать идеологическую роль ислама в России.

Информационный ресурс *Российского еврейского конгресса* (www.rjc.ru) — новости, материалы благотворительных проектов, бизнес-клуб, газета «Еврейские новости». Придерживается официальной государственной концепции религиозно-государственных отношений в России.

Информационно-аналитический сервер *«Православие.ру»* (www.pravoslavie.ru) — новости, статьи, аналитика, комментарии, хроника событий, журнал. Проводник официальной политики и идеологии Московской патриархии.

Исламский ресурс *«Коран.ру»* (www.koran.ru) — религиозная и религиозно-общественная информация. Популяризирует в России идеи ислама. Наиболее лояльный к государственной политике мусульманский сайт.

Вайшнавский религиозно-культурный ресурс *«Кришна-ру»* (www.krishna.ru) — новости, материалы по истории культуры и религии, статьи религиозно-этического содержания. Пропагандирует толерантность и занимается культурным образованием. Политически нейтрален, однако часто поднимает вопросы межрелигиозных проблем в России.

Информационно-аналитический православный портал *«Радонеж»* (www.radonezh.ru) — новости, статьи религиозно-политической тематики, аналитика, комментарии. Ресурс контролируется одной из влиятельных политических групп в РПЦ МП и поддерживает ее официальную политическую линию, в т. ч. и инициативы по узаконению «альтернативной» доктрины свободы совести, главным инициатором чего является Московская патриархия.

Буддийские информационные ресурсы *«Карма Кагью»* (http://www.mahamudra.ru) и *«Буддизм в Калмыкии»* (http://www.buddhisminkalmykia.ru) — новости, историко-

культурные материалы, материалы по общественно-политической ситуации с буддизмом в России. Оба популяризируют идеи толерантности и межрелигиозного согласия, но второй более активен в освещении проблем свободы вероисповедания в стране.

Языческие информационные ресурсы *«Орден Велеса»* (www.orden.ru) и «*Дом Сварога»* (www.triglav.ru) — новости, материалы по истории и этнологии, статьи общекультурного и культового направления. Пропагандируют идеи возрождения дохристианской культуры. Часто касаются проблем свободы совести на примерах откровенных притеснений российских язычников.

Даже по этому далеко не полному перечню основных информационных ресурсов по религии в Интернете можно заметить, что наиболее активными в общественно-политическом плане оказываются православные и исламские издания. Это представляется логичным следствием реального политического статуса и РПЦ МП, и мусульманских организаций.

В отличие от бумажных изданий Интернет позволяет с максимальной оперативностью реагировать на происходящее, а значит, и скорейшим образом формировать (либо откровенно навязывать) общественное мнение. Показательный пример — освещение переговоров между РПЦ МП и РПЦЗ(Л) об объединении. Независимо от реальных сложностей и крайней неоднозначности позиции зарубежных православных, силами Интернет-ресурсов, которые контролируются Московской патриархией и государственными органами, было создано впечатление, будто все зарубежные православные буквально мечтают о том, как вернуться в лоно Московской патриархии. Хотя дело обстоит вовсе не так, и условная готовность митрополита Лавра к компромиссу с РПЦ МП многими друими православными иерархами за рубежом и массой верующих далеко не приветствуется.

РПЦ МП — самый мощный экономический и политический партнер государственной власти, контролирующий наибольшее количество разного рода информационных ресурсов, к которым недавно добавилось и телевидение. Популярность православных СМИ (посещаемость, количество ссылок, использование опубликованных ими материалов) и эффективность их воздействия некорректно объяснять тем, что российское общество тотально православное. У них просто гораздо более мощная материальная база, чем у всех остальных. Это позволяет более оперативно получать и публиковать информацию, привлекать к аналитической и пропагандистской работе лучшие корреспондентские и авторские ресурсы. Кроме того, неформальный альянс Московской патриархии с государством служит гарантией отсутствия для таких изданий каких-либо помех юридического плана. Ведь, кроме официальных сайтов РПЦ и информационных агентств, в сети есть немало и так называемых околоцерковных ресурсов, при этом позиционирующих себя в качестве независимых. Будучи ориентированы на поддержание политики РПЦ МП, они негласно пользуются всеми возможностями официальных церковных ресурсов, включая материальное стимулирование и покровительство со стороны «работодателей».

Пока еще неспешно текущий процесс по установлению над СМИ в Интернете государственного контроля касается кого угодно, только не изданий, контролируемых «самой традиционной конфессией России». Правовое регулирование в российской зоне Интернета, так называемом Рунете, фактически не отличается от принятого в демократических странах. Но законодательные гарантии и запреты — одно, а реальное положение вещей — совсем другое. Абсолютно безнаказанно ресурсы, которые под-

держивают позицию либо неформально проводят политику Московской патриархии и действующей власти, такие как, например, «СПГ Единое Отечество», «Русь православная», «Русская линия» и др., размещают материалы экстремистского содержания. Пропаганда антисемитизма, расизма, нацизма, ненависти к неправославным осуществляются противозаконно, но — свободно и безнаказанно.

Трудно сказать, насколько действенной окажется обещанная практика регистрации сетевых СМИ по образцу «бумажных». Ведь произвол давно стал в России своего рода общенациональной традицией.

Религиозное телевидение — явление для России сравнительно новое. Пока наиболее известны православный телеканал «Спас» и мусульманский телепроект «Исламский мир» в Татарстане.

Телевидение требует значительных материальных затрат, и в обозримом будущем позволить себе подобные расходы на религиозную пропаганду могут лишь РПЦ МП и государство, озабоченное поиском национальной идеи.

Однако одного или даже двух-трех телеканалов недостаточно, чтобы охватить наиболее значимые регионы Российской Федерации. Поэтому практикуется использование в целях религиозной в духе РПЦ МП пропаганды государственных телеканалов, где чаще всего в утренние часы по выходным дням демонстрируются программы так называемого религиозно-нравственного содержания, например, проповеди митрополита Кирилла (Гундяева) на Первом канале. Кроме того, все чаще представители «традиционных» (в первую очередь, РПЦ МП) религиозных конфессий появляются в разнообразных «ток-шоу».

Кроме упомянутых «Спаса» и «Исламского мира», в некоторых регионах также есть религиозные телепроекты, например католическая телестудия «Кана» в Новосибирске или телеканал «Воскресение» в Санкт-Петербурге. Однако большинство подобных СМИ аккуратно придерживаются концепции внутриконфессиональной проповеди и рассчитаны на внимание верующих определенных конфессий.

Религиозные печатные СМИ распространены в России не очень широко. Издаются они, как правило, небольшими тиражами и распространяются в основном через киоски при местных религиозных организациях.

Абсолютное большинство сугубо религиозных периодических изданий, информационных бюллетеней и брошюр страдают не только малой компетентностью, но и намеренной вульгаризацией религиозной тематики.

Недавно был прекращен выпуск приложения к «Советской России» под названием *«Русь Православная»*, которое издавалось «с благословения Патриарха Алексия II». Эту газету можно было считать наиболее характерным религиозным изданием, в котором ярко отражались все тенденции, свойственные религиозной православной печати. Это — внешне религиозный антураж: тематика, авторы, среди которых преимущественно священнослужители и широко известные православные общественные деятели, непременное наличие в газете материалов религиозно-нравственного содержания; и одновременно — столь же непременное присутствие, под видом просветительской инициативы, так называемой православно-патриотической пропаганды, основанной на религиозном, национальном, расовом, культурном и вероисповедническом преимуществе «русских православных». Газета распространялась через приходские киоски храмов РПЦ МП, была органом базирующихся в Санкт-Петербурге последователей митрополита Иоанна (Снычева) и пользовалась большой популярностью в среде «рус-

ских патриотов», антисемитов и православных националистов. Однако, если выпуск бумажной версии «Руси Православной» запрещен, то ее Интернет-версия (http://www.rusprav.org) со всеми архивами существует в открытом доступе. Кроме того, любители православно-патриотической темы в Москве и в Санкт-Петербурге могут взамен «Руси» свободно приобрести «полуправославную» газету *«Дуэль»* (http://www.duel.ru), авторы и издатели которой исправно обращаются к национал-патриотической пропаганде в православном преломлении и где нередко публикуются выступления известных священнослужителей РПЦ МП.

Несмотря на откровенное нарушение закона, пропагандой аналогичных идей свободно занимаются издания, чаще всего выпускаемые не в Москве или Санкт-Петербурге, а в регионах, где религиозный экстремизм является составной частью «вероисповедного стиля». Таковы, например, екатеринбургские *«Православный вестник»* и *«Православная газета»* (http://orthodox.etel.ru). Эти две газеты нельзя упрекнуть в радикальности антидемократической позиции, что объясняется их статусом как официального органа епархии, поэтому «нужное» направление задается в них осторожно и тактично. Или специализирующиеся на грубой пропаганде антисемитизма и православного антикультизма газеты *«Земщина»* Союза православных братств, *«Русский Вестник»* Международного фонда славянской письменности и культуры (http://www.rv.ru), православный журнал *«Первый и последний»* (бывший «Сербский крест») и др.

Особо следует упомянуть бумажную версию православного обозрения «Радонеж» одноименного православно-просветительского общества, сотрудничающего с Московской патриархией. «Радонеж» считается среди верующих наиболее авторитетной газетой и отличается значительно более высоким по сравнению с другими качеством подачи идеологем и мифологем. Высокий уровень профессионализма авторов и редакторов обозрения позволяет делать это вполне «цивилизованно».

Нельзя обойти вниманием и книгоиздательскую деятельность религиозных и околорелигиозных организаций. В книжных магазинах столицы и других городов России, а также в киосках храмов Московской патриархии часто встречаются, например, следующие издания:

«Тайна беззакония в исторических судьбах России» (сост. Ю. Бегунов, А. Степанов, К. Душенов, СПб: Царское дело, 2002, 3000 экз., печатается по благословению епископа Владивостокского и Приморского Вениамина). В книге полностью воспроизведено издание Сергея Нилуса «Близ есть, при дверех», включающее небезызвестную фальшивку «Протоколы сионских мудрецов», статьи о «всемирном еврейском заговоре», о «развале России евреями», антисемитские статьи и проповеди митрополита Иоанна (Снычева).

«Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России» (М.: Палитра-статус, 2002, отпечатано в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра). Книга живописует «историческое унижение русской нации и продолжающееся разрушение Государства Российского с злонамененным истреблением русского народа евреями».

«Близ есть, при дверех» (Спб: Сатисъ, 2002, печатается по благословению архиепископа Ярославского и Ростовского Михея).

«Тайна России» (М. Назаров, М.: Русская идея, 1999). Содержит грубые антисемитские выпады и излагает «конспирологическую теорию мирового заговора жидомасонов».

С. Нилус, *«Протоколы сионских мудрецов»* (СПб) и др.

Наиболее широко подобная литература представлена в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Самаре, Ростове-на-Дону, Туле, Краснодаре, Курске и Нижнем Новгороде.

Понятно, что лавина псевдоправославной пропаганды, способствует не единению православных, а, напротив, создает серьезные поводы для конфликтов внутри самого религиозного сообщества. Но никакие решения вслед за заявлениями религиозных лидеров, например, что «существуют издания, которые, выдавая себя за православные… под предлогом борьбы за чистоту православия… подрывают авторитет священноначалия, распространяют клеветническую и ложную информацию» (Алексий II), не принимаются.

Среди печатных СМИ религиозного направления особо следует отметить издания «Свидетелей Иеговы». Журналы *«Пробудитесь»* и *«Сторожевая башня»* выходят тиражом более 40 млн экземпляров каждый на 132 языках и распространяются как среди приверженцев этой религиозной организации, так и в светской среде. Издания «Свидетелей Иеговы» пользуются у аудитории гораздо большим спросом, чем религиозная литература других конфессий. Вероятно, решающую роль в этом играют высокое качество полиграфии и усердие, с каким организация распространяет свою продукцию. Именно названные факторы, как показывает практика, являются определяющими в популяризации религиозных учений.

В протестантской атмосфере христианская литература и периодика играют гораздо более серьезную роль не только в воспитании и обучении молодого поколения, но и в формировании, если можно так выразиться, «конфессионального менталитета». Больше половины российских протестантов заявляют о том, что пришли к вере и усвоению норм религиозной и мировоззренческой толерантности именно благодаря христианской литературе.

Этот подход верен и в приложении к другим религиозным учениям, в частности к православию. Наиболее просвещенные круги российских православных, высоко ценят духовное наследие не только православных авторов, но и мыслителей иных христианских течений, например Клайва Льюиса, Джона Стотта, Гилберта Честертона, а также отечественных, но не любимых Московской патриархией — Владимира Соловьева, Сергея Булгакова, Павла Флоренского, Александра Меня и др.

Таким образом, в разряде печатных изданий можно выделить две противоположных тенденции. Тяготение РПЦ МП к общественно-политическому влиянию с использованием в том числе и сомнительных методов. И стремление протестантов к совершенствованию религиозной этики и социального служения.

Протестантские религиозные организации, в том числе традиционные российские, поддерживают широкие связи со своими зарубежными единоверцами, православные юрисдикции РПЦ МП тяготеют к изоляционизму и боятся проникновения «антихристовой заразы» от разного рода «еретиков» и «отступников от единственно истинного и благодатного русского православия». Результаты противоположных взглядов наиболее показательно отражаются на специфике производимого ими информационного продукта.

Конечно же, в религиозном поле действуют не только христиане. По издаваемой периодике и литературе, по росту популярности заметно, например, повышение интереса к религиозно-философским доктринам и культуре Востока —индуизму, буд-

дизму, исламу. Однако именно на примере христиан можно в наиболее контрастном сопоставлении увидеть две названные тенденции, которые наблюдаются и у остальных конфессий.

По-прежнему популярными остаются конфессиональные и светские каналы радиовещания, освещающие религиозные темы. В качестве примера здесь тоже удобнее обратиться к христианскому радио, которое представлено в нашей стране наиболее широко.

В середине 1990-х годов в организации этого вида СМИ наблюдался настоящий бум. Финансирование возникающих одна за другой религиозных радиостанций на территории России велось, как правило, зарубежными спонсорами, среди которых стоит выделить международный католический благотворительный фонд «Помощь Церкви в беде». Его основатель и в то время глава священник Веренфрид Ван Страатен оказывал финансовую помощь практически всем христианским конфессиям России без исключения, в т. ч. и Московской патриархии, которая была среди инициаторов создания самого крупного и действующего до сих пор православного радио *«Радонеж»*.

Кроме него, следует упомянуть радио *«София»* и вещающий на той же частоте «*Христианский церковно-общественный канал» (ХЦОК)*, также организованный при участии фонда о. Веренфрида. В отличие от религиозного официоза, ХЦОК с момента своего возникновения представлял своеобразную альтернативу внутриправославному «междусобойчику» «Радонежа» — сначала пропатриархийному и скучноватому, а теперь и откровенно фундаменталистскому. Вероятно, на формировании концепции (а затем и аудитории) ХЦОКа сказалось влияние таких незаурядных личностей, как Ирина Иловайская, протоиерей Иоанн Свиридов, священники Георгий Чистяков и Владимир Лапшин. В просторечье о ХЦОКе говорили как о либеральном христианском радио, что в некоторой степени было верно — благодаря этой радиостанции многие православные открыли для себя буквально другое, не знакомое им православие, обращенное одновременно и к истребленной большевизмом дореволюционной российской духовной традиции, и к мировой христианской культуре. А параллельное вещание католической «Софии» наглядно демонстрировало религиозно-культурную общность католиков и православных.

Не менее известным было протестантское радио *«Теос»*, транслировавшееся из Санкт-Петербурга и снискавшее себе заслуженную славу у российской аудитории. К сожалению, летом 2000 года по причине отказа спонсоров «Теос» прекратил вещание на Москву.

В отличие от «Радонежа» с его узкоконфессиональной концепцией, а со второй половины 1990-х годов до настоящего времени приобретшей откровенный пропагандистский оттенок, ХЦОК, «София» и «Теос», несмотря на открытое обсуждение в эфире острых религиозно-общественных проблем, воспринимались аудиторией как более христианские.

Независимое религиозное радиовещание, регулярно поднимающее проблематику свободы совести в России, со значительными трудностями ведется в нескольких регионах. Есть, наконец, и международное радио. Христианское FEBC, например, можно ловить радиоприемниками в таких городах, как Владивосток, Хабаровск, Уссурийск, Благовещенск, Чита, Кемерово, Новосибирск, Казань, Ижевск, Красноярск, Москва и Московская область и Санкт-Петербург с областью.

* * *

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что сложившаяся в России тяжелая ситуация со свободой совести отражается и на состоянии религиозных СМИ. Ситуация осложняется и значительной нехваткой средств и отсутствием отечественных спонсоров, готовых вкладывать деньги в заведомо убыточные предприятия. Кроме того, налицо стремление Московской патриархии и близких к ней властных кругов поставить эту область под полный контроль тандема государственной власти и РПЦ МП.

СВОБОДА СОВЕСТИ И ЕЕ ЗАЩИТА

С. А. Бурьянов, Институт свободы совести

Условно структуры, представленные в области защиты свободы совести, можно разделить на государственные и неправительственные (НПО).

Среди государственных правозащитников ведущая роль принадлежит Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации (омбудсману). Первый омбудсман С. А. Ковалев не обладал значительными полномочиями, поскольку осуществлял свою деятельность в соответствии с Указом Президента РФ «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека» от 1994 года.

В качестве гарантий деятельности Уполномоченного были установлены определенные обязанности органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц. Они должны были в двухнедельный срок представлять по запросам Уполномоченного информацию, необходимую для осуществления его полномочий, давать ответы на его обращения в связи с нарушениями прав конкретных физических лиц, направлять ему все принимаемые ими акты, содержащие нормы, относящиеся к сфере прав и свобод человека и гражданина[1].

С вступлением в силу 4 марта 1997 года Федерального конституционного закона (ФКЗ) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» правовой статус омбудсмана значительно укрепился.

Закон гласит что, должность Уполномоченного по правам человека в РФ учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (ст. 1).

Уполномоченный способствует:

а) восстановлению нарушенных прав;

б) совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;

в) развитию международного сотрудничества в области прав человека;

г) правовому просвещению по вопросам прав и. свобод человека, форм и методов их защиты (ст. 1).

В соответствии с ч. 1 ст. 33 закона доклад ежегодно представляется Президенту РФ, в Совет Федерации и Государственную думу, в Правительство РФ, Конституционный суд РФ, Верховный суд РФ, Высший арбитражный суд РФ и генеральному прокурору РФ.

В случае грубого или массового нарушения прав и свобод граждан омбудсман вправе выступить с докладом в Госдуме. А по отдельным вопросам соблюдения прав граждан депутатам направляются специальные доклады.

При наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных

[1] Курс «Права человека». М.: МХГ, 2006. С. 220—221.

с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, Уполномоченный может принять по собственной инициативе соответствующие меры в пределах своей компетенции.

25 марта 1999 года Уполномоченный по правам человека в РФ О. О. Миронов подписал Заключение о проверке соответствия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации[2].

В заключении признается, что ряд положений закона противоречит Конституции РФ и международным договорам России. В частности, указывается на закрепление привилегированного положения отдельных религий (преамбула п. 4—5); на разграничение между религиозными объединениями и религиозными группами (ст. 6—7), лишающее последних прав юридического лица (п. 1 ст. 7); на разграничение «традиционных» конфессий и религиозных организаций, не имеющих документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории не менее 15 лет (п. 1 ст. 9), что приводит к лишению последних многих прав (п. 3 ст. 27); на дискриминационный характер лишения статуса религиозного объединения представительств иностранных религиозных организаций (п. 2 ст. 13); на противоречие международным нормам ограничений свободы религии по соображениям «национальной безопасности» (п. 2 ст. 3).

По словам начальника отдела совершенствования законодательства аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ, «Государственная дума никак не отреагировала на эти рекомендации, и необходимых изменений и дополнений в законе сделано не было. Уполномоченный по правам человека в РФ намерен вновь внести в высший законодательный орган свое заключение и предложить конкретные коррективы в законе»[3]. Повторно свое заключение Уполномоченный так и не внес.

С ноября 1999 года в аппарате Уполномоченного по правам человека в РФ начал функционировать отдел по религиозным и национальным вопросам (впоследствии переименованный в отдел по религиозным вопросам и культурным правам). Возглавил его М. И. Одинцов, пришедший с кафедры религиоведения РАГС при Президенте РФ.

Среди задач, возложенных на отдел: рассмотрение обращений религиозных организаций, поддержание связей с религиозными центрами, правозащитными организациями, уделяющими в своей работе внимание проблемам свободы совести; сбор и обобщение материалов о положении в Российской Федерации с правами человека на свободу совести; подготовка предложений по совершенствованию законодательства о свободе совести; правовое просвещение.

«Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2000 году», не содержит даже упоминания о правах и свободах человека в сфере свободы совести. А в докладе за 2001 год наряду с мягкой критикой отмечено: «Есть все основания утверждать, что в РФ созданы правовые и организационные условия для осуществления гражданами прав в области свободы совести и вероисповедания».

В 2002 году из 287 жалоб, поступивших в отдел по религиозным вопросам и культурным правам, удалось добиться положительного разрешения по 18 жалобам[4].

---

[2] См.: Защита прав человека: Сборник документов 1998—2000. М., 2001. С. 419—423.

[3] *Лебедев А.* Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в свете международных обязательств Российской Федерации» // Диа-Логос: религия и общество 2000-01. 2001. С. 161—162.

[4] Информация о работе отдела по религиозным вопросам и культурным правам аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2002 году / www.religare.ru. 8 мая 2003.

В 2003 году в аппарат Уполномоченного поступила информация о 150 случаях нарушения прав верующих и религиозных объединений, к рассмотрению было принято 80 жалоб. О результативности ничего не говорится, кроме того что «в органы власти субъектов Федерации и местного самоуправления было направлено около 200 запросов по ставшим известными фактам нарушения прав человека»[5].

Самыми распространенными нарушениями свободы совести, зафиксированными аппаратом являются: отказ в регистрации или перерегистрации религиозных организаций; отказ в возвращении ранее отобранных и на строительство новых культовых зданий; ограничение деятельности религиозных объединений; распространение в СМИ недостоверной информации о деятельности религиозных объединений, отказ в замене воинской службы на альтернативную гражданскую службу.

Содержащееся в резюмирующей части доклада утверждение, что «для государства задача состоит сегодня в продолжении той конструктивной линии, что наметилась в последние годы и привела к существенным положительным изменениям в осуществлении свободы совести и вероисповедания», говорит об откровенно имитационном характере деятельности аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ в этой области.

В целом же за время своего пребывания в должности Уполномоченного по правам человека О. О. Миронов ничего не сделал (и даже не сказал) в связи с массированным наступлением на свободу совести в России. Речь идет об антиконституционных законотворческих инициативах, подразумевающих привилегии для «традиционных» религий и ограничения для остальных под предлогом борьбы с «религиозным экстремизмом» и за «духовную безопасность». Ничего не сказал омбудсман и о попытках научного обоснования вышеупомянутых инициатив в форме проектов концепций государственно-конфессиональных отношений и религиозной политики.

Более того, курс кафедры религиоведения РАГС на научное обоснование борьбы с «религиозным экстремизмом» впервые был озвучен на конференции «Северная столица — перекресток духовных традиций» (Санкт-Петербург, декабрь 2002), организованной руководителем отдела по религиозным вопросам и культурным правам М. И. Одинцовым.

Новый омбудсман, В. П. Лукин, вступивший в должность в 2004 году, не раз заявлял, что проблемы, связанные со свободой вероисповедания, не являются приоритетными в деятельности Уполномоченного[6]. Свое мнение он аргументировал низким процентом жалоб по соответствующей проблематике — их всего 0,7 % от общего числа обращений. Кроме того, многие из них возникают из имущественных споров, а значит, лишь опосредованно связаны с нарушениями прав человека. В общем, логика проста и понятна: нет жалоб — нет проблем.

Но рассмотрение жалоб, обращений и заявлений граждан и объединений с целью восстановления нарушенных прав это лишь одно из направлений в деятельности Уполномоченного. Как отмечалось выше, всероссийский омбудсман обладает значительными полномочиями, и его деятельность не должна ограничиваться рассмотрением жалоб.

---

[5] См.: Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году. М., 2004.

[6] По мнению уполномоченного по правам человека в РФ, проблемы, связанные со свободой вероисповедания, сегодня не являются первостепенными // Портал-Кредо.ру. 16 июня 2004.

В докладе за 2004 год[7] все проблемы свободы совести уместились в одном абзаце в разделе «Проблема преодоления этнической и религиозной розни»: «В настоящее время в России наблюдаются разногласия между представителями различных конфессий и религиозных организаций. Имеются случаи необъективного, избирательного, не соответствующего Конституции Российской Федерации отношения властей (особенно на региональном уровне) к различным вероучениям и к практикующим их объединениям граждан».

Кроме того, омбудсман призвал власть бороться с «религиозным экстремизмом»: «Принципиально важно также, чтобы борьба с этим злом велась не в рамках периодических кампаний, а на постоянной основе». При этом Лукина не смутил неправовой характер термина «религиозный экстремизм», чреватый неправомерными ограничениями деятельности религиозных организаций в России.

В докладе за 2005 год[8] нашлось место для раздела «Защита прав граждан на свободу совести» (хотя в соответствии с Конституцией России, свобода совести гарантируется каждому, а не только гражданам РФ).

Почти с первых строк докладчик сетует на разноголосицу мнений о ситуации в области свободы совести и дает свою оптимистическую оценку: «Однако при всех разногласиях и несовпадениях в оценках следует признать очевидное: в деле обеспечения религиозных свобод и законной деятельности религиозных объединений российское государство продвинулось самым существенным образом, преодолевая наследие тоталитаризма, господства моноидеологии и партийного диктата в мировоззренческих вопросах. Реформировано законодательство о свободе совести и религиозных объединениях; развивается диалог и сотрудничество между государством и церквами; укрепляется авторитет и позиции религии в гражданском обществе; постоянно возрастает количество действующих религиозных организаций, расширяется присутствие религиозных объединений в социокультурной и благотворительной сферах, углубляется межконфессиональный диалог».

Далее автор доклада все же признает наличие некоторых проблем в области религиозной свободы: «Ежегодно аппарат Уполномоченного получает от 200 до 250 обращений по фактам нарушения права на свободу совести. Почти все они коллективные, и, таким образом, в них отражена позиция тысяч граждан, воспринимающих как ущемление их прав некоторые действия органов государственной власти и местного самоуправления, чиновников, представителей правоохранительных и судебных органов, журналистов и отдельных общественных деятелей. В 2005 году стало известно о десятках подобных случаев в субъектах Российской Федерации, в частности в Москве, в Республике Татарстан, Удмуртской Республике, в Московской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областях. В числе заявителей представители различных конфессий: православных (не относящихся к Московской патриархии), старообрядческих, мусульманских, протестантских и других».

В устойчивом перечне проблем — отказы в регистрации религиозных объединений; непредоставление земельных участков под строительство культовых зданий и иных объектов религиозного назначения; волокита или отказ в передаче (или возвращении) ранее изъятых в административном порядке культовых зданий и церковного имущества; отторжение у общин вновь построенных или приобретенных ими стро-

[7] http://ombudsman.gov.ru/doc/ezdoc/04.shtml.

[8] http://ombudsman.gov.ru/doc/ezdoc/05.shtml.

ений; превышение полномочий сотрудниками правоохранительных органов; недопущение служителей культа к посещению учреждений системы исполнения наказаний; проведение публичных мероприятий, организуемых некоторыми религиозными (или общественными) объединениями, с требованием запретить законную деятельность других религиозных (общественных) объединений; публикации в СМИ материалов, содержащих заведомо ложную или непроверенную информацию, ведущую к разжиганию религиозной розни и нетерпимости.

Однако в докладе ничего не говорится о количестве жалоб, принятых к рассмотрению, и по скольким из них удалось добиться положительного решения.

Что касается свободы совести как личного права, гарантируемого ст. 28 Конституции РФ, то, «как свидетельствует практика, российские граждане в нынешние времена почти не сталкиваются с ущемлением этого их права».

Это высказывание не соответствует действительности, так как в современной России имеют место грубейшие нарушения конституционного принципа светскости государства, выражающиеся в клерикальной идеологизации органов власти, силовых структур, государственной системы образования, государственных СМИ. А ведь именно светскость государства является одной из важнейших гарантий реализации свободы совести каждому.

Ничего не говорится в докладе о подмене конституционных принципов свободы совести приоритетом религиозной политики, реализуемой посредством коррумпированных государственно-конфессиональных отношений в интересах власть имущих.

Таким образом, наличие системного кризиса в реализации свободы совести в современной России, следствием чего являются наступление на демократию, значительное ухудшение ситуации в области религиозной свободы, рост ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве, в докладе Уполномоченного по правам человека замалчивается.

Более того, в резюмирующей части доклада для преодоления недостатков в сфере свободы совести предлагается воссоздание органа по делам религий. «Как убедительно показывают события последних лет, России с ее национальным, культурным и религиозным многообразием, возможно, как никогда прежде, требуется специализированная государственная структура по вопросам государственно-церковных отношений, которая отвечала бы за разработку и реализацию общефедеральной государственной политики в области свободы совести. Эту идею в целом положительно воспринимает большая часть российских церквей, конфессий, религиозных центров и организаций. Аналогичные специализированные структуры по делам религий существуют практически во всех европейских странах и повсеместно воссоздаются в постсоветских государствах».

Не вызывает сомнения, что специальный орган станет инструментом контроля мировоззренческой сферы. Именно таким и был Совет по делам религий при СМ СССР, в котором начинал свою карьеру руководитель отдела по религиозным вопросам и культурным правам аппарата Уполномоченного в РФ М. И. Одинцов. Он же, надо полагать, является автором профильных разделов докладов Уполномоченного по правам человека в РФ.

В указанном контексте эволюция докладов от имитации и замалчивания системообразующих проблем в области свободы совести к содействию воссоздания системы государственного контроля мировоззренческой сферы является закономерной.

Но все же самым вопиющим местом в докладе (раздел «Межнациональные проблемы») является оценка и рекомендации по обстановке в Северо-Кавказском регионе: «Трагические события в Нальчике в октябре 2005 года свидетельствуют о том, что в Кабардино-Балкарии в течение продолжительного времени действовало мощное вооруженное подполье, опиравшееся на постулаты радикального исламизма и ориентировавшееся на насильственные, экстремистские действия. В сложившихся условиях, наряду с чисто полицейскими мерами по поддержанию закона и порядка, следует подумать о разработке специальной программы развития традиционного ислама на Кавказе в противовес получившему в последнее время распространение радикальному исламизму».

На самом деле глубинная причина напряженности между государственной властью и исламом кроется в антиконституционной религиозной политике «кнута и пряника», в результате которой мусульмане ощущают себя дискриминированными, а то и вовсе чужими в России. Попытки манипулировать исламскими лидерами (в т. ч. на основе разделения на «традиционные» —«нетрадиционные») лишь вносят раскол в мусульманскую среду и способствуют усилению позиций ее радикальной части. Но об этом в докладе ничего не говорится, а рекомендации фактически направлены на нарушения прав человека, углубление кризиса реализации свободы совести и развал страны.

Таким образом, системный кризис реализации свободы совести, являющейся заложницей «вероисповедной политики» и самодовлеющих государственно-конфессиональных отношений, пораженных коррупцией, остался незамеченным Уполномоченным по правам человека в России.

Комиссии по правам человека при главах исполнительной власти в регионах в настоящее время функционируют примерно в 60 субъектах РФ. «Они работают на основании не закона, а положения, утверждаемого главой исполнительной власти субъекта, он же назначает состав комиссий… Поскольку большая часть нарушений прав человека исходит именно от структур исполнительной власти, положение таких комиссий оказывается весьма двойственным»[9].

Что касается области свободы совести, то здесь двойственность иногда выливается в конкретные нарушения прав человека и разжигание религиозной нетерпимости. По данным рассылки «Христианская пресса России» от 28 апреля 2005 года, в Челябинске по местному телеканалу «Восточный экспресс» в программе новостей был показан репортаж о пресс-конференции, посвященной деятельности «тоталитарных сект». «Антисектантское» мероприятие было организовано председателем комиссии по правам человека Е. Гориной. В репортаже говорилось о поджогах и самоубийствах, виновниками которых якобы являются «сектанты», и все это — на фоне богослужения челябинской церкви евангельских христиан-баптистов «Благовестие».

Возможно, это случайность, но в ночь на 1 мая (в пасхальную ночь) неизвестные бросили бутылку с зажигательной смесью именно в дверь церкви «Благовестие».

Ранее Горина разогнала религиозное собрание «Свидетелей Иеговы», за что была ответчицей в суде[10].

Именно статусная ущербность вызвала к жизни необходимость перехода к институту омбудсмана на региональном уровне. «Главное свойство, отличающее его от

[9] Курс «Права человека». М.: МХГ, 2006. С. 223.

[10] Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. М.: МХГ, 2002. С. 168.

комиссий с их вспомогательной ролью, — самостоятельность, со всеми вытекающими последствиями»[11].

В Республике Башкортостан и Свердловской области законы, регламентирующие деятельность региональных омбудсманов были приняты даже раньше, чем на федеральном уровне. В настоящее время действует 31 уполномоченный по правам человека в субъектах РФ.

Вот только в области свободы совести последствия от их деятельности не очень благоприятные. Например, уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова активно и последовательно поддерживает «антисектантские» акции Екатеринбургской епархии РПЦ МП.

В частности, выступая на Международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма»[12], она заявила: «Сегодня мы должны законодательно закрепить две позиции… Во- первых, определить отношение к собственным корням, традиционным православным истокам и культуре. А мы почему-то стесняемся этого. Ненужную шумиху подняли даже вокруг рекомендательного письма, разрешающего преподавание в школах на добровольной основе «Православной культуры». А ведь ничего страшного в этом нет! От нашего разброда и метаний теряет позиции не православие, а государство… И второе. Нужно законодательно определить понятие сектантства, только тогда можно будет действенно противостоять ему. Пока же, прикрываясь свободой вероисповедания, правом на собственный выбор каждого человека в свободе совести, секты вырывают из наших рядов молодых, не определившихся в своей жизненной позиции людей»[13].

На фоне подобных заявлений бездействие государственных правозащитников вовсе не удивляет. Например, последователи учения Рерихов из Екатеринбурга М. Д. Шумова и М. В. Назарова с 2000 года подвергались массированной и безнаказанной травле со стороны миссионерского отдела Екатеринбургской епархии РПЦ МП и СМИ. За защитой своих прав они неоднократно, но безуспешно обращались в различные инстанции, включая уполномоченного по правам человека в Свердловской области и Уполномоченного по правам человека РФ. Заместитель главы администрации города по вопросам правопорядка В. В. Тунгусов только развел руками: «Ну вы же историю знаете — православная церковь всегда была государством в государстве, поэтому с ними никто ничего поделать не может».

Впрочем, чего ждать от регионов, если даже председатель президентской Комиссии по правам человека и содействию институтам гражданского общества Э. А. Памфилова также регулярно проявляет озабоченность в связи с угрозой правам человека со стороны «тоталитарных сект» и даже выражает готовность сотрудничать с РПЦ МП в «антисектантской» борьбе.

К сожалению, для изменения ситуации к лучшему в области свободы совести государственная правозащита в настоящее время ничего не предпринимает.

О перспективах работы сформированной по инициативе власти Общественной палаты в области свободы совести можно судить по высказываниям руководителя Комиссии по толерантности и свободе совести директора Института этнологии и ан-

---

[11] Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. М.: МХГ, 2002. С. 168.

[12] Об этой конференции см. выше.

[13] Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Татьяна Мерзлякова: «Почему мы стесняемся собственных корней и боимся слова «секты»?» // Православная газета, 2002. № 46 (223).

тропологии РАН В. А. Тишкова. 15 марта 2006 года в ходе открытой дискуссии «СМИ и экстремизм» в медиа-центре «Известий» он заявил, что понятие «тоталитарные секты» — устоявшийся термин. Это прозвучало в ответ на выступление руководителей Института свободы совести, которые сказали, что термин «секта» отсутствует в правовой системе России и является оскорбительным социальным ярлыком, разжигающим религиозную рознь и нетерпимость[14].

Кроме того, некие представления о перспективах можно получить на основании того факта, что в состав Общественной палаты вошли лояльные власти религиозные лидеры.

К НПО относится широкий спектр объединений — от общества защиты животных до правозащитных организаций. В контексте проблем защиты свободы совести объектом нашего анализа являются: религиозные организации и конфессионально ориентированные структуры; атеистические и иные мировоззренческие структуры; правозащитные организации (многопрофильные и специализированные).

От религиозных организаций, которые в соответствии со своей природой продвигают идею собственной истинности и свои корпоративные интересы, ждать защиты прав человека вообще и свободы совести в частности, не приходится. Однако существуют религиозные организации, которые декларируют правозащитные цели, а также конфессионально ориентированные структуры, позиционирующие себя как научные и правозащитные.

4—6 апреля 2006 года в столице прошел X Всемирный русский народный собор «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке», на котором работала секция «Права человека и достоинство личности. Церковно-общественный взгляд». С главным докладом «Права человека и нравственная ответственность»[15] выступил председатель отдела внешних церковных связей Московского патриархата РПЦ митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). Он назвал свободу и права «большим достижением человеческой цивилизации», но при этом отметил, что государство должно учить граждан пользоваться этими правами с учетом нравственных норм, от себя добавим: в понимании доминирующих конфессий. Если вспомнить, что Кириллу принадлежит тезис, что «у нас моноконфессиональная страна с религиозными меньшинствами», 80 % жителей которой «по факту рождения принадлежат к РПЦ», то становится понятно, кому в России будет дозволено определять, что — добро, а что — зло.

Показательно, что борьба с «деструктивными сектами» является для РПЦ МП правозащитным приоритетом № 1. За ней идет борьба с «вовлечением людей в преступность, работорговлю, проституцию, наркоманию, игроманию». По мнению митрополита, «подобным явлениям надо противодействовать, потому что такие поступки удаляют человека от его достоинства. К борьбе с подобными пороками должно сегодня призываться наше общество, в эту борьбу должна включаться Церковь. С православной точки зрения в этом и состоит смысл правозащитной деятельности сегодня».

---

[14] Руководитель комиссии по толерантности и свободе совести Общественной палаты считает правомерным употребление в СМИ понятий «экстремизм» и «тоталитарная секта» // Портал Кредо.ру. 16 марта 2006.

[15] Права человека и нравственная ответственность. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на X Всемирном русском народном соборе // Портал-Кредо.ру. 4 апреля 2006.

В духе доклада митрополита Кирилла выдержан и итоговый документ — Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора[16].

То, что РПЦ занялась правозащитой, скорее всего, связано с выполнением политтехнологического заказа власти. Правозащитники уже давно наступают на портят «светлый демократический образ» власти перед лицом мирового сообщества, непрерывно сигнализируя о сворачивании демократии и массовом характере нарушений прав человека в России.

Власть по-своему извлекла уроки из украинской «оранжевой революции», которая состоялась во многом благодаря позиции НПО, и перешла в наступление. Принятый вопреки воле общества Федеральный закон № 18-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», призван ограничить деятельность и поставить под контроль неудобные для власти правозащитные НПО.

Однако со сдержанным оптимизмом можно предположить, что позиция мирового сообщества, неожиданно для российских властей активно возмутившихся наступлением на гражданское общество, помешает репрессировать НПО по полной программе.

Понимая, что предотвратить правозащиту пока не удастся, власть предпринимает попытки ее возглавить, или, на худой конец, заболтать. За эту сомнительную в плане общественной ценности работу взялась РПЦ МП в лице ее конфессиональной бюрократии как проверенный партнер власти.

Едва ли не самой известной организацией в области защиты религиозной свободы является Международная ассоциация религиозной свободы (МАРС). МАРС имеет филиалы более чем в 60 странах мира, в т. ч. и в России[17].

26—27 ноября 2002 года в Москве прошла юбилейная конференция «Свобода совести — важное условие гражданского мира и межконфессионального согласия», на которой были подведены итоги десятилетней деятельности Российского отделения МАРС.

Принятие итогового документа прошло без обсуждения, в связи с чем в нем так и не нашли адекватного отражения значительное ухудшение ситуации с религиозной свободой и усиление антиконституционных тенденций в области свободы совести в

---

[16] См. официальный сайт РПЦ МП. 6 апреля 2006.

[17] МАРС учреждена в США в 1893 году лидерами Церкви христиан адвентистов Седьмого дня. Зарегистрирована в США как некоммерческая неправительственная общественная организация.

Евразийское отделение (до 2002 — Российское) было учреждено в июле 1992 года и зарегистрировано как общественная некоммерческая организация. При создании РО МАРС в него вошли: РПЦ (с 1997 — в статусе наблюдателя), Русская православная старообрядческая церковь, Духовное управление мусульман, Католическая церковь в России, Церковь христиан адвентистов Седьмого дня, Союз церквей евангельских христиан-баптистов, Евангельско-лютеранская церковь, Союз христиан веры евангельской-пятидесятников, КЕРООР, буддисты России. Позднее в РО МАРС вошли: Российский объединенный союз христиан веры евангельской, Ассоциация христианских церквей «Союз христиан», Федерация еврейских общин России, некоторые другие религиозные организации. Руководство отделением осуществляется советом под председательством президента с участием генерального секретаря. Первым президентом российского отделения МАРС был избран правозащитник В. В. Борщев. В 1996 году его сменил руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН А. А. Красиков. В конце 2003 года президентом был назначен экс-заместитель министра иностранных дел РФ Ф. В. Шелов-Коведяев, а Красиков был избран почетным президентом. В конце октября 2005 года Шелов-Коведяев покинул пост президента по причине принципиального несогласия большинства членов совета ЕАО МАРС с политикой руководства. В настоящее время обязанности президента исполняет первый вице-президент ЕАО МАРС А. А. Нуруллаев.

России (особенно в связи идеей юридического выделения «традиционных религиозных организаций» и наделением их льготами и привилегиями), отмеченные некоторыми участниками.

В заявлении, распространенном Институтом свободы совести в связи с результатами конференции, говорится, что МАРС «ориентирован на решение корпоративных интересов, даже в ущерб свободе совести каждого человека и общества в целом, и вообще не способен иметь и выражать принципиальную позицию в связи с вышеупомянутыми антиконституционными тенденциями»[18].

Выводы ИСС подтвердились 19 января 2003 года, когда президент Евразийского отделения МАРС А. Н. Красиков встретился с членами американской комиссии по международной религиозной свободе[19].

Члены делегации проявили интерес к соблюдению ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года. Президент ЕАО МАРС с оптимизмом сообщил, что статьи закона, которые раньше вызывали неприятие многих верующих, получили корректную интерпретацию в четырех постановлениях Конституционного суда РФ. «Попытки провести массовую чистку религиозных объединений провалились, — сообщил Красиков. — До принятия закона в России было 16 тысяч религиозных объединений, а в 2002 году их насчитывалось 20 тысяч»[20].

16 ноября 2004 года в московской гостинице «Россия» состоялся круглый стол «Государственно-конфессиональные отношения», организованный ЕАО МАРС при участии кафедры религиоведения РАГС при Президенте РФ[21].

В конце заседания на обсуждение был вынесен проект обращения к президенту В. В. Путину. Замечаний оказалось слишком много, и до голосования дело не дошло. Тем не менее обращение было доработано «в рабочем порядке» и отправлено адресату.

В обращении выражается признательность Путину «за личный вклад в развитие сотрудничества с широким кругом религиозных организаций» поддерживается решимость «и впредь гарантировать исполнение Конституции России».

Далее говорится, что «последние 15 лет в Российской Федерации сложились правовые основы цивилизованных государственно-конфессиональных отношений», главные препятствия в данной области связаны с «периодом господства коммунистической идеологии», «активизацией международного терроризма на территории Российской Федерации, а также фундаменталистских и экстремистских течений, использующих религиозные лозунги для разжигания межнациональных и межрелигиозных противоречий», злоупотреблениями региональных чиновников[22].

Не менее любопытно заявление ЕАО МАРС об «Обращении участников международной конференции «Тоталитарные секты и демократическое государство» (Новоси-

[18] См.: *Бурьянов С. А.. Мозговой С. А.* Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. М., 2004. С. 150—151.

[19] Федеральная правительственная комиссия США по международной религиозной свободе создана в 1998 году. Осуществляет мониторинг в области свободы совести и религии во всем мире, а также предоставляет практические рекомендации президенту, госсекретарю и конгрессу США. В Россию Комиссия приезжает с 1999 года и уже опубликовала несколько обзорных документов, последний из которых вышел в мае 2003 года.

[20] По сообщению информационного агентства «Благовест-инфо».

[21] Государственно-конфессиональные отношения. Вид с МАРСа // Портал-Кредо.ру. 18 ноября 2004.

[22] Обращение к Президенту Российской Федерации В.В. Путину Евразийского отделения Международной ассоциации релиигозной свободы // Информационный бюллетень Уральского филиала ЕАО МАРС. 2005. № 5. С. 8.

бирск, 9—11 ноября 2004 года)», адресованное президенту, депутатам Федерального собрания, полномочным представителям в федеральных округах и органам исполнительной власти Российской Федерации.

Авторы выражают сожаление, что в Обращении используются выражения, не имеющие юридического содержания. К таковым, по их мнению, относится понятие «тоталитарные секты». А вот термины «деструктивные секты», «традиционные религиозные организации», как следует из текста ЕАО МАРС, находятся в правовом поле.

Летом 2005 года в деятельности ЕАО МАРС наметились некоторые здоровые тенденции. 23 июня в конференц-зале Фонда Российского общественного политического центра состоялось заседание совета экспертов ЕАО МАРС на тему «Договоры о социальном партнерстве между религиозными организациями и государством: практика, проблемы, перспективы».

Большинство экспертов высказались против сложившейся практики договоров о социальном партнерстве между государством и религиозными объединениями. Было отмечено, что заключение договоров с узким кругом религиозных организаций оказывает негативное воздействие на реализацию принципов свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и противоречит российскому законодательству.

Впервые за последние годы принципиальная позиция экспертов нашла свое отражение в итоговом документе[23] заседания[24]. Его принятию пытались препятствовать только почетный президент ЕАО МАРС А. А. Красиков и его протеже президент ЕАО МАРС Ф. В. Шелов-Коведяев. В качестве отвлекающего маневра Красиков предложил принять верноподданническое обращение к Путину: «В свое время мы приветствовали создание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и с большим удовлетворением встретили сделанное Вами на заседании Совета 29 сентября 2004 г. заявление о необходимости «и дальше развивать сотрудничество религиозных объединений и государства, сотрудничество в интересах решения общенациональных задач». В связи с этим просим Вас дополнить Положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации пунктом об участии Совета в разработке современной концепции взаимоотношений государства и религиозных объединений как об одной из основных функций Совета»[25].

Далее ситуация вокруг итогового документа и вовсе приняла скандальный характер, поскольку обнародованный Шеловым-Коведяевым окончательный вариант документа в значительной мере расходился с принятым за основу. 4 июля редакция сайта «Религии и СМИ» получила от него текст «Резолюции группы экспертов ЕАО МАРС».

А вот как уже бывший президент Ф. В. Шелов-Коведяев прокомментировал ситуацию «Религии и СМИ»: «В той резолюции, которую я представил на суд общественности, содержатся только те формулировки, которые были одобрены консенсусом.

[23] Итоговый документ заседания совета экспертов ЕО МАРС 23 июня 2005 года на тему: «Договоры о социальном партнерстве между религиозными организациями и государством: практика, проблемы, перспективы» (принят за основу) // Портал-Кредо.ру. 24 июня 2005.

[24] Эксперты МАРСа считают, что практика договоров о социальном партнерстве между государством и религиозными объединениями противоречит российскому законодательству // Портал-Кредо.ру. 24 июня 2005.

[25] Архив автора.

В Интернете был размещен текст, который вообще-то является личным мнением одного из экспертов, а именно Сергея Иваненко. Этот проект действительно обсуждался, и в итоге его решено было скорректировать, так как к нему были серьезные замечания, в частности со стороны Андрея Себенцова, который указывал на излишнюю резкость формулировок этого документа».

26 октября 2005 года на заседании совета ЕАО МАРС Ф. В. Шелов-Коведяев был освобожден от должности президента.

Однако обнадеживающие тенденции в МАРСе оказались, увы, неустойчивыми. 21 декабря 2005 года в конференц-зале Института Европы прошла научно-практическая конференция ЕАО МАРС «Свобода религии, нравственность и ответственность в российском обществе». В конференции приняли участие представители различных конфессий, ученые, преподаватели, государственные служащие, политические и общественные деятели. По результатам конференции было принят весьма аморфный итоговый документ[26]. В нем участники конференции приветствуют «высокую оценку Президентом Российской Федерации В. В. Путиным возможностей равноправного межконфессионального диалога в деятельности, направленной на преодоление идеологии цивилизационного раскола и террористической агрессии». Далее говорится что, «в России необходим авторитетный межконфессиональный консультативный совет, в котором были бы представлены основные централизованные религиозные объединения». Принципиальная оценка ситуации в области свободы совести, прозвучавшая из уст представителей Института свободы совести, не нашла отражения в документе.

Весьма любопытна реакция руководства ЕАО МАРС на предложение сопредседателя Института свободы совести С. А. Мозгового обсудить деятельность организации и подвести итоги конференции на ближайшем Совете директоров ЕАО МАРС. Заседание Совета прошло 6 марта 2006 года в обстановке секретности, а представителей ИСС, являющихся экспертами ЕАО МАРС, даже не оповестили о месте и времени заседания.

Любопытен еще один факт. Когда автор этих строк обратился в ЕАО МАРС с просьбой предоставить данные по нарушениям в области религиозной свободы, выяснилось что организация их не имеет! Иными словами, Международная ассоциация *религиозной свободы* даже и не занимается отслеживанием нарушений в этой области!

Кроме ЕАО МАРС, среди корпоративно ориентированных организаций можно назвать Институт религии и права, который показал свою беспринципность по ряду вопросов, начиная от постановки проблемы и заканчивая поддержкой (в письменной форме): 1) идеи введения понятия «традиционная религиозная организация» в правовое поле России; 2) некоего «черного списка» в форме справочника «Новые религиозные организации деструктивного, оккультного и неоязыческого характера», который не раз служил инструментом нарушений прав верующих со стороны чиновников.

Очевидно, что конфессионально ориентированные структуры в принципе не способны защищать свободу совести для всех (не говоря уже о свободе совести для каждого), генерировать объективную позицию и выступать с острой критикой властей, проводящих дискриминационную религиозную политику. Соответственно, их позиционирование как правозащитных, носит заведомо имитационный характер.

[26] Заявление участников научно-практической конференции «Свобода религии, нравственность и ответственность в российском обществе». Москва, 21 декабря 2005 года // Портал-Кредо.ру. 3 января 2006.

Впрочем, с иных мировоззренческих организаций спросить также нечего. Например, атеисты последовательно выступают за свободу совести, светскость государства и против усиления влияния религии в государстве. Но одновременно в полном соответствии со своими мировоззренческими установками атеисты выступают против усиления влияния религии в обществе.

Так, 25 декабря 2004 года прошла конференция, организованная Атеистическим обществом Москвы (АтОМ) «В защиту свободы совести и светского государства», которую назвали антиклерикальной. Однако защита свободы совести и антиклерикализм — это разные, а нередко даже взаимоисключающие феномены. Мировая и отечественная история изобилует периодами торжества как «клерикалов», так и «антиклерикалов» при одинаковом подавлении свободы совести. На конференции была принята декларация «За свободу совести», содержащая, кроме антиклерикализма, призыв к власти приструнить «религиозных экстремистов». Кстати, декларация была подписана рядом правозащитных организаций. Подпись, поставленная без ведома ИСС, была дезавуирована[27].

В сложившейся ситуации вся надежда — на правозащитные организации. При этом от специализированных структур, например занимающихся правами ребенка или солдатских матерей, ожидать защиты свободы совести не приходится.

Деятельность Комитета в защиту свободу совести носит эпизодический характер.

Многопрофильные организации проявляют себя в области свободы совести время от времени. Например, Международная правозащитная ассамблея провела несколько круглых столов (в 1999 и в 2002 годах), движение «За права человека» организовало судебный процесс против учебника Бородиной «Основы православной культуры». От имени Института прав человека по данной проблематике иногда выступает Л. С. Левинсон.

Есть некоторые вопросы к центру «Сова». В частности, непонятно зачем правозащитникам нужно было проводить конференцию под веским названием «Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения» (1—2 ноября 2004 года, РАГС при Президенте РФ), концепция которой (дебаты по Конституции РФ и скандальная разборка между «либералами» и «консерваторами») никакого отношения к реализации свободы совести и светскости государства не имеет? Это же касается круглого стола «Религия и права человека», состоявшегося в рамках конференции «Глобальные процессы и религиозное многообразие» (РГГУ, 8 февраля 2006 года). Круглый стол был целиком посвящен обсуждению «правозащитной» концепции РПЦ МП. Разве не очевидно, что правозащитная деятельность в принципе несовместима с сакрализацией власти и борьбой с «сектами», свойственными РПЦ МП?

Высокий уровень ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве вызывает тревогу у каждого здравомыслящего человека, что предопределяет поддержку проекта Московского бюро по правам человека (МБПЧ) «Организация общественной кампании по противодействию ксенофобии, расовой дискриминации и антисемитизму в многонациональной России».

Заслуживает всяческого одобрения «подведение итогов многолетнего мониторинга ситуации с межэтническими и межрелигиозными отношениями в России и их влиянием на политическую, экономическую и социальную обстановку в стране», «тренинг

[27] См. Заявление Института свободы совести «Свобода совести и антиклерикализм — не одно и то же!» // Портал-Кредо.ру. 24 января 2005.

представителей всех субъектов РФ методам учета фактов расизма, антисемитизма, исламофобии и других видов ксенофобии, компьютерной обработки, хранения и обобщения данных мониторинга», «открытие «горячей линии» с целью оказания квалифицированной юридической помощи жертвам ксенофобии», обсуждение «методов работы в школах и вузах по воспитанию толерантности среди учащихся», обзор «языка вражды в местных и центральных средствах массовой информации» и многое другое.

В тоже время, для достижения межэтнического и межконфессионального мира и согласия недостаточно только работы «правоохранительных органов с правозащитниками, этническими организациями, представителями различных конфессий и средствами массовой информации», о чем, например, говорится в проекте итогового документа общероссийской конференции «Пути преодоления ксенофобии, расовой дискриминации, антисемитизма в многонациональной России». Эта работа на уровне следствий необходима, но для эффективного решения проблемы ксенофобии, нетерпимости, дискриминации необходимо добиваться приведения государственной религиозной и национальной политики в соответствие с Конституцией РФ.

Анализ мероприятий и материалов МБПЧ показал, что государственная политика практически полностью исключена из сферы рассмотрения и действия общественной кампании, что предопределило ее в значительной мере имитационный характер. Дело в том, что именно неконституционная государственная политика в области национальных и государственно-конфессиональных отношений является доминирующим фактором роста ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в России.

Более того, позиция МБПЧ по целому ряду принципиальных вопросов фактически направлена на поддержку упомянутой политики власти. Прежде всего это касается последовательной поддержки антиконституционного ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который является инструментом подавления политических оппонентов власти и неугодных религиозных организаций. А, например, в программе конференции МПБЧ 29 марта 2004 года был заявлен доклад «Религиозный экстремизм в РФ». Это при том, что термины «экстремизм» и «религиозный экстремизм» в настоящее время мобилизуется властью для подведения законодательной базы под политику «специальных» ограничений (если не сказать религиозных преследований) для так называемых «нетрадиционных» религиозных организаций.

Кроме того, раздаточные материалы семинара «Разработка методического комплекта по тестированию коллективных представлений в молодежной и преподавательской среде об эталонах толерантного поведения» (раздел «Конфессиональная толерантность»), организованного МБПЧ 22 ноября 2005 года, содержат вопросы о религиозных «сектах».

Адекватные мероприятия, посвященные обсуждению вопросов свободы совести, проводит Российское гуманистическое общество (РГО) (например, в феврале 2004 года). Журнал РГО «Здравый смысл» регулярно публикует материалы, посвященные нарушениям свободы совести и антиконституционным тенденциям в религиозной политике государства.

Адекватные подходы и некоторые перспективы работы в этой области наметили Молодежный центр прав человека и правовой культуры и межрегиональная общественная организация «Учителя за свободу убеждений». Главной задачей организаций является борьба с нарушениями принципа свободы убеждений в российском и региональном законодательстве и педагогической практике.

Но все же самой мощной сетевой правозащитной структурой на сегодняшний день является Московская Хельсинкская группа (МХГ). В многочисленных сетевых инициативах МХГ участвуют около 200 региональных организаций, а общее число НПО, с которыми МХГ контактирует в регионах РФ, превышает 500. В ежегодных докладах МХГ «Права человека в Российской Федерации» традиционно присутствует раздел «Свобода мысли, совести и религии».

Специализированной структурой в области свободы совести является Институт свободы совести. ИСС зарегистрирован как автономная некоммерческая организация 18 марта 2002 года, хотя фактически его деятельность началась в 2001 году. С этого времени учредителями Института осуществляется систематический мониторинг тенденций трансформации законодательства Российской Федерации в области свободы совести.

ИСС имеет тесные связи как в научно-педагогическом, так и в правозащитном сообществах. В Совет ИСС входят известные юристы, религиоведы, историки, журналист.

В рамках исследовательской и просветительской деятельности института проведено более десяти конференций, круглых столов и семинаров, издано три книги, опубликовано более 100 научных работ в ведущих журналах, осуществлена экспертиза законопроектов и концепций государственной политики в области свободы совести и государственно-конфессиональных отношений, а также научно-методических материалов[28].

В частности, ИСС совместно с кафедрой теории и социологии управления Академии управления МВД проведен семинар «Проблемы свободы совести в деятельности органов внутренних дел» (7 декабря 2002 года). Совместно с историческим факультетом Московского городского педагогического университета и Международным центром социально-политических исследований и консалтинга проведен круглый стол «Военно-политические и коммуникационные аспекты безопасности в современном мире» (23 мая 2003 года). Проводились совместные мероприятия с юридическим факультетом МГПУ (публичная лекция для аспирантов и студентов «Свобода совести в современной России», посвященная Дню прав человека (15 декабря 2005 года), международная научно-практическая конференция «Глобализация, права человека и право» (27 апреля 2006 года). В организации последней также участвовали секция по образованию и просвещению в области прав человека экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ и Совещание преподавателей прав человека. В 2005—2006 годах студенты юридических факультетов МГПУ и МГУ прошли преддипломную практику в ИСС. В рамках сотрудничества со СМИ и российскими НПО совместно с ведущим Интернет-изданием о религии «Портал-Кредо.ру» и фондом «Гласность» проведены следующие круглые столы: «Религиозная политика российских властей до и после инцидента в синагоге на Большой Бронной» (10 февраля 2006 года), «Спасти рядового Сычева. Поможет ли клерикализация российской армии укреплению ее дисциплины и боеспособности?» (17 марта 2006 года).

19 ноября 2004 года на заседании правозащитной группы «Общее действие» ИСС инициировал проведение круглого стола «Роль НПО и правозащитного движения в

[28] Подробная информация о деятельности ИСС (с момента основания по 2005 год) содержится в информационно-аналитическом отчете ИСС «Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями». М., 2005. 525 с.

обеспечении свободы совести в России», который состоялся 25 февраля 2005 года в музее и общественном центре им. Андрея Сахарова. Соорганизаторами выступили ИСС, фонд «Гласность», Исследовательский центр гуманизма при МГУ, Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, Центр военно-религиозных исследований.

На круглом столе была дана принципиальная оценка состояния реализации свободы совести в России, определено влияние состояния реализации свободы совести, тенденций в области религиозной политики и государственно-конфессиональных отношениях на демократическую перспективу в России, обсуждена деятельность НПО и правозащитного движения по защите конституционных принципов в области свободы совести.

По результатам работы была принята резолюция, констатирующая зависимость поражения демократических идеалов в России от кризиса реализации свободы совести. Особо подчеркнута недооценка НПО и правозащитным движением деструктивного влияния фактора религиозной политики и отношений государства с религиозными объединениями.

13 мая 2006 года МХГ совместно с ИСС и Молодежным центром прав человека и правовой культуры провели «пилотный» семинар для региональных партнеров. В работе семинара приняли участие представители правозащитных организаций более чем из 40 регионов Российской Федерации. На семинаре в качестве ведущих выступили сопредседатели ИСС Сергей Бурьянов и Сергей Мозговой, а также председатель совета Молодежного центра прав человека и правовой культуры Всеволод Луховицкий.

Были рассмотрены следующие проблемные блоки: свобода совести в международно-правовых документах, Конституции и законодательстве Российской Федерации; тематический глоссарий: понятия, соотношение, проблема корректности употребления и существующие подмены; современное состояние реализации свободы свести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями; религиозная ксенофобия, нетерпимость и дискриминация как нарушения принципов свободы совести, светскости государства и равенства религиозных объединений; свобода убеждений школьников как одно из необходимых направлений правозащитного мониторинга.

Особый интерес участники семинара проявили к проблеме корректности употребления понятий «традиционные»/«нетрадиционные» религии, «секта», «тоталитарная секта», «религиозный экстремизм», «исламский терроризм».

Участники семинара сообщили, что в регионах эти юридически некорректные понятия широко используются властью в качестве инструмента религиозной политики, следствием чего является рост национально-религиозной напряженности и углубление расслоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям, ксенофобия, нетерпимость и насилие на их почве.

По мнению участников семинара, на Северном Кавказе эта непродуманная и опасная политика конфессиональных симпатий и антипатий власти является основной причиной поддержки радикалов значительной частью населения[29].

В целом сегодня можно говорить лишь о перспективах системной работы правозащитного движения в сфере свободы совести, основанных на понимании ее актуальности для демократического развития России.

[29] Семинар правозащитников по вопросам свободы совести и вероисповедания прошел в Москве // Портал-Кредо.ру. 17 мая 2006.

Так, 29 марта 2006 года в Москве на заседания Комитета действия Всероссийского гражданского конгресса (КД ВГК) было принято «Заявление Комитета действия Всероссийского гражданского конгресса в защиту свободы совести»[30], внесенное членами КД С. А. Бурьяновым, С. А. Мозговым, В. Н. Ойвиным. Отметим, что проблема реализации свободы совести на ВГК 2004 и 2005 годов вообще не звучала. Наряду с констатацией кризиса реализации свободы совести в современной России в заявлении осуждаются религиозная политика власти, коррумпированные государственно-конфессиональные отношения и их последствия: несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; нарушения законных прав неверующей части общества; неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны силовых структур государства, направленных против членов религиозных объединений; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений. Особую озабоченность вызывают преследования мусульман.

Далее говорится о необходимости консолидации здоровых сил с целью налаживания постоянной системной работы по реализации свободы совести в России.

По мнению КД ВГК «для реанимации демократии в России необходимо добиваться прекращения порочной религиозной политики властей, и осуществление общественного контроля над государственно-конфессиональными отношениями.

В качестве первоочередных мер сформирована рабочая группа при КД ВГК. В числе ее первоочередных задач: налаживание координацию общих действий коалиции гражданских организаций, разработка адекватной методологии и методики, системная просветительская работа со СМИ.

В резюмирующей части заявления говорится: «Мы считаем, что проблема кризиса реализации свободы совести в России (как свободы мировоззренческого выбора), включая проблему религиозных преследований, заслуживает рассмотрения на саммите «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге летом 2006 года. В указанном контексте считаем целесообразным, принятие соответствующего обращения от имени Комитета действия ВГК».

Таким образом, ведущая роль в защите свободы мысли, совести и религии в современной России принадлежит НПО, которые, не смотря на некоторую недооценку данной проблематики, в настоящее время наметили конструктивные подходы к ее решению.

Что касается государственных правозащитных структур, то их работу в области свободы совести нельзя считать удовлетворительной, что в значительной мере определяется государственной политикой. В тоже время НПО в рамках конструктивного сотрудничества с госструктурами способны изменить ситуацию к лучшему.

---

[30] Заявление Комитета действия Всероссийского гражданского конгресса в защиту свободы совести // Портал-Кредо.ру. 29 мая 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

С. А. Бурьянов, Институт свободы совести

Современное состояние свободы мысли, совести и религии в России

В начале реформ российское общество питало надежды, что демократические идеалы и ценности, ставящие во главу угла права и свободы человека будут воплощены в жизнь. Сегодня очевидно, что идеалы гражданского общества и правового демократического государства терпят в России поражение. Нарушения прав и свобод человека приняли массовый характер. Одна из существенных авторитарных тенденций — подавление свободы совести.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что в современной России реализация свободы совести как свободы мировоззренческого выбора находится в глубоком, системном кризисе.

С одной стороны, эта сфера взаимосвязана с иными системами государства и общества, охваченными системным кризисом. Неразвитое гражданское общество, авторитарные тенденции власти, монополизированная экономика, неэффективное управление, сакрализация власти, клерикальная идеологизация государства, нарушения прав человека — звенья одной цепи…

С другой стороны, кризису подвержены все уровни, на которых формируется и от которых зависит реализация свободы совести, — наука и образование, законодательство и законотворчество, правоприменительная практика, СМИ.

Несмотря на то, что свобода мысли, совести и религии декларируется в Конституции России, в реальности из-за нарушения принципа светскости и конфессиональных предпочтений власти конституционные формулировки изначально обречены на произвольное толкование со стороны структур государства.

Ситуация на уровне законодательства в значительной мере определяется слабостью научно-теоретической проработки проблематики плюс зависимостью от интересов различных корпораций (профессиональных, религиозных, политических). Это в значительной мере предопределило появление неконституционного и коррупциогенного ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года, его региональных аналогов и соответствующей подзаконной базы.

Более того, анализ законотворческого процесса выявил новые антиконституционные тенденции, предполагающие законодательное закрепление, с одной стороны, системы «специальных» государственных льгот и привилегий (в т. ч. прямое государственное финансирование в целом ряде областей) для «основных» религиозных организаций, а с другой, — неправомерных ограничений в отношении «неосновных» (под предлогом борьбы за «духовную безопасность», против «религиозного экстремизма», «ваххабизма», «тоталитарных сект» и т. п.). В данном контексте следует также рассматривать идею введения в российской армии института военного духовенства, для реализации которой был предложен законопроект «О военных священниках».

Несмотря на многочисленные протесты ученых и общественности, заинтересованные стороны не прекращают попыток найти некие критерии и ввести термины «традиционная религиозная организация», «религиозный экстремизм», «секта» в правовое поле России.

В целом сложилась ситуация, при которой законодательство, по логике направленное на реализацию прав и свобод человека, в сфере свободы совести превратилось в «специальное» религиозное, регламентирующее не столько деятельность религиозных институтов как юридических лиц (этому посвящено гражданское законодательство) и не столько пресекающее злоупотребления в этой сфере (этому посвящено уголовное законодательство), а фактически позволяющее контролировать и ограничивать свободу мировоззренческого выбора, использовать религию в политических целях.

Доминирующие тенденции религиозной политики, возможность произвольного толкования, неправовой характер принципов и неоднозначность многих формулировок ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», его региональных аналогов, а также подзаконной базы во многом предопределили нарушения прав и свобод человека в сфере его правоприменения.

Судебная практика в полной мере является отражением проблем науки и законодательства. Конституционный суд РФ избежал признания неконституционными норм Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», фигурирующих в жалобах, но формально удовлетворяя конкретных заявителей. Более того, Постановлением КС РФ от 23 ноября 1999 года созданы предпосылки введения в российское правовое пространство ряда неправовых понятий: «секта», «миссионерская деятельность», «прозелитизм», «вербовка».

Решение Верховного суда РФ о признании террористическими 15 исламских организаций от 14 февраля 2003 года служит основой для фабрикации начиная с осени 2004 года уголовных дел об «исламском экстремизме». «При этом для того, чтобы попасть под подозрение, зачастую бывает достаточно внешних признаков: для женщин — ношения характерно повязанного платка, для мужчин — нестриженой бороды. Религиозные и политические дискуссии в исламской среде стали рассматриваться государством как «подрывная деятельность». В ряде случаев при обысках в качестве вещественного доказательства совершения преступления у подозреваемых изымался… Коран. Классический пример фабрикации — дело Мансура Шангареева (Астраханская область), осужденного на три года лишения свободы за «незаконное хранение наркотиков» и гранат, подброшенных ему при обыске. Перед оглашением приговора Шангарееву было предъявлено новое обвинение по ст. 282 ч. 2 п. «а» (возбуждение ненависти или вражды на национальной или религиозной почве с угрозой применения насилия). Его, в частности, обвиняют в том, что он «говорил о превосходстве ислама», отказался совершать поминальные обряды, демонстрируя тем самым «нетрадиционные религиозные соображения», приглашал в мечеть индусов и выходцев с Кавказа, которые «носили нестриженные длинные бороды», пытаясь таким образом «насадить идеи радикального ислама» и т. п.»[1]

Что касается дел, производство по которым возникает по инициативе религиозных организаций и граждан, то их намного меньше, чем нарушений. А дела, инициируемые органами юстиции, прокуратуры и местного самоуправления, в большинстве

[1] Фабрикации уголовных дел об «исламском экстремизме». Доклад в Вене 2 марта 2006 г. — «Мемориал» // http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/954920.html.

случаев страдают идеологической ангажированностью, неподготовленностью и необоснованностью заявленных требований.

При рассмотрении судебных дел о защите чести, достоинства и деловой репутации справедливость торжествует далеко не всегда, а принципы, изложенные в решении Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации № 4 (138) от 12 февраля 1998 года, соблюдаются крайне редко. В результате шельмование «неосновных» религиозных организаций посредством оскорбительного идеологического ярлыка «секта» носит массовый характер, что служит весомым фактором разжигания религиозной ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве.

Неадекватность законодательства и неэффективность судебной системы России привели к тому, что целый ряд дел, касающихся реализации свободы совести, был признан приемлемым для рассмотрения Европейским судом по правам человека в Страсбурге.

Анализ материалов судебной практики по делам связанным с реализацией права на свободу совести во многом подтверждает гипотезу о том, что кардинальное решение проблемы реализации прав в данной сфере лежит не в области правоприменения, а в глубоком научном осмыслении проблемы, с целью совершенствования правовой базы законодательства.

Самыми очевидными симптомами кризиса реализации свободы совести являются многочисленные нарушения религиозной свободы, т. е. прав верующих и религиозных объединений, которые проявляются в форме религиозной дискриминации, ксенофобии, нетерпимости и насилия. Это несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны силовых структур государства, направленных против членов религиозных объединений (неправомерные задержания и аресты, угрозы, избиения, облавы, фабрикации уголовных дел и т. п.); рост насилия, актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений. При этом неверующие так же чувствуют себя ущемленными, поскольку фактически находятся вне правового поля.

Анализ ситуации показывает, что состояние с реализацией свободы мысли, совести и религии является тревожным в высшей и общеобразовательной школе, в армии и силовых структурах государства, в пенитенциарной системе. Имеют место системные нарушения Конституции РФ и действующего законодательства.

Вызывает озабоченность клерикальная идеологизация высшей школы. На фоне отсутствия госстандарта по правам человека в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей внесен стандарт по специальности «теология», которая преподается в ряде государственных вузов, что противоречит Конституции РФ и ФЗ «Об образовании», предусматривающих светский характер учебного процесса в государственных образовательных структурах.

Тенденции клерикальной идеологизации научно-образовательных учреждений армии и силовых структур не просто антиконституционны — они представляют серьезную опасность для общества, поскольку направлены на воспроизводство религиозной ксенофобии, нетерпимости и дискриминации. Массовые нарушения прав инаковерующих со стороны силовиков, являются следствием этой системы, основанной на неправовой селекции религиозных организаций.

В современной России участились случаи нарушения свободы мысли, совести и религии участников образовательного процесса (детей, их родителей и учителей) в государственной школе. Дело в том, что в последние годы государство стало относиться к школе как к инструменту идеологического влияния, как это было в прежние исторические периоды. В частности, школе навязывают идеологизированные курсы («Основы военного дела», «Основы православной культуры») и военно-патриотическое воспитание. Кроме того, учителей лишили права работать по собственным оригинальным программам и выбирать по своему усмотрению учебные пособия.

Свобода совести в силовых институтах государства подменяется партнерством особого рода между силовыми ведомствами и РПЦ, в результате чего ползучая клерикализация с 1990-х годов Российской армии перешла в циничную фазу. Имеют место попытки решить проблемы совершенствования воинского воспитания путем возврата к исторической симфонии государства и церкви, что несет в себе потенциальную угрозу единству Вооруженных сил и, как следствие, их боеспособности.

Деятельность всех религиозных организаций в учреждениях УИС сталкивается со значительным числом нерешенных правовых и организационных проблем. Кроме того, многие конфессии вообще не представлены в колониях. Среди части священнослужителей и мирян МП РПЦ сильны настроения, направленные на устранение инаковерующих конкурентов из тюремных стен, в том числе посредством административных мер. Культивирование нетерпимости к «нетрадиционным религиям» и «сектам» чревато дискриминацией и даже религиозными преследованиями в системе УИС.

Положение различных религиозных объединений в различных регионах России отнюдь не однородно, однако наблюдаемая в последние годы тенденция к ухудшению достаточна очевидна.

Число дискриминационных актов напрямую не коррелирует с состоянием реализации религиозной свободы. Многие религиозные организации были вынуждены снизить активность, а в некоторых регионах и вовсе прекратить свою деятельность. Нет меньшинств — нет и нарушений, но есть ли свобода религиозного выбора?

Некоторое влияние на состояние с религиозной свободой оказывает доступность судебной защиты нарушенных прав. Религиозные организации, обладающие достаточными ресурсами для содержания адвокатов, имеют определенное преимущество по отношению к организациям, их не имеющих. Но это, скорее, не основной, а дополнительный фактор.

Неизбежным результатом сложившейся системы является расслоение религиозных организаций в контексте проблемы религиозной свободы — одни еле живы, другие чувствуют себя вполне комфортно, по крайней мере на институциональном уровне. Однако адаптивные способности успешных корпораций не могут защитить низовые общины верующих от насилия и актов вандализма на почве роста ксенофобии и нетерпимости в обществе. Разрыв между иерархией и общинами, также имеет место в некоторых конфессиях.

Опрос религиозных организаций на предмет состояния и динамики в области религиозной свободы показал, что ситуация ухудшилась прежде всего для организаций, ведущих активную миссионерскую деятельность и выбравших путь независимости от власти и/или РПЦ.

О стабилизации и даже улучшении ситуации говорят представители организаций, либо снизивших активность, либо вписавшихся в реалии религиозной политики.

Расслоение религиозных организаций касается некоторых крупных конфессий. Вовлечение конфессиональной бюрократии в коррупционные отношения с государством делает ее частью политического и финансово-экономического бомонда, все более далекого от нищающей паствы (общественности).

Серьезные опасения вызывают политика вмешательства власти в дела ислама и набирающая обороты борьба с «исламским экстремизмом и терроризмом». Глубинная причина напряженности между государственной властью и исламом кроется в политике кнута и пряника, в результате которой мусульмане ощущают себя дискриминированными, а то и вовсе чужими в России.

Попытки манипулировать исламскими лидерами и организациями лишь вносят раскол в мусульманскую среду и способствуют усилению позиций ее радикальной части.

В результате в России стимулируется рост национально-религиозной напряженности и углубление расслоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям, в свою очередь лежащие в основе сепаратизма.

Нежелание привести государственную политику в соответствие с Конституцией РФ и упор на силовое решение проблем влекут массовые нарушения прав человека и усугубляют ситуацию. Неправомерные (если не сказать преступные) действия силовых структур носят откровенно провокационный характер. Милиционеры регулярно врываются в мечети и дома мусульман, оскорбляют, угрожают, избивают людей, не совершивших никаких противоправных деяний.

Непродуманная и опасная политика конфессиональных различий федерального центра по принципу «традиционные» — «нетрадиционные» религии и региональных властей по принципу «традиционного» — «нетрадиционнного» ислама является основной причиной поддержки населением сепаратистов, рядящихся в религиозные одежды, в «мусульманских» регионах. Все это чревато не только затяжными вооруженными конфликтами, всплеском терроризма, но и сопряженным с насилием распадом федеративной системы РФ.

Картину с состоянием религиозной свободы дополняет влияние фактора межгосударственных отношений. Например, улучшение российско-китайских отношений приводит к неправомерному ограничению деятельности Фалуньгун, а сотрудничество российских силовиков с коллегами из Узбекистана ведет к репрессиям в отношении «Хизб-Ут-Тахрир».

Отражение проблематики свободы совести в центральных СМИ в значительной мере связано с религиозной политики власти. Соответственно характер материалов нередко обусловлен системной коррупцией в отношениях государства с религиозными объединениями.

В газетах («Известиях», «Комсомольской правде», «Аргументах и фактах» и др.) и особенно на телевидении крайне редки корректные материалы о свободе совести, зато «антисектантская» риторика — обычное дело. На федеральных каналах в огромном количестве программ так или иначе эксплуатировался негативный социальный ярлык «секта». Визитной карточкой «антисектантской канализации» является агрессивная некомпетентность и тенденциозность подачи материала.

Для примера возьмем две недели июня 2006 года.

7 июня на Первом канале в ток-шоу «Пусть говорят» (ведущий — А. Малахов) А. Л. Дворкин с 20.00 до 21.00 навешивал оскорбительные социальные ярлыки «секта»

и «деструктивный культ» новым религиозным движениям и предлагал всем переходить в православие.

11 июня на НТВ в цикле «Чистосердечное признание» в 19.55 был показан документальный фильм о религиозной организации «Белое братство», которая была представлена как «неистинная религия», «секта», разрушающая семьи и обирающая людей. В качестве альтернативы говорилось об РПЦ — церкви, дающей «прочный фундамент» для веры и священниках, которые являются «настоящими наставниками».

19 июня Первый канал в цикле «Спецрасследование» в 23.00 показал документальный фильм «Орден Муна» о деятельности Движения объединения. Фильм представляет собой тенденциозно поданную и намеренно искаженную информацию, буквально пересыпанную оскорбительными ярлыками «секта» и «тоталитарная секта».

20 июня на ТНТ в 20.00 в ток-шоу «Запретная зона» (ведуший — Михаил Пореченков) «сектоборец» А. Л. Дворкин рассказывал о «тоталитарных сектах».

На фоне шельмования новых религиозных движений обращает на себя внимание обильное освещение деятельности РПЦ и ее лидеров. По сообщению службы коммуникаций ОВЦС, выступление патриарха Алексия II в эфире НТВ стало кульминацией шедшей в течение года программы «Рождение Победы».

7 мая 2005 года после выпусков новостей в 10.00, 12.00, 16.00 и 22.00 на этом телеканале шла запись воспоминаний патриарха «об эпизодах военного лихолетья, запечатлевшихся в его памяти, и о восстановлении церковной жизни после Победы».

Первый канал в праздничные дни показал интервью с предстоятелем РПЦ, который говорил о духовном и материальном вкладе православной церкви в общенародную Победу и о специфике церковно-государственных отношений в годы войны. Был еще материал об освобождении из нацистского плена будущего протоиерея Василия Ермакова. Решающую роль в этом сыграл отец Алексия II, священник Михаил Ридигер, духовно окормлявший соотечественников, содержавшихся в лагере для перемещенных лиц. У зрителя могло сложится впечатление, что РПЦ МП принадлежит духовная монополия на Великую победу.

Региональные государственные СМИ следуют в русле федеральной информационной политики конфессиональных различий.

Например, в Кургане не допускаются к эфиру люди, высказывающие мнения, несоответствующие официальной линии по вопросам патриотического воспитания и этноконфессиональных отношений в регионе[2].

В Чукотском автономном округе в печати, по телевидению и радио, как правило, выступают лишь служители православной церкви, которые нередко говорят о поддержке со стороны местных органов власти. Эфирное время, как и страницы газет, им предоставляется бесплатно. В одной из передач Анадырского телевидения православный священник, отвечая на вопрос о других конфессиях на Чукотке, заявил, что на Чукотке нет других конфессий, кроме православия, что все другие религиозные организации, которые не являются православными, это ни что иное как «деструктивные секты», навязывающие западный образ жизни и служащие для шпионских целей[3].

Пресса Рязани дает информацию только о деятельности РПЦ и различных православных организаций[4].

---

[2] Доклад о положении с правами человека в Курганской области в 2005 году.

[3] Доклад о положении с правами человека в Чукотском автономном округе в 2005 году.

[4] Доклад о положении с правами человека в Рязанской области в 2005 году.

В Хабаровском крае зависимые от власти краевые издания, чутко улавливая настроения губернатора, используют любой информационный повод, чтобы поведать в благоговейной тональности о православной церкви. В 2005 году таких публикаций, по состоянию на 21 октября, было 32, о мусульманах — ни одной, об иудеях — ни одной, пренебрежительно-ернический, написанный откровенным языком вражды материал о Свидетелях Иеговы, нейтральная публикация об открытии в Хабаровске храма евангельских христиан баптистов[5].

Не удовлетворяясь контролем над центральными СМИ, власть пытается контролировать журналистское сообщество, в том числе пишущее на религиозные темы. Официальным предлогом служит необходимость формирования толерантности, борьба с «религиозным экстремизмом» и предотвращения межрелигиозных конфликтов.

Для реализации этой задачи при Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации РФ (МПТР) создан методический совет по освещению религиозной тематики в СМИ, основным инструментом которого является справочно-информационный Интернет-портал «Религия и СМИ» (www.religare.ru), который был создан в 2002 году по инициативе совета и при поддержке МПТР.

Остается лишь добавить, что совет создан на базе Гильдии религиозной журналистики «Медиа-союза».

Приведем мнение о совете профессора Ф. Г. Овсиенко. «При Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации в течение нескольких лет действует общественный методический совет по освещению религиозной тематики в СМИ. Этот светский общественный орган озабочен проблемами, как наиболее эффективно пропагандировать через светские СМИ «Основы социальной концепции Русской православной церкви», как организовать и провести телефестиваль православной песни и т. п. …По сути, указанный совет превратился в своеобразный филиал Службы коммуникации ОВЦС МП»[6].

А вот как комментирует роль структурированной «религиозной журналистики» теперь бывший шеф-редактор журнала «Смысл» М. Л. Шевченко: «Увы, «Медиа-союз» оказался всего-навсего очередной политтехнологической структурой, созданной в противовес существующему уже десятки лет, но не подконтрольному государству Союзу журналистов России. Через Гильдию религиозной журналистики начали проводиться в жизнь не идеи независимой журналистики, а вполне сервильные политтехнологические проекты, обслуживающие интересы определенных иерархов Русской православной церкви, околоцерковных деятелей и некоторых государственных и политических структур. Главной задачей Гильдии стала предвыборная консолидация журналистского и религиозного сообщества нашей страны»[7].

Этот тезис в значительной мере подтверждает анализ мероприятий, проведенных названными структурами. Например, заслуживает особого внимания круглый стол «Роль СМИ в формировании толерантности и предотвращении межрелигиозных конфликтов», проведенный в МПТР. Это была встреча представителей правительственных учреждений с представителями конфессий, ответственными за связи с прессой.

---

[5] Доклад о положении с правами человека в Хабаровском крае в 2005 году.

[6] *Овсиенко Ф. Г.* Политизация конфессий и клерикализация политики.6 тенденции развития и риски в российском обществе // Религиоведение. 2002. № 2. С. 25.

[7] *Шевченко М. Л.* Религиозная журналистика: типы, принципы, и проблемы институционализации // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения. Нижний Новгород., 2003. С. 39.

Кроме традиционной «прокачки» вопроса о необходимости и целесообразности учреждения особого федерального органа исполнительной власти «по делам религий» и разработке концепции государственно-конфессиональных отношений, «советом был предложен инструментарий, который может быть полезен и эффективен. Речь идет о постоянно действующем общественном «органе взаимодействия» пресс-служб религиозных конфессий и совета при МПТР, который взял бы на себя роль своего рода медиума между религиозными организациями и СМИ и который А. В. Щипков назвал «пулом конфессиональных пресс-служб». Все участники круглого стола поддержали эту инициативу»[8].

В настоящее время СМИ и особенно телевизионное вещание являются одним из приоритетных направлений сотрудничества власти и РПЦ. Об этом много говорилось на первом международном фестивале православных СМИ «Вера и слово».

Позиция государства отражена в словах министра культуры и массовых коммуникаций А. С. Соколова, который сказал: «Представленные на форуме СМИ должны стать и уже становятся катализатором укоренения основ национальной духовности и в светских изданиях и телерадиокомпаниях… за национальной идеей, объявленной в свое время в розыск, нам далеко ходить не надо, поскольку духовные, нравственные истины, исповедуемые нашим народом, давно и навеки определены в православии и Священном Писании»[9].

В сложившихся условиях Интернет остается единственным местом, где можно разместить и получить объективную информацию о состоянии с реализацией свободы совести в России.

Но и здесь не все так просто. По словам главного редактора издания «Портал-Кредо.ру» и корреспондента газеты «Московскские новости» А. В. Солдатова, «свободы слова в религиозной журналистике еще меньше, чем в светской. Подавляющее большинство изданий зависит от какой-либо конфессии, как правило, крупной. В России фактически сложилась информационная монополия Русской православной церкви… Все известные Интернет-издания, пишущие о религии, может быть, за исключением одного-двух, финансируются либо крупными конфессиями, либо органами государственной власти. В такой ситуации независимые Интернет-издания объявляются «враждебными» господствующей конфессии, только потому, что их подход к информации отличается от общепринятого»[10]. Солдатов считает, что имеет место и такое явление, как запрет на профессию. Нередко если журналист, пишущий на религиозную тему, настаивает на своем либеральном подходе, то ему приходится либо прекращать сотрудничество с изданием, либо менять специализацию[11]. В результате, в последние годы дело дошло до того, что миноритарные конфессии, подвергающиеся дискриминации, все чаще сами боятся заявлять о себе в прессе, признавая сложившиеся в России правила игры, при которых в общественном пространстве могут быть представлены только господствующие вероисповедания, а все другие должны быть тише воды, дабы не навлечь на себя преследования[12].

---

[8] *Кырлежев А.* Веротерпимость не покупается и не продается // Религия и СМИ, 23 октября 2003.

[9] *Вишняков В.* Национальную идею не надо объявлять в розыск // Парламентская газета. 2004. 2 дек.

[10] *Перунов И.* Пространство несвободы. На Генеральной ассамблее Международного союза журналистов-католиков в первый день работы говорили о религии и СМИ. А также о свободе // Портал-Кредо.ру. 21 июня 2006.

[11] Там же.

[12] Там же.

Ст. 59 Конституции России гласит: «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой».

ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» был принят в 2002 году, а 1 января 2004 года вступил в силу. До его принятия множились судебные процессы против отказников от воинской службы, требующих реализации конституционного права. Зафиксированы и случаи лишения свободы за отказ от воинской службы по убеждениям совести.

Например, 10 ноября 1997 года Курчатовским городским судом Курской области был приговорен к полутора годам заключения в исправительной колонии общего режима по ч. 1 ст. 328 УК («уклонение от обязательной воинской службы») 22-летний монтажник Виталий Гущин, член общины «Свидетелей Иеговы». Суд принял во внимание только ст. 20 и 21 Закона РФ «О воинской обязанности и военной службе», где религиозные запреты не включены в перечень оснований для освобождения от военной службы. В ответе на кассационную жалобу адвоката судебная коллегия Курского областного суда сослалась на то, что Гущин «является сектантом, в связи с чем его доводы о религиозных убеждениях, мешающих ему служить в армии, признаются несостоятельными». Гущин был освобожден 10 июня 1998 года после вмешательства депутата Государственной думы и «Международной амнистии», но прокуратура отказалась снять с него обвинение.

Однако вступление в силу ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» не решило проблем реализации конституционного права на альтернативную гражданскую службу, что обусловлено его дискриминационным характером.

Исполнительный секретарь коалиции общественных организаций «За демократическую АГС» Сергей Кривенко считает, что «закон носит характер наказания за убеждения и направлен на то, чтобы отпугнуть молодежь от АГС и сохранить принудительный порядок прохождения воинской службы»[13].

Министерство обороны и Министерство труда прогнозировали число «альтернативщиков» от 3 до 20 тысяч человек. Однако в весенний призыв 2004 года их было крайне мало, а в осенний — в военкоматы было подано всего полторы тысячи заявлений, удовлетворены — более тысячи[14].

Ситуация 2005 года подтверждает выводы о дискриминационном характере норм закона, результатом чего явился резкий спад желающих пройти АГС. По информации руководителя Федеральной службы по труду и занятости Максима Топилина, весной 2005 года на АГС пошли чуть более трехсот призывников. Таким образом, подытожил Топилин, всего сейчас в России примерно полторы тысячи человек направлено на АГС. Депутаты Госдумы, принимая закон, рассчитывали, что «альтернативщиков» ежегодно будет от двух до четырех тысяч. Причем у федеральных органов сейчас нет статистики, сколько призывников хотели пойти на АГС, но не получили такое право. Топилин признал, что с «альтренативщиками» возникает много проблем. «Это касается и их проезда к месту работы. Конвой к каждому призывнику не поставишь. Часто «альтернативщики» просто не доезжают до места работы. Есть также отказы работать по предложенной специальности. В таких случаях работаем с прокуратурой, есть и

[13] *Шпак А.* Маскировка под «альтернативщиков» // Время новостей. 2004. 28 янв.

[14] *Поросков Н.* Закритичный призыв // Время новостей. 2004. 10 нояб.

первое судебное решение — молодой человек, отказавшийся работать в доме престарелых, приговорен к 180-ти часам общественных работ», — отметил глава Федеральной службы по труду и занятости. Он также сообщил, что средняя зарплата занятых на АГС составляет в настоящее время 3600 рублей в месяц[15].

По словам Кривенко, ситуация с «альтернативщиком», уклоняющимся от прохождения службы, доведена до суда впервые в России.

Призывник Максим Завражнов был направлен на АГС по религиозным убеждениям и должен был приступить к работе в доме престарелых Автозаводского района Нижнего Новгорода, однако отказался, сочтя зарплату в 700 рублей в месяц слишком низкий. Завражнов не появлялся ни на месте прохождения службы, ни в военкомате и был объявлен в розыск. 16 марта суд Московского района города приговорил его к 180 часам обязательных работ.

Как сказал Кривенко, «ситуаций, подобных нижегородской, было уже несколько, но все они благополучно разрешались без вмешательства суда благодаря местным органам Федеральной службы по труду и занятости, которые курируют работу АГСников».

Он сообщил, что зарплаты «альтернативщиков» очень сильно разнятся — от 700 рублей, как в случае с Завражновым, до 15 000 рублей, которые платят на военных заводах. Однако, если Федеральная служба по труду и занятости будет предоставлять призывникам работу на военных заводах, это вступит в противоречие с самой идеей — «многие молодые люди, которые выбирают АГС из религиозных соображений, будут вынуждены уклоняться от службы, потому что для них неприемлемы любые отношения с военным ведомством. Собственно, их право служить в невоенной организации и является одним из краеугольных камней АГС». В целом порядок перевода призывников на другую работу очень сложен, но такая возможность существует.

Федеральная служба сейчас работает над тем, чтобы дать возможность самому «альтернативщику» выбирать, на каком месте он предпочтет служить, — так, как это делается в Германии. По словам Кривенко, «призывник может выбрать, скажем, место с маленькой зарплатой, но поближе к дому, или с более высокой зарплатой, но в другом регионе, по своей профессии или по другой. Разумеется, это зависит от наличия мест, а мест пока не очень много».

При этом он подчеркивает, что «в принципе предложение человеку маленькой зарплаты не противоречит законодательству». Существует и такой вариант, при котором работодатель, заинтересованный в работе призывника, находит возможность компенсировать ему низкую зарплату. Например, в интернате в Ногинске, в Московской области, работают несколько ребят, которые также получают очень низкие оклады, но для них изыскали возможность совместительства в рамках той же организации (закон это допускает, «альтернативщик» не вправе подрабатывать только на стороне), они живут в интернате и получают там трехразовое питание.

По словам С. Кривенко, у Завражнова есть возможность подать в Конституционный суд и, опираясь на Конституцию, требовать предоставления ему работы с достойной оплатой[16].

---

[15] Москва: На АГС в РФ занято около 1,5 тысяч человек // Коалиция «За демократическую АГС». 10 июня 2005. http://ags.demokratia.ru/news/?content=news&id=452.

[16] Нижний Новгород: Осужден альтернативщик-уклонист // Коалиция «За демократическую АГС». 17 марта 2005. http://ags.demokratia.ru/news/?content=news&id=410.

Характерной чертой 2005 года в Курской области можно назвать отсутствие «альтернативщиков» — ни одного заявления подано не было. В то же время увеличилось число уклонистов. Если в прошлом году их было 26, то по итогам только весеннего призыва 2005 года — уже 72 человека (Хорошие новости, 2005, 6 сент.). В связи с этим можно сделать вывод, что из-за дискриминационного порядка несения АГС (более длительный срок службы, более тяжелая работа и т. д.) молодые люди, не желая служить в армии, теперь просто уклоняются от службы[17].

В соответствии с ФЗ «Об альтернативной гражданской службе», «гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в случаях, если несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию». Иногда это положение не вызывает проблем. Например, сотрудники призывных комиссий Северо-Западного военного округа просто удовлетворили все 21 заявление о желании поступить на альтернативную службу по религиозным мотивам[18]. Но в большинстве случаев, чтобы получить разрешение на прохождение АГС, призывник должен не только документально доказать, что не может служить в армии именно из-за своей религиозной принадлежности. В ряде военкоматов потребовалась «духовная экспертиза», для чего в состав призывных комиссий были введены православные священники. Например, в г. Каменск-Уральском Свердловской области решением главы администрации (он же председатель городской военной комиссии) с согласия военного комиссара Красногорского райвоенкомата в состав призывной комиссии был введен настоятель храма священник Евгений Таушканов[19].

Показательно, что доказать свои религиозные убеждения удается далеко не всем призывникам. Например, известны случаи отказа в АГС членам «Свидетелей Иеговы» (Ивановская область, Екатерининбург). В Хабаровском крае в военкоматы было подано 19 заявлений о замене военной службы на АГС. Шесть человек не смогли «убедительно доказать свою приверженность религиозным убеждениям» и получили отказ[20].

22 июня 2005 года ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» был подвергнут жесткой критике в докладе Комитета по выполнению обязанностей и обязательств государствами — членами Совета Европы (Комитет по мониторингу) Парламентской ассамблеей Совета Европы.

В докладе отмечено: «Закон несовместим с европейскими стандартами и не может считаться эффективным. К сожалению, новый закон в большей части своих положений отражает позицию Министерства обороны Российской Федерации, которое официально выступило в поддержку введения альтернативной гражданской службы, но на деле ставило преграды на его пути»; «на практике этот закон лишает права на альтернативную службу большинство молодых людей, желающих ее избрать. Альтернативная гражданская служба в том виде, в каком она предусмотрена законом, становится наказанием для тех, кто выбирает ее по религиозным или моральным убеждениям»; «Россия не выполнила своего обязательства по закону об альтернативной гражданской службе, поскольку оно включает не только само принятие закона, но и его соответствие европейским стандартам, в том числе и при его выполнении. Закон,

[17] Доклад о положении с правами человека в Курской области в 2005 году.

[18] Чтобы поступить на альтернативную военную службу в Северо-Западном федеральном округе, достаточно просто сказать, что ты верующий // Портал-Кредо.ру. 2004. 8 окт.

[19] Соколов А. Свобода убеждений, совести и религии // Права человека в регионах Российской Федерации: Доклад о событиях 2004 года. М.: МХГ, 2005. С. 135.

[20] Доклад о положении с правами человека в Хабаровском крае в 2004 году.

который фактически создает препятствия и отталкивает тех, кто отказывается брать в руки оружие по религиозным убеждениям или иным соображениям совести, от выбора невоенной службы, не может считаться удовлетворительным. Поэтому мы призываем российские власти пересмотреть этот закон в соответствии с европейскими стандартами в этой области».

В частности указывается, что «срок альтернативной гражданской службы в 1,75 раза дольше срока обычной военной службы (42 месяца или 21 месяц для призывников с высшим образованием). Но при несении службы в «организациях Вооруженных сил» срок службы сокращается и превышает срок обычной военной службы уже лишь в 1,5 раза; призывники, выбирающие альтернативную службу, вынуждены нести ее за пределами того субъекта Российской Федерации, где они проживают на момент призыва, что ослабляет их семейные и социальные связи». «Необычным является и то, что молодые люди, выбирающие альтернативную гражданскую службу, зачастую для прохождения своих трех с половиной лет направляются на промышленные или иные предприятия в экономике страны. Цель альтернативной гражданской службы состоит не в том, чтобы предоставлять предприятиям, даже государственным, дешевую рабочую силу, а в том, чтобы дать людям, которые по своим убеждениям не могут исполнять военную службу, возможность послужить обществу в целом, исполняя работу в некоммерческом общественном секторе, например, в больницах, школах, домах престарелых и т. д.»[21]

Причины кризиса свободы мысли, совести и религии

На основании исследований Института свободы совести можно сделать вывод, что системообразующие причины кризиса в реализации свободы мысли, совести и религии кроются на уровне науки. Главная проблема в том, что в основе современного механизма реализации свободы совести лежит старая парадигма, основанная на разделении «верующий — неверующий», некорректная при применении в системе права и подразумевающая:

— противопоставление науки и религии в обществе, знания и веры каждого человека;

— противопоставление индивидуального и коллективного;

— использование религиозных объединений в политических целях;

— зависимость реализации конституционных прав от «исторических» отношений государства с религиозными организациями и некой, по усмотрению чиновников, вероисповедной политики;

— противопоставление национальных интересов и глобальных тенденций, национальных государств и международного сообщества;

— применение некорректных с юридической точки зрения принципов и понятийного аппарата, не имеющих четких правовых критериев[22].

[21] Выдержки из текста доклада по выполнению обязанностей и обязательств Российской Федерацией, который обсуждался ПАСЕ (в отношении альтернативной гражданской службы, свободы совести и вероисповедания). Неофициальный перевод делегации Федерального Собрания РФ в ПАСЕ // Портал-Кредо.Ру. 4 июля 2005.

[22] *Бурьянов С. А.* Новая парадигма правового регулирования свободы совести // Современное право. 2003. № 5, 7.

Как следствие, в данной области сформировалась тупиковая, но самовоспроизводящаяся наукообразная система, основанная на доминировании официальной науки, выполняющей идеологический госзаказ, и неких научно-образовательных структур, принадлежащих к тем или иным религиозным конфессиям и ориентированных на решение сугубо корпоративных интересов. Конфессионально ориентированные структуры, как правило, не способны иметь принципиальную научную позицию, отстаивающую принципы свободы мировоззренческого выбора каждому индивиду, а государственные научные учреждения и вовсе выполняют заказ по обоснованию антиконституционных вероисповедной политики и государственно-конфессиональных отношений.

Принципы и понятийный аппарат, применяемые сегодня в сфере свободы совести, не позволяют создать нормативно-правовую базу для полной реализации этого основного системообразующего права. Определение и сущностное содержание свободы совести как правовой категории фактически искажено, изначально создавая непреодолимые препятствия на пути реализации декларируемых принципов.

Вследствие слабой научной разработанности данной проблематики и неразвитости вышеупомянутых конституционных принципов российское законодательство в этой сфере посвящено исключительно свободе вероисповеданий, а не свободы совести в целом. Конституционное право каждого на свободу совести, упоминается повсеместно лишь в качестве декларации, фактически находясь вне правового поля. Таким образом, законодательство, которое по логике должно быть направлено на реализацию свободы мировоззренческого выбора, подменяется «специальным религиозным» для регулирования деятельности религиозных объединений.

Религиозные объединения традиционно являются объектом политических интересов и особого контроля со стороны власти, как в России, так и во многих государствах мира, вследствие чего не только нарушаются права верующих и религиозных меньшинств, но и размывается целый ряд демократических конституционных принципов, составляющих основу конституционного строя.

Анализ реальной ситуации показывает, что официальная наука и законотворческий процесс, при заинтересованном и/или молчаливом согласии лидеров ряда конфессий (прежде всего тех, которые считают себя «традиционными»), находятся под контролем власти, и потому роль науки сводится к подведению некой наукообразной базы под антиконституционную политику государства.

В этом контексте характерной чертой является сращивание структур, обслуживающих интересы некоторых конфессий с органами власти и официальной наукой. Деятельность этих альянсов носит имитационный правозащитный характер, является корпоративно ориентированной и направлена на реализацию только интересов власти плюс определенных религиозных и профессиональных корпораций, а потому имеет тенденцию к приватизации этой сферы правовых отношений, превращению ее в «цех борьбы за свободу совести».

Таким образом, в Российской Федерации сфера свободы совести, как правило, отдана на откуп структурам, отражающим не интересы народа и гражданина, а определенных корпораций или власти. Реализацией конституционного права на свободу мировоззренческого выбора (юридическим измерением которого является право на свободу совести) для каждого человека почти никто не занимается. Более того, принципы свободы совести в качестве правовой категории осознаны крайне слабо.

Правовое регулирование в области свободы совести исторически базируется на некорректных с юридической точки зрения принципах, не имеющих четких правовых критериев, и соответствующем понятийном аппарате, частично заимствованном из теологии. Свобода совести подменяется свободой вероисповеданий, права человека — правами объединений, религия — идеологией, а в результате приоритет права подменяется приоритетом политики, интересами политических «элит».

В результате, реализация основополагающих конституционных принципов в области свободы совести подменяется приоритетами религиозной политики, осуществляемой посредством коррумпированных государственно-конфессиональных отношений[23] и проводимой институтами государства в интересах властных групп, при том что в светском государстве не должно быть никакой религиозной политики.

Религиозная политика проводится с целью удержания власти путем использования авторитета религии при осуществлении избирательных технологий. Среди задач такой религиозной политики справедливо назвать: контроль мировоззренческой сферы, вовлечение в сферу религиозного санкционирования индивидуального, общественного и массового сознания, формулирование клерикальной идеологии, ограничение политической конкуренции, вплоть до формирования безальтернативной политической системы.

Методы религиозной политики, наряду с клерикальной идеологизацией органов власти и государственного управления, силовых структур, государственной системы образования, предполагают манипулирование религиозными организациями по методу «кнута и пряника».

«Пряник» в виде льгот, квот и даже прямого финансирования адресован РПЦ МП и отчасти так называемым традиционным религиозным организациям. «Кнут» в виде неправовых ограничений деятельности и преследований, включая уголовные, достается «нетрадиционным» в представлении власти конфессиям.

Кроме того, в качестве методологии проводимой властью религиозной политики используются наукообразное обоснование, законодательное закрепление сомнительных правовых положений, пиар-сопровождение посредством ряда СМИ.

РАГС и рядом вузов силовых структур предпринимаются попытки наукообразного обоснования антиконституционной религиозной политики и соответствующих терминов, в частности таких, как «традиционная религиозная организация», «религиозный экстремизм», «духовная безопасность» и др.

Для законодательного закрепления религиозной политики власти в Государственную думу РФ регулярно вносятся соответствующие законопроекты и поправки.

В рамках информационной политики Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям проводятся идеи конфессионального превосходства «основных» религий и культивируется нетерпимость к «неосновным», для дискриминации которых применяется негативные ярлыки «секта», «тоталитарная секта».

Наряду с ограничением политической конкуренции в качестве последствий религиозной политики процветают такие явления, как нарушения прав человека, ксено-

[23] Более подробно см.: *Бурьянов С. А.* Системная коррупция в области отношений государства с религиозными объединениями. Подходы к определению понятия, форм и основных характеристик // Право и жизнь. № 57 (5) 2003 (http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=441). *Бурьянов С. А.* Системная коррупция в области отношений государства с религиозными объединениями. Последствия и направления их преодоления (антикоррупционная стратегия)» // Право и жизнь. № 58 (6) 2003 (http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=13431&type=view).

фобия, этнорелигиозная нетерпимость и насилие на этой почве. Неправое разделение религий на «традиционные» и «нетрадиционные» неизбежно делит граждан страны на «русских православных» и «инородцев иноверцев».

Государственно-конфессиональные отношения являются важнейшим элементом религиозной политики, и влияние этого фактора на внутреннюю политику России и результаты выборов обусловлено системной коррупцией в этой сфере: злоупотребление властью (действием или бездействием) в корыстных интересах, связанное с использованием административных ресурсов, в рамках «специальных» отношений государства с религиозными объединениями. Так как системообразующим фактором является коррупция верхушечная (государственно-политическая), то главным субъектом коррупционных отношений выступает должностное лицо, государственный служащий.

Политическая электоральная коррупция в области отношений государства и религиозных объединений состоит в манипулировании сознанием с помощью авторитета религии, она направлена против гражданского общества и осуществляется с целью прихода к власти, ее удержания и укрепления.

Властные группы в рамках «специальных» (по сути, неправовых) отношений покупают за счет налогоплательщиков не только поддержку религиозных организаций, но и способствуют усилению их влияния и увеличению их материальных средств. Именно в этом контексте следует рассматривать незаконную передачу значительных государственных ресурсов религиозным объединениям как на федеральном (в интересах федеральной власти), так и региональном (в интересах региональной власти) уровнях. Имеет место растрата или корыстное использование бюджетных средств и общественных фондов.

Коррупция воспроизводится и в научно-образовательных структурах, в сфере законотворчества и правоприменения. Она теоретически обосновывается «официальной», а иногда «конфессионально ориентированной» «наукой», и имеет информационное прикрытие в государственных и некоторых конфессиональных СМИ.

Законотворческий процесс в области свободы совести непосредственно связан и опирается на наукообразное обоснование. Наличие соответствующего пакета законопроектов в законодательном органе позволяет говорить о системе противозаконного лоббизма, сопровождающего коррупцию в области отношений государства и религиозных объединений.

Антиконституционные тенденции в области религиозной политики и государственно-религиозных отношений, направленные на формирование государственной клерикальной идеологии, оказали влияние на исход выборов. Государственная дума, в свою очередь, способна законодательно закрепить вышеупомянутые тенденции и вывести их, таким образом, на принципиально новый уровень вплоть до изменения Конституции РФ и юридического оформления клерикальной идеологии.

Вопрос о легитимности российских выборов 2003—2004 годов является дискуссионным, в том числе в силу грубейших нарушений конституционных принципов в области обеспечения свободы совести. Таким образом, еще одним важнейшим итогом религиозной политики государства является дальнейшее разложение демократических принципов и институтов, чреватое окончательным крушением зачатков гражданского общества в России.

Анализ документов, высказываний и действий религиозных лидеров показывает, что идеалы свободы совести не восприняты конфессиями. Что касается принципа

религиозной свободы, то он, как правило, воспринимается только применительно к своей организации. Исторический опыт показывает, что за идеалы свободы ратуют гонимые религиозные организации. Известны случаи, что как только они перестают быть таковыми, то сами инициируют гонения.

Фактически многие религиозные конфессии и близкие к ним структуры тянут «рваное одеяло» гражданских прав и свобод на себя. Этим умело пользуются властные группы, выделяя среди «равных» религиозных организаций «более равные» в лице «традиционных» для использования за определенные льготы в качестве «сакрализатора», чтобы затем, обретя в глазах электората свойства «священности» и «непогрешимости», приватизировать власть, и, самое главное, избежать ответственности за свои действия.

Политизация религии и клерикализация политики лежат в основе системной коррупции в отношениях государства с религиозными объединениями, которая оказывает деструктивное влияние на развитие институтов гражданского общества вообще и религиозных объединений в частности. Последние, оказываясь вовлеченными в коррупционные отношения, вольно или невольно превращаются в самодовлеющие корпорации, сосредоточенные на собственных узких интересах и чуждые интересам общества

Системная коррупция в области отношений государства с религиозными объединениями приводит к деградации борьбы за религиозную свободу — ее вырождению в борьбу за корпоративные интересы, бизнес, инструмент влияния и политики.

В указанном контексте, важным показателем ситуации в области свободы совести является то, что власть использует религиозные объединения для некой легитимации и расширения своей антиконституционной политики.

Отметим, что борьба за религиозную свободу в России, как, впрочем, и в ряде других стран мира, осуществляется посредством создания самодостаточной системы государственно-конфессиональных отношений, предусматривающей политические игры с властью по ее особым бюрократическим и негласным правилам игры. Существует и система поощрений: в виде участия в консультативных комитетах, рабочих группах, советах и комиссиях на самом высоком уровне. Неслучайно ряд религиозных лидеров были награждены государственными и ведомственными наградами в ознаменование 2000-летия Рождества Христова и в память 200-летия Минюста России и включены в Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ[24].

Более того, коррумпированная религиозная политика становится возможной благодаря одобрению и/или молчаливому согласию руководства «основных» религиозных организаций и кандидатов в таковые. Межрелигиозный совет России, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ и отдельные религиозные лидеры регулярно выступают в роли дежурных «поддержантов» неконституционной политики власти.

Вот что говорит на эту тему американский эксперт в области религиозной свободы Лоуренс Юзелл: «Трудно представить, что кто-либо из национальных лидеров какой-либо из основных религиозных конфессий России — христиан, мусульман, буддистов или иудеев — стал бы активно высказывать критику в адрес политики светского правительства по любому вопросу, который Кремль считает важным. Такие руководи-

[24] *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Некоторые тенденции современных государственно-религиозных отношений в Российской Федерации // Право и политика. 2003. № 1. С. 75.

тели редко выступают с заявлениями по поводу общественной политики, которые не были бы подготовлены пресс-службой Путина. В свою очередь, российское государство осуществляет благоприятную для ведущих руководителей политику дискриминации, действующую против их конкурентов в пределах собственных конфессий, но не приносящую ущерб другим религиям. Оно поддерживает некоторых из еврейских руководителей, некоторых из баптистских лидеров, и, конечно, советизированный Московский патриархат, противопоставляя его соперникам, претендующим на православное наследие России… Однако если вы относитесь к опальному религиозному меньшинству и при этом пытаетесь предъявить свою веру обществу, то можете столкнуться с проблемами. Окажется, что невозможно приобрести или арендовать здание, в котором ваша община смогла бы проводить богослужения, или даже невозможно провести религиозное бдение на открытом воздухе. В общем, чем меньше конфессия сотрудничала с прежним советским режимом, тем более вероятно, что она будет подвергнута репрессиям в нынешнее время»[25].

Принятие в 1997 году антиконституционного ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», выделение «традиционных религиозных организаций», введение «Основ православной культуры», борьба с «религиозным экстремизмом» и «исламским терроризмом» и т. п. — все это происходит «по просьбам трудящихся», в роли которых выступают политизированные религиозные лидеры[26]. Скорее всего, такая же роль будет отведена Общественной палате, в состав которой вошли лояльные власти религиозные лидеры.

Позиция религиозных лидеров, например в связи с закрытием по суду московской организации «Свидетелей Иеговы» или запретом строительства кришнаитского храма в Москве, никакого отношения к идеалам свободы совести и толерантности не имеет. Как только об упомянутых событиях стало известно, лидеры и представители «основных» религиозных конфессий России поспешили выступить с одобрительными заявлениями.

«Лидеры четырех традиционных религий страны высказали единодушное мнение, что это опасная тоталитарная секта и ее деятельность наносит серьезный урон духовному здоровью общества», — заявил накануне в интервью РИА «Новости» исполнительный секретарь МСР Роман Силантьев. Он подчеркнул, что «обоснованные претензии к деятельности этой организации имели не только православные христиане, но и представители всех других традиционных религий России»[27]. А глава ЦДУМ

[25] *Юзелл Л.* Россия: Религия на поводке // Портал-Кредо.ру. 10 мая 2005.

[26] См. *Бурьянов С. А., Мозговой С. А.* Концепция государственно-конфессиональных отношений: от декларирования свободы совести к антиконституционной государственной политике вероисповедных предпочтений? // Право и политика. 2001. № 6. С. 131—133 (http://www.law-and-politics.com/paper.shtml?a=6_2001&o=980763); Цели и методы религиозной политики. Нужна ли России концепция отношений государства с религиозными объединениями? // НГ-Религии, 24 октября 2001 (http://religion.ng.ru/caesar/2001-10-24/6_methods.html); Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести // Юридический мир. 2001. № 12. С. 4—13; В России создается концепция отношений государства с религиозными объединениями // Право и политика. 2002. № 8(32). С. 88—96; Государственная поддержка религии — волк в овечьей шкуре // Русский журнал. 2002. 6 июня. (ttp://religion.russ.ru/state/20020606-mozgovoy.html); Свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения и протестантизм в России. Круглый стол в Измайлово, 16 января 2002 г. / Под ред. С. А. Мозгового и С. А. Бурьянова. М.: ИСС, 2002.

[27] Межрелигиозный совет России, объединяющий духовных лидеров православия, ислама, иудаизма и буддизма, приветствует решение Головинского суда столицы о ликвидации московской общины «Свидетелей Иеговы» // Newsru.com. 31 марта 2004.

России Т. Таджуддин назвал ликвидацию «Свидетелей Иеговы» «знаковым и позитивным событием»[28].

Нередко дело доходит до того, что представители некоторых религиозных объединений выступают непосредственными гонителями и/или инициаторами гонений инаковерующих.

27 марта 2005 года в г. Екатеринбурге у здания социально-духовного центра (бывший ДК «Энергетик») проводилось массовое пикетирование богослужения церкви «Новая жизнь». На пикет были собраны представители фонда «Город без наркотиков» под руководством А. Кабанова (депутат городской думы), присутствовал Е. Ройзман (депутат Госдумы), руководитель миссионерского отдела епархии РПЦ МП В. Зайцев. Всего же пикетчиков было около 30-ти человек, включая женщин, детей и подростков. В результате действий пикетчиков были причинены телесные повреждения Максиму Черепанову, который попытался снимать происходящее на видеокамеру. Кроме того, верующим препятствовали выходу из здания, оскорбляли, скандировали лозунги: «Сектанты, отдайте ДК «Энергетик» нашим детям!», «Сектанты, убирайтесь вон из Екатеринбурга, из нашей страны!». В верующих плевали, ударяли газетами, в их адрес нецензурно выражались, их автомашины обклеили православными газетами[29].

29—30 августа было распространено заявление В. Зайцева о начале сбора «доказательственной базы для обращения в суд с просьбой запретить деятельность религиозной организации «Свидетели Иеговы» на территории региона». По словам Зайцева, решение Головинского суда г. Москвы является прецедентом, который может быть повторен и на Урале.

16 октября около в Москве на Госпитальной площади 70 человек митинговали против деятельности религиозной организации «Брахма Кумарис». В руках у собравшихся были российские флаги и плакаты с лозунгами: «Секты, руки прочь от России!», «Наша вера православная, и другой не будет!», «Долой сектантскую заразу из России!», «Вместо сект — православные храмы!»[30].

Осенью 2005 года настоятель православного Богоявленского собора и директор православной гимназии Ногинска Московской области протоиерей Михаил Ялов объявил сбор подписей среди населения против строительства в городе мечети. Эта акция стала очередным шагом в его целенаправленной «разъяснительной» работе, которую он долгое время ведет среди местного населения, объясняя, почему в Ногинске не может быть построена мечеть. Мусульмане Ногинска также опасаются погрома[31].

Некоторые исламские лидеры высказываются о необходимости законодательного ограничения и жесткого силового пресечения «ваххабитов». Например, председатель исполкома ЦДУМ России муфтий Мухаммедгали Хузин в интервью порталу «Интерфакс-религия» сказал: «Необходимо жестко пресечь всю демагогию, которая сегодня будет развернута лидерами исламистских группировок, о том, что ваххабизм — это

---

[28] Представители традиционных конфессий России считают обоснованным решение суда о запрете «Свидетелей Иеговы» // Портал-Кредо.ру. 30 марта 2004.

[29] «В наших верующих плевали и оскорбляли их нецензурной бранью» Заявление церкви «Новая жизнь» г. Екатеринбурга о разжигании религиозной ненависти со стороны миссионерского отдела Екатеринбургской епархии РПЦ // www.rlinfo.ru/publications/novayazhizn-eburg.html.

[30] В Москве прошел митинг против деятельности религиозной организации «Брахма Кумарис» // Интерфакс. 16 октября 2005.

[31] Настоятель православного храма Ногинска объявил сбор подписей против строительства мечети в городе // Портал-Кредо.Ру. 20 октября 2005.

одна из доктрин, которая является государственной доктриной Саудовской Аравии… Этих людей надо привлекать к уголовной ответственности за поддержку террористов при помощи ваххабитской идеологии. У нас в стране имеется достаточно большой класс исламоведов, религиоведов. Необходимо разработать концепцию отношения к ваххабизму в той форме, в которой он присутствует на территории России. Нам по большому счету должно быть все равно, какие в ваххабизме имеются прочтения. Нам важно, что идеология ваххабизма приносит сегодня России кровопролитие. Поэтому мы должны выработать к нему законодательную основу борьбы и действовать так, как в последние годы правоохранительные органы поступали в отношении запрещенной у нас в стране партии «Хизб ут-Тахрир», выявляя ее ячейки в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Тобольске, Екатеринбурге и других городах. Нужно вычислять ваххабитов буквально по ячейкам, и тогда ситуация может быть переломлена»[32].

Иногда «неосновные» религиозные организации, беря пример со «старших сестер», стремятся угодить власти и даже пытаются представить себя в качестве «традиционных».

Таким образом, есть все основания говорить о деградации религиозных объединений как институтов гражданского общества. По крайней мере, тенденция к превращению значительного числа российских конфессий в послушный инструмент в руках властей предержащих, если не в их придаток, прослеживается весьма отчетливая.

Позиция политических партий и отдельных деятелей также оказывает влияние на состояние свободы совести. Очень многие из них, вероятно в погоне за избирателем, соревнуются в демонстрации симпатий православию, а иногда и другим «основным» конфессиям, и антипатий по отношению к остальным религиям России.

Низкий результат «православных», «исламских» и прочих «религиозных» партий на федеральных выборах не охлаждает попыток партий, движений и политических лидеров заручиться поддержкой «главной церкви, главного народа», что крайне негативно сказывается на состоянии с реализацией свободы мысли, совести и религии.

На основании исследований ИСС можно говорить о наличии некоторой зависимости числа нарушений от выборов. Очевидно, что имеющее место конъюнктурное стремление партий, блоков и отдельных политиков расположить к себе избирателей обещаниями бороться с «сектами» и т. п. разжигает религиозную рознь, ксенофобию и нетерпимость, приводит к увеличению числа дискриминационных актов.

Скорее всего, последствия предвыборной мобилизации «религиозного фактора» сказываются и некоторое время спустя, но для получения точных данных необходимы специальные исследования.

Что касается демократических партий России, то они признают свободу совести в основном на уровне деклараций и только в ее вероисповедной части. Реальную их позицию можно охарактеризовать в лучшем случае как неопределенную. Демократические партии вообще ничего не противопоставили использованию властью фактора государственно-конфессиональных отношений в избирательных технологиях, и пока нет никаких признаков, что это произойдет в будущем.

В свою очередь, системная коррупция в отношениях государства с религиозными объединениями оказывает деструктивное влияние на политическую систему государства, чреватое ее деградацией.

[32] В России необходимо создать законодательную базу для преследования ваххабитов и приравнять их к последователям «Хизб ут-Тахрир» // Интерфакс. 25 октября 2005.

Деятельность правозащитников (как государственных, так и НПО) в области свободы совести нельзя считать ни достаточной, ни адекватной[33]. Как правило, вся работа ограничивается областью религиозной свободы, уровнем правоприменения, т. е. защитой уже нарушенных прав (причем далеко не всех религиозных организаций), а так же борьбой за толерантность и против ксенофобии, нетерпимости.

Естественно, эта работа необходима. Но этого явно недостаточно, так как упускается из виду, что толерантность (в т. ч. уважение к свободе мировоззренческого выбора) невозможна без реализации свободы совести (свободы мировоззренческого выбора) и взаимосвязанных с ней принципов составляющих основу строя (светскости государства, равенства религиозных объединений и граждан вне зависимости от отношения к религии). Соответственно деструктивные процессы в области свободы совести (кризис) и в отношениях государства и религиозных объединений (системная коррупция) лежат в основе ксенофобии и нетерпимости. Очевидно, что борьба только со следствиями не может быть эффективной.

Кроме того, следует отметить, что уровень толерантности у российского народа всегда был достаточно высок, а ксенофобия, нетерпимость, гонения всегда исходили и провоцировались властью и сросшейся с ней «основной» конфессиональной бюрократией.

Как показывает состояние демократии в России, методы правозащитников не являются эффективными. Более того, имеющее место в правозащитной среде использование неправовых терминов «секта», «тоталитарная секта», «экстремизм», «религиозный экстремизм», «исламский терроризм» и т. п. не только не способствует достижению толерантности, но, напротив, разжигает религиозную рознь и нетерпимость. Представляется, что уровень подготовки в вопросах свободы совести, даже у руководителей ведущих российских НПО, не является достаточным.

На конструктивное влияние международных организаций также особо рассчитывать не приходится. Даже общая оценка ситуации в области свободы совести не всегда адекватна, не говоря уже о выявлении ее причин.

Почему-то в качестве виновников нарушений свободы совести в России всегда называют региональных чиновников (деспотов и невежд), действующих вопреки воле федеральной власти (демократичной и просвещенной). Возможно, в начале «демократического транзита» так и было, но в современных условиях «управляемой демократии» и перманентного укрепления «вертикали власти» неверность этой оценки очевидна.

Однако надо признать, что, кроме правозащитных организаций, у свободы совести других защитников нет. Они же способны оказать позитивное влияние на государственные структуры и религиозные организации, которые в настоящее время ориентированы на интересы власти и корпоративные интересы соответственно.

Таким образом, конституционные права каждого человека на свободу мысли, совести и религии стали жертвой ряда факторов, среди которых главными являются:

— научная неразработанность проблемы свободы совести и светскости государства;

---

[33] Более подробно см.: *Бурьянов С. А.* Уполномоченный уполномочен заявить: Защитит ли новый российский омбудсмен свободу совести? // Портал-Кредо.Ру. 8 июля 2004; *Бурьянов С. А.* Свобода совести: Почему ее нет, и, судя по всему, не будет в современной России? // Портал-Кредо.Ру. 20 октября 2004; Российский омбудсмен и свобода совести. От имитации защиты до содействия воссозданию системы государственного контроля мировоззренческой сферы // Портал-Кредо.Ру. 4 мая 2006.

— неконституционное законодательство;
— нарушения на уровне судебной практики;
— неконституционная религиозная политика государства;
— коррупция в отношениях государства и религиозных объединений;
— неадекватное освещение проблематики свободы совести в СМИ;
— доминирование специальных интересов власти и конфессиональной бюрократии;
— политизация религии и клерикализация политики;
— позиция некоторых религиозных лидеров и организаций;
— неконституционная и аморфная позиция политических лидеров и партий;
— эксплуатация политическими партиями ксенофобских стереотипов и штампов;
— имитация защиты свободы совести государственными правозащитниками;
— недостаточное внимание к проблеме защиты свободы совести правозащитными НПО;
— низкий уровень восприятия свободы совести в обществе.

Сегодня эти факторы определяют угрожающе низкое юридическое обеспечение свободы совести, уровень ее осмысления, а также качество законотворчества и правоприменения в этой области.

Стратегические подходы и рекомендации по реализации свободы мысли, совести и религии

Выявленные причины кризиса свободы совести в России позволяют определить стратегические подходы к его преодолению.

Прежде всего следует отметить, что так как проблема носит системный характер, то к ее решению необходим системный подход. Воздействовать необходимо на все уровни, на которых формируется и от которых зависит реализация свободы совести: науки и образования, законодательства и законотворчества, правоприменения, СМИ.

В качестве позитива необходимо формировать новое научное поле — «вытащить» тему свободы совести из узкого круга устаревших научных подходов, политических и корпоративных интересов. В реалиях XXI века она должна стать предметом заботы широкого междисциплинарного научного сообщества.

Прежде всего позитивные изменения связаны с необходимостью комплексной научно-теоретической разработки широкой концепции свободы совести на основе перехода к новой парадигме правового регулирования свободы совести, без применения некорректных разделительных принципов и подразумевающей:

— отказ от противопоставления знания и веры, переход к концепции признания многообразия и уважения к соотношению знания и веры у разных людей в обществе;
— отказ от противопоставления индивидуального и коллективного — коллективные интересы являются производными от индивидуальных;
— формирование правовой базы для разграничения религиозных объединений и политики в правовом поле;
— ограничение «специальной» (по сути, неправовой) регламентации мировоззренческой сферы, независимость реализации конституционных прав от отношений государства с религиозными организациями и вероисповедной политики;

— отказ от противопоставления национальных интересов и глобальных тенденций[34].

Коренное изменение сложившегося порядка вещей в области свободы совести необходимо не только на национальным, российском, но и на международном уровне, так как политические войны с ярко выраженным этноконфессиональным характером полыхают по всему миру. Создание эффективной системы правовых гарантий свободы совести на мировом уровне призвано ограничить использование религии в качестве идеологии для нужд политики, подорвать саму основу тоталитаризма — возможность специальных ограничений, контроля, подавления мировоззренческой сферы. В свое время произошла эволюция от веротерпимости к религиозной свободе. Сегодня необходим переход от концепции религиозной свободы для верующих (не отрицая, но расширяя) к свободе совести как свободе мировоззренческого выбора для каждого.

Несомненно, что максимальная реализация религиозной свободы возможна только посредством реализации свободы совести. В противном случае она вырождается в реализацию корпоративных интересов «традиционных» и «солидных» религиозных организаций. Прав был Кронид Любарский, который сказал: «Такое странное свойство у прав человека: нельзя гарантировать права узкой категории населения, так как это делает все общество бесправным. Это создает некое общество, которое начинает угнетать само себя»[35].

Правовой механизм реализации свободы совести в современном демократическом государстве, с учетом глобальных процессов, требует коренной ревизии и реформы основополагающих принципов и понятийного аппарата:

— создания широкой правовой концепции свободы совести;

— устранения из системы права некорректного с юридической точки зрения разделительного принципа «верующий — неверующий»;

— преодоления подмены понятий «свобода совести» и «свобода религий», «религия» и «конфессия»;

— разграничения правовых и иных терминов, устранения теологических терминов из системы права;

— применения в юриспруденции максимально широкого определения религии, имеющего отношение к каждому человеку, или вообще отказа от его применения в системе права, современное правовое определение религии должно быть свободно от узкоконфессиональных и/или атеистических ограничений;

— отказа от специального религиозного законодательства и от предоставления полномочий по идентификации религии каким-либо лицам, органам, структурам ввиду принципиальной невозможности определения их четких правовых критериев;

— отказа от применения религиоведения в решении вопросов правового характера в сфере свободы совести как заведомо не отвечающего принципам права;

— уголовно-правовая защита общества от возможных злоупотреблений в сфере свободы совести должна исключать специальную религиозную профилактику вследствие отсутствия четких правовых критериев этой сферы;

— ограничения прав должны учитывать сущность права на свободу совести в широком правовом звучании, не ставить его реализацию в зависимость от факторов, не

[34] См.: *Бурьянов С. А.* Новая парадигма свободы совести // Современное право. № 5, 7.

[35] *Любарский К. А.* История и перспективы развития правозащитной идеи // Просветительские семинары МХГ: Итоговый сборник материалов. М., 1999. С. 13.

имеющих четких правовых критериев, таких как государственно-конфессиональные отношения и государственная вероисповедная политика.

Правовое регулирование деятельности религиозных объединений, соответствующее эффективному правовому механизму реализации прав и свобод в сфере свободы совести, должно строиться с учетом следующих принципов:

— права объединений должны рассматриваться как производные от прав и свобод человека;

— регистрация религиозных объединений, как и иных общественных и некоммерческих, должна носить заявительный характер;

— подразумевается отказ от специального регулирования деятельности религиозных объединений, оно должно осуществляться на общих основаниях с иными объединениями;

— подразумевается отказ от специальных льгот для религиозных объединений, льготы могут предоставляться на общих с иными НПО основаниях;

— подразумевается отказ от специальных религиозных административно-правовых ограничений с целью профилактики противоправной деятельности в сфере свободы совести со стороны религиозных объединений;

— административно-правововое регулирование деятельности религиозных организаций (как и иных общественных некоммерческих объединений) должно осуществляться только в пределах и объеме, связанных с их деятельностью в качестве юридических лиц и на предмет соответствия некоммерческому статусу[36].

Кроме научной разработки и совершенствования нормативно-правовой базы законодательства о свободе совести на основе максимально широкой концепции свободы совести, необходимо следующее:

— совершенствование правоприменительной практики;

— приведение государственной политики в области свободы совести в соответствии с Конституцией России;

— соблюдение принципов светскости государства, равенства религиозных объединений, идеологического многообразия;

— прекращение религиозной политики государства;

— разработка и реализация антикоррупционной стратегии в отношениях государства с религиозными объединениями;

— прозрачность в информировании общественности об отношениях государства с религиозными объединениями.

— адекватное освещение проблематики свободы совести СМИ;

— преодоление доминирования специальных интересов власти и конфессиональной бюрократии;

— преодоление политизации религии и клерикализации политики;

— восприятие идеалов свободы совести религиозными конфессиями;

— восприятие идеалов свободы совести политическими лидерами и партиями;

— реформирование деятельности государственных правозащитных структур в области защиты свободы совести;

— устранение тематического пробела в области защиты свободы совести правозащитными НПО;

[36] Гражданские права человека в России: Современные проблемы теории и практики. Волгоград, 2004. С. 248—250.

— проведение мониторинговых исследований в области свободы совести и области отношений государства с религиозными объединениями, включая долгосрочные тенденции концептуального характера и трансформацию законодательства;

— системная просветительская работа по вопросам свободы совести.

На основе выявленных стратегических подходов к преодолению кризиса свободы совести представляется возможной выработка рекомендаций, направленных на реализацию конституционных принципов свободы мысли, совести и религии.

Научно-экспертному сообществу:

— осуществить научно-теоретическую и методологическую разработку проблематики свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями на основе комплексного междисциплинарного подхода;

— осуществить научную разработку темы квалификации и процедуры привлечения к ответственности чиновников категории «А» за коррупцию в области отношений государства с религиозными объединениями;

— усилить методологическую ответственность при решении вопросов, связанных с реализацией свободы совести и ее ограничениями, не допускать правового нигилизма, использования неправовых принципов и некорректных понятий, например таких, как «традиционные» — «нетрадиционные» религиозные организации, «секты», «тоталитарные секты», «духовная безопасность», «экстремизм», «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», «исламский терроризм».

Государству:

— реформировать деятельность государственных научно-образовательных учреждений в области свободы совести;

— разработать и внедрить государственные образовательные стандарты в области прав человека, включая свободу мысли, совести и религии;

— реформировать законодательство о свободе совести и деятельности религиозных объединений;

— разработать комплекс мер по обобщению и совершенствованию правоприменительной практики;

— реформировать систему взаимодействия государства с религиозными объединениями;

— реформировать систему государственной службы, связанной с отношениями государства с религиозными объединениями.

— реформировать государственную информационную политику в области свободы совести, государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений;

— реформировать деятельность государственных правозащитных структур в области свободы совести;

— разработать и внедрить эффективную систему взаимодействия с НПО по вопросам реализации прав человека, свободы совести и светскости государства.

Политическим лидерам и партиям:

— провести ревизию программных документов на предмет корректировки вопросов, связанных со свободой совести, толерантностью, ксенофобией;

— политическим лидерам отказаться от ксенофобской риторики и понятий, разжигающих религиозную рознь и нетерпимость, таких как «традиционные» — «нетрадиционные» религиозные организации, «секта», «тоталитарная секта», «духовная безопасность», «религиозный экстремизм», «исламский терроризм».

СМИ:

— при освещении проблематики, связанной со свободой совести руководствоваться Конституцией России и решением Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ № 4 (138) от 12 февраля 1998 года, не допускать тенденциозности в подаче информации, ксенофобских штампов и использования оскорбительных ярлыков, разжигающих религиозную рознь и нетерпимость, таких как «секта», «тоталитарная секта», «религиозный экстремизм», «исламский терроризм».

Правозащитным НПО:

— разработать стратегию и тактику правозащитного движения, организовать системную работу по реализации свободы совести на всех уровнях — науки и образования, законодательства и законотворчества, правоприменения, СМИ;

— сформировать экспертный блок на основе взаимодействия с научно-педагогическим сообществом по вопросам свободы совести и организовать его работу;

— провести серию семинаров для руководителей НПО по проблематике свободы совести, государственно-конфессиональным отношениям и политике государства с целью преодоления ксенофобии и нетерпимости в правозащитной среде;

— провести серию семинаров для государственных правозащитников по проблематике свободы совести, государственно-конфессиональным отношениям и политике государства с целью преодоления ксенофобии и нетерпимости;

— противодействовать антиконституционным тенденциям трансформации законодательства о свободе совести и деятельности религиозных объединений;

— осуществлять системную независимую экспертизу долгосрочных тенденций, законодательства, законотворческого процесса в области свободы совести;

— инициировать позитивные изменения законодательства в области свободы совести;

— разработать принципы и механизмы взаимодействия с институтами государства по вопросам реализации свободы совести;

— развивать взаимодействие со СМИ в области реализации свободы совести и противодействия религиозной ксенофобии, нетерпимости и дискриминации;

— провести серию семинаров для журналистов по проблематике прав человека, свободы совести, государственно-конфессиональным отношениям;

— развивать систему гражданского образования по правам человека (включая свободу совести) и вовлечение в нее как НПО, так и представителей органов власти всех уровней;

— разработать эффективные методологию, методики и инструментарий правозащитного мониторинга в области свободы совести, противодействия религиозной ксенофобии, нетерпимости и дискриминации;

— организовать проведение системных мониторинговых исследований в области свободы совести, противодействия религиозной ксенофобии, нетерпимости и дискриминации во всех регионах Российской Федерации;

— создать структуру (коалицию НПО) на основе партнерства и общих действий с целью широкой общественной поддержки защиты свободы совести и борьбы с ее нарушениями;

— создать независимую общественную комиссию по расследованию антиконституционной религиозной политики и коррупции в сфере отношений государства с религиозными объединениями;

— создать систему гражданского контроля за отношениями государства с религиозными объединениями (независимую от власти и конфессиональной бюрократии, подразумевающий автономность лиц и структур осуществляющих контроль).

Мировоззернческим (в т. ч. религиозным) лидерам и организациям:

— дистанцироваться от политики и по возможности противодействовать политизации религии и клерикализации политики;

— осознавать ответственность перед последователями и обществом;

— помнить, что принадлежность мировоззренческих (в т. ч. религиозных) организаций к институтам гражданского общества определяется прежде всего их независимостью от даров государства;

— предавать гласности факты нарушений в области свободы совести;

— использовать правовые механизмы для защиты нарушенных прав.

Послесловие

В самом широком смысле необходимо осознать свободу совести как глобальную общечеловеческую проблему.

Решение глобальных проблем человечества возможно только путем интеграции, что подразумевает пересмотр комплекса национальных приоритетов и инфраструктур, а возможно, отказа от государственного суверенитета, или по крайней мере от его части.

С учетом глобализации, выдвигающей требования интеграции, современная политическая система на базе национальных государств все в большей мере становится анахронизмом, не успевающим отвечать вызовам нового времени. Однако именно национальные государства служат отправной точкой для формирования единой мировой системы, призванной на новом уровне решать глобальные проблемы, стоящие перед человечеством.

В этой связи эффективный правовой механизм реализации права на свободу совести — необходимый фактор преодоления разделительных принципов, являющихся основой существования традиционных политических структур — условие формирования политического руководства национальных государств, способного осуществлять интеграцию в мировое сообщество.

От реализации права на свободу совести для каждого, вне разделительных принципов, в виде формирования соответствующего правового механизма, зависит способность общества оградить религию от использования в политических целях и избежать разжигания межэтнических и межконфессиональных конфликтов в качестве средства в борьбе за передел мира.

От реализации этого системообразующего права и преодоления во многом искусственного политического разделения зависит не только адекватность ответов людей вызовам глобализации, но и то, какая ее концептуальная модель победит: модель «золотого миллиарда», т. е. глобализации разделения и несправедливости, или модель справедливого мира с равным правом на достойную жизнь для каждого гражданина планеты. В свою очередь от победы справедливой модели зависит способность человечества к решению глобальных проблем, а значит, и выживание человечества.

Moscow Helsinki Group, Liberty of Conscience Institute

A. V. Babushkin, S. A. Burianov, V. V. Lukhovitsky, S. A. Mozgovoy, M. N. Sitnikov

Freedom of thoughts, conscience, and religion in modern Russia. Specialized analytic report.

This scientific monograph is dedicated to investigation of state of freedom of thoughts, conscience and religion in modern Russia. The report was made by famous human rights activists and researchers in the field of freedom of conscience. Constitutional guaranties and laws, lawmaking activities and judicial practice, as well as tendencies of the situation with freedom of conscience in the sphere of science and education are examined in this book.

Problems of realization of freedom of conscience in governmental and municipal schools, armed forces, places of detention, etc are analyzed in details.

Investigation contains multiple facts of religious discrimination, xenophobia, intolerance and violence in 2005 — beginning of 2006 as well as reflects the situation with human rights.

The report also represents position and attitude of state and political leaders, parties, movements, religious organizations, and mass media to the given question.

Results of research reveal causes of crisis of freedom of conscience in modern Russia and determine strategic approaches and guidelines of how to improve this situation.

This book will be useful for large layers of specialists interested in problem of realization of freedom of conscience in modern Russia.

Научное издание

СВОБОДА УБЕЖДЕНИЙ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Специализированный информационно-аналитический доклад

Компьютерная верстка *Н. В. Костенко*
Редактор *М. В. Корсунская*

Подписано в печать 14.02.2007. Бум. офсетная. Формат 70×100/16.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 21,93. Уч.-изд. л. 20.
Московская Хельсинкская группа. 107045, Москва, Б. Головин пер., д. 22, стр. 1.
Тел./факс (495) 207-6069. E-mail: mhg-main@online.ptt.ru. Адрес в Интернете: www.mhg.ru.
Типография «Микопринт». 109280, Москва, ул. Автозаводская, д. 13/1.
Распространяется бесплатно.